

Н. С. ШУХОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
СОЦИАЛИЗМА**

В 20-е ГОДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. С. ШУХОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
СОЦИАЛИЗМА**

В 20-е ГОДЫ

МОСКВА

«НАУКА»

1991

ББК 65.02
Ш 98

Ответственные редакторы

академик Н. П. ФЕДОРЕНКО,

доктор экономических наук В. С. ДАДАЯН

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор Ю. Ф. ВОРОБЬЕВ,

доктор экономических наук, профессор А. А. СЕРГЕЕВ

Редактор издательства Т. Е. Филиппова

Шухов Н. С.

Ш 98 Политическая экономия социализма в 20-е годы. — М.:
Наука, 1991. — 311 с.
ISBN 5-02-012016-2

В книге впервые представлены все основные идейно-политические и методологические направления по вопросам социализма, связанные с процессом становления и развития социалистической экономики. Показана основополагающая роль работ В. И. Ленина в разработке проблем социалистического хозяйствования, сущности и цели социализма. Большое внимание уделено работам А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова, А. Ф. Кона, С. А. Бессонова, Е. А. Преображенского и других марксистов, методологическим основам их социалистических учений. Впервые рассматриваются работы по социализму представителей немарксистских течений экономической мысли — А. А. Исаева, М. И. Туган-Барановского, В. Я. Железнова, А. А. Мануйлова, В. В. Святловского и других ученых. С новых позиций освещены воззрения мелкобуржуазных демократов — меньшевиков, эсеров и др. Большое внимание уделено методологическим вопросам политической экономии социализма.

Для широкого круга читателей.

Ш 0602010300-343 798 — II полугодие 90
042(02)-91

ББК 65.02

ISBN 5-02-012016-2

© Издательство «Наука», 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процесс социалистического обновления нашего общества требует глубокого переосмысления форм и методов социалистического строительства. Они должны быть нацелены на достижение нового качественного состояния всего нашего социально-экономического строя на основе резкого усиления действенности политического руководства экономикой, вовлечения широких масс трудящихся в сферу управления, всемерной демократизации и возрождения ленинских принципов социалистического хозяйствования. Застой и деградация современных экономических структур могут быть преодолены лишь путем борьбы за претворение в жизнь новых форм и методов социально-экономической политики, нацеленной на всемерное развертывание экономических методов управления нашей экономикой. Борьба с догматизмом и начетничеством, с засильем бюрократизма и рутинности в идеологической области, как и в остальных сферах экономической и духовной жизни нашего общества, требует мобилизации всех интеллектуальных сил на создание подлинно революционной программы социально-экономического развития, опираясь на реформу политической системы социализма.

Следует заметить, что и в годы длительного застоя и деформации социалистических методов руководства наша общественно-экономическая мысль не стояла на месте: при всем начетничестве и догматизме, присущих работам по теоретической политической экономии, последняя все более обогащалась принципиально новыми методами экономического анализа, разрабатываемыми прежде всего в рамках экономико-математического направления в нашей науке. Несмотря на все противодействия консервативных сил в рамках нового направления разрабатывались методы системного анализа социально-экономических процессов, обновлялся сам математический инструментарий этого анализа, обосновывались глубокие рекомендации по совершенствованию организационных структур управления, принципов рационального ведения хозяйства, методов совершенствования системы производственных отношений с помощью новейших инструментальных средств и принципа оптимальности.

Разумеется, длительные годы застоя, отторгавшие как «неприемлемые» принципиально новые методы хозяйственного руководства и управления, не могли не сказаться на всем облике советской экономической науки. Борьба консервативных сил против

всего нового и передового в идеологической области и в практике социалистического хозяйствования затормозили, а во многом исказили сам подход к революционной перестройке системы социально-экономических отношений. В политико-экономической литературе стали обычными восхваление командно-волевых и бюрократических методов руководства под флагом защиты «плановности» и «государственного подхода» к управлению социалистической системой хозяйствования. Начисто отвергались даже самые обычные представления об имманентно присущих социализму экономических методах управления, о необходимости развертывания хозрасчетных начал, на которых настаивал В. И. Ленин. По существу, сторонники административно-командных методов управления подвергали ревизию элементарные основы ленинского наследия, а иногда и прямо критиковали ленинские установки как «несоответствующие» и «устаревшие» для новых условий хозяйственного развития. Пресловутая борьба «товарников» и «антитоварников» заслонила необходимость творческого развития ленинских принципов хозяйствования, сам ленинский подход к анализу системы социалистических производственных отношений, всего экономического бытия. Лишь в рамках экономико-математического направления, как это может показаться страшным, впервые были возрождены ленинские принципы анализа системы отношений собственности, процессов развертывания базисных отношений во всем богатстве их содержания — в отличие от тех «хранителей» ленинского наследия, которые даже отношения собственности трактовали в духе юридически-волевых подходов, не имеющих ничего общего с классическим наследием.

Вот почему нам представляется чрезвычайно актуальным исследование опыта идейной борьбы на этапе становления социалистического строя, когда формировались адекватные природе социализма методы и формы социалистического строительства. В предлагаемой книге разносторонне показаны поиски подлинно научных представлений об экономической, политической и философской сущности социализма и как течения социально-экономической жизни, и как наиболее развитого идеала сознательной перестройки всех сфер общественной жизни. Ленинское наследие утверждалось в острой и порой непримиримой борьбе за претворение в жизнь «начал» социализма, за творческое развитие учения основоположников научного социализма. Социалистический идеал был сведен на почву конкретной и научной реально функционирующей системы воззрений, призванной стать основой хозяйственной практики. Именно эта практика стала «пробным камнем» для всех социалистических учений, в том числе и социалистических воззрений представителей разных классов и социальных групп. Превращение социализма из утопии в науку осуществлялось в процессе ожесточенной борьбы против феодального, буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Точно так же и становление ленинизма в вопросах социалистической организации хозяйства

осуществлялось в борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных концепций социализма.

В этой связи нельзя не отметить важность и актуальность анализа ленинской теории революции и ленинского плана построения социализма, содержащегося в данной работе. Автор не повторяет многочисленные труды советских историков, акцентируя внимание на тех проблемах ленинского наследия, которые были актуальны в 20-е годы и которые имеют жизненно важное значение в современных дискуссиях по вопросам социалистического строительства. Ленинская программа социалистической революции, анализ Лениным предпосылок и условий победы социализма в нашей стране сохраняют жизненную силу и действенность в современных условиях, когда процесс революционного обновления существующего ныне социально-экономического строя нацелен на возрождение ленинских идей. То же можно сказать и о ленинском плане построения социализма, предполагавшего преобразование всех сторон общественной жизни на демократической и правовой основе, что крайне важно для создания современных условий хозяйственной демократии и подлинно гуманистической социалистической системы хозяйствования.

Особо следует отметить проведенный в данной работе анализ ленинских принципов социалистического хозяйствования, ленинских заветов об использовании товарно-денежных отношений и полного хозяйственного расчета для социалистической организации хозяйства. В современных условиях эти ленинские заветы приобретают исключительно важное значение, ибо только на базе полного хозяйственного расчета возможно обновление всего хозяйственного механизма. Односторонность исторической оценки некоторыми «антитоварниками» ленинских принципов хозяйственного расчета в данной работе целиком преодолена, о чем свидетельствуют прямые указания В. И. Ленина, приводимые в данной работе. Забвение этих положений ленинизма тяжело отразилось на практике хозяйственного строительства в нашей стране, и поэтому возрождение их на новой основе является условием и фактором обновления всей политической экономии социализма.

В первой части данной работы впервые дано всестороннее исследование становления и развития политической экономии социализма, причем показан вклад в развитие этой науки социалистических учений А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова и многих других марксистов, дополнивших ленинский анализ социалистических принципов организации нового общественного строя. Несомненное достоинство работы — анализ методологических основ указанных социалистических учений, что является принципиально новым моментом, тем более что автор делает «переоценку ценностей», показывая важность формирования методологических основ политической экономии социализма. Сопоставление теории советского хозяйства, разработанной в 20-е годы, и последующего развития политической экономии социализма может

послужить плодотворной базой для понимания недостатков и упущений в современном состоянии этой науки.

Становление политической экономии социализма освещено на широком фоне социально-экономических условий идейной борьбы вокруг социалистического мировоззрения как самого стройного и наиболее глубокого мировоззрения современности. Автор впервые остро ставит вопрос о возможных альтернативах построения социализма, резко противопоставляя ленинскую альтернативу сталинским методам «подстегивания» социалистического развития, которые привели к неисчислимым жертвам со стороны народа нашей страны. По мнению автора, ленинская альтернатива, защищавшаяся, в частности, Н. И. Бухариным, была не выдуманной, а реальной альтернативой сталинским административно-волевым методам хозяйственного строительства.

Постановка вопроса об альтернативных вариантах социалистического развития важна не только для показа исторической правды, но и для проблемы выбора подобных альтернатив в современных условиях хозяйственного строительства. Сама революционная перестройка служит своего рода альтернативой административно-командной системе хозяйствования, в корне противоречащей ленинским заветам. Возрождение научного понимания путей и способов социалистических преобразований нужно поставить в заслугу современной экономической науке, опирающейся на ленинские идеи, которые в свое время были искажены практикой сталинизма и брежневщины. Опыт социалистического развития в 20-е годы, прерванного на длительный срок эпохой сталинизма, помогает нам сегодня выбрать правильную, научную альтернативу проведения в жизнь реформы политической системы и системы хозяйственного руководства.

Автор показывает, что возведение в «закон» единственно возможного пути построения социализма в корне противоречит задачам и методам выбора альтернатив, без чего немислимы сами возможности разнообразных форм социалистической организации хозяйства. Поэтому нам представляется важным исследование не только марксистских, но и немарксистских теорий социализма, которые содержали ряд ценных идей и помогают ныне выбору альтернатив хозяйственного руководства. Реальные альтернативы существовали не только в 20-е годы, но и на последующих этапах социалистического развития, например после XX съезда партии, но эти альтернативы не были реализованы. Однако утверждение, будто мы двигались по единственно возможному пути, не соответствует действительности.

Широкий диапазон социалистических воззрений, анализируемых в данной работе, показывает всю сложность и актуальность анализа всех возможных путей социалистического развития. Нужно понять, что в 20-е годы только становились методы и пути социалистических преобразований, так что наивные подчас социалистические воззрения объяснялись спецификой той эпохи. Поэтому присущая многим современным историкам амбиция

в исторической оценке прошлых социалистических учений должна быть преодолена, и автор делает первые шаги в этом направлении. Необходима вдумчивая, глубоко научная история нашей страны, в том числе и история социалистических учений.

Несмотря на дискуссионность ряда проблем, предлагаемая читателю книга поможет углубить научное понимание истории социалистических учений в нашей стране, глубже и по достоинству оценить всю важность этих учений, которые далеко не всегда соответствовали классическому наследию, но которые стали важной вехой в истории идейной борьбы по коренным вопросам социализма. Книга представляет большой научный интерес, и она бесспорно окажется нужной и полезной.

Академик **Н. П. Федоренко**

Доктор экономических наук, профессор **В. С. Дадаян**

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы социализма занимали видное место в истории общественно-экономической мысли с самого ее зарождения и до настоящего времени. Еще в Древней Греции в самых первых утопических теориях люди мечтали о совершенном строе, который обеспечил бы процветание и счастье для большинства людей. Как бы ни различались между собой разные социалистические теории, в них главное место занимал человек с его нуждами, потребностями и чаяниями. Социалистический идеал привлекал лучшие умы человечества именно потому, что он призван был избавить человечество от нищеты и разорения, угнетения и эксплуатации, порабощения одних социальных групп другими. Первоначально социалистический идеал развивался в форме разного рода «утопий»; реализация этого идеала отодвигалась в отдаленное будущее, хотя наука в лице своих лучших представителей доказывала принципиальную возможность такой реализации.

Противопоставление науки и утопии всегда было методологически несостоятельным, поскольку даже в рамках «утопического социализма» было немало ценного, что является ныне условием и фактором общественного прогресса. «Противопоставление науки и утопии, — писал еще М. И. Туган-Барановский, — несостоятельно в том отношении, что наука и утопия отнюдь не являются противоречащими понятиями. Утопия не есть вздор или нелепость. Утопия — это идеал. Всякий идеал содержит в себе нечто неосуществимое, бесконечно далекое и недоступное, мечту, некоторое присущее нашей духовной природе стремление выйти из пределов возможного, подняться над миром явлений. Осуществленный, или, что то же, *осуществимый*, идеал потерял бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеал недостижим, ибо в противном случае это был бы не идеал, а простое эмпирическое понятие. Идеал принадлежит к числу таких идей нашего разума, как идеи бесконечности, свободы, долга, которые выходят за пределы опытного познания или ближайшей пользы и назначение которых заключается в указании направления, пути, следуя которым наш разум достигает своих высших целей — приведения к верховному единству опытного познания и практического дела. Идеал играет роль звезды, по которой в ночную пору заблудившийся путник выбирает дорогу; сколько бы ни шел путник, он никогда не приблизится к едва мерцающему, удаленному на неизмеримые расстояния светилу. Но

далекая, прекрасная звезда верно указывает путь, и ее не заменит прозаический и вполне доступный фонарь под руками»¹.

Именно такова притягательная сила социалистического идеала. Едва родившись на свет, этот идеал стал не только бесконечно удаленной звездой, но и постоянным спутником в повседневной жизни. Никакой иной идеал не породил столько мечтаний лучших умов человечества, ни один идеал не стал такой мощной силой социального движения. Даже религия — этот вечный спутник угнетенных и подавленных повседневными заботами людей — не имела столько научных и псевдонаучных исследований, сколько социалистический идеал, превратившийся постепенно в мощный социальный фактор общественного прогресса. Правда, обесценение духовной мощи социалистического идеала за последние десятилетия связано с тем, что социализмом стали называть какие угодно социально-экономические порядки вплоть до кровавого национал-социализма. Да и скороспелое объявление экономического строя в нашей стране «социалистическим» — при крайней нищете и разорении по всем линиям социального и научно-технического прогресса — также способствовало обесценению духовной мощи социализма.

Нельзя найти исторического оправдания для подобного социального явления. Однако мы уверены, что притягательная сила социализма постепенно возродится, его духовное наследие будет признаваться все более ценным, его научное обоснование станет все более глубоким. Присовокупив к себе общечеловеческие ценности, поднявшись выше классового эгоизма, современное социалистическое мировоззрение станет поистине важным фактором общественного прогресса. В настоящее же время среди многочисленных «научных» обоснователей социализма царит полная разноречивость, что наносит непоправимый ущерб социализму и как идеалу, и как социальному движению. Особенно страдает постановка проблем «человеческого фактора» — подлинной цели исторического творчества. Однако до недавнего времени запрещалось говорить об «очищении души» представителей социалистического движения, всячески поносились духовные ценности, выработанные человечеством в рамках иных социальных систем, а экономическое обоснование социализма осуществлялось на крайне низком теоретическом уровне.

Заметное оживление дискуссий по вопросам социализма в настоящее время вселяет надежду на возрождение духовной мощи социализма и как идеала и как фактора общественной жизни. Это связано, во-первых, с тем, что были признаны ошибки, противоречия в нашем обществе, в его социально-классовой структуре, что открывает путь к научному анализу исторического прошлого нашего народа. Правда, наша экономическая наука плетется в хвосте назревшего социального движения, не поднимаясь над описатель-

¹ *Туган-Барановский М. И.* Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 5-е изд. СПб., 1914. С. 67.

ством и начетничеством, схоластикой и талмудизмом, корявым комментаторством уже принятых решений.

Об этом, в частности, свидетельствует так называемый фундаментальный труд большого коллектива ученых «Экономический строй социализма» (в трех томах)², в котором даже не поставлены проблемы экономических и социальных противоречий при социализме, недостатков в хозяйственной практике, просчетов в экономической политике. Создается впечатление, что все в нашей действительности идет хорошо, реальные антагонизмы исчезли, общество стало социально однородным, лишенным противоречивых интересов. Социально-классовый подход к структуре общества заменен грудой не относящихся к политической экономии проблем, схоластика и талмудизм заслонили анализ реальной противоречивости социально-экономического развития, принципов рационального ведения хозяйства. Даже вопросы оптимального функционирования экономики отодвинуты «на задний план», хотя, как известно, принцип оптимума все более становится коренным методологическим принципом анализа и совершенствования производственных отношений. Такое приукрашивание нашей экономической реальности вряд ли способствует позитивной разработке проблем социалистического хозяйствования.

Указанные недостатки были присущи всем учебникам по политической экономии, написанным до начала перестройки. Это относится и к учебнику «Политическая экономия» под редакцией академика А. М. Румянцева и к «Курсу политической экономии» под редакцией профессора Н. А. Цаголова. В них разделы о социалистическом строе были не просто описательными, как утверждает академик С. С. Шаталин, а явно апологетическими, имевшими целью всячески приукрасить жизнь и быт советских людей. Нам нет необходимости описывать способы апологетики социалистического строя в этих учебниках, ибо они общеизвестны. Мы только заметим, что в этих учебниках всячески принижалась роль отдельной личности как подлинной самоцели социализма: ей отводилась второстепенная роль — роль ресурса, а не подлинной самоцели, которой должны быть подчинены все действия планирующих и управляющих органов, да и сама система производственных отношений. В этом отношении все прежние учебники по политической экономии уступали даже учебнику М. И. Туган-Барановского, провозгласившего ценность и равноценность человеческой личности в качестве основания единой политической экономии как науки.

В новом учебнике «Политическая экономия» под редакцией В. А. Медведева несомненным достоинством является выделение главы «Человек в системе современного общественного производства». Это означает, что авторы в основном правильно поняли главный социальный заказ, поставленный народом перед учеными-экономистами. Однако эта плодотворная идея не получила

² Экономический строй социализма. М.: Экономика, 1984. Т. I—III.

раскрытия в содержании указанного учебника, в особенности при анализе целевой функции социалистического хозяйства, призванной раскрыть богатство человеческой природы во всех ее проявлениях. Глава осталась декларативной, в ней нет даже упоминания о человеке как подлинной «самоценности».

Главный недостаток политической экономии социализма — это почти полное отсутствие в ней проблемы так называемого человеческого фактора — человеческой личности во всем богатстве ее жизненных проявлений. Начисто забыт гениальный тезис К. Маркса о том, что в будущем обществе естественные и гуманитарные науки соединяются в одну науку — науку о человеке. В политической же экономии человек рассматривается либо как потребитель, либо как трудовой ресурс. Между тем современная наука должна исследовать человека прежде всего как «живую личность», как своеобразную «цель в себе», которой должны быть подчинены все действия планирующих и управляющих органов. Провал всех предшествующих хозяйственных реформ состоял именно в том, что человеку отводилась второстепенная роль ресурса, а не главной цели. Удивительно, что и ныне, в условиях гласности и роста демократизации управления, человеку по-прежнему отводится та же роль — роль ресурса, несмотря на все заверения о необходимости учета «человеческого капитала».

Приятным исключением из этого правила является коллективный труд «Очерки политической экономии социализма» под редакцией академика Н. П. Федоренко³. В нем четко и ясно указано, что одна из главных причин отдаленности официальной политической экономии от запросов жизни — отсутствие комплексного обществоведческого подхода к анализу производственных отношений, не только преобладание «технизма» в отношении самого человека, но и стремление «разделить на части» единое социалистическое мировоззрение, освещение предмета нашей науки по отдельным «полочкам» при всей ограниченности такого подхода, отнюдь не свойственного общественной науке.

Как показано в упомянутой книге по политической экономии, главная проблема — это восстановление целостного обществоведческого подхода, органически присущего марксистско-ленинской науке как «целостной идеологии», несовместимой с попытками официальной науки «разложить по полочкам» отдельные стороны единой общественной жизни, в которой человек всегда функционирует как «целостная личность», а не в каком-либо определенном «технологическом срезе». Призывы активизировать «человеческий фактор» только тогда достигнут цели, когда человек в системе общественных отношений будет рассматриваться во всем богатстве его жизненных устремлений, а не только как элемент производительных сил.

³ Очерки политической экономии социализма / Под ред. академика Н. П. Федоренко. М.: Наука, 1988.

Отсюда виден и другой недостаток официальной политической экономии — это отсутствие анализа собственного предмета этой науки — системы социально-экономических отношений с их главной сердцевинной — отношениями собственности на условия и продукты производства. Собственность не рассматривается как «экономическая власть», определяющая собой все другие отношения в данном обществе. В нашей литературе лишь в последние годы стали появляться исследования человека как субъекта производственных отношений, как главного «хозяина» во всех общественных делах. Поэтому вторая проблема ликвидации отдаленности политической экономии от запросов жизни — это повышение социальной направленности политэкономических исследований, в том числе и их социальной эффективности. От решения этой проблемы, на наш взгляд, как раз и зависит анализ человека как «целостной личности», поскольку «пытаться расчленить его на части» — значит содействовать росту его отчужденности в существующем социально-экономическом строе, а положение человека как главного субъекта этого строя требует отношения к нему как центральной фигуре в системе отношений собственности.

Отсюда виден, на наш взгляд, и третий важный фактор отставания официальной общественной науки от запросов жизни — почти полное забвение классово-политического подхода к анализу системы общественных отношений. Много и красочно говорится о партийности общественной науки, а на деле мы не имеем почти ни одного политэкономического сочинения, анализирующего социально-классовую структуру современного советского общества. Провозгласить принцип партийности — это еще не значит конкретно реализовать его в процессе социального анализа структуры общества, показать рост противоречий и конфликтов, антагонизма социальных интересов. В недавнем прошлом даже сама постановка вопроса о возможности существования противоположных интересов при социализме вменялась в вину как не отвечающая классическому наследию.

Постановка же вопроса о противоречии интересов «управляющих» и «управляемых» в годы застоя объявлялась просто ненаучной и непартийной. Засилье бюрократизма в социально-экономической сфере и в сфере управления тщательно затушевывалось, так называемый партийно-административный слой, который ныне является главной консервативной силой, препятствующей углублению революционной перестройки, был вне критики, вне сферы научного анализа его специфических интересов, отнюдь далеко не совпадающих с интересами «простого народа», а подчас прямо противоположных ему. Считалось, что высокое служебное положение в иерархически построенной социальной системе неизбежно должно сопровождаться и большим вознаграждением за «труд», причем не в соответствии с его количеством и качеством, а просто в силу «реального положения в обществе». Присвоение дополнительных взятых из общественных фондов потребления разного рода благ и услуг, разумелось вполне нормальным явлением,

а борьба против «уравниловки» на деле подменялась борьбой за бесплатное получение благ ввиду якобы исключительной сложности «управленческого труда». Подобное издевательство над принципом социальной справедливости служит и сейчас главным источником противоречий и конфликтов в современном советском обществе.

В книге «Очерки политической экономии социализма» совершенно справедливо критикуются факторы и механизмы торможения на пути создания новой политической экономии социализма, которая должна стать действенным орудием революционного обновления социалистического строя. Вовлечение трудовых коллективов, всех трудящихся масс в орбиту революционного обновления нашего строя, сильно деформированного за годы сталинщины и брежневщины, с их культом насилия и подавления интересов «простого народа», жизненно необходимо для успешного развития перестройки и углубления социальной революции, начатой по инициативе «сверху». Успехи роста революционных тенденций возможны именно при подъеме инициативы и самостоятельности масс, творящих демократию по-своему, не считаясь с попытками консервативных сил воспрепятствовать росту этих революционных тенденций. Вот почему крайне важно исследование исторического процесса революционного творчества масс, которое на заре нашего социалистического строя стало мощным фактором революции.

Изучение процессов революционного творчества масс в 20-е годы неотделимо и от изучения процессов слияния этого творчества с развитием самих социалистических учений, под знаменем которых и проходила первая в мире социалистическая революция. Исторический опыт идейной борьбы в 20-е годы должен стать примером бескомпромиссного творчества масс, увлеченных социалистическим идеалом, и процессом совершенствования самого этого идеала в представлениях всех идейно-политических течений того времени — практического торжества марксистско-ленинского учения о социализме. Идеиная борьба за социализм сливалась с творчеством народа, увлеченного идеей социализма и готового пойти на любые жертвы ради победы нового общественного строя. Без энтузиазма масс, трудовых коллективов были бы невозможны те революционные завоевания, которые с 1929 г., несмотря на наличие этого энтузиазма, были отодвинуты на длительный срок действием контрреволюционных, реставраторских элементов в связи с утверждением культа личности И. В. Сталина, предавшего подлинно научный, гуманистический, демократический по своей природе социализм ради установления своей собственной диктатуры, надолго отбросившей конкретную реализацию высоких гуманистических основ современного социализма.

Идейная борьба в 20-е годы вокруг социализма как идейно-политического течения и как нового идеала организации общества является образцом непримиримой теоретической полемики во имя воплощения в жизнь этих высоких идеалов социализма. Участие в этой борьбе абсолютно всех ин

сил

нашего общества придает особый смысл самому социальному содержанию социалистического идеала, увлекательная сила которого никем не подвергалась сомнению вплоть до реставраторских тенденций в социализме. Именно участие всех социальных слоев и групп населения нашей страны, всех представителей политических партий и просто идейных течений вокруг социалистических идеалов придает особую привлекательность и актуальность исторического исследования этих исключительно интересных процессов.

Мы не можем в одной работе проследить все перипетии идейной борьбы в 20-е годы по проблемам становления и развития нового социалистического строя, но мы старались строго придерживаться ленинского классово-политического подхода к анализу социально-экономической мысли, когда необходимо брать за основу «не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных течений и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов»⁴. Этим объясняется наш подход к выделению трех главных идейно-политических течений в 20-е годы — революционного социалистического учения, социалистических воззрений буржуазных ученых и, наконец, мелкобуржуазного социализма. Два последних течения, как известно, потерпели полное поражение в ходе идейной борьбы, но изучение их содержания, на наш взгляд, существенно дополняет исследование исторических судеб мирового социализма и как идейного течения, и как формы общественного устройства.

В соответствии с выделением главных идейно-политических течений и их классового содержания в книге рассматриваются марксистско-ленинское учение о социализме и путях его построения в нашей стране, а также концепции буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Мы считаем своим долгом с новых позиций дать классовую оценку не только указанных течений, но и их методологических оснований, объективной роли и непосредственного содержания социалистических воззрений. Нам пришлось в корне пересмотреть существующие исторические и политические оценки как отдельных представителей социалистических учений, так и целых течений общественной мысли, не ограничиваясь при этом вопросами социализма, но и давая анализ общеполитических подходов к самим социалистическим построениям. В книге много принципиально новых исторических оценок уже известных учений философской, социологической и экономической мысли, ибо без такого анализа невозможно дать исследование исторической роли самих социалистических учений.

В нашей литературе до сих пор отсутствует комплексный анализ экономических основ и содержания дискуссий 20-х годов по вопросам социализма. Много книг и монографий посвящается истории формирования и развития ленинских взглядов по вопросам социалистического строительства, но в них работы В. И. Ленина освещаются в отрыве от общего состояния социалистических

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 151.

учений разных классов общества, существовавших в этот период истории нашей страны, который, даже по признанию западных историков, отмечен «живыми и яркими дебатами». Поэтому даже при освещении процессов формирования и эволюции ленинизма на разных этапах становления и развития социалистической экономики нельзя отвлекаться от общего духа и направленности идейной борьбы вокруг центральных проблем той эпохи. Мы не претендуем на полноту освещения всего богатства ленинских идей, но напомним гениальные указания В. И. Ленина о том, что коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Эти указания важны и для понимания содержания самих ленинских идей. В нашей литературе царит полный разноречивый в освещении ленинского наследия по вопросам социализма, ибо одни авторы акцентируют внимание на тех высказываниях В. И. Ленина, которые им «выгодны» в зависимости от их собственных конструкций социалистической организации хозяйства. Так, «антитоварники» длительно и упорно акцентировали внимание на высказываниях В. И. Ленина эпохи «военного коммунизма», в которых действительно преобладали антитоварные настроения, например на его высказывании о том, что продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, уже не товар, перестает быть товаром, превращается в продукт, идущий в общественное потребление не через рынок. На этом основании длительное время господствовало представление, что В. И. Ленину чужды идеи рыночной экономики, что он выступал против использования товарно-денежных отношений в практике социалистического строительства. На основе ряда положений В. И. Ленина выхолащивалась самая суть экономических методов управления, которые квалифицировались как разновидность «рыночного социализма». Последний особенно казался антиленинской концепцией, так что даже слово «рынок» изгонялось из содержания ленинского учения о социализме.

Напротив, высказывания В. И. Ленина, относящиеся к периоду обоснования новой экономической политики (нэпа), иногда трактовались в чрезвычайно широком плане как обоснование необходимости возрождения конкуренции и даже самого «чистого капитализма» как якобы наиболее адекватной системы хозяйствования, позволяющей решить все сложные проблемы использования товарно-денежных отношений. При этом замалчивалось, что ленинские идеи полного хозяйственного расчета и экономических методов хозяйствования противостояли буржуазным концепциям социализма как разновидности товарно-денежной системы хозяйства. Условия же и факторы проведения старой и новой экономической политики освещались В. И. Лениным на общем фоне сохранения командных высот в руках рабочего класса, что в принципе исключает свободную капиталистическую конкуренцию. Ленинские принципы социалистического хозяйствования формировались в процессе борьбы как против «правого», так и против «левого» толко-

вания нэпа как особой политики пролетарского государства, допускающего свободную торговлю и рыночный обмен, но сохраняющего свою главную социальную базу — социалистическую собственность на условия и продукты производства. Частная собственность, частная торговля осуществлялись в общих рамках социалистической по своему существу организации народного хозяйства, заинтересованного в укреплении рабоче-крестьянского блока в борьбе против самих основ капитализма свободной конкуренции. Поэтому экстремизм в исторической оценке ленинского наследия нам представляется просто неуместным.

В данной работе делается попытка (правда, очень краткая) дать сбалансированную историческую переоценку как ленинской программы социалистической революции, так и ленинского плана построения социализма в нашей стране. Краткость изложения объясняется тем, что мы не хотели бы вступать в прямую полемику с многочисленными современными историко-экономическими исследованиями ленинизма и старались сжато изложить даже те идеи В. И. Ленина, которые представляются дискуссионными. В работе приведены по существу самые бесспорные идеи вождя пролетарской революции как по вопросам самой революции, так по вопросам экономической, политической и философской сущности социализма.

Возможно, этот раздел нашей книги покажется менее интересным ввиду бесспорности тех ленинских идей, на которых мы сосредоточили свое внимание. Однако даже сжатое изложение учения В. И. Ленина о цели и сущности социализма, об отношении социалистической революции к государству, само обоснование необходимости замены капитализма новым общественным строем дается нами с позиций современного понимания этих проблем, свободного от преувеличения отдельных положений ленинизма, который просто явился развитием общих методологических, теоретических и исторических основ марксистского учения о социализме. Много нового, что было внесено В. И. Лениным в понимание природы и задач социалистической организации хозяйства, нельзя осветить в одном кратком разделе, но мы еще раз подчеркиваем, что В. И. Ленин (как и в вопросах возможности победы социалистической революции в одной стране) всегда опирался на прочный фундамент марксистского учения и всегда оговаривал те положения, которые он сам считал в практике реализации этого учения ошибками (как, например, об ошибочном понимании возможности форсированного введения принципов коммунистического производства и распределения в годы «военного коммунизма»).

Мы решительно выступаем против превращения ленинизма в «дубинку» для разгрома инакомыслящих, как это имело место в мрачные годы сталинизма. Даже бесспорные по существу идеи инакомыслящих противопоставлялись И. В. Сталиным тем или иным высказываниям В. И. Ленина, взятым вне общей концепции ленинизма, вне конкретных условий места и времени, когда высказывались эти идеи. Подобное издевательство над ленинским

наследием было весьма удобным средством расправы и уничтожения лучших кадров партии, сначала идейно, а затем и физически. Мрачное наследие сталинизма все еще является грозным оружием в руках нынешней бюрократии, которой некогда обращаться к первоисточникам, но которая охотно использует сталинские методы для обоснования своего политического и экономического господства. Так случилось, например, с использованием ленинского учения о диктатуре пролетариата, которое подавалось постоянно как учение, оправдывающее всякое насилие и произвол, как орудие разгрома подлинно научного демократизма и свободомыслия, всякого творческого подхода к решению экономических и политических задач нашей эпохи.

К сожалению, в большинстве работ по философии, истории и экономической сущности ленинизма допускается именно такой — вневременной — подход к критическим высказываниям В. И. Ленина по адресу тех или иных мыслителей, тех или иных политических деятелей или ученых. Так случилось, например, с ленинской критикой «богдановщины» как якобы, в корне антимарксистского учения во всех его аспектах, не говоря уже о философских взглядах А. А. Богданова, которые В. И. Ленин квалифицировал как «эклектизм» и «позитивизм». Некритически воспроизводя ленинские оценки, некоторые философы до сих пор убеждены в противоположности взглядов научного позитивизма всему марксистско-ленинскому наследию как в области философии, так и в области политической экономии. Ими игнорируется, например, исключительно высокая оценка В. И. Лениным «Краткого курса экономической науки» А. А. Богданова как непревзойденного до сих пор учебника по политической экономии. Критические оценки В. И. Ленина механически переносятся и на социалистическое учение А. А. Богданова, и на его «всеобщую организационную науку», заложившую основы кибернетики и общей теории систем.

В данной работе мы коренным образом пересматриваем существующие исторические оценки теоретического наследия А. А. Богданова. Мы не можем не высказать своего глубокого возмущения опубликованием после смерти автора — выдающегося советского философа Э. В. Ильенкова — его книги «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма»⁵. Сам Э. В. Ильенков вряд ли опубликовал эту книгу при жизни. В ней без всякой аргументации охаивается все теоретическое наследие А. А. Богданова, включая и его замечательные научно-фантастические повести «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Беспомощность Э. В. Ильенкова в оценке литературных достоинств, не говоря уже о положительном содержании книг А. А. Богданова, настолько очевидна, что мы не решились даже воспроизвести их здесь, чтобы не опорочить светлую память о замечательном советском философе. Его наивная

⁵ Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980.

и глубоко ошибочная «критика» так называемых трех китов богдановского учения (теории равновесия, принципа «экономии мышления» и даже «организационной» точки зрения), к сожалению, воспроизводится и в политико-экономической литературе, причем авторы даже не считают нужным воспроизвести подлинное содержание богдановского учения, а просто повторяют избитые и надоевшие упреки в «механической ревизии марксизма», распространяя эту «ревизию» не только на общефилософские, но и на социалистические воззрения А. А. Богданова — выдающегося ученого марксистского направления, значительно двинувшего вперед марксистское учение в разных направлениях, обогатив и возвысив приоритет советской науки.

Мы уже писали об огромном влиянии учения А. А. Богданова на формирование зарубежных концепций «всеобщей организационной науки»⁶, а здесь упомянем лишь тот факт, что только специалисты по системному анализу (например, академик А. Л. Тахтаджян)⁷ по достоинству оценили огромный вклад А. А. Богданова в мировую науку. Мы должны гордиться этим выдающимся и бескомпромиссным ученым, проложившим новые пути не только в кибернетике и общей теории систем, но и развитию самого социалистического учения, которым он дополнил свой гениальный «Курс экономической науки». Делая полную «переоценку ценностей» и не вступая в прямую полемику с якобы хранителями ленинского наследия, мы пытаемся показать позитивный вклад А. А. Богданова в мировую науку, в том числе и в развитие методологических основ мирового социалистического мировоззрения.

Конечно, мы не можем дать полную переоценку социалистических учений русских мыслителей, которым посвящена данная работа. Мы только хотим подчеркнуть, что без анализа методологических основ социалистических учений они повисают в воздухе, как это случилось, например, с историческими оценками вклада Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова, И. И. Рубина, Е. А. Преображенского, А. Ф. Кона и целого ряда других представителей марксистского направления в экономической науке, о вкладе которых в развитие социалистических учений даже не было и речи в недавнем прошлом. К примеру, можно сказать, что такой «хранитель» чистоты марксистско-ленинского учения, как М. А. Суслов, не позволил в «Экономической энциклопедии» даже упоминать имени Н. И. Бухарина, чтобы «начисто стереть» с лица земли память об этом выдающемся марксисте. В данной работе мы также заново пересматриваем методологические основы учения Н. И. Бухарина, не скрывая его ошибок, но и не выливая на него потоки клеветы, которыми иногда и теперь пытаются опорочить этого видного ученика выдающегося учителя — А. А. Богданова. Но

⁶ Шухов Н. С., Календжян С. О. Анализ экономических отношений социализма. М.: Наука, 1988. С. 18—20.

⁷ Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования, 1971. М.: Наука, 1972.

особенно важное значение мы придаем не столько общим социалистическим взглядам Н. И. Бухарина — этого видного деятеля партии и науки, сколько постановке им принципиального вопроса о возможностях альтернативных путей социалистического развития, о принципиально новой концепции, выдвинутой им накануне полной контрреволюции, устроенной И. В. Сталиным во имя якобы ускоренного построения социализма в нашей стране.

Мы впервые ставим вопрос и о пересмотре социалистического идеала пришедшего к марксизму выдающегося ученого, экономиста с математическим образованием А. В. Чаянова, которого так усиленно охаивали мнимые хранители марксистского наследия, что превратили его ныне уже в проповедника «гигантомании» в организации социалистического земледелия. Из активного пропагандиста преимуществ трудового крестьянского хозяйства и семейной крестьянской кооперации А. В. Чаянов превратился в апостола современного Агропрома, могущественных агроиндустриальных предприятий, совхозов-гигантов, мощных элеваторов и т. п. И все это приписывается А. В. Чаянову, который всю свою научную деятельность посвятил экономико-математическому обоснованию преимуществ семейной трудовой кооперации перед могущественными Левиафанами капиталистического земледелия. Подобная «реабилитация» А. В. Чаянова есть искажение позиций выдающегося экономиста, научные интересы которого настолько широки, что мы не решились осветить его наследие во всем его многообразии.

Этих кратких примеров, пожалуй, достаточно, чтобы показать наш принципиально новый подход к освещению и исторической оценке содержания и методологических основ самых разных социалистических учений. К сожалению, и мы иногда поддаемся сложившимся стереотипам исторических исследований, когда начисто отвергался вклад того или иного ученого в науку только на том основании, что он не клялся в верности марксизму-ленинизму. Так случалось прежде, так случается и теперь, когда нам недостает мужества переоценивать исторические факты (идеи), которые проповедовали «критики» марксизма с позиций других идейно-политических течений.

Мы попытались пройти трудный и нелегкий путь очищения социалистических учений представителей немарксистского направления от потоков грязи и клеветы, обрушиваемых на них еще и поныне, несмотря на то, что эти представители не могут нам уже ничего возразить. Громадная трудность историко-экономического анализа состоит в том, чтобы не заходить слишком далеко за рамки научной этики. Мы старались раскрыть на широком фоне процесс становления политической экономии социализма, дать краткую характеристику марксистско-ленинского направления, в том числе и трудов В. И. Ленина, оказавшего огромное влияние на развитие экономической науки в самых разных областях социалистического строительства, создавшего основы этой науки. Мы показываем огромное влияние Ленина на характер дискус-

сий по вопросам социализма, в том числе его понимания цели и сущности социалистического хозяйства. Представители самых разных течений социально-экономической мысли так или иначе выражали свое отношение к ленинскому наследию, которое вошло в золотой фонд марксистского учения.

Вместе с тем мы показываем самобытность и оригинальность целого ряда течений в советской экономической науке 20-х годов, в том числе и тех экономистов, которые не стояли в общем и целом на марксистских позициях. Но разработка проблем социализма этими экономистами, безусловно, оказала огромное влияние на становление политической экономии социализма, несмотря на отдельные недостатки и прямую критику марксистского учения о социализме. Некоторые из них были пионерами социалистического движения в России, и потому их труды заслуживают самого пристального внимания. Многие из них внесли и свой вклад в разработку отдельных сторон политической экономии социализма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Формирование политической экономии социализма началось задолго до установления социалистических производственных отношений. В многочисленных исследованиях, написанных в разное время, политическая экономия неоднократно ставила проблемы социалистической организации общественного производства, цели и сущности социалистического движения. В экономической литературе проблемы социализма получили всестороннее освещение в работах социалистов-утопистов, а позднее и в работах основоположников научного социализма. Длительный исторический процесс становления политической экономии социализма далеко не завершен и до настоящего времени. Богатый опыт социалистического движения требует всестороннего исторического обобщения, выявления наиболее важных, существенных характеристик социалистического строя как нового общественного способа производства.

Наиболее ценный опыт дискуссий по вопросам социализма накоплен, на наш взгляд, именно в истории социалистического движения в нашей стране, где социалистический строй прошел ряд ступеней или этапов, различающихся степенью зрелости социалистических производственных отношений. При этом становление политической экономии социализма осуществлялось в острой теоретической борьбе, когда экономическая теория социализма стала непосредственным орудием социальной практики. Именно при соприкосновении теории с действительностью стала очевидной та направленность социалистического движения, которая волновала лучшие умы человечества и служила опорой для народных масс в их борьбе против эксплуатации и угнетения. В самой экономической практике обнаружилось многие дефекты предшествовавших социалистических учений, причем не только дефекты учения великих социалистов-утопистов, но и ошибки самих «архитекторов» социалистического учения — классиков марксизма-ленинизма. История вносила свои коррективы в самые основы социалистического учения и в то же время подтвердила многие основополагающие принципы социализма.

В 20-е годы вырабатывались основы социальной практики,

социалистического мировоззрения как самого ведущего и основополагающего мировоззрения современности. Преобладающей методологией социально-экономических исследований социализма постепенно становится марксистско-ленинская идеология, формировавшаяся на основе обобщения опыта социалистического движения во всех странах. Опыт первых лет социалистического строительства стал «пробным камнем» не только для отдельных социалистических учений, но и для всего социалистического мировоззрения в целом. Оно включилось в процесс, как говорил А. А. Богданов, «миростроительства», т. е. идеологии построения самого совершенного типа общественного устройства. Естественно, что утверждение нового мировоззрения происходило методом «проб и ошибок», ибо до Октябрьской революции еще не было конкретного опыта социалистического строительства. Утверждение идей социализма шло в борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных концепций социализма, которые были идейно разгромлены в течение рассматриваемого периода.

Экономические дискуссии в переходный период формировались под непосредственным воздействием того размежевания идейно-политических направлений и группировок, которые сложились в результате Октябрьской социалистической революции и развивались в результате социально-экономического развития СССР. Объективной основой этого размежевания были экономические уклады и классы, как они складывались в этот период и взаимодействовали между собой.

Многоукладность экономики страны, сложное переплетение в ней отживающих и вновь зарождающихся отношений нашли непосредственное отражение и в экономической теории, в которой шла острая идейная борьба старого и нового по коренным вопросам хозяйственного строительства. Эта борьба отражала также состояние хозяйственной практики. Новые проблемы вызывали широкие дискуссии. Непосредственным объектом экономических дискуссий являлся социализм как реальный экономический строй, идущий на смену капитализму. В ходе дискуссий подводились первые итоги хозяйственного строительства, проверялись различные теоретические положения, вырабатывалась новая хозяйственная политика.

Принципиально новый момент в экономических дискуссиях переходного периода — образование и рост социалистического уклада в экономике страны, как объективной основы превращения марксизма-ленинизма в господствующее направление в экономической мысли. Переходный характер экономики был обусловлен сочетанием различных экономических элементов, но именно рост социалистического уклада позволил В. И. Ленину определить социалистическую Советскую республику именно как социалистическую, что означает «решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» ¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295.

В. И. Ленин подчеркивал, что никто, говоря об экономике России, не отрицает переходного характера этой экономики, а слово «переход» в применении к экономике означает, что «в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма»².

Социализм и капитализм были основными противоборствующими силами, определявшими процесс развития переходной экономики. В. И. Ленин указывал, что теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и социализмом лежит известный переходный период, который не может не соединять в себе черты или свойства обоих укладов общественного хозяйства. В. И. Ленин писал: «Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»³.

Борьба между капитализмом и социализмом составляла содержание целой исторической эпохи, которая отличается чертами переходного периода, которая насыщена классовой борьбой. Только мелкобуржуазные демократы отличаются полным забвением этой очевидной истины. Для них особенно характерно, по словам В. И. Ленина, «отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, пригупить острые углы»⁴.

Как уже отмечалось, главным вопросом в переходный период был вопрос о возможности победы социализма в одной стране, тем более что эта страна не имела достаточно высокого уровня развития, необходимого для социалистической революции. Обычно этот вопрос освещают с позиций И. В. Сталина, который якобы отстаивал и защитил ленинскую теорию о невозможности одновременной победы социализма во всех странах в силу неравномерности экономического развития в эпоху империализма и о возможности «прорыва» империалистической цепи в одном, наиболее слабом звене ее. Речь шла конкретно о нашей стране, где капитализм был, как писал В. И. Ленин, «среднеслабый», но в то же время и достаточно развитый, ибо в противном случае была бы невозможна социалистическая революция.

В этой связи следует заметить, что никакого нового «открытия» у В. И. Ленина не было. Обосновывая возможность победы революции первоначально в нескольких странах или же в одной, отдельно взятой, стране, В. И. Ленин опирался на общеизвестные положения К. Маркса о неравномерности развития капитализма при господстве товарного производства. Говоря о неправомочности лозунга Соединенных Штатов Европы, В. И. Ленин подчеркивал,

² Там же.

³ Там же. Т. 39. С. 271.

⁴ Там же. С. 272.

что правильное решение этого вопроса зависит от правильного понимания задач социализма, ибо, во-первых, этот вопрос сливается с вопросом о возможности победы социализма вообще, а во-вторых, он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении этой страны к другим странам.

В. И. Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»⁵. Речь идет, конечно, не об «экспорте» революции, а об элементарных вопросах защиты и развития уже победившего социализма.

В работе «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин высказывается еще более категорично: «...Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой»⁶.

При этом В. И. Ленин не допускал мысли, что возможно иное истолкование данного вопроса со стороны марксистов. Он ссылается на письмо Ф. Энгельса к К. Каутскому от 12 сентября 1882 г., в котором Энгельс признавал возможность «оборонительных войн» уже победившего социализма, имея в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран. Из этого письма со всей очевидностью вытекает, что не только В. И. Ленин, но и основоположники научного коммунизма допускали возможность победы социализма в отдельных странах, пролетариат которых «восстал» бы против всего остального мира.

Как же могло сложиться представление, что возможность победы социализма в одной или нескольких странах допускал только В. И. Ленин, а не все марксисты? Ответ на этот вопрос довольно

⁵ Там же. Т. 26. С. 354—355.

⁶ Там же. Т. 30. С. 133.

сложен ввиду того, что в ранней работе Ф. Энгельса «Принципы коммунизма» прямо говорится о невозможности победы революции в одной стране⁷. Ф. Энгельс имел в виду прежде всего развитие международных связей, развитие капитализма во всех ведущих капиталистических странах при более или менее равномерном развитии «всемирной революции» в этих странах. Он вовсе не отрицал факт неравномерности развития капитализма, но развитие пролетариата в разных странах вынуждает их одновременно выступить на мировую арену, когда победа революции в одной стране вызовет цепную реакцию во всем мире, и в нее почти сразу же включится пролетариат всех развитых капиталистических стран.

Спрашивается, а отрицал ли В. И. Ленин подобную цепную реакцию, выход пролетариата всех стран на всемирную арену? Разумеется, нет. Теория «перманентной революции», кто бы ее ни развивал, имеет все глубокие научные основания ввиду как раз того универсального развития капиталистических стран, которое приводит к универсализации экономических связей и делает пролетарскую революцию действительно всемирной. Важен лишь тот факт, о котором пишет и Ф. Энгельс, что начавшаяся в какой-либо стране пролетарская революция неизбежно втянет пролетариат других стран. И никакого отрицания неравномерности развития капитализма при товарном производстве у основоположников научного коммунизма не было. В. И. Ленин просто опирался на классический анализ капитализма и товарного производства и дополнил его анализом противоречий эпохи империализма.

В. И. Ленин не нуждается в приписывании заслуг, которых у него не было. В заслугу же ему можно поставить доказательство того, что всемирная революция не обязательно начнется в развитых капиталистических странах, как предполагали основоположники научного коммунизма. Но В. И. Ленин также связывал окончательную победу социализма с выступлением на «всемирную арену» всех пролетариев капиталистических стран и угнетенных народов. Победа Октябрьской революции подтвердила этот непреложный вывод классиков марксизма-ленинизма, подчеркивавших мировое значение любой социалистической революции.

Современная социальная революция в нашей стране является продолжением ленинской социалистической революции. Ее программа по существу та же, что и накануне Октября, с той лишь разницей, что революционные преобразования направлены не против старых эксплуататоров, а против современного, обученного, вышколенного многолетней практикой класса бюрократии. Да и направленность современной революции несколько иная — не против частной собственности, а против огосударствления собственности, превращения ее из социалистической в собственность класса бюрократии. Социальная революция — длительный исторический процесс, направленный на возвышение роли трудящихся

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 334.

в деле управления общественными делами, всей политической сферой государственного управления. Без коренной перестройки политической системы успех социальной революции невозможен. Это доказала Октябрьская революция, это доказывают современные преобразования политической системы советского общества.

Ленинская программа социалистической революции исключительно актуальна именно потому, что она предполагала прежде всего укрепление власти Советов — подлинно демократической организации, созданной самодеятельностью самих народных масс. К сожалению, в нашей стране отсутствуют социальные гарантии деятельности Советов и они превратились в послушный аппарат класса бюрократии, который использует их отнюдь не бескорыстно. Именно корыстные интересы бюрократического слоя привели к сращиванию функций государственного управления с различными экономическими формами реализации функции управления общественным достоянием со стороны весьма значительной социальной группы. Социальная революция призвана отделить формы экономической реализации функции управления от интересов определенной социальной группы, противостоящей народу и все более отчуждающей себя от него. Уничтожение «отчуждения» — главное содержание социалистической революции в нашей стране.

Естественно, что главным направлением классовой борьбы в переходный период, определявшим размежевание идейно-политических группировок, была борьба между идеологией капитализма и идеологией марксизма-ленинизма. Завоевание политической власти рабочим классом, формирование и рост социалистического уклада в экономике страны сделали коммунистическую идеологию господствующей в том смысле, что она определяла все направления социально-экономического развития и практически — политическую линию хозяйственной практики.

Соотношение экономики и политики было таково, что политика как концентрированное выражение экономики, ее продолжение и завершение, находилась под непосредственным контролем идеологии рабочего класса, ставшего во главе политической надстройки общества. В. И. Ленин подчеркивал первенство политики над экономикой в том смысле, что без правильного политического подхода к делу рабочий класс не сможет решить и своей производственной задачи — построения экономического фундамента социалистического общества. Определяющая роль теории научного коммунизма в области идеологической и политической надстройки подкреплялась практической деятельностью Коммунистической партии по мобилизации масс на строительство основ социализма.

В развитии марксистско-ленинского учения в различные исторические периоды выдвигается на первый план то одна, то другая сторона этого учения. Подчеркивая «великую реальную связь», которая существует между общей теорией и историческими судьбами марксизма как общественно-политического течения, В. И. Ленин указывал, что при богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма нет ничего удивительного в том,

что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают вперед то одну, то другую сторону марксизма. Так, в России до революции 1905—1907 гг. особенно выдвинулось применение экономического учения К. Маркса к русской действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. «Это не значит, — писал В. И. Ленин, — что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне»⁸.

Можно с уверенностью сказать, что в переходный период, когда еще только формировалась система социалистических производственных отношений, при всей важности экономической политики и философии, преобладающей стороной развития марксистско-ленинской науки явилась экономическая теория социализма. Преобладание интереса к этой стороне марксистско-ленинской науки диктовалось всей совокупностью социально-экономических, политических и культурных условий развития социализма.

Интерес к экономической теории марксизма всегда преобладал в условиях начинающегося социалистического строительства. В 20-е годы она была главным объектом теоретических дискуссий, ибо представители всех идейно-политических течений понимали, что экономика является главной сферой борьбы за социализм. Последний стал объектом многочисленных исследований, в том числе и направлений критической мысли. При жизни В. И. Ленина утверждалось представление, что выход из экономических затруднений лежит в разработке адекватной природе социализма теории, которая помогла бы преодолеть нищету, голод, угнетение. Социализм как положительное учение считался достаточным основанием для программы переходных мер, направленных на стабилизацию экономической жизни, преодоление экономической разрухи и утверждение начал коллективизма.

Вместе с тем обнаружилось, что социалистические воззрения прошлого не отвечают новым потребностям и требуют дальнейшего развития и совершенствования. Утверждалось, что марксизм не содержит адекватной социализму экономической теории, способной вывести страну из тупика. Стало очевидным, что разработанная для стран Запада экономическая теория неспособна объяснить новые требования, предъявляемые жизнью. Потребовались гигантские усилия В. И. Ленина и его окружения, чтобы доказать возможность победы социализма в одной, к тому же сравнительно отсталой стране. Некоторые дальновидные теоретики социализма (Г. В. Плеханов, А. А. Богданов, М. И. Туган-Барановский и др.) предупреждали, что в России нет еще того «теста», из которого можно было испечь «социалистический пирог», что несвоевременный социалистический переворот может привести к гражданской войне, к гибели миллионов людей. Однако их предупреждения не

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 128.

увенчались успехом, и пришедшая к власти социалистическая интеллигенция решила «красногвардейской атакой» на капитал смести все преграды на пути к социализму.

Подлинная трагедия экономической теории марксизма заключалась в том, что она не подходила к специфическим условиям социалистической революции в России, что она не могла быть просто «приложена» к русской действительности подобно народническому крестьянскому социализму. Требовался длительный переходный период для создания в нашей стране экономических, политических, социальных предпосылок, чтобы постепенно «вводить» социализм. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость длительного периода преобразования экономики на началах коллективизма, необходимость крайне осторожного подхода к привлечению на «социалистическую орбиту» многомиллионной массы крестьянства. Он ставил вопрос и о создании культурных предпосылок для социалистических преобразований, воспитания, обучения, переделки всего мировоззрения на научных основах. Это особенно нужно подчеркнуть, поскольку в современных условиях часто выдвигают положение о том, что В. И. Ленин непосредственными велениями пролетарского государства пытался якобы форсировать процесс «введения» коллективизма.

В мрачные годы сталинизма социализм вводился военно-феодальными методами, что обернулось великой трагедией для многомиллионных масс трудящихся, в том числе и рабочего класса. Современная революционная перестройка призвана предостеречь массы против скороспелых решений, на которые они отважились с начала социалистического переворота. Подлинная контрреволюция, начавшаяся по инициативе И. В. Сталина, во многом питалась искаженным представлением о сущности ленинизма, делая акцент на насилии и произвол по принципу «мы все можем, нам все нипочем». В уничтожении лучших кадров партии И. В. Сталин превзошел все известные в истории акты насилия по отношению к громадным массам населения.

При жизни В. И. Ленина марксистское направление боролось за гуманистический, демократический социализм, отчетливо понимая, что без демократии не может быть социализма, что и случилось в нашей стране.

Среди экономистов рассматриваемого направления следует отметить прежде всего соратников В. И. Ленина — Н. И. Бухарина, Л. Б. Каменева, Г. М. Кржижановского, В. П. Милютину, Л. Н. Крицмана, Ю. Ларина, И. И. Скворцова-Степанова, М. С. Ольминского и целого ряда других, активно выступавших за проведение в жизнь социально-экономической программы партии, за утверждение в жизни начал социализма. Среди этих экономистов не было полного единства, но В. И. Ленин настойчиво и упорно направлял их научную и политическую деятельность. На высоких постах в партии большевики, в особенности такие, как Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, А. И. Рыков и другие, развивали творческий подход к основам экономической политики пар-

тии, к обоснованию ленинских норм партийной жизни, к деловому и в то же время неуклонному проведению в жизнь учения К. Маркса и Ф. Энгельса на всех этапах социалистического строительства.

Неутомимым пропагандистом марксистско-ленинского экономического учения зарекомендовал себя И. И. Скворцов-Степанов, который неоднократно выступал в печати по вопросам социализма⁹. Он отстаивал подлинный исторический материализм в политической экономии и по праву может считаться одним из самых крупных теоретиков партии в этой науке¹⁰.

Огромную роль в развитии марксистского учения об экономике переходного периода, о проблемах построения подлинно гуманистического социализма сыграл Н. И. Бухарин. Написанная им совместно с Е. А. Преображенским «Азбука коммунизма», выдержавшая много изданий, была наряду с трудами В. И. Ленина настольной книгой каждого грамотного марксиста. Несмотря на отдельные теоретические ошибки, Н. И. Бухарин на протяжении целого ряда лет отстаивал ленинскую линию на построение бесклассового общества, на укрепление рабоче-крестьянского блока как главной социальной силы социалистического преобразования в нашей стране. Проводимая им линия после смерти В. И. Ленина, по нашему глубокому убеждению, могла стать реальной альтернативой бюрократически-казарменному социализму, насаждавшемуся И. В. Сталиным и его окружением. Уже в 1928—1929 гг. Н. И. Бухарин прямо говорил о недопустимости насилия по отношению к громадным массам крестьянства, о «военно-феодалных методах» насаждения колхозов в годы так называемой сплошной коллективизации и политики «перекачки» средств из деревни для нужд индустриализации. Активно поддерживая установку партии на необходимость социалистического переустройства сельского хозяйства, Н. И. Бухарин в то же время разрабатывал принципиально иную, гуманистическую программу этого переустройства. Ленинская политическая линия Н. И. Бухарина по проблемам кооперации и ее роли в строительстве социализма была единственно верной в тот период.

Неутомимым деятелем партии на плановом фронте зарекомендовал себя Г. М. Кржижановский. Разработанный под его руководством план ГОЭЛРО В. И. Ленин назвал второй программой партии. В борьбе за претворение в жизнь этого плана Г. М. Кржижановский внес весомый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, став по существу главным представителем в создании научных основ планового ведения хозяйства. Будучи разносторонним ученым, возглавив Госплан СССР, Г. М. Кржижановский много сделал для претворения в жизнь ленинского учения об едином хозяйственном плане, заложил основы плановой нау-

⁹ См.: *Степанов И.* Капиталистическая и социалистическая экономия // Правда. 1918. 9 апр.; *Он же.* Регулирование экономических отношений в переходную эпоху // Правда. 1918. 10 апр.

¹⁰ См.: *Скворцов-Степанов И. И.* О социалистическом строительстве: (Сб. статей). М., 1933.

ки¹¹. Не случайно он выразил несогласие со сталинской системой планирования, поскольку отчетливо понимал губительный характер такой перестройки плановой работы, которая была направлена против подавляющей массы населения как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Будучи несогласным с линией И. В. Сталина в годы первой пятилетки, предвидев всю пагубность насильственного разрыва «цепной связи» отраслей в народном хозяйстве, Г. М. Кржижановский, так же, как и Н. И. Бухарин, отстаивал ленинскую альтернативу построения социализма в нашей стране.

Немало сделал для пропаганды ленинского учения о путях построения социализма и развития планового управления экономикой Л. Н. Крицман. Несмотря на отдельные ошибки, на которые указывал В. И. Ленин, Л. Н. Крицман внес весомый вклад в разработку основ планового ведения хозяйства. Одной из крупных его работ был доклад об экономических основах «военного коммунизма», который он рассматривал как своеобразный «прорыв в будущее», период «штурма и натиска», органически присущих социалистическому строительству. Свою задачу Л. Н. Крицман видел в том, чтобы реабилитировать «военный коммунизм» в глазах общественности и доказать, что он был «организацией социализма», предвосхищением будущего социалистического строя. Увлечение задачей подобной реабилитации вызывает у Л. Н. Крицмана некоторую идеализацию «военного коммунизма». «В действительности, — писал Л. Н. Крицман, — военный коммунизм — это первый опыт, грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов к социализму. Он в своей основе не является заблуждением лиц или класса; это — хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее, ставший возможным благодаря специфическим условиям русской пролетарской революции»¹².

Структура народнохозяйственной организации в эпоху гражданской войны, отмечал Л. Н. Крицман, определялась двумя моментами: крайним обострением и углублением революции и тем, что классовую борьбу нельзя было вести иначе, как посредством войны. «Однако основные принципы, проникавшие и характеризовавшие эту организацию хозяйства, были порождением не войны, как формы, которую приняла революция, а самой революции, по отношению к которой война была лишь формой ее проявления»¹³. Л. Н. Крицман полагал, что натурализация хозяйства, принудительное регулирование товарообмена с крестьянством, чрезвычайная централизация были необходимыми условия-

¹¹ См.: *Кржижановский Г. М.* Плановые вопросы // План. хоз-во. 1925. № 1; *Он же.* К теории и практике планового хозяйства // План. хоз-во. 1925. № 3; *Он же.* Пять лет борьбы за план // План. хоз-во. 1926. № 3.

¹² *Крицман Л. Н.* Героический период Великой Русской Революции // Вестн. Ком. акад. 1924. Кн. 9. С. 169.

¹³ Там же.

ми победы революции и построения новых, социалистических форм хозяйства.

В работах Л. Н. Крицмана развивались положения В. И. Ленина о том, что товарное хозяйство в период «военного коммунизма» было подорвано, что товар уже превращается в продукт, идущий в общественное потребление не через рынок. Подрыв основ товарного хозяйства Л. Н. Крицман считал одним из главных особенностей периода «военного коммунизма»¹⁴. Вместе с тем Л. Н. Крицман правильно воспринял поворот к новой экономической политике и вопреки распространенному мнению активно боролся за ее претворение в жизнь. (В. И. Ленин доверял ему высокие общественные посты, заботился о его здоровье.) Л. Н. Крицман неоднократно выступал за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, подобно Н. И. Бухарину требовал всемерного развертывания товарообмена с крестьянством на взаимовыгодной основе¹⁵. В принципиальных вопросах строительства социализма от также боролся за ленинскую альтернативу, исключавшую насилие по отношению к громадным массам крестьянства. После смерти В. И. Ленина Л. Н. Крицман решительно боролся за экономические методы строительства социализма¹⁶.

Активную работу по претворению в жизнь ленинской экономической политики проводил В. П. Милютин. Он занимал всегда правильную политическую линию, активно боролся на идеологическом фронте. Выступая за развитие нэпа, он работал над программой укрепления союза рабочего класса с крестьянством, видел в этом союзе залог успешной реализации новой экономической политики на всем протяжении переходного периода¹⁷. Он участвовал также и в методологических дискуссиях по политической экономии: совместно с Б. С. Борилиным обобщил итоги полемики между «механистами» и «идеалистами» в этой науке. Совместная статья этих авторов, подводившая итоги многолетней и далеко нелицеприятной полемики ведущих советских экономистов марксистского направления — полемики со своими обвинениями в «выхолащивании» марксизма, — в значительной мере была инспирирована И. В. Сталиным. Пригласив в 1930 г. ведущих экономистов того периода, он прямо указывал на «бесплодный» и «схоластичный» характер дискуссий, якобы оторвавших наших экономистов от нужд хозяйственной практики. Именно И. В. Сталин объявил порочными взгляды как «механистов», так и «идеалистов» в советской экономической литературе¹⁸.

¹⁴ Крицман Л. Н. Товар и продукт // Под знаменем марксизма. 1922. № 3.

¹⁵ Крицман Л. Н. Новая экономическая политика и плановое распределение. М., 1922.

¹⁶ Крицман Л. Н. Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР // Большевик. 1925. № 2.

¹⁷ Милютин В. П. Народное хозяйство Советской России. М.: 1920; Он же. Основные задачи восстановления народного хозяйства. М., 1920; Он же. Новое в экономической политике РСФСР // Нар. хоз-во. 1921. № 5; Он же. Новый период мировой экономики: Курс лекций по экономике переходного периода. М.: Л., 1924.

¹⁸ Подробнее см.: Пашков А. И. В. И. Ленин и развитие экономической науки в СССР. М.: Знание, 1968.

ки¹¹. Не случайно он выразил несогласие со сталинской системой планирования, поскольку отчетливо понимал губительный характер такой перестройки плановой работы, которая была направлена против подавляющей массы населения как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Будучи несогласным с линией И. В. Сталина в годы первой пятилетки, предвидев всю пагубность насильственного разрыва «цепной связи» отраслей в народном хозяйстве, Г. М. Кржижановский, так же, как и Н. И. Бухарин, отстаивал ленинскую альтернативу построения социализма в нашей стране.

Немало сделал для пропаганды ленинского учения о путях построения социализма и развития планового управления экономикой Л. Н. Крицман. Несмотря на отдельные ошибки, на которые указывал В. И. Ленин, Л. Н. Крицман внес весомый вклад в разработку основ планового ведения хозяйства. Одной из крупных его работ был доклад об экономических основах «военного коммунизма», который он рассматривал как своеобразный «прорыв в будущее», период «штурма и натиска», органически присущих социалистическому строительству. Свою задачу Л. Н. Крицман видел в том, чтобы реабилитировать «военный коммунизм» в глазах общественности и доказать, что он был «организацией социализма», предвосхищением будущего социалистического строя. Увлечение задачей подобной реабилитации вызывает у Л. Н. Крицмана некоторую идеализацию «военного коммунизма». «В действительности, — писал Л. Н. Крицман, — военный коммунизм — это первый опыт, грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов к социализму. Он в своей основе не является заблуждением лиц или класса; это — хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее, ставший возможным благодаря специфическим условиям русской пролетарской революции»¹².

Структура народнохозяйственной организации в эпоху гражданской войны, отмечал Л. Н. Крицман, определялась двумя моментами: крайним обострением и углублением революции и тем, что классовую борьбу нельзя было вести иначе, как посредством войны. «Однако основные принципы, проникавшие и характеризовавшие эту организацию хозяйства, были порождением не войны, как формы, которую приняла революция, а самой революции, по отношению к которой война была лишь формой ее проявления»¹³. Л. Н. Крицман полагал, что натурализация хозяйства, принудительное регулирование товарообмена с крестьянством, чрезвычайная централизация были необходимыми условия-

¹¹ См.: *Кржижановский Г. М.* Плановые вопросы // План. хоз-во. 1925. № 1; *Он же.* К теории и практике планового хозяйства // План. хоз-во. 1925. № 3; *Он же.* Пять лет борьбы за план // План. хоз-во. 1926. № 3.

¹² *Крицман Л. Н.* Героический период Великой Русской Революции // Вестн. Ком. акад. 1924. Кн. 9. С. 169.

¹³ Там же.

ми победы революции и построения новых, социалистических форм хозяйства.

В работах Л. Н. Крицмана развивались положения В. И. Ленина о том, что товарное хозяйство в период «военного коммунизма» было подорвано, что товар уже превращается в продукт, идущий в общественное потребление не через рынок. Подрыв основ товарного хозяйства Л. Н. Крицман считал одним из главных особенностей периода «военного коммунизма»¹⁴. Вместе с тем Л. Н. Крицман правильно воспринял поворот к новой экономической политике и вопреки распространенному мнению активно боролся за ее претворение в жизнь. (В. И. Ленин доверял ему высокие общественные посты, заботился о его здоровье.) Л. Н. Крицман неоднократно выступал за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, подобно Н. И. Бухарину требовал всемерного развертывания товарообмена с крестьянством на взаимовыгодной основе¹⁵. В принципиальных вопросах строительства социализма от также боролся за ленинскую альтернативу, исключавшую насилие по отношению к громадным массам крестьянства. После смерти В. И. Ленина Л. Н. Крицман решительно боролся за экономические методы строительства социализма¹⁶.

Активную работу по претворению в жизнь ленинской экономической политики проводил В. П. Милютин. Он занимал всегда правильную политическую линию, активно боролся на идеологическом фронте. Выступая за развитие нэпа, он работал над программой укрепления союза рабочего класса с крестьянством, видел в этом союзе залог успешной реализации новой экономической политики на всем протяжении переходного периода¹⁷. Он участвовал также и в методологических дискуссиях по политической экономии: совместно с Б. С. Борилиным обобщил итоги полемики между «механистами» и «идеалистами» в этой науке. Совместная статья этих авторов, подводившая итоги многолетней и далеко нелицеприятной полемики ведущих советских экономистов марксистского направления — полемики со своими обвинениями в «выхолащивании» марксизма, — в значительной мере была инспирирована И. В. Сталиным. Пригласив в 1930 г. ведущих экономистов того периода, он прямо указывал на «бесплодный» и «схоластичный» характер дискуссий, якобы оторвавших наших экономистов от нужд хозяйственной практики. Именно И. В. Сталин объявил порочными взгляды как «механистов», так и «идеалистов» в советской экономической литературе¹⁸.

¹⁴ Крицман Л. Н. Товар и продукт // Под знаменем марксизма. 1922. № 3.

¹⁵ Крицман Л. Н. Новая экономическая политика и плановое распределение. М., 1922.

¹⁶ Крицман Л. Н. Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР // Большевик. 1925. № 2.

¹⁷ Милютин В. П. Народное хозяйство Советской России. М.: 1920; Он же. Основные задачи восстановления народного хозяйства. М., 1920; Он же. Новое в экономической политике РСФСР // Нар. хоз-во. 1921. № 5; Он же. Новый период мировой экономики: Курс лекций по экономике переходного периода. М.: Л., 1924.

¹⁸ Подробнее см.: Пашков А. И. В. И. Ленин и развитие экономической науки в СССР. М.: Знание, 1968.

Борьба так называемых механистов против «идеализма», например И. И. Рубина, велась и в иной плоскости — по линии обвинения в отрыве производственных отношений от производительных сил, в «выхолащивании» материального содержания производственных отношений, поскольку И. И. Рубин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом возражал против включения производительных сил (материально-технической стороны общественного производства) в предмет политической экономии капитализма. Так, представитель так называемого механистического направления в политической экономии — С. А. Бессонов — утверждал, что «для Рубина существует две политические экономии. Одна политическая экономия в широком смысле слова. Это есть исторический материализм в применении к капитализму. Эта политическая экономия занимается, как мы видим, и изучением изменений производственных отношений капиталистического общества под воздействием производительных сил и нарастанием противоречий между ними. Другая политическая экономия в узком смысле слова не занимается изучением противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Она занимается изучением экономических форм. Классовая борьба выходит за пределы этой узкой политической экономии. Ею должны заниматься, по-видимому, социологи-марксисты»¹⁹.

Спрашивается, как И. И. Рубин дал повод для таких обвинений? Неужели политически грамотный марксист выносит за борт политической экономии в широком смысле слова классовую борьбу, предоставляя изучение последней «марксистам-социологам»? С. А. Бессонов повторял это обвинение с особой настойчивостью: «Политической экономией в широком смысле слова Рубин называет политическую экономию, включающую в себя изучение производительных сил и противоречие их с производственными отношениями, т. е. теорию социальной революции. Этой политической экономией экономисты, по Рубину, заниматься не должны. Ею заниматься могут лишь „социологи-марксисты“. Экономисты должны заниматься узкой политической экономией, включающей в себя лишь изучение „экономических форм“, вопрос же о том, каким образом изменения производительных сил оказывают воздействие на изучаемую экономистами систему „экономических форм“, выходит за пределы политической экономии в узком смысле слова»²⁰.

Действительно, некоторые высказывания И. И. Рубина давали повод для подобной трактовки предмета политической экономии, в частности его заявления о том, что он не мог показать, как именно и каким образом изменяется весь процесс материально-технического производства и как эти изменения оказывают воздействие на изучаемую систему экономических форм. По мнению И. И. Ру-

¹⁹ Бессонов С. А. Слова и дела И. Рубина // В кн.: Рубинщина или марксизм? М., 1930. С. 45.

²⁰ Там же. С. 45.

бина, эта задача выходила за пределы темы и даже за пределы политической экономии в узком смысле этого слова. «Задача исследования взаимодействия между материальными производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не экономистами»²¹. Поэтому он считал, что изучением взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями должен заниматься исторический материализм, а изучением собственно производственных отношений («экономических форм») должна заниматься политическая экономия.

Спрашивается, а что же здесь неверного? Подлинный предмет социологии — исторического материализма действительно включает в себя в качестве решающего момента взаимодействие производительных сил и производственных отношений, классовую борьбу, теорию социальной революции, а политическая экономия, акцентируя внимание на изучении производственных отношений («экономических форм»), должна опираться на исторический материализм в качестве общей методологической теории (исторический материализм — не только теория, но и метод познания в политической экономии). И. И. Рубин совершенно справедливо видит главную задачу политической экономии не в изучении «материально-технического процесса производства», а в изучении социально-экономических форм, в которых развиваются производительные силы как предпосылка и условие поступательного движения производственных отношений.

И. И. Рубин следует здесь прямым указаниям К. Маркса и В. И. Ленина, что политическая экономия занимается вовсе не изучением «производства материальных ценностей» (это предмет технологии), а изучением общественных отношений по производству, общественной формы производства. Он писал: «Наука должна предварительно при помощи абстракции выделить в едином капиталистическом хозяйстве две различные его стороны: техническую и социально-экономическую, материально-технический процесс производства и его общественную форму, материальные производительные силы и общественные производственные отношения. Каждая из этих сторон единого процесса хозяйства делается предметом особой науки»²².

Может быть, это случайное определение, не отражающее всей концепции «меньшевистствующего идеалиста»? Нет, эту мысль И. И. Рубин настойчиво проводил во всех своих работах: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического производства, а его социальную сторону»; «политическая экономия изучает социальные формы процесса производства в отличие от его материально-технической стороны»²³.

²¹ Рубин И. И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М., 1928. С. 87.

²² Рубин И. И. Очерки по теории стоимости К. Маркса. 3-е изд. М., 1928. С. 10.

²³ Там же. С. 51.

Причем же здесь «идеализм», который так настойчиво приписывался И. И. Рубину его идейными противниками?

Данное различие лежит в основе всей экономической теории марксизма-ленинизма; нам нет нужды приводить в подтверждение этого различия соответствующие высказывания классиков. Мы только подчеркнем, что это различие составляет стержень политической экономии как науки, и оно является предметом оживленных дискуссий и до настоящего времени.

Чтобы не было недоразумений, порожденных критикой «механистов» и некоторыми историками советской экономической мысли, мы приведем еще одно определение предмета политической экономии И. И. Рубиным: «Последовательно проведенное Марксом различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой дает нам в руки ключ для понимания всей его экономической системы. Оно сразу определяет метод политической экономии как науки социальной и исторической. В пестром многообразии хаоса хозяйственной жизни, представляющей «сочетание общественных связей и технических приемов», оно сразу направляет наше внимание именно на «общественные связи» людей в процессе производства, на их производственные отношения, для которых техника производства служит предпосылкой и основой. Политическая экономия есть наука не об отношениях вещей к вещам, как думали вульгарные экономисты, и не об отношениях людей к вещам, как утверждает теория предельной полезности, но об отношениях людей к людям в процессе производства»²⁴.

Спрашивается, какой же это «идеализм», какой же это «меньшевиствующий идеализм», когда речь идет о коренных определениях предмета и метода марксистской политической экономии? Вот что пишут современные авторы в одном из лучших политэкономических сочинений: «Термины „технико-экономическое“ и „социально-экономическое“ не встречаются в произведениях классиков марксизма, хотя их содержание всесторонне проанализировано в этих произведениях и самым тесным образом связано с категориями производительных сил и производственных отношений. В последние годы указанные термины все чаще употребляются в различных контекстах, например при анализе эффективности, результативности производства»²⁵.

Авторы приводят и высказывания советских экономистов, показывающих плодотворность различия приведенных выше аспектов общественного производства. Так, указывается, что в настоящее время назрела необходимость различия технико-экономического и социально-экономического как «аспектов, выражающих эффективность с позиций функционирования двух сторон способа производства — производительных сил и производствен-

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Очерки политической экономии социализма / Под ред. академика Н. П. Федоренко. М., Наука, 1988. С. 105.

ных отношений»; технико-экономический аспект «характеризует эффективность с точки зрения простого процесса труда, взятого вне его социальной формы, и выражает результативность функционирования производительных сил... Социально-экономический аспект характеризует эффективность с точки зрения обеспечения условий для развития специфического типа производственных отношений и реализации объективной направленности, присущей данному способу производства»²⁶.

В указанной выше книге авторы настойчиво подчеркивают, что различие указанных двух аспектов составляет стержень марксистской экономической науки: «Одним из важнейших методологических достижений экономической теории К. Маркса является систематическое прослеживание двуединого содержания каждого способа производства во всем многообразии экономических явлений (двойственный характер труда, организации и управления производством, производства и распределения). Этот подход позволил показать, что движущее противоречие между производительными силами и производственными отношениями есть противоречие самой хозяйственной повседневности, оно не является лишь апостериорным итогом больших этапов исторического развития. Примечательно, однако, что применительно к текущему курсу двуединого функционирования экономики К. Маркс обычно не применял терминов «производительные силы» и «производственные отношения». Поэтому понятия технико-экономического и социально-экономического, на наш взгляд, довольно удачно заполняют терминологическую вакансию»²⁷.

Современные авторы видят в каждой экономической категории два аспекта: аспект производительных сил и аспект производственных отношений, причем решающий — именно социально-экономический аспект. Заполняя еще в начале 20-х годов указанную выше «терминологическую вакансию» в марксистской экономической литературе, И. И. Рубин подходил именно с таких позиций: подчеркивал сущность экономических категорий капитализма как выражения исторически данных производственных отношений, составляющих подлинный объект политической экономии. Он писал: «Производственные отношения капиталистического общества, выражением которых служат указанные понятия (капитал, заработная плата, прибыль, процент, рента и т. п.), происходят в форме отношения между независимыми товаропроизводителями, выражаемого понятием стоимости. Капитал представляет собой разновидность стоимости потому, что производственное отношение между капиталистом и рабочим происходит в форме отношения между равноправными товаропроизводителями, автономными субъектами хозяйства»²⁸. Таким образом, разви-

²⁶ Курс политической экономии. Т. II: Социализм / Под ред. Н. А. Цаголова. М.: Экономика, 1974. С. 103—108.

²⁷ Очерки политической экономии социализма / Под ред. академика Н. П. Федоренко. С. 105—106.

²⁸ Рубин И. И. Очерки по теории стоимости Маркса. С. 102.

тие капиталистического способа производства осуществляется посредством развития отношений стоимости как наиболее глубокой основы товарного хозяйства в зависимости от изменений производительных сил. И хотя анализ И. И. Рубина ограничен рамками товарно-капиталистического хозяйства, его представления о том, что категории всегда суть абстракции производственных отношений, способствовало распространению подлинно марксистского понимания трудовой теории стоимости.

В этой связи нельзя не заметить, что «механистические» критики концепции И. И. Рубина — С. А. Бессонов, А. Ф. Кон и другие — не смогли должным образом усмотреть двойственный характер всякого общественного производства, но их самостоятельная позиция, на наш взгляд, является не опровержением, а дополнением концепции И. И. Рубина. Речь идет о том, что И. И. Рубин акцентировал внимание на социально-экономических аспектах капиталистического способа производства, в то время как «механисты» подчеркивали аспект производительных сил, причем последние они рассматривали не просто как предпосылку анализа производственных отношений, а как материально-технический процесс, определяющий материальное содержание производственных отношений.

Так, С. А. Бессонов неоднократно подчеркивал, что «политическая экономия изучает только материальные отношения, и тоже не все, а лишь те из них, которые могут быть определены как „общественные отношения людей по производству материальных ценностей“. Это, конечно, не одно и то же. Отношения людей по делопроизводству, например, относятся к сфере материальных общественных отношений. Но они не относятся к сфере политической экономии потому, что они не являются отношениями людей по производству материальных ценностей»²⁹.

Акцентируя внимание на материальном содержании производственных отношений, С. А. Бессонов писал: «Проблема внешней формы обнаружения производственных отношений людей в капиталистическом обществе немедленно займет свойственное ей подчиненное место, вытекающее из ее значения, как учения об общей стоимостной и товарной форме буржуазного производства. За внешней формой обнаружения исследователь будет искать динамику самих производственных отношений, определяемую развитием производительных сил. Последние из «предпосылки исследования» превращаются, как это им и полагается, в неразрывную составную часть самого движения. Конфликт производительных сил и производственных отношений, представленный и выраженный как конфликт между буржуазией и пролетариатом, выступит на первый план исследования, и соответственно этому главнейшим предметом изучения окажутся законы производства и распределения прибавочной стоимости, со всеми вытекающими отсюда разде-

---

²⁹ Бессонов С. А. Слова и дела И. Рубина // Рубинщина или марксизм? С. 22.

лами (кооперация, мануфактура, фабрика, рост органического состава капитала и т. д. и т. п.)»³⁰.

Изучение противоречия между производительными силами и производственными отношениями С. А. Бессонов считал важнейшей задачей политической экономии, ибо производительные силы — в лице и через посредство революционного рабочего класса и революционизирующего воздействия крупного производства — ведут и приведут капитализм к гибели, т. е. к тому самому роковому концу, о котором якобы «умалчивает» И. И. Рубин. На деле И. И. Рубин, как и С. А. Бессонов, не отрицал главного противоречия капитализма, а потому в его понимании предмета политической экономии не было ничего, противоречащего диалектике производительных сил и производственных отношений. Не случайно С. А. Бессонов дает такое определение предмета политической экономии, которое по существу ничем не отличается от приведенного выше определения И. И. Рубина, только с особым подчеркиванием конфликта между производительными силами и производственными отношениями: «Политическая экономия отличается от всех других общественных наук именно тем, что она изучает производственные отношения капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели, или, в переводе на другой язык, в их связи и противоречии с производительными силами, потому что вне этой связи и вне этого противоречия не может быть ни возникновения, ни развития, ни гибели производственных отношений»³¹.

Как видим, С. А. Бессонов вовсе не включает производительные силы в предмет политической экономии на «равноправных» основах, как приписывали ему некоторые критики из лагеря «идеалистов». У С. А. Бессонова речь идет о неизбежности противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое (противоречие) составляет одно из главных особенностей марксистской политической экономии капитализма. Жаль только, что ни Б. С. Борилин, ни С. А. Бессонов, ни И. И. Рубин не выходили в своих определениях предмета политической экономии за рамки капитализма, т. е. они отрицали «основной историзм» политической экономии в широком смысле слова, о чем как раз говорил А. А. Богданов.

Как уже отмечалось, итоги дискуссии против «механицизма» и «идеализма» были подведены в статье В. П. Милютина и Б. С. Борилина. Но одновременно появились публикации, претендовавшие на борьбу «на два фронта», в частности книга Г. Абезгуаза и Г. Дукора «Очерки методологии политической экономии» (1931 г.). Трудно сказать, чего больше в этой книге: позитивного «развития» марксистской методологии или просто грязной клеветы как по адресу «богдановщины», так и против «рубинщины». Авторы спокойно навешивают идеологические ярлыки, нападают на «теорию равновесия», приписывают своим

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Там же. С. 23.

оппонентам самые нелепые обвинения и высокомерно «поучают» их в элементарных вопросах политической экономии. Единственная заслуга, пожалуй, состоит в том, что они не ограничиваются только капиталистической системой хозяйства. В то же время они яростно «разносят» «богдановщину» только за то, что она дает расширительное толкование экономических категорий, рассматривая их в аспекте политической экономии в широком смысле слова. Что же касается «рубинщины», то авторы ограничиваются политической бранью по адресу «меньшевиствующего идеализма» и даже предъявляют обвинения журналу «Под знаменем марксизма» только за то, что он опубликовал статьи И. И. Рубина о товарном фетишизме.

Главное, однако, состояло в том, что обоим направлениям в экономической идеологии приписывалось сознательное отвлечение от насущных вопросов социалистического строительства, уход от действительности. На самом же деле, хотя дискуссия носила несколько отвлеченный характер, она способствовала пропаганде марксистской методологии экономических исследований и способствовала более адекватной трактовке предмета политической экономии, на что особое внимание обращали все участники дискуссии. «Разгромом» обоих направлений дело не ограничилось: всем участникам дискуссии были представлены политические обвинения, закончившиеся трагически, как выяснилось позже, буквально для всех участников. Тем не менее эта дискуссия была важным этапом становления политической экономии в широком смысле слова.

Мы не рассматриваем всех представителей марксистского течения, но считаем своим долгом подчеркнуть, что все они способствовали возрождению и углублению марксистского учения о политической экономии в широком смысле слова, в том числе и политической экономии социализма. Вплоть до 1924 г. это течение испытало на себе сильное воздействие трудов В. И. Ленина, который возглавил процесс создания фундамента экономического строя социализма. Поэтому представляется важным, особо в свете современной дискуссии об экономике социализма, рассмотреть в самых общих чертах ленинское учение о социалистической революции, о программе переходных мер к социализму, да и сам план построения социализма в СССР. Ленинское наследие требует бережного отношения, и к нему постоянно обращаются современные экономисты. В. И. Ленин заложил основы политической экономии социализма.

ЗАЩИТА И РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ
ТЕОРИИ И ПРОГРАММЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ1. В. И. Ленин о закономерности замены
капитализма социализмом.

Обоснование необходимости социалистической революции

Главное содержание экономического учения марксизма составляет анализ товарно-капиталистического общества, обоснование его исторически преходящего характера, закономерности его гибели и замены его социализмом. Основные экономические произведения К. Маркса и Ф. Энгельса посвящены раскрытию законов движения капиталистической общественно-экономической формации и присущих ей противоречий, всестороннему обоснованию процесса создания капитализмом материальных предпосылок будущей, более высокой формы общественного хозяйства.

Как показали К. Маркс и Ф. Энгельс, развитие производительных сил капитализма приводит к тому, что процесс производства приобретает все более и более общественный характер. Поэтому капиталистический строй, основанный на частной собственности на средства производства, вступает в непримиримое противоречие с растущим общественным характером производства, превращается в оковы дальнейшего развития производительных сил. «Централизация средств производства и обобществление труда, — указывал К. Маркс, — достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»¹.

Эти фундаментальные положения марксистской теории социалистической революции были забыты и отброшены оппортунистами II Интернационала. Выступая против теории «краха» капитализма, против необходимости «социальных катастроф», они обрушились в первую очередь на марксистское учение о концентрации и централизации производства как экономической основы социалистической революции. Лидер западноевропейского ревизионизма Э. Бернштейн вообще отрицал факт концентрации производства и капитала, проповедовал лживую идею о «демократизации капитала» посредством выпуска мелких акций, на все лады воспевал идею о мирном вращении капитализма в социализм. Большинство теоретиков II Интернационала отрицало факт концентрации производства и капитала в сельском хозяйстве, а в промышленности значительно преуменьшало социальные последствия концентрации и централизации. Ряд теоретиков II Интернационала (Р. Гильфердинг, К. Каутский и др.) защищали теорию «органи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 773.

зованного капитализма», который якобы лишен внутренних противоречий и представляет собой высшую форму общественного хозяйства.

Ожесточенная борьба оппортунистов и ревизионистов против марксистской теории социалистической революции велась, таким образом, в различных направлениях, но суть ее сводилась к тому, что в новых исторических условиях, которые сложились в конце XIX—начале XX в., марксистская теория революции устарела и должна быть заменена теорией мирной эволюции, без «социальных катастроф». С этой целью отвергалась применимость учения К. Маркса о концентрации производства и капитала к объяснению новых сторон, новых явлений экономической жизни.

Именно поэтому защита марксистской теории концентрации производства и обобществления труда как материальной предпосылки социализма приобретала огромное значение для защиты теории социалистической революции.

В работах В. И. Ленина экономическое обоснование гибели капитализма и замены его социализмом занимало одно из центральных мест. Вопрос о создании материальных предпосылок социализма — ведущий во всех работах В. И. Ленина, начиная с работ 90-х годов вплоть до его последних работ.

В борьбе против буржуазных идеологов, народничества, «легального марксизма», «экономизма» и бернштейнства В. И. Лениным развито далее марксистское учение о внутренних противоречиях капиталистического производства, которые с неизбежностью ведут к замене капитализма социализмом. В. И. Ленин показал связь и взаимообусловленность противоречий капитализма исходя из основного противоречия — противоречия между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения. В. И. Ленин показал, что признание прогрессивности исторической роли капитализма вполне совместимо с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима.

Прогрессивную историческую роль капитализма В. И. Ленин характеризовал двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Эти два основных процесса имеют различные формы проявления.

В. И. Ленин подчеркивал, что развитие производительных сил общественного труда с полной рельефностью наблюдается лишь в эпоху крупной машинной индустрии. Именно в эту эпоху наблюдается во всех отраслях народного хозяйства процесс почти полного преобразования техники общественного производства. Но этот процесс преобразования техники при капитализме имеет две особенности.

Во-первых, по самой природе капитализма этот процесс не может идти иначе как среди ряда неравномерностей и непропорци-

ональностей: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе — одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия и т. д. Специфический характер самого развития в условиях капитализма состоит в том, что оно есть «непропорциональное, скачкообразное, азартное развитие».

Во-вторых, особенность развития капитализмом общественных производительных сил, как показал В. И. Ленин, состоит в том, что рост средств производства (производительное потребление) далеко обгоняет рост личного потребления; это проявляется как в земледелии, так и в промышленности. «Эта особенность, — писал В. И. Ленин, — вытекает из общих законов реализации продукта в капиталистическом обществе и находится в полном соответствии с антагонистической природой этого общества»².

Антагонистическая форма развития капитализмом общественных производительных сил особенно наглядно демонстрирует историческую ограниченность капиталистической формы общественного производства. Развитие производительных сил человечества, т. е. развитие богатства человеческой природы, как писал К. Маркс, является внутренней целью общественного производства, его «самоцелью»³. Если рассматривать процесс общественного развития как поступательный процесс, совершающийся посредством перехода от одних ступеней развития к другим, более высоким, то становится очевидным, что преемственная связь между различными ступенями образуется именно потому, что они являются лишь исторически определенными формами, в рамках которых осуществляется развитие общественных производительных сил. Другими словами, эти ступени получают объективную оценку с точки зрения внутренней цели, которую стремится реализовать развитие общественного производства вообще.

Развитие В. И. Лениным марксистского учения о внутренних противоречиях капиталистической формы производства, показывающих исторически преходящий характер этого строя производства, имеет исключительно важное значение для понимания объективных условий социалистической революции. В. И. Ленин показал внутренне противоречивый характер создания капитализмом материальных предпосылок социализма.

Опираясь на исследования К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин развил на основе большого фактического материала учение о противоречиях, в которых осуществляется развитие производительности общественного труда при капитализме, с одной стороны, и процесс обобществления труда — с другой. В. И. Ленин более детально показал конкретные формы, в которых происходит процесс обобществления производства капитализмом.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 598—599.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. II. С. 123.

Процесс обобществления труда капитализмом, подчеркивал В. И. Ленин, ведет не только к созданию чисто материальной основы социалистического производства, но и подготавливает самих производителей, поднимая их общий культурный уровень, сплачивая их в самостоятельные большие группы, освобождая их от привязанности к определенным местностям и от всяких форм личной зависимости, всегда имеющих консервативную природу, и т. д. В. И. Ленин отмечал исключительно прогрессивную роль в этом отношении крупного машинного производства, которое и образует подлинную материальную базу социалистической организации общественного производства.

Раскрытие В. И. Лениным конкретных форм обобществления производства капитализмом имеет исключительно важное значение для понимания объективных и субъективных условий социалистического преобразования общества. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин убедительно показал, что необходимость гибели капитализма и замены его социализмом вытекает не из абстрактной «исторической необходимости», а является закономерным результатом развития самого капиталистического производства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что ссылкой на «историческую необходимость» абсолютно ничего доказать нельзя.

В. И. Ленин указывал, что лишь «объективным анализом капиталистического строя доказывал он (К. Маркс. — *Н. Ш.*) необходимость его превращения в социалистический»⁴. В этом В. И. Ленин видел самую суть материалистического объяснения требования замены капитализма социализмом, требования социальной революции пролетариата.

Объективная необходимость революционного крушения капиталистического строя и замены его социалистической организацией общественного производства назревает в недрах самого капитализма по мере его развития. Именно при капитализме создается впервые в истории возможность планомерного использования общественных производительных сил в интересах общества. При капитализме производство впервые в истории по существу становится общественным — в смысле организации общественного процесса производства, организации производительных сил общества. Капитализм разрушает разобщенность отдельных звеньев общественного производства, обособленность отдельных производств, территориальную замкнутость и т. д., соединяя отдельные хозяйственные процессы в один общественный производительный процесс. Этот процесс обобществления производства все более настойчиво требует регулирования производства в общественном масштабе, требует обращения общественных по своей природе производительных сил на пользу всего общества и в интересах всех членов общества. Поэтому чем шире, чем многограннее идет процесс обобществления производства капитализмом, тем сильнее

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 157.

становится противоречие между объективной тенденцией развития производительных сил общественного труда и ограниченными рамками их использования, вытекающими из природы капиталистического производства.

Общественный характер производительных сил, превращение их по существу в производительные силы общественного процесса труда становятся все более несовместимыми с частнокапиталистической формой их использования: капитализм по своей природе не в состоянии справиться с ними, ибо адекватной формой их функционирования является лишь общественное регулирование производства за счет всего общества и в интересах всех его членов. Поэтому при капитализме, несмотря на все возможные пути его трансформации, без изменения его экономических основ невозможно полное использование производительных сил в соответствии с их общественной природой. Объективная возможность планомерной организации производства в рамках отдельных капиталистических предприятий или их объединений на деле не может превратиться в действительность, т. е. обеспечить наилучшее использование всех ресурсов и возможностей, которые вытекают из общественной комбинации производительных сил. По существу, оптимальная организация недостижима даже для отдельного капиталистического предприятия, ибо критерий оптимальности его деятельности — получение максимальной прибыли — находится в очевидном противоречии с внутренней целью общественного развития, что налагает весьма существенные ограничения на характер и направление в использовании ресурсов, выбор производственных способов и т. д.

Оптимальное использование общественных производительных сил — это задача, которая не по плечу отдельному капиталистическому предприятию или даже группе предприятий, ибо они не могут охватить все поле производственной деятельности. Ограниченная цель, которая ставится перед общественным производством капитализмом, препятствует полному использованию всех элементов производительных сил даже в тех узких пределах, которые ему доступны. В этом смысле К. Маркс подчеркивал, что капитализм учит человечество рациональному хозяйничанью — в части, например, использования элементов постоянного капитала — сырья, машин, оборудования, — но учит таким образом, что это связано с расхищением самой ценной производительной силы — самих рабочих, трудящихся. Таким образом, практически оптимальная организация недостижима даже для отдельного капиталистического предприятия; что же касается капиталистического производства в целом, то для него не только практически, но и теоретически не может ставиться задача оптимального использования производительных сил, ибо в нем априори отсутствует всякое регулирующее начало, и нет единой цели (критерия), в соответствии с которым можно было бы регулировать все общественное производство.

Отсюда очевидно, что никакое внутреннее видоизменение капиталистического производства не может обеспечить наилучшего

использования общественных производительных сил. Поэтому оно вполне закономерно должно уступить место более высокой форме общественного производства, которая ставит иную цель перед производством.

В работах В. И. Ленина получил всестороннее обоснование этот объективный критерий оценки той или иной общественной формы производства. Полную победу социализма над капитализмом В. И. Ленин связывал именно с тем, что социализм призван создать более высокую, чем при капитализме, производительность общественного труда, т. е. обеспечить наивысшую экономическую эффективность. Естественно, что эту задачу социализм может выполнить лишь при полном и наилучшем использовании всех ресурсов и возможностей, которые вытекают из общественной природы современных производительных сил.

Как показал В. И. Ленин, этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии. Вывод о необходимости переходного периода и его политическом содержании вытекает из самой сущности экономической теории марксизма-ленинизма. Невозможность образования социалистических форм хозяйства в недрах капиталистического общества приводит к тому, что эти формы создаются в ходе социалистической революции, и орудием их создания является творческая деятельность народных масс, опирающаяся на диктатуру пролетариата. Процесс формирования новых общественных отношений производства требует длительного исторического периода или особой стадии общественного развития.

2. Ленинская программа социалистической революции

В период перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую огромное значение имела разработка конкретной программы социалистических преобразований. На эту сторону было обращено внимание всей партии большевиков, которая вела народ к новым революционным битвам. Программа хозяйственных мероприятий, разработанная Коммунистической партией, была продиктована всей обстановкой хозяйственной жизни и опиралась на опыт всех стран мира.

Буржуазное Временное правительство привело страну на грань экономической катастрофы. Стране угрожал голод. Буржуазия срывала даже те паллиативные меры по государственному регулированию экономики, которые на словах признавали некоторые буржуазные деятели. В условиях хозяйственной разрухи Временное правительство проявило полную бездеятельность. Капиталисты, по словам В. И. Ленина, «умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских

союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»⁵.

Уже в марте 1917 г. буржуазия на своем Всероссийском торгово-промышленном съезде заявила о своей готовности всеми возможными способами защищать капиталистический строй и не допустить никакого контроля над деятельностью предпринимателей со стороны демократических органов. Буржуазия выступила за создание самых благоприятных условий для частного предпринимательства, требовала принятия мер к «ослаблению остроты классовой борьбы» и т. п. Миллионер А. И. Коновалов требовал обеспечить «полную свободу частной инициативы» и предоставить капиталистам самим регулировать производство. Другой представитель монополистического капитала, В. А. Степанов, выступая за частичное регулирование отраслей народного хозяйства со стороны буржуазного государства, в то же время резко высказывался против установления контроля над деятельностью отдельных предприятий. Вмешательство рабочих организаций в работу капиталистических предприятий он рассматривал как анархизм, разрушающий хозяйственную жизнь страны⁶.

Временное правительство на словах не раз высказывалось за государственное регулирование, говорило о необходимости «планомерного вмешательства» государства в экономическую жизнь, но в то же время считало частную собственность непоколебимой основой всей жизни⁷. Естественно, что эти заявления оставались чистой декларацией и ничуть не способствовали налаживанию нормальной экономической жизни. Представители монополистического капитала без труда срывали всякие попытки государственного регулирования. В. И. Ленин писал: «Происходит повсеместный, систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства»⁸.

Саботаж капиталистов привел к полному срыву всех мероприятий по государственному регулированию. Буржуазия саботировала контроль, надзор и учет, ибо такой контроль «обнаружил бы бешеные прибыли капиталистов и подорвал бы эти прибыли»⁹. Даже меньшевики и эсеры были вынуждены признать полную бездеятельность образованных при правительстве органов регулирования экономической жизни.

В. И. Ленин решительно осудил попытки идеологов буржуазии и их пособников представить дело так, будто способы и меры контроля являются чем-то чрезвычайно трудным, сложным и даже неизвестным. В действительности, указывал В. И. Ленин, даже царизм, создавая военно-промышленные комитеты, знал основную

⁵ Там же. Т. 34. С. 155.

⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. I. М.; Л., 1957. С. 223.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 157.

⁹ Там же. С. 160.

меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п. Но царизм боялся объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный легчайший, вполне применимый способ и путь контроля.

Все меры контроля вполне сознательно срывались Временным правительством. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что осуществить контроль может только правительство, которое не на словах, а на деле является революционно-демократическим, т. е. правительство рабочих, солдат и крестьян. Разрабатывая программу мер общенародного контроля и учета, В. И. Ленин адресовал ее не буржуазно-демократической республике, а республике Советов. Эта программа была по существу программой социалистической революции, хотя сами по себе меры контроля, предусмотренные этой программой, по своему социальному содержанию общедемократические. Только в условиях борьбы за диктатуру пролетариата все эти мероприятия получали иное звучание: они становились определенными шагами к социализму.

Общественные и общедоступные меры контроля и надзора выработаны практикой капиталистических стран. Главнейшие из них следующие: 1) объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков; 2) национализация синдикатов, т. е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов; 3) отмена коммерческой тайны; 4) принудительное синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще; 5) принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним¹⁰.

Все эти мероприятия суть общедемократические: они вполне осуществимы и при демократической власти, но в условиях борьбы за диктатуру пролетариата они приобретали характер конкретных шагов к социализму. Совокупность этих мер обеспечила бы сосредоточение всех нитей государственного регулирования экономикой в руках революционно-демократической власти, которая сделала бы переход от государственно-монополистического капитализма к социалистической организации хозяйства. В. И. Ленин подчеркивал, что если государство управляет производством в интересах революционной демократии, то «это и есть шаг к социализму»¹¹.

Сами по себе перечисленные выше мероприятия привели бы к дальнейшему укреплению государственно-монополистического капитализма. Но В. И. Ленин подчеркивал, что этого бояться не нужно, при революционно-демократическом государстве единая государственная монополия стала бы основой новой, социалистической организации общества. Социализм, подчеркивал В. И. Ленин, «есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государ-

¹⁰ Там же. С. 161.

¹¹ Там же. С. 192.

ственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть нечто иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая быть капиталистической монополией*». ¹²

Подчеркивая демократический характер мер, необходимых для налаживания нормальной хозяйственной жизни, В. И. Ленин в то же время рассматривал их в неразрывной связи с борьбой за подлинно демократическое устройство общества. Он решительно выступил против утверждений буржуазных идеологов, меньшевиков, эсеров и т. п., будто социализм есть нечто далекое, неизвестное, темное, и постоянно указывал на те факты, которые свидетельствовали о приближении социализма. «Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму» ¹³.

Если по-настоящему ставить вопрос о регулировании хозяйственной жизни, то нельзя идти вперед, не делая конкретных шагов к социализму. «Империалистическая война, — писал В. И. Ленин, — есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» ¹⁴.

Переход капитализма в государственно-монополистический капитализм вплотную подводит человечество к социализму. Это особенно становится очевидным, если рассмотреть, например, роль крупных банков, которые стали хозяевами всей хозяйственной жизни. В. И. Ленин показал, что банки призваны сыграть выдающуюся роль при переходе от капитализма к социализму. «Крупные банки, — писал В. И. Ленин, — *есть тот „государственный аппарат“*, который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственных банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства

¹² Там же С. 192.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ Там же.

и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества»¹⁵.

Как видно, В. И. Ленин разрабатывал две принципиально различные задачи социалистической революции. Если по отношению к буржуазному государству задача революции состоит в том, чтобы его разбить, сломать, взорвать, то по отношению к экономическому аппарату, созданному в рамках капитализма, задача принципиально иная: этот аппарат нужно не только сохранить, но, напротив, расширить, укрепить, сделать всеобъемлющим, отсекая в то же время все то, что капиталистически уродует этот «превосходный аппарат». Здесь уже речь идет о том, что социализм призван расширить, углубить тот экономический аппарат, который он получает в наследство от прошлого, сделать его доступнее, демократичнее, обратив его на пользу всему народу.

Вместе с тем нельзя не заметить, что тот «скелет» государственного аппарата буржуазного общества, который переходит к социализму, несет в себе явную опасность утверждения государственного монополизма, несовместимого с производственной демократией. Государственная монополия, обращенная на пользу всему народу, — это скорее идеал социализма, но отнюдь не его действительность. Всякая монополия несет в себе громадную опасность для большинства народа, особенно когда монополизм «срачивается» с функциями государственного управления. Государственно-капиталистическое уродство экономического аппарата монополий несет в себе мощный заряд бюрократического перерождения, для уничтожения которого нужна исключительно глубокая социальная революция, в ходе которой должна быть уничтожена «уния» монополизма с государственным управлением. Там, где государственная монополия не подрывается демократическим самоуправлением, неизбежно рождается бюрократически-казарменный строй, несовместимый с высокими идеалами социализма.

Следует отметить, что без уничтожения государственного монополизма невозможно возрождение принципов равенства и социальной справедливости. Одна группа общества, в распоряжении которой находится экономический аппарат государственного управления, неизбежно ставится выше всего народа, отчуждается от него, превращается в замкнутую касту, отделяющую себя от широких народных масс. Кроме того, она экономически реализует свою функцию государственного управления, получая привилегии в виде материальных и духовных благ и т. п. Все это неизбежно при отсутствии длительного опыта демократического управления и отсутствии культуры при распоряжении общенародным достоянием, когда оно становится объектом государственной собственности. Вот почему недопустимо сращивание функций государственного управления с интересами отдельных социальных групп, сращивание функций управления общенародным достоянием с социальным положением этих групп в системе общественного производства.

---

¹⁵ Там же. С. 307.

Государственно-монополистическая форма управления всегда порождает стремление к присвоению народного достояния определенными слоями общества даже в условиях социализма. Последний развивается внутри государственного капитализма, вырастает из него, но в условиях отсутствия демократического самоуправления неизбежно рождает бюрократизм. На это неоднократно указывал В. И. Ленин, предвидя неизбежность перерождения Советов из органов управления «через трудящихся» в органы управления «для трудящихся», т. е. такое перерождение Советов, которое стало фактом нашей повседневной жизни при отсутствии должных социальных гарантий в процессе функционирования Советской власти. Эта власть по идее и по своей программе призвана была стать гарантом социалистических завоеваний, на деле же она сделалась проводником отнюдь не бескорыстной власти бюрократической элиты, поднявшейся по ступенькам социальной лестницы до вершины общегосударственного управления. Правящая элита превратилась в главный тормоз социалистического развития, поставив свои интересы выше интересов «простого народа», который и породил Советскую власть как самый демократичный в истории социальный институт. Такое перерождение Советов есть следствие не критического восприятия государственного монополизма в сфере управления экономикой и всей социальной жизнью страны.

В создавшихся условиях никакая революция «сверху» не сможет парализовать корыстные интересы вязкого, инертного управленческого слоя, почему и необходимо перерастание перестройки в подлинную социальную революцию, призванную уничтожить привилегии этого слоя, порождающего и поощряющего коррупцию, взяточничество и воровство, моральное разложение значительных слоев советского общества. Моральное разложение — это главный оплот всех противоречий существующего строя, главное препятствие на пути духовного возрождения нашего общества. Никакие декреты, никакие законы не могут уничтожить господство государственной и хозяйственной мафии, господствующей в сфере экономической и политической жизни общества. «Теневая экономика» порождает «экономику нехватки», сознательно организуя дефициты и спекуляцию, возрождая и поощряя нашу своеобразную «компрадорскую» буржуазию, награбившую за годы «застоя» миллионные состояния и всячески препятствующую утверждению принципов равенства и социальной справедливости. Только массовое движение трудящихся, поднятых организованно на борьбу против политической и хозяйственной мафии, может привести к торжеству этих принципов. А это и есть главное содержание социальной революции в нашей стране.

ЗАЩИТА И РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ
МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ.
ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР

1. В. И. Ленин о цели и сущности
социалистического хозяйства

Подчеркивая необходимость длительного периода преобразования капитализма в социализм, К. Маркс и Ф. Энгельс и вслед за ними В. И. Ленин неоднократно ставили вопрос о том, каковы наиболее существенные особенности того способа производства, который идет на смену капитализму. Без выяснения этих особенностей оставалось бы неясным содержание того социального идеала, который преследует рабочее движение. Последнее не может выйти за рамки непосредственных столкновений рабочих с предпринимателями, если нет четких представлений о том, какова конечная цель борьбы рабочего класса.

Существует мнение, будто марксизм не уделял достаточно внимания социалистическому устройству общества. Буржуазные экономисты и оппортунисты утверждают, что в марксизме центральное место занимает вопрос о средствах достижения социалистического хозяйства, но совершенно нет никаких указаний о сущности этого хозяйства. Поэтому часто говорят, что марксизм — это учение о средствах, а не о цели социализма.

На самом деле это утверждение лишено всяких оснований. Конечно, в отличие от социалистов-утопистов и мелкобуржуазных критиков капитализма марксисты не расписывали во всех подробностях детали будущего устройства общества. Они показывали лишь главные, существенные черты экономического строя социализма и коммунизма, подчеркивая противоположность социализма и капитализма. Свои представления о сущности социалистического хозяйства марксисты обосновывали теми данными, которые можно уже было наблюдать при исследовании новейших форм капитализма.

Основоположники научного коммунизма неоднократно подчеркивали, что социализм — это новый общественный строй, основанный на общественной собственности на орудия и средства производства. Поэтому они часто определяли социализм как «общественное производство», или «коллективистический строй», или же как «свободную ассоциацию производителей». Все эти определения подчеркивали одну мысль, а именно: социализм есть свободное объединение трудящихся, связанных отношениями сотрудничества и взаимопомощи и ведущих коллективное хозяйство на основе общественной собственности на средства производства.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса определение сущности социалистического хозяйства всегда связывалось с идеей проле-

тарской революции, как необходимого способа разрешения противоречий капиталистического режима. Суть марксистского учения о социализме состояла в том, что социализм перестал изображаться надысторическим идеалом человечества и был представлен как необходимая ступень, форма общественного развития, поднимающая человечество значительно выше по сравнению с предшествующими ступенями, по сравнению со всеми досоциалистическими способами производства.

Представление о социализме и коммунизме, как некоторой конечной форме, завершающей процесс общественного развития, в корне чуждо диалектике. Социализм по своей природе есть не царство абстрактно понимаемой всеобщей справедливости, а строй, развивающийся в полном соответствии с законами диалектики. Научный подход к проблемам социализма и коммунизма тем и отличается от утопического, что он применяет принцип развития не только к изучению прошлого и настоящего, но и к будущему развитию будущего коммунизма, причем стремится выделить в этом развитии ряд ступеней или этапов, различающихся степенью зрелости коммунистического общества, т. е. теми реальными целями и принципами, которые могут быть реализованы на том или ином этапе.

В работах В. И. Ленина защита и развитие основных методологических принципов марксистского понимания социализма и коммунизма занимает центральное место. В. И. Ленин подчеркивал, что диалектический подход ко всем проблемам современного капитализма, к проблемам социалистической революции, к проблемам развития самого социализма и коммунизма составляет коренную особенность метода К. Маркса. «Вся теория Маркса, — писал В. И. Ленин, — есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется». ¹

Диалектический метод Маркса позволяет, таким образом, не только научно анализировать прошлое и существующее, но с доста-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 84—85.

точной степенью достоверности предвидеть закономерности развития будущего.

При историческом изучении работ классиков марксизма-ленинизма по вопросам социализма и коммунизма нельзя требовать от них, чтобы они предвидели все возможные пути развития общества при переходе от капитализма к социализму и давали ответы на все вопросы, возникающие в практике строительства социализма и коммунизма. По этому поводу В. И. Ленин в сентябре 1917 г. писал: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»².

С того времени, как были написаны эти слова, прошло достаточно времени, чтобы можно было с уверенностью сказать, что главные выводы и положения марксизма-ленинизма о путях становления и развития социалистического общества оказались правильными.

Из работ К. Маркса и Ф. Энгельса наибольший интерес имеют те, в которых дается целостное представление о цели и сущности социализма, где все элементы взаимосвязаны на основе общественной собственности на условия и продукты производства и планомерной организации всей общественной жизни. Важно отметить, что и взгляды основоположников научного социализма не оставались неизменными: они формировались под воздействием практики социалистического движения и развития самого капитализма от более низких его форм к более высоким. Социализм они не считали чем-то раз и навсегда данным общественным строем, а наоборот, стремились показать, что социализм сам будет подвержен многочисленным изменениям и преобразованиям по мере развития от низших форм социально-экономической организации к более высоким.

Это тем более важно подчеркнуть, что в современной литературе социализм иногда изображается как «развитое» общество, в котором уже воплощены все принципы организации, присущие этой форме общественного устройства. Между тем социализм сам проходит в своем развитии ряд ступеней или этапов, которые резко различаются по степени зрелости социалистических производственных отношений. Социализм, по крайней мере в той форме, как он сложился в нашей стране, не только не есть полное воплощение «идеала», а, напротив, лишь начинает по существу реализовывать принципы этой формы человеческого общежития.

Социалистический идеал подвергся грубым извращениям в ходе так называемых социалистических преобразований в нашей стране. Если коротко определить сущность социально-политического строя, утвердившегося за годы сталинщины и брежневщины, то мы должны ясно представить его как казарменную разновидность «государственного социализма», отягощенного фактическим

² Там же. Т. 34. С. 116.

господством политической и хозяйственной мафии в структуре государственного управления общенародным достоянием. Государственная собственность отнюдь не является общенародной: ею бесконтрольно распоряжается политическая и хозяйственная мафия, которой чужды интересы народа и которая наживается на горе и страданиях подавляющего большинства этого народа.

Казарменная разновидность «государственного социализма» не имеет по существу ничего общего с «централистическим социализмом» в понимании классиков марксизма-ленинизма, а представляет собой особое уродливое образование, родственное азиатским способам производства (восточным деспотиям), о которых с едким сарказмом писали основоположники научного социализма. Этим способам производства характерны застой и запустение, нещадная эксплуатация элитой подавляющей части населения. Привилегированные слои общества распоряжаются общественным имуществом бесконтрольно, не отдавая отчет в своих действиях и поступках ни перед каким «народным контролем». Самое главное — это присвоение и узурпация государственной собственности в своих корыстных интересах, противостоящих интересам массы трудящихся, отделенной от участия в принятии судьбоносных решений, касающихся сферы управления и контроля над расходом государственного имущества по принципу: «что хочу, то и ворочу». Государственная собственность становится орудием эксплуатации и угнетения, а личная собственность граждан лишь номинально может называться «социалистической».

Речь идет о том, что то разрешение противоречий капиталистического строя, которое К. Маркс и Ф. Энгельс считали обязательным в ходе социальной революции, не полностью было осуществлено, ибо общественная собственность как основа экономического строя социализма еще не стала по существу общественной, ибо выросший в ходе строительства нового общества бюрократический слой узурпировал многие формы экономической реализации социалистической собственности.

Предположение К. Маркса и Ф. Энгельса о знаменитом «скачке» из царства необходимости в царство свободы, которое, по их мнению, должно расцвести на базе «естественной необходимости», как на своем базисе, не подтвердилось историей, и царство необходимости все еще продолжает господствовать. Раскрывая подлинный смысл формулы, что свобода есть познанная необходимость, Ф. Энгельс писал: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»³. И далее: «Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»⁴.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

⁴ Там же.

Слишком долгим становится путь к социальной свободе. Познание «необходимостей» природы значительно продвинулось вперед, но реализация этого познания отодвигается все дальше и дальше. В настоящее время человечество оказалось в буквальном смысле на грани своей гибели, если учесть накопленные запасы ядерного оружия и практическую возможность экологической катастрофы. Однако уверенность в прогрессивном, поступательном развитии общества, предполагавшаяся основоположниками научного коммунизма, вряд ли может подвергаться сомнению, особенно предположение о том, что «коллективный человек, ассоциированные производители» будут рационально регулировать обмен веществ с природой и совершать его «с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»⁵.

К. Маркс неоднократно призывал к тому, чтобы изучать человеческую природу и ее модификации в каждую исторически данную эпоху. Этот призыв звучал адекватно и в начале XX в., когда на арену политической борьбы вышли русские революционные марксисты. Они противопоставили свое понимание человеческой природы трактовкам буржуазных ученых, видевших в человеческой природе конечную цель исторического творчества. В. И. Ленин активно включился в эту борьбу и в «Постскрипtum» к переизданию работы «К характеристике экономического романтизма» специально воспроизводил высказывания К. Маркса о том, что целью общественного развития является «развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*». В. И. Ленин полностью присоединился к такой трактовке «самоцели» истории и раскрывал ее конкретно через анализ системы производственных отношений⁶.

В наше время высказывания классиков марксизма-ленинизма имеют исключительно важное значение для понимания цели и самоцели социализма. Дело в том, что многочисленные работы советских философов, историков, экономистов и даже техников о человеческой природе, о необходимости ее всестороннего анализа как цели социализма иногда подменяются чисто системистским рассуждением о «потребностях, чувствах и страстях людей». Между тем классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что человеческая природа — не абстракт, присущий отдельному индивидууму, а система социальных отношений. Раскрыть человеческую природу можно только через анализ системы общественных отношений, из которых главными, основными, первоначальными являются производственные отношения. Эту мысль неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, имея в виду тот факт, что экономические отношения в конечном счете определяют характер и содержание всех других отношений в обществе⁷.

⁵ Там же. Т. 25, ч. II. С. 387.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 201—202.

⁷ Там же. Т. 1. С. 134.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что лишь объективным анализом материальных экономических отношений можно выявить необходимость превращения капиталистического строя в социалистический. Именно материалистическое понимание истории позволило разграничить важные и неважные отношения в обществе, идеологические и материальные (производственные) отношения как экономическую структуру общества. Тем самым социализм из области мечтаний и субъективных построений стал научной основой понимания происхождения социалистического строя. В. И. Ленин подчеркивал, что К. Маркс не считал возможным «удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе, — как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи. Тем же объективным анализом капиталистического строя доказывал он необходимость его превращения в социалистический»⁸.

В. И. Ленин показал, что лишь материалистическое понимание истории позволило превратить социализм из утопии в науку. Идея детерминизма, писал В. И. Ленин, «устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не отрицает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистском взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»⁹.

Однако весь вопрос в том, какие условия обеспечивают успех человеческой деятельности, в чем гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонушим в море актов противоположных. В. И. Ленин писал: «В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что решение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность. . .»¹⁰.

В. И. Ленин специально отмечал, что правильное понимание детерминизма в социальных исследованиях не может не базироваться на принципах материализма; именно выделение производственных отношений является верной гарантией против субъективизма и волюнтаризма в общественной идеологии. «Материализм, — писал он, — дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества, и дав воз-

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же.

возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹¹. Только «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их. . .»¹².

Как видим, В. И. Ленин не отрицал ни свободы воли, ни роли личности в истории, ни важности оценки общественных явлений с точки зрения общественных идеалов. Он только подчеркивал, что решение этих проблем должно вестись с точки зрения научного метода в социологии, который, по его словам, состоит в том, что «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹³.

Подобный научный метод в социологии В. И. Ленин распространял и на исследование экономического строя социализма. Он неоднократно подчеркивал, что и при социализме невозможна «произвольная комбинация» отдельных общественных элементов, экономический строй социализма также представляет собой целостное образование, не допускающее комбинаторику, и общественные элементы социализма определяются правильным определением цели (и сущности) социализма. Цель и сущность В. И. Ленин рассматривал в органической связи как два различных аспекта одного и того же определения социализма. При определении цели всегда указывается та наиболее характерная черта (элемент) сущности объекта, которая связывает воедино отдельные общественные связи на основе отношений собственности, образующей главную особенность любого общественного строя.

Естественно, что для реализации имманентной цели социализма недостаточно одно устранение частной собственности, необходима замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества и для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. В. И. Ленин считал недостаточным определить сущности (и цели) социалистического хозяйства, данное Г. В. Плехановым и сводившееся к тому, что социализм есть планомерная организация общественного произ-

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 165.

водственного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов. Этого мало, подчеркивал В. И. Ленин. Такую организацию, возможно, дадут уже тресты. В. И. Ленин требовал сказать определеннее: планомерная организация общественного производительного процесса при социализме должна осуществляться «за счет *всего* общества» (ибо это включает планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов общества, а «для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* членов общества»¹⁴.

Постановка В. И. Лениным вопроса о цели (и сущности) социалистического хозяйства имеет исключительно важное значение. Она указывает не только направленность социалистического хозяйства, но и его важнейшие структурные элементы — «полное благосостояние» и «свободное всестороннее развитие членов общества». Это значит, что в условиях социализма непосредственная цель общественного производства все более полно должна воплощать имманентную «самоцель» общественного развития — всестороннее развитие богатства человеческой природы. Сам социализм может рассматриваться как внутренняя цель (и сущность) всего исторического движения, ибо эта цель должна охватывать все аспекты жизнедеятельности общества. Многогранный характер цели социализма требует системного, комплексного подхода к моделированию социалистического хозяйства и, будучи положена в основу социалистической модели народного хозяйства, должна составлять главный критерий эффективности и оптимальности самого социально-экономического развития.

Широта в постановке вопроса о цели и самоцели в условиях социализма требует включения в модели социалистического хозяйства не только анализ экономических условий существования людей, но и весь мир человеческих ценностей. Выразить «истинное царство свободы» на чисто экономическом языке вряд ли возможно и вряд ли справедливо: целевая функция социалистического хозяйства есть по существу общесоциологическая проблема, опирающаяся на научный метод в социологии, требующий рассмотрения этого хозяйства как единого организма, связанного воедино социалистической собственностью и планомерной организацией хозяйственной деятельности.

Свобода в постановке реализации целей в условиях социализма не может быть абсолютной: объективные факторы детерминации общественного развития действуют как *взвешивание* постановки целей, так и на этапе целедостижения. Внутренняя цель общественного развития диктует свои законы и в процессе сознательного целеполагания: человеку только кажется, что он «свободен» в процессе целеполагания. На самом деле, как показал В. И. Ленин, цели человека предопределены природой и определяются ее законами.

¹⁴ Там же. Т. 6. С. 232.

В этом смысле и социалистическая система хозяйства не может преодолеть «необходимостей» природы, хотя значительно расширяются возможности в выборе вариантов общественного развития, расширяются возможности в выборе альтернатив построения социалистического общества. Нам представляется антинаучной постановка вопроса о том, что путь к социализму исключает возможности выбора альтернативных вариантов: напротив, даже в условиях «жесткой» детерминации общественного развития человечество постоянно стоит перед целым вариантом возможных форм социально-экономической организации, обусловленных уровнем и состоянием производительных сил, и человечество может в рамках объективной детерминации выбирать наиболее удачные формы, соответствующие этому уровню и состоянию производительных сил.

Исследование механизма функционирования социалистической экономики особенно важно при определении критерия оптимальности экономического развития — целевой функции социалистического хозяйства, которая представляет собой количественное отражение полного благосостояния и всестороннего развития членов общества. Этой задаче вполне отвечает функция экономического благосостояния, разрабатываемая в советской экономической литературе. Функция благосостояния (или, иначе, функция общественного предпочтения) является дальнейшей конкретизацией определения цели экономического развития при социализме.

2. Ленинский план построения социализма в СССР

Ленинская программа социалистической революции послужила отправным пунктом при разработке плана построения социализма после победы Октябрьской социалистической революции.

Создание конкретного плана построения социализма проходило в борьбе против буржуазных идеологов, оппортунистов и ревизионистов, продолжавших и после победы Октября говорить о неподготовленности России к социалистическим преобразованиям, о необходимости сохранения основ капитализма и его дальнейшего развития. Сломленная, но далеко еще не уничтоженная буржуазия активно боролась против проведения насущных социальных преобразований, которые поставило на очередь дня Советское правительство. Спротивление капиталистов стало еще более активным и грозило новыми затруднениями на пути налаживания нормальной экономической жизни.

Буржуазные экономисты всячески противились проведению социалистических преобразований. Они настаивали на сохранении капиталистических методов хозяйствования, на сохранении старых форм организации производства, выступали против коренной ломки сложившейся структуры производства. Национализацию фабрик и заводов, которую проводило Советское правительство, они рассматривали как анархизм, приводящий к расстройству экономической жизни. Если раньше они не принимали введение

рабочего контроля на предприятиях, то теперь — переход к рабочему управлению. В своих прогнозах буржуазные идеологи стремились обосновать необходимость сохранения старых темпов экономического развития и не признавали поставленную В. И. Лениным основную задачу — догнать передовые капиталистические страны по уровню развития экономики.

В. И. Ленин был глубоко убежден в том, что Россия не только может догнать капиталистические страны по уровню экономического развития, но и построить «полное» социалистическое общество. На чем была основана эта уверенность? Во-первых, он считал, что необходимые и достаточные условия победы социализма создаются наличием материала и запаса природных ресурсов, которыми располагает наша страна. Во-вторых, он глубоко верил в «запас» человеческих сил нашего народа, наличие в России талантов и способных людей, могущих совершать грандиозные преобразования. В-третьих, он акцентировал внимание на «прекрасном размахе», который дала народному творчеству социалистическая революция.

Можно ли считать все эти условия достаточными для победы социализма? Увы, как показала история, ленинские прогнозы не увенчались успехом. Несмотря на обилие природных богатств, наша страна оказалась почти нищей ввиду полной бесхозяйственности и неумения организовать производство на социалистических началах. Контрреволюционные тенденции в социализме, утвердившиеся в эпоху сталинизма и брежневщины, привели к хищническому разбазариванию природных ресурсов, превратив нашу державу по существу в сырьевой придаток развитых капиталистических стран. Сейчас каждому непредубежденному человеку ясно, что социалистический переворот, осуществленный социалистической интеллигенцией, не только не привел к расцвету духовных сил и таланта нашего народа, но и надолго отбросил его назад, на задворки мировой истории. Революционный размах, придавший силы народу, по существу иссяк в годы жестоких репрессий, обрушившихся на все народы и нации нашей страны.

Как видим, «прогноз» В. И. Ленина не оправдался: вместо могучей социалистической державы в нашей стране был построен такой социально-политический строй, который с большой натяжкой может быть отнесен к «вполне социалистическому». В. И. Ленин исходил из реальных возможностей и способностей народа, но он не мог предвидеть, по какому пути пойдет социалистическое строительство. Во время великой революции трудно даже представить себе те реальные альтернативные пути, по которым она будет развиваться в будущем. Великая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он не только смог поднять массы на социалистическую революцию, но и удержать ее завоевания на довольно большой промежуток времени. Его план социалистического строительства нельзя назвать утопическим: он предусматривал реальные возможности перехода страны к социализму, который мыслился как самый эффективный и самый гуманный по своему

объективному предназначению. Социальный идеал В. И. Ленина по существу ничем не отличался от идеалов К. Маркса и Ф. Энгельса, но он получил превратное истолкование в принципиально особых условиях социалистического строительства в неподготовленной к социализму стране.

Рассматривая в ретроспективном аспекте ленинский план построения социализма в СССР, мы усматриваем в нем много реалистических элементов, которые частично были воплощены в практику и получили экспериментальное подтверждение. Это относится и к индустриализации страны, к ее электрификации, о которых говорили даже представители буржуазной науки еще в 1915 г. на Совете съездов промышленников и торговцев в России. Несомненной заслугой В. И. Ленина является ориентация на крупное производство в промышленности и возможности его поступательного развития — в сочетании с другими элементами плана построения социализма.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что одной национализации крупных и крупнейших предприятий недостаточно для победы социализма. Важнейшая задача пролетарского государства — налаживание всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»¹⁵.

Как показал В. И. Ленин, учет и контроль — это явление, свойственное крупной машинной промышленности, но воспользоваться им в полной мере для планомерной организации производства можно только после превращения средств производства в общественную собственность. Только на базе обобществленного производства можно создать хозяйственный механизм, охватывающий деятельность широких масс и вовлекающий их в единый хозяйственный план. Всенародный учет и контроль — решающий шаг на пути социалистической организации хозяйства.

Определяя задачи Советской власти, В. И. Ленин подчеркивал, что все они сводятся к задаче «экономической реорганизации». Эта задача состоит из двух важных элементов: 1) организация учета и контроля за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах и 2) повышение производительности труда. Решение этих задач возможно при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки в достаточной степени созданы капитализмом. В. И. Ленин подчеркивал, что целый ряд из первоначальных предпосылок для решения этих задач в России «имеется налицо»¹⁶.

¹⁵ Там же. Т. 36. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 130, 131.

Организация учета и контроля и повышение производительности труда необходимы для создания подлинно обобщественного производства. Из всех задач самая трудная — задача именно экономическая. «Главная трудность, — писал В. И. Ленин, — лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство *на деле*»¹⁷.

Борьбу за налаживание всенародного учета и контроля В. И. Ленин рассматривал как самую важную борьбу за социализм и считал, что «без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может. возврат под иго капитализма неизбежен»¹⁸. Социалистическое государство, указывал В. И. Ленин, может возникнуть «лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее»¹⁹.

Производительность труда наряду с учетом и контролем — важнейшая экономическая задача социалистического общества.

Строительство социализма предполагает высшую по сравнению с капитализмом производительность труда, его более совершенную организацию. Коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, указывал В. И. Ленин, это задача повышения производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация²⁰.

Первым условием повышения производительности труда В. И. Ленин считал разработку естественных богатств приемами новейшей техники, что дает основу невиданного прогресса производительных сил. Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения и, во-вторых, повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации. «Учиться работать, — писал В. И. Ленин, — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»²¹.

Повышение в общенациональном масштабе производительности труда В. И. Ленин рассматривал как материальное условие осуществления социализма. Для достижения высшей производительности труда было необходимо создать техническую базу в виде развитой тяжелой индустрии, поднять образование населения, профессиональную подготовку рабочих, воспитать социалистическую

¹⁷ Там же. С. 171

¹⁸ Там же. С. 184.

¹⁹ Там же. С. 185. |

²⁰ Там же. С. 187. |

²¹ Там же. С. 189.

интеллигенцию, свободную от буржуазных предрассудков и преданную коммунистическим идеалам. Нужно было внедрить научную организацию труда и заработной платы, широко использовать для повышения производительности труда материальные стимулы в гармоническом сочетании со стимулами моральными.

Основой повышения производительности труда является создание крупной машинной индустрии. В ленинском плане строительства социализма весной 1918 г. впервые была выдвинута программная идея об электрификации страны — создание передовой технической базы для всего народного хозяйства. Ленинские идеи о создании машинной индустрии и электрификации страны, об ускоренном развитии тяжелой промышленности получили конкретное воплощение в плане ГОЭЛРО, который В. И. Ленин назвал второй программой партии. Политическая программа партии, писал В. И. Ленин, «должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники»²².

В. И. Ленин указывал, что для того, чтобы окончательно вырвать корни капитализма и устранить опасность его восстановления в России, нужно было переделать всю экономику — «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства»²³.

Построение материальной базы социализма немыслимо без коренной перестройки всего народного хозяйства на основе машинной индустрии. Последняя должна быть настолько развитой, чтобы обеспечить перестройку не только всей промышленности, но и сельского хозяйства. «Единственной материальной основой социализма, — подчеркивал В. И. Ленин, — может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»²⁴. Конкретизируя это положение, В. И. Ленин писал, что «соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны»²⁵.

Крупная машинная индустрия должна стать основой социалистического преобразования сельского хозяйства. В ленинском плане построения социализма уделялось большое внимание проблемам преобразования мелкотоварного производства в сельском хозяйстве в крупное социалистическое производство, которое возможно двумя путями: 1) создания государственных социалистических хозяйств и 2) кооперирования мелких производителей, объединения их в крупные производственные кооперативы.

Мелкое товарное хозяйство служит базой развития капитализма. Оно не может избавить крестьянство от нужды, угнетения

---

²² Там же. Т. 42. С. 157.

²³ Там же. С. 159.

²⁴ Там же. Т. 44. С. 9.

²⁵ Там же.

и эксплуатации. В. И. Ленин писал о том, что «надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и браться за него тотчас, *уча* массы и *учась* у масс практически целесообразным мерам такого перехода»²⁶.

Формы общественной организации мелких производителей складывались постепенно. Уже накануне Октябрьской социалистической революции в ряде мест крестьяне самолично захватывали помещичьи имения и организовывали в них общественное хозяйство за общественный счет. В. И. Ленин внимательно изучал этот опыт и всячески рекомендовал его широким массам крестьянства. Уже в марте 1918 г. В. И. Ленин говорил о необходимости перехода к социалистической организации земледелия²⁷. В наброске проекта программы партии он требовал использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян «для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию»²⁸.

В отличие от промышленного производства сельское хозяйство не может быть быстро переведено на социалистические рельсы. В. И. Ленин подчеркивал, что для социалистического переустройства сельского хозяйства нужен целый ряд переходных мер, направленных на вовлечение широких масс крестьянства в русло социалистического строительства. Наиболее удобным и приемлемым путем социалистической перестройки деревни В. И. Ленин считал организацию кооперативов.

В. И. Ленин глубоко раскрыл принципиально различную роль кооперации при господстве капиталистических порядков и в условиях диктатуры пролетариата. В марте 1918 г. он писал, что в условиях советского строя роль кооперации принципиально изменится. «Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, — писал В. И. Ленин, — есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»²⁹. В. И. Ленин выступал за то, чтобы «распространить кооперативные организации на все общество»³⁰.

Ленинский кооперативный план предполагал постепенное и добровольное вовлечение крестьянства в кооперативы. В. И. Ленин подчеркивал, что социализм нельзя навязывать крестьянам насильно, что крестьянское хозяйство нельзя перевести на рельсы социализма административными мерами. Объединение мелких производителей должно осуществляться «по их свободному почину».

Переход к крупному социалистическому хозяйству обеспечивал крестьянству крупные экономические выгоды. Переход к коллективному хозяйству, артельная обработка земли, товарищества

²⁶ Там же. Т. 31. С. 272.

²⁷ Там же. Т. 36. С. 74.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ Там же. Т. 36. С. 161.

крестьян, писал В. И. Ленин, это «средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией»³¹.

Кооперативные крестьянские хозяйства, организованные на общественной земле, являются предприятиями социалистического типа. При условии общественной собственности на средства производства, союза пролетариата и крестьянства, обеспечения руководящей роли рабочего класса кооперативные предприятия, по словам В. И. Ленина, «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»³².

Кооперативный строй в сельском хозяйстве при условии охвата всего сельского населения есть строй подлинно социалистический. Поэтому В. И. Ленин выступал за повсеместный рост кооперации, ибо он означал рост сил социализма. «При условии полного кооперирования, — писал В. И. Ленин, — мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»³³.

Наряду с развитием тяжелой промышленности и кооперированием крестьянства ленинский план построения социализма предполагал проведение культурной революции. Без подъема культурного уровня всего населения, без подъема науки немыслимо осуществление социализма. В 1923 г. В. И. Ленин писал, что мы стоим накануне культурного переворота. «Для нас, — говорил он, — достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной»³⁴.

Культурная революция должна была освоить и критически переработать все духовное наследие прошлого, перенять все достижения отечественной и зарубежной науки, поднять общеобразовательный уровень населения, сделать достоянием всего народа культурные ценности. В. И. Ленин ставит задачу: «Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача»³⁵.

Осуществление культурной революции жизненно необходимо для изменения всего уклада жизни народа. В сочетании с экономическими и политическими преобразованиями культурная революция становится наиболее глубокой формой изменения духовного облика людей, перестройки их сознания, воспитания человека коммунистического общества.

Как видим, ленинский план построения социализма в СССР включал много элементов, но далеко не все из них были реализованы на практике. Так, индустриализация и электрификация страны осуществлялись отнюдь не ленинскими методами, ибо они

³¹ Там же. Т. 37. С. 179—180.

³² Там же. Т. 45. С. 375.

³³ Там же. Т. 45. С. 376.

³⁴ Там же. С. 377.

³⁵ Там же. С. 206.

привели к ограблению многомиллионных масс трудящихся, прежде всего цвета земледелия — крестьянства. Истощение сил и способностей народа в период индустриализации окончательно подорвало веру в потенциальные преимущества социализма, поскольку она осуществлялась дикими, насильственными методами, отнюдь не свойственными потенциальным возможностям социализма. Многие считают, что индустриализация — главное завоевание «реального социализма», и оно должно быть высоко оценено в истории нашего общества. На деле же осуществление ленинского плана индустриализации — в том виде, как она проходила в нашей стране — не имеет ничего общественно значимого с точки зрения социалистического идеала. Воспринятая И. В. Сталиным троцкистская концепция «сверхиндустриализации» не может считаться ленинской, ибо она покоилась не на социалистических, а на военно-феодалных методах социалистического строительства.

То же самое относится и к кооперированию крестьянских хозяйств, приведших, по образному выражению Н. К. Михайловского, к «вывариванию крестьянина в фабричном котле», — что никак не может считаться социалистическим преобразованием. По существу это было массовым удушением крестьянства как класса, который уже никогда не сможет стать полным хозяином на земле, ибо его начисто отучили от занятий сельским хозяйством. Процветанием отдельных колхозов нельзя оправдать те зверские насилия, которые обрушились на ни в чем неповинных людей, единственный интерес которых состоял в развитии собственного хозяйства. Политика ликвидации кулачества как класса на деле была войной против собственного народа, — войной, закончившейся полной деградацией и гибелью подавляющей части трудоспособного населения.

Насильственная индустриализация и преступная так называемая сплошная коллективизация не имеют по существу ничего общего с ленинским планом построения социализма, хотя и оправдывались именно ленинскими заветами. Культ насилия и произвола, якобы свойственный и В. И. Ленину в его идее «диктатуры пролетариата», на самом деле восторжествовал вопреки воле вождя пролетарской революции и не имеет оснований в его заветах и действиях. Распространенная ныне точка зрения, что В. И. Ленин «освятил» культ насилия и произвола, что он является автором и «архитектором» административно-командной системы, возведенной И. В. Сталиным в ранг самой сущности социализма, не имеет, на наш взгляд, никаких оснований, ибо В. И. Ленин лишь в крайних случаях поддерживал насильственные методы социалистического строительства (что имело место, например, в годы гражданской войны). В. И. Ленин был культурным и образованным марксистом, а марксизм лишь в крайних случаях оправдывал насилие и даже предполагал мирный путь социалистической революции, рекомендуя, например, «откуп» от банды капиталистов в том случае, если они не поднимутся на вооруженную борьбу против диктатуры пролетариата. Сознательное разжигание граж-

данской войны недопустимо с точки зрения марксизма-ленинизма, и вовсе не вина русских марксистов, что в нашей стране подобная война привела к гибели многомиллионные массы людей и даже самого «цвета» русского рабочего класса.

Единственно, в чем можно упрекнуть В. И. Ленина, — это недостаточная забота о российской интеллигенции, хотя именно он выступил за привлечение буржуазных специалистов к социалистическому строительству на льготных условиях. Однако тот факт, что цвет российской интеллигенции (и прежде всего технической) не встал на путь сотрудничества с Советской властью и эмигрировал, нанес серьезный ущерб делу налаживания культурной революции. То же самое можно сказать и о духовных наставниках русского народа — духовенстве, с которым обошлись действительно по-варварски, уничтожив их физически и погубив нравственные устои нашего общества. Гибель ни в чем неповинных священников, массовое разорение и осквернение церквей и храмов навсегда останутся позорным явлением в истории нашей Родины.

Это тем более важно подчеркнуть, что социалистическое мировоззрение не противостоит высоким идеалам нравственности и доброты, присущим православной религии. Идеи «софийности» и «соборности», отстаиваемые русскими мыслителями, вполне «вписываются» в рамки социалистического миропонимания, ибо коллективизм, истина, добро, красота не могут не волновать социалистов, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Эти же идеи не противостоят и ленинским заветам, содержанием которых является подлинный гуманизм, человеколюбие, товарищество и коллективизм. Мрачная эпоха сталинизма извратила смысл и содержание ленинских идей, почему они оказались враждебными великой русской философской традиции.

Духовное наследие ленинизма образует, как нечто привитое, саму субстанцию марксизма как самого научного мировоззрения современности. И вместе с тем оно отражало своеобразие русской жизни, преобладание класса крестьянства, заветы революционной интеллигенции. В ленинском плане построения социализма преобладал научный подход, но он сочетался и с традициями передовых мыслителей России. В частности, В. И. Ленин считался с требованиями крестьянства о «социализации земли», с их стремлением к равноправному товарообмену, что и нашло отражение в новой экономической политике. В корне неверно представление, будто В. И. Ленин игнорировал крестьянскую кооперацию, ее огромную роль в деле социалистического преобразования деревни. То же следует сказать и о разворачивании товарно-денежных отношений, ставших основой «смычки» между крестьянством и рабочим классом, между городом и деревней. В этом состоит одна из главных заслуг В. И. Ленина перед марксизмом.

3. В. И. Ленин об использовании товарно-денежных отношений.

Ленинские принципы социалистического хозяйствования

Вопрос о соотношении социализма и товарного хозяйства имеет важное и актуальное значение, особенно в связи с проблемой экономических методов социалистического хозяйствования. В советской литературе этот вопрос встал особенно остро уже при переходе к новой экономической политике, направленной на совершенствование хозяйственного расчета и усиление экономических стимулов развития социалистического производства.

Вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин считал, что целью социальной революции является не только уничтожение капиталистических производственных отношений, но и уничтожение, или, иначе, «замена товарного производства социалистическим»³⁶. Это указание не было случайным, а вытекало из всей марксистско-ленинской концепции товарного производства как особой формы или системы общественного производства, базирующейся на экономической обособленности производителей. Уничтожение товарного хозяйства, его существа — экономической обособленности производителей на базе частной собственности — вот подлинная задача действительно глубокой социальной революции.

Историческая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он впервые показал диалектику развития товарного производства при переходе от капитализма к социализму. Так, уже при переходе от капитализма к монополистическому капитализму происходит подрыв основ товарного хозяйства, причем подрыв не внешних форм его проявления, а самых глубоких, коренных основ. По этому поводу В. И. Ленин писал: «... Развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему „царит“ и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано...»³⁷

В этих словах В. И. Ленина заключен глубокий смысл. В самом деле, монополистический капитализм сохраняет общую базу — товарное производство, что проявляется в существовании монопольных цен, прибылей и т. п. На первый взгляд кажется, что речь идет о дальнейшем развитии товарного производства, его процветании. Но на деле все обстоит наоборот. Уже смена свободной конкуренции монополией означает решительный удар по одному из самых существенных свойств товарного хозяйства. В монополии уже нет стихии рынка: она планомерно организует производство в тех рамках, которые ей доступны.

При господстве монополий уже нет раздробленных, ничего не знающих о рынке хозяйств. Концентрация производства дошла до того, что можно произвести приблизительный учет источников сырья, размеров рынка и т. п. Монополистический капитализм, по

³⁶ Там же, Т. 6. С. 199.

³⁷ Там же, Т. 27. С. 322.

образному выражению В. И. Ленина, означает такой порядок, который представляет собой переход «от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»³⁸.

Показав диалектику товарного производства при империализме, В. И. Ленин вместе с тем твердо и последовательно придерживался основной идеи марксизма о несовместимости капиталистического товарного производства и социализма. Однако совершенно несостоятельны утверждения, будто с переходом к новой экономической политике В. И. Ленин не внес ничего нового в понимание вопроса о несовместимости товарного производства и социализма. В. И. Ленин первым отметил диалектику товарной формы, состоявшей в том, что продукты социалистических предприятий перестают быть товарами в политико-экономическом смысле слова: «...государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром»³⁹.

Эта идея В. И. Ленина была не случайной или временной установкой, а выражала коренную позицию его по вопросу о судьбе товара и стоимости в социалистическом обществе. Об этом свидетельствуют и «Замечания» В. И. Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода», где В. И. Ленин специально отметил, что товар в переходный период перестает быть товаром, превращается в «продукт, идущий на общественное потребление не через рынок»⁴⁰. Диалектика товарной формы, раскрытая в трудах В. И. Ленина, показывает всю несостоятельность попыток представить социализм разновидностью товарного производства в классическом понимании этого производства.

Однако ограничиться констатацией положения классиков марксизма-ленинизма о несовместимости товарного производства и социализма было бы весьма односторонне. Известно, что классики марксизма вполне допускали существование товарно-денежных отношений в переходный период от капитализма к социализму.

Первоначальный план социалистического строительства, разработанный В. И. Лениным, был рассчитан на постепенный и длительный переход от капитализма к социализму и предполагал осуществление целого ряда переходных мер, которые должны были подвести к основам социалистической экономики. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что партия говорила о задачах строительства социализма до весны 1918 г. гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем это было в годы «военного коммунизма». В теоретической литературе, писал В. И. Ленин, вплоть до лета 1918 г. постоянно подчеркивалось, что в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, необходим длительный и сложный переход от капиталистического общества к социализму.

³⁸ Там же. С. 321.

³⁹ Там же. Т. 43. С. 276.

⁴⁰ Ленинский сб. Т. 11. С. 388.

Программа переходных мер к социализму, разработанная В. И. Лениным, должна была претворяться в жизнь постепенно, по мере созревания экономических предпосылок социализма. Среди этих мер основной была централизация учета и контроля в руках пролетарского государства за производством и распределением продуктов. Однако эта централизация рассматривалась при сохранении и всемерном использовании товарно-денежных отношений — аппарата банков, кредита, кооперативных товариществ, потребительских обществ и вообще «оболочки государственного капитализма» — хлебной монополии, подконтрольных пролетарскому государству предпринимателей и торговцев, буржуазных кооператоров и т. д.

Осторожность и вдумчивость при проведении программы переходных мер к социализму говорят о том, что В. И. Ленин и партия считали вполне закономерным длительное существование новых, социалистических отношений с капиталистическими и даже докапиталистическими отношениями. Партия рассчитывала на мирное и постепенное вытеснение отсталых экономических форм и потому не предпринимала решительных мер по упразднению товарно-денежных отношений.

При осуществлении первых социалистических преобразований Советское государство стремилось обеспечить правильный экономический союз между рабочим классом и крестьянством и потому создавало все условия для развертывания товарооборота между городом и деревней. В. И. Ленин требовал проведения самых срочных мер по увеличению продукции городской промышленности в целях обеспечения нормального товарообмена с крестьянством. Новое состояло в том, что налаживание товарно-денежных отношений между городом и деревней осуществлялось под контролем пролетарского государства.

Как уже отмечалось, ленинская концепция использования товарно-денежных отношений для строительства социализма опиралась на точный анализ фактов хозяйственной жизни, на объективный учет хозяйственной ситуации. Разрабатывая план приступа к социалистическому строительству, В. И. Ленин творчески применял марксистскую программу переходных мер к социализму, предполагавшую постепенную ликвидацию товарно-денежных отношений и необходимость использования этих отношений в качестве орудия социально-экономических преобразований. В. И. Ленин исходил из факта существования товарно-денежных отношений и форм, из необходимости существования этих форм в условиях многоукладной экономики и прежде всего существования мелкотоварного уклада. В. И. Ленин понимал уже тогда, что отношения между промышленностью и крестьянским хозяйством можно строить только на основе эквивалентного товарообмена.

Вся хозяйственная практика социалистического государства вплоть до лета 1918 г. основывалась именно на марксистско-ленинской концепции использования товарно-денежных отношений в переходный период и создания предпосылок для ограничения

и постепенного изживания этих отношений и форм. В. И. Ленин и партия рассчитывали на возможность длительного сосуществования различных хозяйственных отношений в экономике страны, постепенного вытеснения капиталистических отношений и присущих им товарно-денежных форм. Развертывая товарооборот между городом и деревней, партия опиралась на высказывания В. И. Ленина о необходимости проведения самых срочных мер по увеличению продуктов городской промышленности в целях обеспечения товарообмена.

Как видим, на первом этапе социалистического строительства в России существовали товарно-денежные отношения и партия исходила из того, что их ликвидацию необходимо осуществлять постепенно. Поэтому хотя и предпринимались ограничения товарно-денежного механизма, но они осуществлялись не так решительно, как позднее — в период «военного коммунизма».

В октябре 1921 г. В. И. Ленин писал: «В теоретической литературе начиная с 1917 г., когда задача принятия власти встала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что длинный и сложный переход от капиталистического общества (и тем более длинный, чем менее оно развито), переход через социалистический учет и контроль хотя бы к одному из подступов к коммунистическому обществу необходим. . . Это было нами тогда, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги по строительству, вроде того, что забыто»⁴¹.

Период «военного коммунизма», вызванный к жизни чрезвычайными условиями: гражданской войной, всеобщей хозяйственной разрухой, крайним истощением производительных сил и расстройством всей денежной и финансовой системы, имел некоторые существенные отличия от первоначального плана приступа к социалистическому строительству, разработанному В. И. Лениным в первые месяцы после Октября. Важнейшими из этих отличий была вынужденная натурализация хозяйства страны, натурализация отношений между городом и деревней, натурализация заработной платы и т. д. Для периода «военного коммунизма» была характерна строжайшая централизация всего производства и распределения. Экономическая политика периода «военного коммунизма» не могла опираться на те принципы мирного и длительного процесса социалистического строительства, которые разрабатывались до начала гражданской войны.

В период «военного коммунизма» в силу сложившихся социально-экономических условий были изменены методы построения социалистического хозяйства. Новое заключалось в попытке форсированного перехода к построению социалистических форм производства и распределения продуктов. Раскрывая смысл экономической политики «военного коммунизма», В. И. Ленин писал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 158.

народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали. . . непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически. . .»⁴².

Давая общую оценку политики «военного коммунизма», В. И. Ленин, строго разграничивал ее оценку как метода военной организации хозяйства, которая обеспечила военную победу над буржуазией, от той ее стороны, которая предусматривала непосредственный переход к социализму-коммунизму. «Переход к „коммунизму“, — писал В. И. Ленин, — очень часто (и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма (коммунизм vs социализм)»⁴³.

Этот период породил иллюзию о возможности непосредственного перехода к коммунистическим отношениям, минуя все промежуточные стадии, не ожидая постепенного вызревания материальных и субъективных предпосылок победы социализма и коммунизма. В период «военного коммунизма» была резко сужена сфера применения стоимостных отношений, ограничена сфера торговли, происходило непрерывное обесценение денег и т. д.

Под влиянием «военного коммунизма» у большинства экономистов сложилось представление, что социалистическое хозяйство исключает всякие товарно-денежные отношения, что оно не может вестись с помощью товарно-денежного механизма. При этом смешивались стихийно действующие товарные отношения и новые, нарождавшиеся в ходе социалистического строительства. Между тем такое отождествление неправомерно, ибо если исходить только из товарно-денежных отношений капиталистического типа, то нельзя в принципе понять всю трансформацию экономических категорий в ходе социалистического развития.

Социалистические товарно-денежные отношения должны принципиально отличаться от тех, которые господствовали в течение длительного исторического процесса. Эти новые отношения должны быть лишены стихийности, отчужденности, составляющих отличительные особенности старого товарного производства. Новый тип товарно-денежных отношений призван характеризоваться прежде всего их новой социальной направленностью — они «обслуживают» новые формы хозяйственного взаимодействия, которое покоится на социалистической собственности, определяющей и новую цель хозяйственной деятельности, и новую мотивацию хозяйственных действий. Социалистические товарно-денежные отношения должны отличаться тем, что они неотделимы от самой сущности социалистической организации хозяйства, состоящей

⁴² Там же. С. 151.

⁴³ Ленинский сб. Т. 36. С. 354.

в обеспечении подлинного демократизма в самой системе управления — в организации кооперативов, товариществ, артелей и т. п. Последние, в свою очередь, предполагают полную хозяйственную самостоятельность и самодействие, которое свойственно и предприятиям государственного хозяйства, ибо они являются «держателями» государственного имущества как самостоятельные производители и потому строят свои отношения со всем обществом на взаимовыгодном товарном обмене. Иначе говоря, социалистические товарно-денежные отношения определяются особенностями социалистической собственности и форм ее экономической реализации.

Однако в годы «военного коммунизма» эти черты нового товарно-денежного механизма еще не проявились, а потому считалось само собой разумеющимся фактом, что всегда социалистическое народное хозяйство должно быть безденежным натуральным хозяйством, лишенным всех стоимостных категорий. Это мнение стало господствующим; оно распространялось не только в экономической литературе, но и нашло отражение в ряде партийных документов. В программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., указывалось: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. . . Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег»⁴⁴.

Эта мысль проводилась и в работах теоретиков-экономистов, выступавших с теорией безденежного социалистического хозяйства. В этих работах воспроизводились положения основоположников научного коммунизма об отмирании товарного производства в условиях социалистического хозяйства, которое рассматривалось как единый управляемый хозяйственный организм, где хозяйственный план становится на место стихийных регуляторов хозяйства и весь хозяйственный процесс строится вполне сознательно. При этом не только стихийность хозяйственного процесса, что было совершенно правильно, но и вообще отрицалась роль экономических методов хозяйствования.

Основное отличие политики «военного коммунизма» состояло в вынужденной натурализации хозяйства, опиравшейся на чрезмерную централизацию всего управления хозяйственной жизнью, натурализацией отношений между городом и деревней, натурализацией государственного бюджета, всех налогов и повинностей, натурализацией заработной платы, введением натурального премирования и т. д.

Однако даже в этот период сужения и ограничения экономических связей хозяйственная практика требовала единого измерите-

⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. С. 425—427.

ля для сопоставления затрат и результатов в хозяйстве. Вновь возникший социалистический уклад не мог нормально функционировать без сознательно проводимого хозяйственного расчета, без сопоставления затрат и результатов труда. Поэтому со всей остротой встал вопрос о природе единого измерителя в социалистическом хозяйстве, поскольку деньги, как измеритель стоимости хозяйственных благ, считались свойственными только стихийному товарно-капиталистическому хозяйству. Так возникли многочисленные проекты безденежного хозяйственного учета, проекты о введении «бонов», «энедов» и т. д., минуя товарно-денежные отношения. Появилось немало проектов хозяйственного учета, свободного от стоимостных форм и основанного на натурально-хозяйственных измерителях. Однако эти проекты не могли быть реализованы в силу как неразвитости социалистических методов хозяйствования, так и внутренних противоречий и несообразностей, органически присущих всякой системе натурального учета. Установка на введение прямого продуктообмена, которая была не чужда и В. И. Ленину в этот период, не соответствовала реальным условиям ведения хозяйства, и В. И. Ленин эту установку позднее прямо охарактеризовал как ошибочную.

Переход к новой экономической политике по-иному представил вопрос о роли товарно-денежных форм в социалистическом строительстве, ибо на довольно длительный период необходимо всемерно использовать и развивать товарно-денежные отношения как важный инструмент хозяйственной политики. Совершенствование товарно-денежного механизма настойчиво диктовалось практикой социалистического хозяйствования — как в обобществленном секторе, так и особенно в сфере взаимоотношений между различными секторами экономики страны.

При обосновании нэпа В. И. Ленин исходил из реальных исторических условий строительства социализма в нашей стране, — условий, которые никак не позволяли непосредственно перейти к прямому коммунистическому распределению. Наличие в стране огромной массы мелких товаропроизводителей, господство мелкобуржуазной стихии исключали возможность непосредственного продуктообмена и прямого безденежного учета затрат и результатов хозяйства. Товарно-денежные формы были жизненно необходимы для обеспечения экономической смычки между городом и деревней, ибо многомиллионная масса крестьянства не могла принять иных форм взаимоотношений, кроме тех, которые основаны на обмене эквивалентов в товарной форме.

В тех условиях, которые сложились в период нэпа, В. И. Ленин, бесспорно, внес много нового в трактовку вопроса об отношении товарно-денежных форм к социалистическому строительству. Оставив в силе положение марксизма о несовместимости социализма и капиталистического товарного хозяйства, он тем не менее выступил за широкое развертывание советской торговли, за использование товарно-денежного механизма в деле укрепления и подъема экономики страны. Товарно-денежные отношения стали

рассматриваться как важные экономические рычаги хозяйственной политики.

Широкое привлечение товарно-денежных форм диктовалось, как уже указывалось, потребностями налаживания правильных взаимоотношений между различными секторами экономики страны. В. И. Ленин первым обосновал исключительно важную роль ценностного механизма в деле укрепления и развития самого социалистического уклада, что представляет особый интерес с точки зрения современных экономических дискуссий. Именно В. И. Ленин глубоко обосновал важность ценностного механизма в деле функционирования социалистической формы хозяйства.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что социализм нельзя строить только при помощи одного энтузиазма, рожденного великой революцией, что этот энтузиазм должен подкрепляться личной материальной заинтересованностью людей в результатах своего труда. Особое значение имеет выдвинутая В. И. Лениным идея хозяйственного расчета как основного метода ведения социалистического хозяйства.

Идея сочетания единого хозяйственного плана с хозяйственным расчетом — это центральная идея В. И. Ленина при разработке им социалистических методов хозяйствования. Сочетание плана с хозяйственным расчетом есть конкретная реализация ленинского принципа демократического централизма. Дальнейшее развитие и совершенствование методов социалистического хозяйствования нашли конкретное выражение в идее полного хозяйственного расчета, направленного на широкое использование ценностного механизма во всех звеньях управления социалистическим производством. Переход к системе полного хозрасчета — это и есть переход к товарно-рыночному хозяйству и является дальнейшим развитием социалистических методов управления производством. Система полного хозяйственного расчета — конкретное воплощение ленинских принципов руководства социалистическим производством.

В настоящее время идеи В. И. Ленина воплощаются в экономических методах управления экономикой, которые приходят на смену командно-бюрократическим методам руководства. В процессе революционной перестройки экономические методы должны занять ведущее место, поскольку они являются основой обеспечения свободы хозяйственной деятельности. Принудительная регламентация должна быть ликвидирована, система хозрасчета и самоокупаемости должна стать ведущим принципом в работе предприятий (объединений). Последние должны полностью отвечать за безубыточность своей работы, обеспечивать поставки продукции на базе свободных договоров, регулировать ассортимент и качество ее в рамках той «вилки цен», которая должна задаваться в централизованном порядке. Управление через цены — вот суть новой системы планирования и регулирования производством: все остальные хозяйственные решения предприятия должны решать вполне самостоятельно.

Такая система возможна только в ходе социальной революции, опрокидывающей казарменно-бюрократическую систему со всеми ее хозяйственными и управляющими органами. При этом особая роль принадлежит потребительской кооперации и местным Советам, которые должны иметь достаточные средства и полномочия в деле защиты интересов потребителей как исходного и конечного пункта всего социально-экономического процесса.

В этой связи центральной задачей экономической науки представляется поставленная В. И. Лениным задача установления подлинной «хозяйственной демократии» как главного средства устранения бюрократизма как в сфере экономики, так и в сфере политического руководства. Эти вопросы В. И. Ленин ставил на VIII и X съездах партии, подчеркивая, что «производственная демократия» есть необходимое средство перестройки производственного управления через трудящихся и для их общего блага.

Особо много внимания уделял В. И. Ленин проблеме бюрократизации Советов, которая обнаружилась уже в первые годы установления Советской власти. Рост бюрократизма оказался таким быстрым, что он вызвал значительный развал в деятельности самих Советов. На VIII съезде партии (1919 г.) В. И. Ленин уделил этой проблеме большое внимание, специально выделив вопрос о бюрократизме как вопрос о дальнейшей судьбе социалистических преобразований. Он подчеркивал, что Советы, «будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»⁴⁵. Причину бюрократизации Советов В. И. Ленин объяснял тем, что слой передового пролетариата, участвующего в управлении, «чрезвычайно тонок» и не может предотвратить рост бюрократизма, особенно в связи с тем, что в органы Советской власти проник «старый бюрократический элемент» — царистские бюрократы, которые «стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП»⁴⁶. Ясно, что этот «бюрократический элемент» набирал все большую силу и в конце концов привел к почти полному перерождению власти Советов.

Следует отметить, что наряду со старыми, «царистскими» бюрократами родился и новый слой бюрократической элиты, который в сущности ничем не отличался от старого бюрократического элемента и проводил ту же линию, приведшую к узурпации власти этой бюрократической мафией, бесконтрольно распоряжающейся общенародным достоянием. Бюрократическая мафия привела к перерождению принципа «демократического централизма» в бюрократический централизм, ничего общего не имеющий с социалистическими методами ведения хозяйства. Отсюда проистека-

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

⁴⁶ Там же.

ют и все деформации социалистического строительства, которые имелись в нашей стране на протяжении целых десятилетий.

Вместе с тем следует отметить, что «производственная демократия» вполне совместима с «централистическим социализмом» в его принципиально новом значении в условиях роста товарно-денежных отношений и хозрасчета, и главный вопрос — это вопрос о «мере» централизации, за которой начинается извращение этого принципа. Именно поэтому требуется глубокая демократизация форм и методов хозяйствования, вовлечения широких трудящихся масс в сферу принятия коренных хозяйственных решений на всех уровнях государственного управления экономикой. Эти указания В. И. Ленина имеют жизненно важное значение на всех этапах социалистического развития, ибо без этого формы и методы хозяйствования теряют свою социальную устойчивость, порождают все более и более глубокие противоречия, нарушения хозяйственной дисциплины и заинтересованности, ведут к перерождению централизма в бюрократизм, а самостоятельности — в анархизм. Бюрократическое перерождение Советов дополняется тогда превращением хозяйственных органов управления (вроде министерств и ведомств) в заскорузлые бюрократические органы, навязывающие свою волю потребителям подобно могущественным монополистическим объединениям, преследующим цель не удовлетворение потребностей людей, а извлечение сверхприбылей.

Принцип демократического централизма — коренной принцип социалистической организации народного хозяйства, специфически социалистический тип руководства хозяйством. Несмотря на возможные извращения этого принципа, неизменность его в условиях социализма есть важнейшее завоевание демократии. Авторы указанной выше книги «Очерки политической экономии социализма» под редакцией академика Н. П. Федоренко пишут: «В сфере хозяйственного руководства преимущества социализма решающим образом проявляются на деле в форме демократического централизма. Само понятие «демократический централизм» применяется для характеристики специфики социалистического (и единственно адекватного отношениям социалистической собственности) типа управленческих отношений на любом этапе социалистического строительства, начиная от первых шагов диктатуры пролетариата до периода зрелости и, очевидно, вплоть до отмирания социалистического государства и демократии в будущем»⁴⁷.

Потребность в централизме хозяйственного руководства порождает развитие производительных сил, особенно его машинная стадия, тем более современная, связанная с научно-технической революцией. На это указывали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, но наиболее полное обоснование необходимости централизма было дано В. И. Лениным: «Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функциониро-

---

⁴⁷ Очерки политической экономии социализма / Под ред. Н. П. Федоренко. М.: Наука, 1988. С. 94.

вать правильно, если нет единства воли, связывающего всю личность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи»⁴⁸.

Ленинская постановка вопроса предельно ясна. Централизм в управлении — объективная необходимость, потребность современного крупного производства. Эту потребность лучше всего может удовлетворить социализм, хозяйственный механизм которого должен работать с правильностью часового механизма. Демократический централизм означает, что управление осуществляется не только в интересах народа, но и самим народом: «Демократический принцип организации — в той высшей форме, в которой с проведением Советами предложений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь»⁴⁹.

«Отстаивая централизм, — писал В. И. Ленин, — мы отстаиваем исключительно демократический централизм»⁵⁰. Это предполагает широкую самодеятельность трудящихся масс, их активное участие во всех сферах жизни и управления. Демократический централизм охарактеризован В. И. Лениным как диалектическое сочетание «почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблона, централизма»⁵¹.

В. И. Ленин последовательно отстаивал демократический централизм как принцип подлинно социалистического хозяйственного руководства в противовес бюрократическому централизму и анархической безответственности, неорганизованности и недисциплинированности: «Мы стоим за демократический централизм, — отмечал он, — И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма»⁵².

В понимании В. И. Ленина демократический централизм предполагает всемерное развитие творческой инициативы трудящихся, чуждой своеволлю, всякого «давления», всякого рода «начальствования», которые, по его стратегическому замыслу, неизбежно должны отмереть вместе со всеми формами насилия,

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 157.

⁴⁹ Там же. С. 156—157.

⁵⁰ Там же. Т. 24. С. 144.

⁵¹ Там же. Т. 35. С. 203.

⁵² Там же. Т. 36. С. 151.

пренебрежениями интересами «простого народа». Эти принципы были заброшены и отвергнуты как в мрачные годы сталинизма, так и в недавнем прошлом в период брежневщины. Лишь в современных условиях стали возрождаться ленинские нормы административного руководства, чуждого шаблону и рутине, столь «красочно проявившихся» в годы застоя. Лишь теперь стали возрождаться на новой основе и принципы рационального ведения хозяйства, основанные на демократизме и хозяйственной самостоятельности, причем во все возрастающей мере устраняется «принудительная регламентация», стесняющая свободу хозяйственной деятельности и инициативу трудовых коллективов.

Развертывание хозяйственной инициативы есть непереносимое условие проведения в жизнь принципов демократической организации хозяйственного управления. Эти принципы связаны с развертыванием товарно-денежного механизма и органически присущей ему хозяйственной демократии, которая есть один из коренных устоев и заветов ленинизма.

Ленинские принципы социалистического хозяйствования стали основой проведения радикальной хозяйственной реформы, призванной привести в соответствие ныне действующий хозяйственный механизм с задачами всемерного подъема производительных сил страны и коренного преобразования системы производственных отношений, которые все более сдерживают как процесс поступательного развития производительных сил, так и социальное развитие в целом. Коренным принципом совершенствования хозяйственного механизма должен стать принцип оптимума, ибо в нем отражается необходимость не только наилучшего распределения ресурсов, не только совершенствование организации производства и технологических процессов, но необходимость достижения такого нового качественного состояния социально-экономического строя, который обеспечил бы полное благосостояние и свободное развитие каждого члена общества. Этого можно достичь только путем обеспечения полной свободы хозяйственной деятельности, без всякой «принудительной регламентации», ибо свобода — главная цель общественного союза ассоциированных производителей как основы всего социального строя социализма.

Сохранение суверенитета потребителя возможно лишь путем последовательного развития ленинского кооперативного плана, всемерного укрепления потребительской кооперации, предоставления местным Советам всей полноты власти, обеспечив их для этого необходимыми материальными ресурсами. Возрождение на новой основе Советской власти — непереносимое предварительное условие успеха самой хозяйственной реформы, ибо без коренного преобразования политической системы нельзя обеспечить полную свободу как на стороне производителей, так и на стороне потребителей. Превращение Советов в подлинно демократические организации, обладающие всей полнотой власти в центре и на местах, — важнейший из всех ленинских заветов.

Отдавая приоритет В. И. Ленину в постановке и решении ряда задач формирующегося социалистического строя, следует подчеркнуть видную роль других теоретиков в конституировании отличительных черт и особенностей социально-экономических отношений нового общества — той когорты «звезд» социалистической мысли первой величины, которая оставила яркий след в истории становления социалистических представлений. Это было время живой борьбы идей, диалектики взглядов и представлений о социализме. Расхождение в понимании путей социалистического строительства было естественно для того исторического периода. Гений Ленина позволял сосуществование различных позиций и лишь в научной полемике и дискуссии могла быть найдена истина, отвечающая целям и задачам текущего момента.

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В РАБОТАХ А. А. БОГДАНОВА

1. Методологические основы экономической
теории А. А. Богданова

Методология А. А. Богданова в области экономической науки формировалась постепенно, начиная с его первой книги «Краткий курс экономической науки» (1897 г.) и до его последних работ по организационным принципам единого хозяйственного плана. Известно, как высоко оценивал В. И. Ленин метод А. А. Богданова, положенный в основу его первой работы. Выдающиеся достоинства этой работы В. И. Ленин видел в том, что, во-первых, в ней дается правильное понимание предмета политической экономии как науки об общественных отношениях производства и распределения в их развитии и, во-вторых, автор последовательно придерживался метода исторического материализма.

Материалистическое понимание истории позволило Богданову провести через всю книгу монистическую точку зрения на все проблемы и категории политической экономии. Плодотворность «основного историзма» в политической экономии следует подчеркнуть особо, ибо во всех последующих дискуссиях А. А. Богданову вменялся «механизм», исключающий историческую точку зрения на экономические категории. Напротив, до самой смерти А. А. Богданов в своих экономических трудах был последовательным историком в лучшем смысле этого слова, т. е. видел как общеисторическое содержание экономических категорий, так и их специфическое социальное содержание в различных общественно-экономических формациях. В дискуссиях об исторических границах политической экономии как науки А. А. Богданов придерживался исторической точки зрения, хотя и подчеркивал общенсторические аспекты экономических категорий в «Капитале» К. Маркса.

Начиная с самой первой работы, А. А. Богданов четко и ясно определил различие между социально-технической и социально-экономической сторонами общественного производства, заполнив ту терминологическую «вакансию», о которой стали писать лишь в настоящее время. Уже на первых страницах своего «Курса» А. А. Богданов приводит определение сущности производственных отношений, данное К. Марксом в работе «К критике политической экономии». Он указывает, что в общественном производстве люди вступают в известные, от их воли независимые отношения — производственные; отношения эти всегда соответствуют данной достигнутой степени развития их материальных производствен-

ных сил, т. е. «общественно-технических или общественно-трудовых отношений людей к внешней природе». ¹

По мнению Богданова, это значит, что люди в процессе борьбы с внешней природой необходимо становятся в такие отношения между собой, которые соответствовали бы условиям и способам этой борьбы: охота, например, требует других способов сотрудничества, нежели грандиозные оросительные работы в скудной влажной местности; современное машинное производство ставит рабочих в другие взаимные отношения, чем основанная на ручном труде мануфактура. «С точки зрения этих идей, составляющих сущность теории исторического материализма, экономические отношения жизненно необходимы; они складываются в зависимости от степени развития производительных сил и образуют поэтому основное строение общества, — канву, из которой вышиваются все многообразные и сложные узоры общественно-трудовой жизни человечества. Политическую экономию можно поэтому с полным правом назвать наукой об основном строении общества» ².

Точно определив предмет политической экономии, он обращается к наследию К. Маркса и рассматривает как главное содержание политической экономии систему экономических отношений. А. А. Богданов указывает, что, переходя от низших ступеней развития человечества к высшим, мы сталкиваемся с такими фактами: крепостная часть своего труда отдает помещику, рабочий работает на капиталиста; ремесленник производит не для личного потребления, а в значительной доле для крестьянина, который со своей стороны часть своего продукта прямо или через торговцев передает ремесленнику. «Все это — общественно-трудовые связи, которые образуют целую систему производственных отношений в широком смысле этого слова. Они охватывают, следовательно, и присвоение, и распределение продуктов в обществе» ³.

Таким образом, Богданов подчеркивает системность производственных отношений, как объекта политической экономии. Определяя эту науку как науку об «основном строении общества», он ставит ее в один ряд с точными науками, ибо без слова «система» производственные отношения не могут рассматриваться как нечто законченное и цельное. «Всякая наука, — пишет А. А. Богданов, — представляет систематизированное познание явлений определенной области человеческого опыта. Познание явлений сводится к тому, чтобы овладеть их взаимной связью, установить их соотношения и тем самым иметь возможность использовать их в интересах человека. Подобные стремления возникают на почве хозяйственной деятельности людей, в процессе трудовой борьбы человечества, — борьбы, которую оно неизменно ведет с природой за свое существование и развитие. . . Практические потребности человечества, таким образом, толкают его к установлению связи

¹ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд. вновь перераб. и доп. Ш. М. Дволайциким. М.: Госиздат, 1920. С. 2--3.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 2.

между этими явлениями, — к их познанию; уяснивши их связь, человечество начинает пользоваться ею, как орудием в своей трудовой борьбе. Но такого рода познание явлений еще не представляет собою науки, — она предполагает систематизированное познание всей суммы определенной отрасли трудового опыта⁴.

Указывая на системный характер политической экономии как науки, Богданов подчеркивает и специфическую область явлений, подлежащих изучению: «Специфическим предметом нашей экономической науки, или политической экономии, является область общественно-трудовых отношений между людьми»⁵. По своей задаче «экономическая наука занимается изучением общественно-трудовых отношений между людьми. Но она не может, однако, не касаться при этом других сторон процесса производства: она необходимо должна принимать во внимание его техническую и идеологическую сторону, поскольку от той и другой зависит его развитие»⁶.

Эти указания крайне важны в современных экономических дискуссиях, когда некоторые политэкономы утверждают, что политическая экономия рассматривает только «чистые» производственные отношения, не касаясь других сторон общественного производства.

В этой связи мы напомним ленинскую оценку данного А. А. Богдановым определения политической экономии: «Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма. Характеризуя определенный период экономического развития, он дает обыкновенно в «изложении» очерк политических порядков, семейных отношений, основных течений общественной мысли *в связи* с коренными чертами данного экономического строя. Выяснив, как данный экономический строй порождал определенное разделение на классы, автор показывает, как *эти классы* проявляли себя в политической, семейной, интеллектуальной жизни данного исторического периода, как интересы этих классов отражались в определенных экономических школах. . . »⁷. «А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит и в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководствам по политической экономии»⁸.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Там же. С. 1—2.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 37—38.

⁸ Там же. С. 36—37.

Противопоставляя «Курс» А. А. Богданова всем существовавшим в то время учебникам по политической экономии, В. И. Ленин писал: «Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы; не умеют отчетливо определить ее историческое значение, показать процесс (и условия) ее возникновения, с одной стороны, и отдельные стороны, тенденции ее дальнейшего развития, с другой; не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы; не умеют дать читателю надежного руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления; не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая «в поэтическом беспорядке» «факторы» экономической, политической, моральный и т. д. Только *материалистическое понимание истории* вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связанного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека»⁹.

Можно без преувеличения сказать, что эти недостатки присущи почти всем «курсам» по политической экономии. И хотя в них учитываются все способы производства, зачастую они написаны столь безобразным языком, что учащиеся, особенно студенты и аспиранты неэкономических вузов, просто не в состоянии их прочесть ввиду крайней бессвязности изложения, отсутствия живых примеров из практики. Мы не говорим уже о том, что в этих «курсах» не даются очерки политических, интеллектуальных, моральных и других явлений в связи с коренными чертами данного способа производства. Это относится не только к учебнику К. В. Островитянова и И. Лапидуса 1930 г., но и к современным многотомным «курсам» по политической экономии.

Метод исторического материализма позволяет с монистических позиций рассмотреть влияние переворотов в технических способах производства на развитие экономических отношений, а также надстроечных отношений на экономический базис. А. А. Богданов указывал, что именно развитием технических способов производства определяются экономические отношения вообще. «Ясно, — писал он, — до какой степени важны для нашего исследования факты технической жизни. Если мы не примем в расчет таких явлений, как технический переворот конца XVIII века, как изобретение паровой машины и механического ткацкого станка, или как применение пара к мореплаванию и т. п., то мы не пойдем

⁹ Там же. С. 37.

целого ряда экономических явлений первостепенной важности»¹⁰.

То же самое относится и к идеологии. «Все ее формы: речь, познание, нормы обычая, права, морали, политический строй и т. д. представляют на деле организационные орудия. Таким орудием является в процессе производства, например, речь, при помощи которой работнику указывается его место и роль в труде, и без которой этот труд приносил бы плоды вавилонского столпотворения. Такую же организационную роль играют нормы права, когда они устанавливают и закрепляют барщину, даже ритмическая музыка или пение «дубинушки», когда они координируют трудовые усилия людей»¹¹.

С материалистических позиций А. А. Богданов рассматривает все эти аспекты, без которых не может быть целостной экономической науки. «Сами идеологические формы, как сказано выше, — писал А. А. Богданов, — возникают из технических условий производства и экономических отношений; но, раз появившись, они, как орудия организации, в свою очередь оказывают влияние на технику и экономику, именно они способствуют или же накладывают путы на развитие производства. Экономической науке, вообще говоря, нет никакого дела до догматов католической церкви; но коль скоро эта церковь становится опорой отживающих феодально-крепостнических отношений, коль скоро они этим самым становятся поперек пути более прогрессивным, с точки зрения политической экономии, отношениям капиталистическим, наша наука не может не учитывать этого факта»¹².

При этом А. А. Богданов не просто провозглашает «взаимодействие» разных факторов общественного развития, но и указывает основание этого взаимодействия — рост техники общественного производства и экономических отношений. Идеологические формы непосредственно «вплетены» в процесс экономического развития как его «организационные орудия», т. е. способы, не внешние по отношению к экономическим отношениям, а непосредственно как орудия их преобразования от низших форм к более высоким. Оптимизм А. А. Богданова весьма примечателен, ибо он, указывая на закономерности прогресса или упадка, конкретно рассматривает процесс общественного развития, и прежде всего — процесс социально-экономического развития как в общем и целом поступательный процесс.

Считая неправомерным обвинения А. А. Богданова в «механистической ревизии марксизма», мы можем указать, что Богданов стоял на точке зрения значительно более высокой и привлекательной, чем те псевдоученые, которые рассуждали о «круговороте материи» как своего рода «замкнутом круге», а не как процессе спиралевидного развертывания все более совершенных форм со-

¹⁰ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. С. 4.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 5—6.

циально-экономической организации, лишь на известные периоды застоя и упадка временно прекращающем общественный прогресс, но никак не уничтожающем его окончательно.

Здесь же уместно подчеркнуть, что принцип развития органически присущ материалистическому пониманию истории, которая допускает периоды застоя и упадка, но которая в общем и целом движется по восходящей линии не к некоторой абсолютной цели, а в силу имманентных свойств развития общественной техники и экономического базиса. Мы обращаем на это особое внимание, ибо в дискуссиях вокруг «эмпириомонизма» А. А. Богданову приписывалась дикая мысль (Г. В. Плехановым и его ученицей — Л. Аксельрод-Ортодокс и др.), будто он отрицал принцип развития как в природе, так и в сфере человеческого опыта. Якобы, согласно А. А. Богданову, мир может рассматриваться лишь в статике и без «внешних факторов» вообще нельзя объяснить ни развития природы, ни развития общества, ни развития сознания.

Забегая несколько вперед, отметим, что принцип развития во всех своих аспектах можно объяснить только с позиций «монизма опыта» — этой «философии живого опыта», которую видный теоретик партии, ставший позднее директором Института В. И. Ленина, В. И. Невский назвал «философией мертвой реакции». Как известно, В. И. Ленин охарактеризовал некоторых марксистов, поддержавших идеи А. А. Богданова, как «партийных безголовцев», считая философию этого ученого реакционной. На самом деле не «партийные безголовцы», а критики эмпириомонизма стояли на реакционных позициях, не понимая и не желая понять единство процессов поступательного развития в природе и обществе. Эти процессы в «философии живого опыта» подтвердили всю важность и правоту марксизма, что развитие, несмотря на временные перерывы и даже гибель целых цивилизаций, не может быть приостановлено, что оно не может прекратиться на какой-либо «конечной станции» ни в технике, ни в природе, ни в человеческом опыте, как это представлялось некоторыми исследователями научного социализма.

Чтобы не оставалось недоразумений о применении А. А. Богдановым принципа развития по отношению к разным системам общественных отношений, мы полностью приведем (а не отрывочно, как это делал В. И. Невский) высказывания создателя первого марксистского учебника по политической экономии.

А. А. Богданов писал: «Общественные отношения не представляют чего-либо постоянного, неизменного; они непрерывно изменяются, как все в природе. В их изменениях выражается или прогресс, или упадок силы общества, победа общества над природой или природы над обществом. Было время, когда люди жили маленькими, тесно сплоченными общинами, независимыми друг от друга; тогда производственные отношения были очень узки и несложны, а распределительные отношения сводились к прямому распределению; теперь человеческие общества громадны, экономические отношения в высшей степени сложны; но между прошлым

и настоящим устанавливается непрерывная цепь развития. Бывали факты и другого рода — когда сила общества в борьбе с природой падала, обширные общественные связи порывались, экономические отношения становились узкими и несложными; тут науке приходится проследить другую непрерывную цепь изменений, цепь не развития, а упадка, деградации. В вопросах развития и деградации — весь интерес науки, потому что наука есть одно из орудий человечества в борьбе за жизнь, за развитие»¹³.

Мысль А. А. Богданова предельно проста: наука призвана исследовать все варианты общественного развития, начиная с первых шагов человечества и до настоящего времени. Несмотря на периоды застоя и деградации, необходимо искать новую «цепь развития» общественных форм, ибо изучение развития — главная задача всех наук. От этой задачи нельзя уклоняться и тогда, когда наступает период деградации — он тоже предмет научного анализа. В непонимании этой истины мы видим главный порок современного обществоведения, ибо в годы застоя оно практически отказалось от научного исследования существовавших (да еще существующих и поныне) форм деформации социализма в нашей стране. Изучение «развития» — далеко не простая задача, но, как показал А. А. Богданов в своей книге, уход от данной задачи ведет к застою в общественной науке. Как «организационное орудие», общественная наука должна исследовать всю совокупность сил и факторов, искажающих сущность социализма, но не только для того, чтобы ставить диагноз, но и для того, чтобы видеть перспективы дальнейшего исторического процесса. Такой научный историзм — главное требование политической экономии как науки.

В дискуссии в Коммунистической Академии в 1925 г. по докладу И. И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?» только А. А. Богданов совместно с историком М. Н. Покровским поддержал тезис об историческом характере политической экономии, призванной изучать все известные истории способы производства. А. А. Богданов последовательно придерживался взгляда на политическую экономию как науку об исторически развивающихся укладах общественного хозяйства, причем сам впервые в мировой литературе представил изложение политической экономии в виде последовательно сменяющих друг друга периодов экономического развития. В. И. Ленин особо отметил это достоинство «Краткого курса экономической науки» и еще в 1904 г. предложил А. А. Богданову написать раздел о социализме, который и вышел отдельной брошюрой под редакцией Н. Ленина. Впоследствии А. А. Богданов включил раздел «Социалистическое общество» в свой «Курс», что немало способствовало воспитанию кадров в духе исторического материализма.

Следует отметить, что на книгах А. А. Богданова по политической экономии, несмотря на отдельные содержащиеся в них недостатки, отмеченные В. И. Лениным, воспиталось целое поколение

¹³ Там же. С. 5.

марксистов. Когда А. А. Богданова пытались «отлучить» от марксизма не только в области философии, но и в политической экономии, он направил в редакцию письмо с приложением рецензии В. И. Ленина на его учебник по политической экономии и снова подчеркнул «основной историзм» этой науки, изучающей все общественно-экономические формации¹⁴.

Таким образом, методологической основой экономической теории А. А. Богданова был исторический материализм, который он разделял на протяжении всей своей научной деятельности в области экономической науки. Это тем более важно отметить, что некоторые советские историки экономической мысли (например, В. Е. Маневич)¹⁵ пытались перечеркнуть достоинства исторического изложения политической экономии, которое лежит в основе всех работ А. А. Богданова по политической экономии. Не принимая всех философских взглядов А. А. Богданова, мы тем не менее не можем не признать, что А. А. Богданов начал свою научную деятельность с пропаганды материалистического понимания истории, метода исторического материализма как общей методологии всех общественных наук. В противовес мнению таких историков мы считаем своим долгом подчеркнуть, что «историческую точку зрения» А. А. Богданов распространял и на понимание диалектики природы, особенно в начальный период своей научной деятельности. Об этом свидетельствует его книга «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899 г.), которую В. И. Ленин считал «переходной» к эмпириомонизму. Именно в этой работе раскрылись все достоинства подлинного историзма в понимании природных процессов: в ней впервые последовательно доказана плодотворность научно-эволюционного метода, распространенного не только на понимание взаимодействия организма и среды, но и на понимание системности в организации всей природы. Научно-эволюционная точка зрения позволяет представить саморазвертывание природных процессов, осуществляющихся путем перехода от одних, более низких форм организации к более сложным. В своей книге А. А. Богданов впервые ясно сформулировал мысль об изоморфизме различных организационных структур в природе, обществе и познании, который можно понять только с исторической точки зрения.

Идея изоморфизма родилась значительно раньше, чем были сформулированы общие законы организации, применимые во всех областях науки. Тенденция к интеграции наук, наметившаяся в конце XIX в., стала основой более поздних представлений о единстве механизмов в самых разнородных системах и даже в различных «царствах природы». Историческая точка зрения позволила А. А. Богданову объединить в едином методологическом плане как общественные, так и естественные науки, наметить пути

¹⁴ Богданов А. А. Письмо в редакцию: (Об основном историзме политической экономии) // Вестн. Ком. акад. 1924. Кн. 9.

¹⁵ Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика. 1989.

сближения методов различных наук, показать их общность не только в чисто внешних законах их функционирования, но и в общности самих предметов исследования. Именно эта идея положила начало интеграции наук, созданию новых междисциплинарных исследований, лежащих в основе кибернетики и общей теории систем, всеобщей теории организации.

Пионерные работы А. А. Богданова по политической экономии и философии природы намного опередили подобные исследования в зарубежной литературе. Причем сделано это было на общей почве марксистского исторического метода, позволяющего не только обнаружить сходство разнородных явлений на данном этапе их развития, но и генетически, путем прослеживания естественного отбора выявить наиболее жизнеспособные системы в силу их внутренней организации и взаимодействия между организмами и внешней средой. Подчеркивая системность в организации природы, А. А. Богданов рассматривал ее не в статическом, а динамическом плане, с исторической точки зрения, т. е. как процесс взаимного приспособления среды и системы. Он уже в тот период подходил вплотную к теории «подвижного равновесия», когда система, выведенная из состояния равновесия под влиянием внешних факторов, снова приходит в равновесное состояние, но на новой, уже более высокой основе. Теория «подвижного равновесия» представляет собой конкретизацию общего диалектического взгляда на природу, как на нечто находящееся в непрерывном движении путем смены равновесных состояний.

Особое значение А. А. Богданов придавал процессу «приспособления» как формы «притирки» равновесных состояний вследствие непрерывной смены форм. Применительно к политической экономии этот процесс он рассматривал как процесс приспособления производственных отношений к изменяющимся производительным силам путем отбора наиболее жизнеспособных общественных форм. Применительно к природным процессам механизм подбора жизнестойких организмов делает последних в силу их внутренней организации способными изменяться вслед за новыми условиями.

Всякое нарушение равновесия само порождает систему противодействия, так как организмы обладают внутренними свойствами, позволяющими «приспособиться» к данной области явлений. Механизм подбора есть конкретизация диалектического взгляда на природу как саморазвертывающуюся систему, стремящуюся к достижению нового равновесного состояния. «Круговорот материи», как показал еще Ф. Энгельс, есть не замкнутый круг, а процесс спиралевидного разворачивания все более совершенных форм организации, высшей из которых является трудовая целенаправленная деятельность человека и общества.

Историческая точка зрения А. А. Богданова, полностью отвечающая теории марксизма, позволила ему обобщить некоторые общие свойства движения через анализ механизма естественного подбора как всеобщего формирующего и регулирующего механизма. Естественно, что А. А. Богданов не мог остановиться только на

природных и экономических системах, он сделал попытку обобщить в целом теорию познания с исторической точки зрения, учитывая достижения естественных наук. Итогом явилась книга «Познание с исторической точки зрения»¹⁶, в которой нашли отражение не только рефлексорная теория, но и новые взгляды на процессы познания как процессы «приспособления» человеческого познания к «объектам» как принадлежащих самому этому процессу познания. Историческая точка зрения и в данной области принесла свои плоды: она позволила представить в единстве не только методы, но и сами предметы наук, поскольку в процессе «приспособления» стираются «границы» между объектами, и эти объекты становятся сами неотделимыми от хода познания.

Здесь может возникнуть вопрос, а не кроются ли в этом положении корни «идеализма», «солипсизма», «агностицизма», раз стираются «границы» между предметами наук? Не есть ли это тот самый «эмпириомонизм», который разгромил В. И. Ленин? Ведь каждый предмет познания представляет собой качественно определенную, внутренне противоречивую и взаимодействующую во всех элементах систему связей. Качественная определенность предмета создается особым типом связи и взаимодействия его структурных элементов, что и позволяет выделить данный предмет из всей совокупности явлений природы и общества.

Но А. А. Богданов ставит вопрос иначе: а не создается ли качественная определенность предмета своеобразием методов его исследования, той «точкой зрения», с которой мы подходим к исследованию? Все границы в природе и обществе условны, подвижны, связаны взаимопереходами и взаимопроникновением, так что мы можем в процессе познания лишь отграничить один предмет от другого условно, согласно нашему жизненному опыту и знаниям. Тенденция к интеграции наук как раз и осуществилась потому, что имеются общие свойства предметов, раскрываемые теорией систем, и эти свойства не могли быть найдены до того, как мы начали изучение. Общая теория организации, к которой А. А. Богданов шел неизменно, начиная со своих первых работ, как раз и явилась завершением раз избранной точки зрения на природу и общество, которая диктовалась ему «живым опытом» людей.

Иногда А. А. Богданова упрекали в том, что он всю жизнь, через все свои работы «тянул одну и ту же борозду». А. А. Богданов отвечал, что он действительно тянул эту «борозду», но она проходит через «сердце мира». И он имел все основания для такого ответа, ибо все его работы пронизывает неукротимый «монизм» — монизм опыта, живого опыта людей, призванных перестроить мир согласно своему пониманию и нуждам. Поставив вопрос о единстве механизмов функционирования в самых разнородных системах, А. А. Богданов не мог обойти, как уже отмечалось, и теорию познания, гносеологию, которую он называл «организационной диалектикой». В работе «Познание с исторической точки зрения» он

¹⁶ Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901.

ясно сформулировал мысль о том, что познание может «упорядочить» опыт, придать ему научно-организационную форму, отграничить один предмет исследования от другого, а также объединить разнородные предметы в некоторые комплексы, изоморфные по своей природе. Вне «живого опыта познания» предметы представляют собой нечто неупорядоченное, аморфное, хаос представлений.

А. А. Богданов писал: «Единство и отдельность различных наук устанавливаются на основе их метода. . . Нередко говорят о различии «предмета» наук; но это представляет лишь статическую формулировку того же различия методов»¹⁷. «Если один и тот же предмет изучается двумя разными методами, то необходимо должны возникнуть две науки. Если же различные «предметы» изучаются разными науками одним и тем же методом, то им нет надобности в отдельных науках».

Иначе говоря, по мнению А. А. Богданова, степень обособления и выделения частных наук определяется степенью своеобразности их приемов исследования, изменением в «способе подхода». Предмет неотделим от применяемых методов: если изменяется в силу опыта способ изучения предмета, отдельных фаз и ступеней его развития, то неизбежно и изменение самого предмета. Степень своеобразности же зависит от нашего умения «упорядочить» первичный хаос элементов, привести их в стройную систему согласно нашим нуждам и пониманию.

Отсюда ясно, что содержание познания не может не зависеть от «социально-организованного опыта людей». Эта мысль и стала основой «эмпириомонизма» — «философии живого опыта», согласно которой только в практике научного познания может быть обнаружено, отражено действительное содержание предмета познания.

Что же здесь идеалистического? Лишь в практике осуществляется «изменение мира», упорядочивание представлений, чувственного восприятия. До практики как основы познания и критерия истинности наших знаний последние вообще не могут возникнуть. «Монизм опыта» придает силу и жизненность познанию истины, так что последняя есть не что иное, как идеологическая форма социально-организованной практики людей, их жизненного опыта. Это — объективная форма мышления, общезначимая для живого опыта людей, и она не может возникнуть вне и помимо этого опыта.

Считать идеалистическим понимание истины как общезначимой формы познавательной деятельности людей вряд ли правомерно. Обвинения А. А. Богданова со стороны Г. В. Плеханова и Л. Аксельрод-Ортодокс в идеализме на том основании, что он считает «общезначимость» объективным критерием истинности наших знаний об объекте, несостоятельны. Критерий «общезначимости» объективных знаний выдвинул еще К. Маркс в первом отделе I тома «Капитала», где он говорит о том, что формы категорий

¹⁷ Там же. С. 161.

буржуазной экономии суть объективные, т. е. общественно значимые формы мысли. Мы специально проверяли перевод этого тезиса и убедились в том, что действительно К. Маркс говорит о категориях мышления как «объективных, т. е. общезначимых» формах. И А. А. Богданов добавил к тезису К. Маркса весьма немного: он показал, что вне «объективных, т. е. общезначимых» категорий познания нельзя вообще говорить об истине, ибо она есть форма организации человеческого опыта.

Гораздо сложнее с точки зрения теории познания обстоит дело с обвинением упомянутых выше критиков в том, что А. А. Богданов отождествляет общественное бытие и общественное сознание. К сожалению, эти критики не знали «Диалектику природы» Ф. Энгельса, опубликованную впервые в 1925 г., в которой ясно и отчетливо сказано, что субъективная диалектика (диалектика понятий) и объективная диалектика открывает два ряда законов, которые по существу тождественны. Спрашивается, что же здесь идеалистического? Разве не ясно, что законы развития природы, общества и познания суть одни и те же законы, раскрываемые диалектической логикой? А. А. Богданов лишь добавляет (и вполне справедливо), что тождество общественного бытия и общественного сознания не может возникнуть вне и помимо «живого опыта» людей, т. е. вне общественной практики. И это не может быть опровергнуто теорией отражения, ибо последняя устанавливает те же законы, что и «организационная диалектика», т. е. диалектика организации «живого опыта» людей. А. А. Богданов писал: «Эмпириомонизм возможен только потому, что познание активно гармонизирует опыт, устраняя его бесчисленные противоречия, создавая для него всеобщие организационные формы, заменяя первичный хаотический мир элементов производным, упорядоченным миром отношений»¹⁸.

Эмпириомонизм есть отражение «живого опыта», в том числе и опыта познания, без которого не может возникнуть истина как идеологическая форма «социально-организованной» практики. Точно так же и законы науки не могут возникнуть вне практики познания, упорядочивающей человеческие восприятия и ощущения («первичные элементы познания») в систему объективных законов и категорий. «Законы отнюдь не принадлежат к сфере опыта, к сфере непосредственных переживаний; законы — результат познавательной обработки опыта; они не даны в нем, а создаются мышлением, как средство организовать опыт, гармонически согласовать его в стройное единство»¹⁹.

Объективные, т. е. общезначимые формы мысли — законы и категории науки — сами становятся орудием упорядочения опыта, хотя первично и не даны в нем. Первичные элементы — ощущения и восприятия — посредством мышления, деятельностью мышления возводятся в степень общих, т. е. общественно значимых форм

¹⁸ Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. I. М., 1904. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 40.

«живого опыта», приводя его в стройное и согласованное целое, т. е. в систему. Последняя соотносится со всем первичным хаосом элементов (ощущений) как неким сырым материалом, из которого черпается вся картина мира. Никакой предзаданности законов не существует: лишь деятельность мышления создает эти формы.

Выступая в журнале «Современная жизнь» (1907 г.) с резкой критикой «эмпириомонизма», Л. Аксельрод-Ортодокс отождествила «философское мирозерцание» А. А. Богданова с «эмпириокритиками» на Западе (против чего решительно возражал А. А. Богданов) и подвергла явной фальсификации все его мировоззрение. В сжатом очерке она попыталась изложить и позитивные взгляды А. А. Богданова в свою «критику». Поскольку с таких же позиций выступают и многие современные историки и философы, остановимся на этом подробнее.

Л. Аксельрод-Ортодокс пишет: «Богданов продолжает, как и прежде, стоять на точке зрения „чистого опыта“, являющегося для него исходной точкой и конечной целью всякого познания. Непосвященный в философские тайны читатель, пожалуй, заметит, что теория познания, имеющая своим источником исключительно только опыт, и есть самая, так сказать, прогрессивная и наиболее научная, так как она свободна от всяких мифологических и метафизических предрассудков. Это было бы так, если бы это было так. Но дело в том, что понятие, которое связывается Богдановым и эмпириокритицизмом вообще со словом «опыт», настолько произвольно, что оно неминуемо должно завести своих сторонников в тупой переулок субъективизма и идеализма. Для эмпириокритициста опыт равен восприятию; это значит, что все наше познание ограничивается непосредственными переживаниями субъекта, знающего лишь содержание своего сознания, из которого он и строит свою картину мира»²⁰.

Очевидно, что Л. Аксельрод-Ортодокс делает здесь явную подтасовку. А. А. Богданов иначе понимает «опыт», рассматривая его не с точки зрения «отдельного субъекта», а с точки зрения всей «социально-организованной» практики, т. е. общественной практики людей, совместно ведущих борьбу (и познание) со всей остальной природой. Мы не видим здесь и тени субъективизма, ибо опыт отдельной личности только тогда станет давать объективную истину, когда последняя становится «организационным орудием», и причем не отдельной личности, а всего социально организованного опыта людей.

Отвечая на аналогичную критику «школы Богданова» со стороны Г. В. Плеханова, А. А. Богданов писал: «Ведь наша школа рассматривает в „критике опыта“ общение людей, как заранее заданный момент, как своего рода *apriori* и, стремясь создать возможно простую и точную картину опыта, она вместе с тем имеет

²⁰ Аксельрод-Ортодокс Л. Критические заметки об «Эмпириомонизме» Богданова // Деборин А. М. Введение в философию диалектического материализма. М., 1909. С. 331.

в виду и всеобщую пригодность этой картины, ее практическую удовлетворительность для возможно большего числа «сочеловеков» на возможно более продолжительное время. Уже из этого видно, насколько тов. Плеханов обвиняет эту школу в тенденции к солипсизму, к признанию только индивидуального опыта познающего человека, к признанию этого индивидуального опыта за *Universonum*, за „все“, что существует для познающего. Для эмпириокритицизма характерно именно признание равноценности „моего“ опыта и опыта моих „сочеловеков“, насколько он мне доступен путем их „высказываний“. Тут имеется своего рода „гносеологический демократизм“»²¹.

Очевидно, что «общая истина» есть та истина, которая может служить людям («сочеловекам») организационным орудием социальной практики. Признание равноценности «моего» опыта и опыта других людей в процессе овладения ими природой, в ходе общественно-исторической практики, которая все более становится «социально-организованной», есть неперенное условие истинности не только отдельных «объективированных и локализованных в пространстве ощущений», как утверждает Л. Аксельрод-Ортодокс, а прежде всего законов науки, которые открываются в практике, проверяются в практике и не могут существовать вне и помимо этой практики, т. е. «живого опыта» людей в их общественно-трудовом процессе. Законы науки только тогда становятся законами, когда они служат организационным орудием человеческой практики, опыта, но не опыта отдельной личности как субъекта познания, а опыта всего человечества «на самое длительное время», т. е. независимо и от опыта отдельного человека (ученого), который открыл эту истину. Последняя лишь тогда становится истиной, когда она согласовывается с жизненным опытом большинства людей и не может быть устранена из этого опыта, пока опыт большинства не опровергнет ее полностью и целиком.

Между тем Л. Аксельрод-Ортодокс, указывая на «непоследовательность» философии «живого опыта», приписывает А. А. Богданову такие взгляды, которые вообще отсутствуют во всех его книгах по обоснованию этой философии. Она пишет: «Ошибка А. Богданова и позитивизма вообще состоит в том, что они содержание восприятия, т. е. чувственные ощущения, принимают за предмет или объект восприятия. Само собою разумеется, что без субъекта нет познания; но сторонники чистого опыта провозглашают сознание условием бытия, заключая от сознания, как условия познания, к сознанию, как основанию и причине существования внешнего мира»²².

На самом деле А. А. Богданов не ставил познание причиной существования «внешнего мира». Последний он рассматривал через призму того, что ныне на основании «Экономически-философских рукописей К. Маркса» 1844 г. принято считать «принципом чело-

²¹ Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. СПб., 1906. С. XVIII—XIX.

²² Аксельрод-Ортодокс Л. Указ. соч. С. 333.

веческой деятельности», т. е. когда образование понятий, категорий, законов осуществляется в процессе «труда и опыта», при предметном освоении всей природы. Правда, большинство советских философов распространяет «принцип деятельности» не на всю природу, а только на ту часть ее, которая вовлечена в человеческую практику как «мир оживших предметов», или, по К. Марксу, как мир общественных предметов». А. А. Богданов принимал самую суть марксизма и, ничего не зная о рукописях К. Маркса, сам уверенно шел по его пути. Сознание А. А. Богданов вовсе не считал условием или следствием бытия: с его точки зрения они тождественны, ибо не могут существовать «общественные предметы», общественно значимые формы познавательной обработки представлений вне и помимо «труда и опыта» большинства «со-человеков», для которых истина только тогда становится истиной, когда она «объективирована» в ходе этого труда и опыта.

Но Л. Аксельрод-Ортодокс не удовлетворена такой постановкой вопроса и сознательно подтасовывает высказывания «эмпириокритиков» относительно роли ощущений в процессе познания: «Всякое содержание сознания или так называемый комплекс ощущений, словом, то, что называют опытом, обуславливается также природой познающего субъекта, но совершенно неправильно делать отсюда заключение, что и бытие материи или внешнего мира обусловлено наличием воспринимаемого сознания, что материя, а с ней и все бытие существует лишь в нашем восприятии»²³.

Вот уж действительно «откровение»: приписав А. А. Богданову «субъективные ощущения» как причину существования «внешнего мира», Л. Аксельрод-Ортодокс приписывает ему и утверждение, что «бытие» материи существует лишь в нашем восприятии. Она сознательно подменяет понятие «опыт» у Богданова своим пониманием «опыта» только как опыта «познания». А. А. Богданов же всегда говорил о «коллективном» опыте, который неотделим от общения между людьми, причем не только при «познании», которое вплетено в это общение, но прежде всего — в процессе революционного освоения природы. Познание всегда начинается с ощущений (эту азбучную истину постоянно повторял Гегель, указывая, что чувственное есть нечто единичное и исчезающее), но точка зрения коллективного опыта должна согласовать «мои» ощущения или восприятия («комплексы ощущений») с опытом всего человечества, для чего и необходима переработка сознания (его элементов — восприятий и ощущений) в общественно значимые формы мысли как организационные орудия нашего опыта. А. А. Богданов писал: «По отношению к „физическим“ комплексам содержание опыта у „сочеловеков“ согласовано, в чем и заключаются „объективность“, т. е. общезначимость этих комплексов и их соотношений. Напротив, по отношению к „психическим“ комплексам опыт согласован только для каждого человека

²³ Там же. С. 333.

в отдельности и не согласован у различных людей, — в чем и заключается „субъективность“, т. е. индивидуальная значимость психических комплексов и их связи»²⁴.

Мы уже указывали, что критерий „общезначимости“ (точнее: общественной значимости) объективности форм мышления А. А. Богданов взял из «Капитала» К. Маркса. Он развил далее это учение, показав, что рост «общезначимости» в понимании природы («физического ряда») отражает рост и расширение человеческой общественно-трудовой деятельности, в которой примитивные воззрения отдельных людей (их индивидуальная значимость) все более обогащаются за счет науки, ее достижений. Наука все более превращается в организационное орудие практики. Истины науки все более становятся организующей формой труда и опыта путем все более широкого вовлечения в них «оживших предметов».

Однако, такие «хранители» марксистского наследия, как Л. Аксельрод-Ортодокс, по-видимому, ни слова не поняли в «Капитале» К. Маркса, если приписывали А. А. Богданову «крамольную» мысль относительно «общезначимости» как тождественной с «объективностью» категорий науки и человеческого познания вообще. Л. Аксельрод-Ортодокс пишет: «Раз не существует внешнего мира, а вещи и тела суть комплексы ощущений, т. е. объективированные и локализованные в пространстве восприятия, то, разумеется, что иного критерия объективности, как общезначимость, и быть не может. Законодатель мира дает и критерий его закономерности, его объективности. Тут, конечно, для последовательного мыслящего человека поднимается новый вопрос: откуда берется эта согласованность опыта? Почему существует такая гармония между всеми людьми? И единственно правильный выход из этого положения, это — признание абсолютной реальности мира. Только вещи, тела могут быть посредниками между различными сознаниями; где нет материального мира, там невозможно никакое общение между людьми. Признавая реальность мира, мы легко можем объяснить, что именно бытием и определяется общезначимость, что последнее есть следствие, а не причина первой. Богданов видит основу объективности не в сфере необходимости, не во внешнем принуждении со стороны объекта, не в его неустрашимости, а во всеобщности коллективного опыта. Мир, видите ли, обладает признаком необходимости и объективности не потому, что он существует, не потому, что он является причиной всех наших переживаний, словом, не потому что он действительно существует, а он реален лишь потому, что это угодно коллективному сознанию, что последнее признает его таковым»²⁵.

Непонятно, почему же не существует «внешнего мира» согласно теории А. А. Богданова, если он постоянно доказывает, что коллективный опыт есть единственно возможная форма «присвоения»

²⁴ Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. С. XXXII.

²⁵ Аксельрод-Ортодокс Л. Указ. соч. С. 334.

мира, «приспособления» его к нашим человеческим нуждам и пониманию. Вне человеческой деятельности, вне общественно-исторической практики мы ровно ничего не можем знать ни о «внешнем мире», ни о его закономерностях. Мир не изолирован от человеческой практики, а органически «вплетен» в эту практику, и мы можем что-либо знать о нем лишь в сфере коллективного «освоения» природы.

Нелепа сама мысль Л. Аксельрод-Ортодокс, что «декрет коллективного сознания может быть в один прекрасный день отменен, и тогда мы лишаемся всех прав и преимуществ»²⁶. Отвечая Бельтову-Плеханову, А. А. Богданов пишет, что «критерия объективной истины» в бельтовском смысле не существует, истина есть идеологическая форма — «организующая форма человеческого опыта», и «если мы с несомненностью знаем это и знаем, что материальные основы идеологии изменяются, содержание опыта расширяется, — имеем ли мы какое-бы то ни было право утверждать: вот эта идеологическая форма не будет никогда преобразована развитием ее объективных основ, вот эта форма опыта не будет разорвана ее растущим содержанием?»²⁷.

Вне и помимо человеческой практики содержание истины не может измениться само по себе, для этого нужен «живой опыт», с неотвратимой неизбежностью доказывающий устарелость этой формы человеческого опыта. Истина как организующая форма человеческого опыта меняется только с ним: наши знания, наш опыт все более обогащаются, и мы можем с уверенностью сказать, что в силу изменения человеческой практики изменяется и объективная роль его «организационных орудий». Отменить этот процесс, затормозить его можно лишь на время: если практика доказала бессилие данного «организационного орудия», то оно неизбежно будет изменено не только по форме, но и по существу. Далее, Л. Аксельрод-Ортодокс допускает явное искажение мысли А. А. Богданова. Она приписывает ему положение, согласно которому объективность, означающая всеобщность или общезначимость, является якобы продуктом коллективного опыта. «Если это так, — а таково именно мнение А. Богданова, — то что означает фраза: истина, т. е. общезначимая форма опыта, преобразовывается развитием ее объективных, т. е. общезначимых, основ? Очевидно, что это просто — абсурд, потому что, раз объективность результат общезначимости, то само собою понятно, что истина изменяется и развивается лишь постольку, поскольку изменяется общезначимость, т. е. содержание коллективного сознания. Но отчего бы и в силу каких мотивов изменяться этому содержанию сознания, раз нет внешнего мира и отсутствуют всякие внешние стимулы? На это опять нет достаточной причины. Отсюда вывод: философия «чистого опыта» абсолютно несовместима с теорией

²⁶ Там же. С. 334.

²⁷ Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. С. IX.

развития, так как она неминуемо должна вести к признанию абсолютной неподвижности содержания сознания»²⁸.

Как видим, А. А. Богданову приписывается еще один «абсолют», от которых он всегда отказывался. Ученый, всю жизнь борющийся за «принцип развития», за «историческую точку зрения» в природе и обществе, обвиняется в том, что будто он «начисто» отрицает принцип этот по отношению к категории «истина». А. А. Богданов всегда утверждал, что только с позиций «живого опыта», координирующего все идеологические орудия повседневной жизни, можно сверять с практикой совершенство ее орудий, в том числе и все истины. Это не какая-либо временная установка А. А. Богданова, а коренная особенность его мировоззрения — проведение исторической точки зрения на все «элементы» и «комплексы элементов» внешнего мира, а на деле всех элементов активности человеческой практики. И поэтому наивно звучит «поучение» Л. Аксельрод-Ортодокс, что «мы должны признать, что истина, или простое мышление, обуславливается и определяется объективной, реально существующей основой, и тогда истина и вообще идеологические формы изменяются и развиваются в той мере, в какой изменяется объективная основа, т. е. бытие. Потому что в противном случае мы не понимаем, как мышление может определяться мышлением, и в силу какого непостижимого для нас чуда одно содержание сознания заменяется другим, одна «общезначимость» устраняется другой»²⁹.

На самом деле никакого «чуда» здесь нет, ибо идеологические орудия практики изменяются вместе с практикой, живым опытом людей. Познание истины как идеологической формы организации живого опыта людей составляет главную задачу науки. Всякий установленный закон есть элемент опыта, приводящий первичный хаос элементов (ощущений и восприятий) в единое и стройное целое. Это относится и к экономической науке, где категории и законы выступают орудием упорядочения экономической практики. Создание экономических категорий и законов посредством мышления составляет необходимое условие упорядочения хозяйственной жизни, приведения ее в стройную систему. Этот процесс познания законов непосредственно вплетен в экономическую практику, образуя из хаотических экономических явлений строгую науку, которая сама становится орудием и фактором социально-экономического развития. А. А. Богданов ясно показал это на примере смены экономических идеологий: от примитивного авторитарно-хозяйственного мышления через «меновую идеологию» к сознательно управляемой системе знаний в сфере экономической практики.

Последняя возможна лишь после падения товарного фетишизма, развивавшегося на почве атомизированного хозяйства и составлявшего орудие подавления и унижения личности. Только социально

²⁸ *Аксельрод-Ортодокс Л.* Указ. соч. С. 335.

²⁹ Там же.

организованная практика («опыт») может освободить человека от внешнего принуждения, будь то первобытный анимизм или меновая идеология. Поэтому А. А. Богданов считал, что лишь в условиях социализма как социально организованного общества могут раскрыться социально-регулятивные функции экономических категорий и законов, все более превращающихся в орудие хозяйственной практики.

Подобное понимание роли науки исключает всякое поклонение «идолам» — абсолютной истине, абсолютной ценности и т. п. Все они находятся «по ту сторону» экономической жизни, да и всей Вселенной, понимаемой как сфера деятельности человека, упорядочивающего мир посредством познания и практического действия. Подобное понимание «деятельностного принципа» в философии основывалось на понимании всей природы как системы упорядоченных систем, развертывающихся в процессе поступательного развития. А. А. Богданов рассматривал «вселенную как бесконечно развертывающийся мир элементов, организующихся в комплексы все большей сложности и стройности, от группировок самых неустойчивых и непрочных, отражающихся в человеческом опыте как „неорганическая природа“, к сочетаниям ассоциативным, воспринимаемым нами как „одаренные психикой живые существа“, к человеческой организации опыта, индивидуальной и социальной и, может быть, к дальнейшим, еще более совершенным формам и типам»³⁰.

Как известно, такое понимание прогресса А. А. Богданов противопоставил традиционной философии, неспособной, по его мнению, правильно понять единство объективного и субъективного в организации природы. Он ставил своей задачей создать подлинно научную картину мира, основанную на объективной оценке низших и высших форм организации природы. «Эта картина, — писал он, — представляет нам вселенную как непрерывную цепь развития форм, переходящих путем борьбы и взаимодействия от низших ступеней организованности к высшим. Идеальным началом этой мировой цепи прогресса была бы полная неорганизованность, чистый хаос элементов вселенной, которого, однако, реально мыслить невозможно. Высшая до сих пор достигнутая ступень — человеческий коллектив с его объективно-закономерной организацией опыта, которую он вырабатывает в своем труде — миростроительстве»³¹.

Как видим, А. А. Богданов вполне отчетливо говорит о направленности, о росте целесообразности в организации природы, хотя здесь он и не пользуется термином «целесообразность». В его работах есть прямые указания на существование в природе объективной целесообразности. Он писал: «С развитием науки, однако, выяснилось, что те отношения, которые выражаются словом „целесообразность“, могут возникать и развиваться вполне естествен-

³⁰ Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., 1910. С. 180.

³¹ Богданов А. А. Философия живого опыта. М.: Книга, 1925. С. 310—311.

ным путем, при отсутствии всякого „субъекта“, сознательно ставящего цели, — что в природе существует объективная целесообразность. Она — результат мировой борьбы организационных форм: формы „нецелесообразные“ или „менее целесообразные“ разрушаются и исчезают, более целесообразные сохраняются: процесс естественного подбора»³².

Этот механизм объективной целесообразности помогает глубже понять процесс прогрессивного, поступательного развития, ведущего к образованию социально организованной человеческой практики. Поэтому А. А. Богданов полагал, что нужна более высокая по сравнению с целесообразностью точка зрения, которую он видел в законах организации. Организационные принципы и законы дают надежную нить при анализе объектов любой природы — от простого хаоса элементов до сознательной трудовой деятельности, достигающей совершенства в условиях цельного социалистического общества. Многие понятия всеобщей организационной науки — «цепная связь», «закон наименьших» или «принцип минимума», «связь слитная и четочная», «конъюгация», «копуляция», «системная дифференциация» и в особенности понятие «бирегуляторов», аналогичное понятию отрицательной обратной связи в современной кибернетике, — имеют жизненное значение для политической экономии социализма.

Исходным пунктом тектологии А. А. Богданова является закон Ле-Шателье, согласно которому «если система равновесия подвергается воздействию, изменяющему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противодействовать этому изменению»³³. Подобная теорема действительна и для экономических систем, в которых связь элементов наиболее жесткая. Состояние равновесия, писал А. А. Богданов, обычно трудно анализировать. Однако «всюду, где мы находим, что какая-то реальная величина среди изменяющихся условий устойчиво поддерживается на одном уровне, мы имеем все основания предполагать и отыскивать механизмы типа *бирегуляторов*»³⁴. Эти управляющие параметры, считал А. А. Богданов, имеют всеобщее значение и получают наиболее полное воплощение в едином хозяйственном плане социалистического общества.

Интересно отметить, что А. А. Богданов по существу первым глубоко показал тесную связь механизмов саморегулирования в сложных системах (в том числе и в социально-экономических системах) с принципом «предельной жизнеспособности» систем. Он рассматривал подобные системы в виде ряда или цепи взаимно необходимых и взаимозаменяемых звеньев — частных систем. При этом устойчивость самовоспроизводящейся системы зависит, по его мнению, от «жизненного минимума» любой из частных систем. Он писал: «Где бы и по какой причине ни возник жиз-

³² Богданов А. А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). М.: Книга. 1925. Ч. I. С. 81—82.

³³ Там же. С. 254.

³⁴ Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. М.: Нов. Москва. 1927. С. 20.

ненный минимум, он становится определяющим для жизнеспособности организма, — дает ее предельную величину на то время, пока существует»³⁵. Это — основной организационно-биологический закон «предельной жизнеспособности», который в экономических системах определяет «цепную связь» между отраслями хозяйства. Всякое нарушение этого закона ведет к гибели любую сложную систему, подрывает ее структурную устойчивость, ибо структурная устойчивость целого определяется структурной устойчивостью его звеньев. Это особенно важно для понимания процессов саморегулирования в экономических системах, где «прорыв» любого звена ведет к неустойчивости и экономическим колебаниям.

Таким образом, социалистическое общество вполне может использовать теоретический и методологический фундамент технологии как наиболее развитой из всех общих теорий организации и систем.

2. Всеобщая организационная наука и экономическая теория

Последние работы А. А. Богданова подверглись разносной критике в статье В. И. Невского, опубликованной сначала в виде приложения к переизданию «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина, а затем перепечатанной в приложении к третьему изданию Сочинений В. И. Ленина в томе XIII³⁶. Статья В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» написана настолько безграмотно, что о ней, может быть, и не стоило бы говорить, если бы на нее не ссылались критики «богдановщины».

Автор начинает с фраз о задачах пролетариата после Октябрьской революции, указывая, что главная задача состоит в том, чтобы «изменить мир», ссылаясь, в частности, на знаменитый тезис К. Маркса. Потому якобы «как-то неуместно заниматься пережевыванием старых хорошо доказанных истин в области теории, ибо практического дела так много, изменять нужно тоже так решительно и так глубоко, что времени для приятных теоретических занятий и изысканий почти не остается»³⁷. И тем не менее он нашел время для того, чтобы показать, что «вреднее для пролетариата: грубая попытка „взбесившегося“ буржуа пробраться в стан врагов, под видом самого преданного сторонника нового строя, или бессознательная попытка доказать массам, что реакционная идеология есть для пролетариата самое лучшее оружие в его борьбе со своим классовым врагом»³⁸. В. И. Невский тут же заявляет, что к числу таких людей, пытавшихся уверить пролетари-

³⁵ Там же. С. 29—30.

³⁶ Ленин В. И. Соч. Изд. 3-е. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Т. 13. С. 317—324.

³⁷ Там же. С. 317.

³⁸ Там же.

ат, что философия гниющей реакции есть самое последнее слово науки, относятся А. Богданов и его сторонники, приходящие в восторг от многочисленных «трудов» этого плодовитого философа.

Ссылаясь на Ф. Энгельса, который определил сущность основного вопроса философии как отношения мышления к бытию, В. И. Невский сразу же относит А. А. Богданова к идеалистам, присовокупив фразу, что «теперь после трудов по эмпириомонизму т. Богданов откровеннее стал критиковать Маркса», так что «его философия все более превращается в философию мертвой реакции»³⁹.

Какие же «доказательства» приводит В. И. Невский для выдвижения столь грозного обвинения? Ровно никаких. Он сам пошел по пути старых реакционеров: сначала приписать кому-нибудь явную нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы. Так поступил он и с работами А. А. Богданова. Вырывая без всякой логики отдельные высказывания «реакционера», он тут же квалифицирует их как «идеалистическую чепуху». Приведем несколько примеров.

Так В. И. Невский, поставив риторический вопрос, как смотрел А. А. Богданов на основной вопрос философии до и после Октября, находит, что «основа объективности физического мира, той самой природы, которая, по мнению Энгельса, является „основным началом“, находится в сфере коллективного опыта»⁴⁰. В самом деле, А. А. Богданов писал в первой книге «Эмпириомонизма»: «Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня»⁴¹. И далее: «Вообще физический мир, это — социально-согласованный, социально гармонизированный, словом, *социально-организованный опыт*»⁴².

В. И. Невский даже не дает себе труда показать, в чем же здесь «идеализм», он тут же заявляет, что взгляды А. А. Богданова не изменились. В. И. Невский приводит высказывание А. А. Богданова уже после Октября: «Мы рассматриваем действительность, или мир опыта, как человеческую коллективную практику во всем ее живом содержании, во всей сумме усилий и сопротивлений, образующих это содержание». И заключает: «И как прежде вся картина мира по А. А. Богданову сводилась к элементам-ощущениям, так и теперь в начале всех начал у А. Богданова лежат все те же пресловутые элементы»⁴³.

Но где же эти «элементы-ощущения» в только что приведенных высказываниях самого А. А. Богданова? Здесь не только

³⁹ Там же. С. 318.

⁴⁰ Там же. С. 319.

⁴¹ Богданов А. А. Эмпириомонизм. Кн. I. С. 25.

⁴² Там же. С. 36.

⁴³ Невский В. И. Указ. соч. С. 319 Диалектический материализм и философия мертвой реакции // Ленин В. И. Соч. 3-е изд. Т. 13. С. 319.

«ощущений», но даже и «элементов» нет (впрочем, согласно концепции А. А. Богданова, нельзя отождествлять «элементы» и «ощущения»).

В действительности даже в тех отрывочных высказываниях, которые привел В. И. Невский, никакого идеализма нет и быть не может. В них речь идет примерно о том же, о чем писал К. Маркс в знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе, на который В. И. Невский ссылается в начале своей статьи. Именно о преобразовании «физического мира» как содержания общественно-исторической практики людей идет речь во всех сочинениях А. А. Богданова, ибо только в практике, как показал К. Маркс, можно доказать, что весь мир находится не по ту, а по эту сторону мира. Чтобы опровергнуть А. А. Богданова (следовательно, и К. Маркса), В. И. Невский обязан был доказать, что действительность лежит «по ту сторону» общественно-трудовой практики, что она является внешней по отношению к ней. Социально организованный опыт — это развивающаяся практика людей, приводящая к раскрытию все новых и новых сторон этой действительности через идеологические формы — организационные орудия практического «освоения» мира. Если «мой опыт» имеет общезначимость, если он подтверждается всеми активными и сознательными участниками человеческой практики, то и «мой опыт» социально содержателен, имеет объективное содержание.

В. И. Невский не мог понять этого не потому, что он ничего не знал о тезисе К. Маркса, что лишь в практике человек может доказать действительность, мощь, посюсторонность своего мышления, а потому, что он приписывал А. А. Богданову иное понимание социально организованного опыта — как «комплекса ощущений» (прямо противоположное тому, о чем писал А. А. Богданов), а также «доказывал», будто А. А. Богданов отрицал существование мира до социально организованной практики, до появления людей с их социально организованным опытом. Он даже не подозревал, что понимание преобразующей практики, согласно К. Марксу (а также и А. А. Богданову), жизненно важно для понимания объективности наших знаний об этом (где-то существующем) физическом мире, не говоря уже о «психическом ряде», как орудия преобразования практики на новых, коллективистских, началах, что именно рост (и расширение) общественно-трудовой практики есть непреломное условие понимания идеи об «общественно значимом» содержании самой науки.

В. И. Невский, задавшись целью доказать идеализм такой (сугубо марксистской) постановки проблемы практики, вполне сознательно старался убедить марксистов, что нет никакой разницы между «эмпириомонизмом» и «эмпириокритицизмом» (на чем настаивал А. А. Богданов), что и в «Эмпириомонизме», и в «Философии живого опыта», и даже во «Всеобщей организационной науке» применяется одна и та же схема, одни и те же идеи, что «идеалистическая чепуха» присуща в равной мере всем работам замечательного ученого.

Итак, В. И. Невский заявил, что и в «Эмпириомонизме» и в «Философии живого опыта» нарисована одна и та же схема: элементы, психический опыт людей, физический опыт людей и сознание. И никакого различия в постановке этих проблем якобы нет. И здесь, утверждал он, читатель найдет те же элементы опыта, то же понимание объективного, физического, как социально организованного, опыта людей. «Вот вам доказательство», — торжественно заявляет «критик» и приводит «кусочки» из работы А. А. Богданова «Философия живого опыта», в которой, в частности, говорится: «Элемент опыта — продукт общественной работы, воплощенной в познании. . .»⁴⁴. «Если другие люди скажут ему: „да, мы видим и слышим то же, что и ты“, — т. е. если его опыт и их опыт согласован, социально-организован, — то он имеет дело с реальными предметами, объективными или физическими явлениями. Если они, напротив, констатируют, что для них не существует то, о чем он их спрашивает, то выясняется, что его опыт в данном случае только „субъективный“, только психический — иллюзия или галлюцинация»⁴⁵.

Для всякого непредвзятого человека такое понимание объективного, т. е. общественно значимого, опыта людей не вызывает сомнений. Однако оно совершенно не устраивает В. И. Невского, который по поводу этих высказываний раздражается, как нам кажется, просто клеветническими комментариями: «Уже из цитат, взятых из новейших произведений А. Богданова, видно, что он остается на чистейшей идеалистической позиции. ибо по-прежнему упорно утверждает, что физический мир есть „социально-организованный опыт“, т. е. опыт людей, и что, стало быть, не было этого физического мира, раз не было „социально-организованного опыта“. Это — абсурд, до которого только и может дойти эмпириомонист, ибо, признавая, что физический мир есть „социально-организованный опыт“ людей, как быть эмпириомонисту в том случае, когда этого социально-организованного опыта, т. е. людей, тех, кто социально организует опыт, и в помине не было?»⁴⁶.

Не правда ли, очень мило? Раз объективность понимается А. А. Богдановым как «общезначимость», раз А. А. Богданов представляет «опыт» как высший критерий истины, то не было «и в помине» физического мира? Такой «перехлест» возможен только у крайнего невежды, сознательно извращающего научное понимание практики как «высшего критерия» объективности категорий науки. «Абсурд» — это мнение В. И. Невского о существовании «критерия объективности» вне человеческой практики, ибо дело не в том, существовали ли «объективные физические явления» до социально-организованной практики, а в том, что мы можем сказать объективно истинного об этих явлениях вне и по-

⁴⁴ Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 217.

⁴⁵ Там же. С. 223.

⁴⁶ Невский В. И. Указ. соч. С. 319.

мимо человеческой практики? Есть ли в наших суждениях об объективном «физическом ряде» действительно истинное содержание как не мнение одного человека или всего человечества как субъекта этой практики?

Ясно, что при такой постановке проблемы действительный абсурд состоит в том утверждении «опыта» одной личности (пусть ею будет даже сам В. И. Невский), будто мы можем обойтись без социально организованного опыта при выяснении объективного содержания категорий науки. По нашему мнению, «опыт» В. И. Невского относительно объективности сугубо субъективен (хотя он и разделяется некоторыми другими «критиками» марксизма). Его жизненный опыт никак не согласуется с опытом всех читателей работ А. А. Богданова, упорно настаивающего на том, что лишь социально организованный опыт может нам дать научную картину мира, а не «психический опыт» отдельной (пусть даже гениальной) личности.

Чтобы не быть голословными, приведем еще одно положение А. А. Богданова, которое В. И. Невскому служит якобы основанием для обвинения «богдановщины» в «идеалистической чепухе»: «Какой-нибудь астроном открывает новую комету, вычисляет ее положение в пространстве, путь, размеры, определяет форму, состав и т. д., но еще не успел опубликовать всего этого, так что никто, кроме него, кометы не видал и не знает о ней. Она, следовательно, принадлежит пока только к его индивидуальному, а не социальному опыту. Но она найдена, определена, измерена, исследована научными методами, которые человечеством коллективно выработаны для того, чтобы организовать свой опыт. Значит, она уже вошла в опыт *социально-организованный*, заняла свое место в ряду явлений объективных, физических. Это практически обнаруживается в том факте, что каждый другой наблюдатель найдет комету именно там и такую, как первый, который ее открыл»⁴⁷.

Мы долго думали, в чем же здесь «идеалистическая чепуха»? Ученый открыл новую комету, потому что руководствовался общенаучными методами, выработанными практикой научного исследования, и, следовательно, она вошла в «социально-организованный опыт». Что же здесь идеалистического? Любой ученый может заново проделать социально организованный опыт первого ученого и найти ту же комету со всеми ее законами. Объективность знания дается не нелепым утверждением, что комета существовала до ее открытия, а тем, что знание об этой комете было социально организованным, а следовательно, и объективным. Разве позволительно ученому смешивать два разных аспекта одной и той же проблемы? У А. А. Богданова речь идет об объективности наших знаний, а не о том, что чему предшествует: объект субъекту или субъект объекту. Такая постановка просто абсурдна, ибо решить вопрос может только практика.

⁴⁷ Богданов А. А. *Философия живого опыта*. С. 283—284.

Не желая дать даже какой-либо комментарий к приведенным им же положениям А. А. Богданова, В. И. Невский пишет: «Нельзя сказать, чтобы А. Богданов не понимал, что он со своими элементами и социально-организованным опытом, который представляется физическим, объективным миром, попадает в идеалистическую дыру; он это понимает, ибо цитирует на стр. 225 своей книги возражение покойного Плеханова по этому вопросу, но, понимая его, он залезает в еще большую идеалистическую чепуху»⁴⁸.

В чем же состоит все-таки эта «идеалистическая чепуха», которая якобы осознается и самим А. А. Богдановым? Дело в том, что А. А. Богданов возражает на обвинение в идеализме следующим образом: «Физический опыт — это опыт чей-нибудь, а именно — всего человечества в его развитии. Это — мир строгой, установленной, выработанной закономерности, определенных точных соотношений, тот благоустроенный мир, где действуют все теоремы геометрии, все формулы механики, астрономии, физики и т. д. Можно ли принять *этот* мир, *эту* систему опыта независимо от человечества? Можно ли сказать, что она существовала раньше его?»⁴⁹

Очевидно, что эта система, этот физический опыт со всеми его атрибутами (законами, измерениями, науками) не мог существовать до появления общественно-исторической практики людей. Этот «благоустроенный» (и даже «неблагоустроенный») мир создан в процессе длительного исторического развития, которое не имело начала и не будет иметь конца (если, разумеется, человечество не погубит себя в результате ядерной катастрофы). Этот мир не может существовать до человечества, ибо является его продуктом, творческим продуктом миллионов людей. Утверждать, подобно В. И. Невскому, будто закон тяготения со всеми его характеристиками существует (и существовал до его открытия) вне и помимо человеческой практики, неправомечно. Этот закон только тогда стал орудием науки и практики, когда на его основе стали создаваться целые научные системы. А. А. Богданов писал: «Отбросьте „социальную практику“ измерений, установления единиц меры, вычислений и пр., — от закона тяготения ничего не останется. Поэтому, если говорят, что он действовал *до* человечества, то это не то же самое, что *независимо* от человечества»⁵⁰.

Какая же это «идеалистическая чепуха»? Как можно иначе на этот вопрос дать ответ? Разве не видно, что А. А. Богданов четко и ясно различает два вопроса: 1) существовал ли закон тяготения до человечества и 2) действует ли он независимо от человеческой практики? Наука не могла существовать до человеческой практики, она тесно связана со всем комплексом «элементов опыта» (вспомним, сколько попыток было «уничтожить» слово «эле-

⁴⁸ Невский В. И. Указ. соч. С. 320.

⁴⁹ Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 289.

⁵⁰ Там же. С. 290.

мент» — это элементарное системно-кибернетическое понятие). Однако для В. И. Невского приведенные элементарные понятия науки представляются покушением на «святую материю», без которой якобы вполне «свободно» может обходиться только «идеалист», ибо «святая материя» есть альфа и омега любой науки.

По этому поводу В. И. Невский пишет: «Ясно, что с такой точки зрения не существует ни материи, ни вообще мира, который исследуется и изучается естественными науками и в котором живем мы, грешные материалисты, признающие „святую материю“, как острил некогда другой критик материализма, Базаров; ясно, что с такой точки зрения „материя есть сопротивление активности“ (стр. 55) или в другом месте (стр. 89) „не что иное, как сопротивление коллективно-трудовому усилию“, что „природоу человек называет бесконечно развертывающееся поле своего труда-опыта“ (стр. 44), что „вселенная представляется нам как бесконечный поток организующейся активности“ (стр. 240), и что „такова картина мира: непрерывный ряд форм организации элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем“ (стр. 241). Стало быть, опять дело сводится к элементам, т. е. „продукту общественной работы, воплощенному в познании“!»⁵¹

Подобная риторика с цитатами из «Философии живого опыта» кажется В. И. Невскому прямой угрозой «богдановщине» в ее самом сердце, в ее самом «сокровенном», что якобы не подлежит огласке ввиду ее «чертовщины». А речь идет об элементарном системно-кибернетическом подходе к проблемам понимания и организации природы. Мы беремся утверждать, что все без исключения определения, на которые ссылается В. И. Невский, элементарны, их воспринимает любой грамотный человек, даже не подозревавший о существовании «эмпириомонизма» или же «всеобщей организационной науки». Почти все эти определения с теми или иными вариациями вошли ныне во все «руководства» по кибернетике и общей теории систем.

Но самое страшное, оказывается, состоит в том, что А. А. Богданов претендовал на развитие (точнее, конкретизацию) диалектического метода как основы «эмпириомонизма» и «всеобщей теории организации». Боже упаси, разве можно идти дальше К. Маркса и Ф. Энгельса? Разве допустимо создание новых концепций, развивающих диалектический метод? «Оказывается, — пишет В. И. Невский, цитируя далее А. А. Богданова, — что „основное понятие диалектики у Маркса, как и у Гегеля, не достигло полной ясности и законченности; а благодаря этому самое применение диалектического метода делается неточным и расплывчатым, в его схему примешивается произвол и не только границы диалектики остаются неопределенными, но иногда самый смысл ее сильно извращается»⁵². И все это потому, что основатели научного

⁵¹ Невский В. И. Указ. соч. С. 320.

⁵² Там же.

социализма не додумались до „сопротивления активности“, до „организационного процесса“, ибо, „пользуясь нашими методами, — говорит А. А. Богданов, — мы с самого начала определили диалектику так: организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных тенденций. Совпадает ли это с пониманием Маркса? Очевидно, не совсем так: там дело идет о *развитии*, а не организационном процессе“»⁵³.

И вот В. И. Невский торжествует: «Наконец-то А. Богданов заговорил настоящим образом и открыл нам, что он пошел дальше Маркса, превзошел его, развил его учение, очистил его от всех ошибок и заблуждений. Это освобождение учения Маркса, диалектического материализма от его ошибок заключается в создании А. Богдановым „тектологии“, т. е. всеобщей организационной науки»⁵⁴.

Для В. И. Невского всякое развитие марксизма представляет нечто ужасное, недопустимое. Он в недоумении спрашивает: «Что же это за наука, исправляющая ошибки и заблуждения Маркса? Это наука о строительстве, наука, которая „должна научно систематизировать организационный опыт человечества“»⁵⁵. Разве допустимо существование новой науки? Разве можно развивать диалектический метод? И вот В. И. Невский обнаруживает, что уже в первых двух книгах по «всеобщей организационной науке» «мы узнаем опять же, к сожалению, все тех же старых знакомых богдановской философии: комплексы и элементы»⁵⁶.

Поскольку «тектология» внушает ужас В. И. Невскому с самого ее зарождения, мы воспроизводим его «критику» этой науки вместе с цитатами из первой части «Тектологии». Он пишет: «Мы узнаем, во-первых, что „во всей своей деятельности — в труде и мышлении — человечество имеет своим объектом различные комплексы, состоящие из разного рода *элементов*“ („Тект.“, ч. 1, стр. 29); во-вторых, что понятия комплекса и элемента — соотносительные понятия, что комплекс есть то, что разлагают на элементы, а элементы то, что соединяют в комплексы; что точно так же понятия сопротивления и активности — соотносительные понятия, что «сопротивление — та же активность, но взятая с иной точки зрения, как противопоставленная другой активности», и что, так как мир или вселенная есть не что иное, как «непрерывный ряд форм организации элементов», „бесконечный поток организующейся активности“ („Фил. жив. оп.“, стр. 240 и 241), то тектология охватывает материал всех наук, это „единственная наука, которая должна не только непосредственно вырабатывать свои методы, но также исследовать и объединять их, поэтому она представляет завершение цикла наук“ („Тект.“, ч. 1, стр. 38). В чем

⁵³ Там же. (Курсив А. А. Богданова).

⁵⁴ *Невский В. И.* Указ. соч. С. 320.

⁵⁵ Там же. С. 321.

⁵⁶ Там же.

же заключается метод этой любопытной науки, которая завершает цикл всех наук?»⁵⁷.

Оставаясь в недоумении в такой постановке проблемы, В. И. Невский возмущается самой «дерзостью» строить основы новой науки. Нарочно сгущая краски, он старается опорочить элементарные системно-кибернетические понятия, без которых вообще невозможно создать новую науку. В данном случае В. И. Невский приводит высказывания самого А. А. Богданова, призванные «уничтожить» самые претензии на создание новой науки. А. А. Богданов писал: «Чтобы перейти в область собственно тектологии, надо отвлечься от конкретно-физиологического характера элементов, заменить их безразличными символами и выразить связь их абстрактною схемою. Эту схему мы будем сравнивать с другими аналогично полученными схемами и этим путем вырабатывать *тектологические обобщения*, дающие понятия о *формах* и *типах* организаций»⁵⁸. «Из дальнейшего, — добавляет В. И. Невский, — выясняется, что эти тектологические схемы абстрактны. . . мало содержательны, но универсальны и «применимы к бесконечно разнообразным случаям»⁵⁹.

Приведя эти высказывания, В. И. Невский торжественно провозглашает: «. . . Что насчет чего, а насчет схем у А. Богданова недостатка нет. Так как принцип подбора имеет неограниченно широкое применение в человеческой теории и практике, то этим обнаруживается его тектологический характер: механизм подбора универсален, подбор этот бывает консервативный и прогрессивный, «*прогрессивный подбор изменяет строение комплексов*» (стр. 64), «консервативный подбор» тяготеет к *статическим* результатам, типом которых являются устойчивые равновесия» (стр. 107), «*положительный подбор изменяет строение комплекса в сторону большей неоднородности элементов и большей сложности внутренних соотношений. Подбор отрицательный — в сторону большей однородности элементов, меньшей сложности их связей*» (стр. 108), — словом, подбор есть элементарно-всеобщий механизм, которым возможно объяснить все на свете: и дарвинизм, и учение Мальтуса, и развитие материи, и первичные двигательные реакции живой плазмы, и методы добывания золота, и такие человеческие организации, как секта и партия. Исходя из этого элементарно-всеобщего механизма подбора, Богдановым выводятся законы ингрессии»⁶⁰.

Разумеется, подобные «абстрактные схемы» не устраивают В. И. Невского и он негодует по адресу элементарных системных понятий (цепной связи, ингрессии и дезингрессии, копуляции и конъюгации, системной дифференциации и т. д.). Подводя итоги

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Ч. I. М.: Экономика, 1989. С. 129.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Невский В. И. Указ. соч. С. 321. (Курсив А. А. Богданова).

своей разностной «критики» ради спасения «святой материи», данной нам в ощущении, В. И. Невский обвиняет А. А. Богданова в метафизике, в идеализме, в абстрактности (как будто «святая материя» не есть голая абстракция) и т. п. «Напрасно бы стали спрашивать А. Богданова, к действию чего, на что свелась эта материя, что такое эта активность. Мы ничего не услышим, кроме рассказов о том, что наука уже разложила атомы, что активность есть сопротивление, а сопротивление есть активность, что световые волны интерферируют по таким-то и таким-то законам, что конъюгация есть всеобщий факт, что все дело сводится опять-таки к элементам опыта, т. е. к той самой метафизической чертовщине, которая под видом науки разрушает или пытается разрушить в читателе убеждение, что физический мир существовал и существует помимо этих самых «элементов» и «комплексов», что не эти комплексы и элементы — первичный основной факт, а любимая, несуществующая по Богданову материя»⁶¹.

О «несуществовании материи» А. А. Богданов не писал и не говорил. Он конкретно раскрыл сущность материи через категории «сопротивления — активности», далекие от метафизического понимания материи только как «объективной реальности, данной нам в ощущении». Подобной глупости, конечно, А. А. Богданов не говорил, ибо не «материя ощущает», а человек со всем своим социально организованным опытом, ибо вне его все суждения о материальности мира повисают в воздухе. Не «святая материя», а объективные законы организации материальных систем составляют подлинную основу новой науки, которая не только не отрицает развития материи, но показывает конкретно, как реально функционируют сложные по своей структуре материальные системы. В этом задача социализации науки.

При этом тектология обладает неценимым качеством: она исследует не только то, что существует, но и то, что должно быть. Она рассматривает сущее и должное в неразрывном единстве, ибо сам термин «тектология» подразумевает активное отношение к действительности, направленность исторического процесса в сторону преобразования общества на новых, коллективных началах. Социалистическое общество с точки зрения тектологии и есть наиболее адекватный ее предмет, силы развития которого лежат в практической целесообразной деятельности по преобразованию мира в интересах повышения гармонии и красоты («миростроительство»).

А. А. Богданов не раз писал о том, что исторический процесс движения к социализму не есть воплощение каких-то предзаданных целей и ценностей, а конкретное воплощение полноты и гармонии жизни как главного содержания направленности исторического процесса. Он резко критиковал тех философов, которые говорили об «абсолютной цели истории», «абсолютных человеческих ценностях». Все эти «абсолюты» он называл «идолами»,

⁶¹ Там же. С. 343.

не укладывающимися в рамки строгой науки, «фетишами», которые нужно разрушить и которые представляют собой наглядное выражение примитивного религиозного сознания.

Предсказывая неизбежность падения «фетишизма» во всех его разновидностях вместе с теми социальными условиями, которые его породили, А. А. Богданов полагал, что пролетарская наука (а она и составляет главное содержание тектологии) должна строиться на принципе относительности всякого знания, не претендуя на установление «вечных», «абсолютных» истин. Сами истины как формы организации опыта должны стать основой социальной организации пролетариата, т. е. основой построения социализма. В особенности возражал А. Богданов против слепой веры в «вечные истины», ибо они не могут дать ответа на вопрос: что делать? и как перестроить мир на началах коллективизма?

Называя «пустой формой» такие определения цели истории, как «человек есть самоцель», «человек есть самоценность», А. А. Богданов прямо писал, что дело не в самих определениях цели, а в их конкретном содержании. Они не дают соответствующего направления нравственной жизни, ибо не отвечают на вопрос: что человечество должно делать в ближайшем будущем для конкретной перестройки общественных отношений? В чем состоит ценность человеческой жизни и как создать наиболее благоприятные условия для ее раскрытия? И хотя его оппоненты (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.) верно указывали, что понимание «человека» как «самоцели истории» есть указание на наиболее отдаленные перспективы исторического движения, А. А. Богданов в полемике с ними был глубоко прав, поскольку речь шла не о «вещах в себе» в процессе исторического творчества, а о конкретной направленности этого творчества как выражения самосознательной, научной деятельности в процессе движения к социализму.

Возражая против априорных определений «самоцели» истории, А. А. Богданов указывал, что такие определения не приближают, а, наоборот, отдаляют нас от подлинного исторического творчества. Он писал, что приближение к подобным «целям» может быть «бесконечным», а то, что «бесконечно далеко, к тому нельзя приблизиться путем конечного движения; прогресс к бесконечно удаленной цели просто невозможен, потому что он вовсе не есть прогресс»; «приближение к бесконечно-далекому есть просто плоское противоречие, и этого факта не изменить никакой риторикой»⁶². А. А. Богданов выдвинул свое понимание прогресса как «беспредельное возрастание полноты и гармонии жизни», достижимое лишь в процессе непрерывного движения по пути сознательной перестройки общественных отношений. Такое понимание прогресса исключало априоризм и ставило материалистическое понимание истории на прочную основу пролетарской нравственности и пролетарской этической науки.

При таком подходе внимание сосредоточивается не на форму-

⁶² Богданов А. А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 195.

лировании абстрактной цели истории (хотя факт ее существования Богданов не отрицал полностью), а на самом историческом творчестве, на развертывании процесса «становления». В этой связи А. А. Богданов и придавал важное значение политической экономии социализма, которая не отрицается «тектологией», как утверждают некоторые современные авторы, а именно дает возможность научного генетического подхода к анализу становления социалистического общества. «Эпоха капитализма, — писал А. А. Богданов, — еще не завершилась, но неустойчивость ее отношений уже выяснилась вполне. Выяснились и коренные противоречия этого строя, которые все глубже ее подрывают — и силы развития, которые создают основы для нового строя. Наметилось в главных чертах направление, по которому идет и это разрушение, и это развитие. Таким образом, уже теперь можно сделать выводы о том, каков будет новый строй, в чем его основные отличия от нынешнего»⁶³.

А. А. Богданов решительно возражал тем скептикам, которые считали невозможным вторжение в сферу «будущего» с целью обрисовывать основные его закономерности. Он писал: «Наука существует именно для того, чтобы предвидеть. Чему не было еще точного примера, того она, разумеется, не может предвидеть вполне точно. Но если в общем известно то, что *есть*, и известно, в *какую сторону оно изменяется*, то наука должна сделать вывод о том, что из этого получится»⁶⁴. Она должна сделать вывод о том, что из анализа сущего вытекают важнейшие выводы о том, что должно быть: это два неразрывных аспекта единого процесса человеческого познания.

Выделенные А. А. Богдановым курсивом слова начисто опровергают многих современных критиков СОФЭ как науки о «должном», изучающей социализм не только таким, какой он есть, но и таким, каким он должен быть в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе. Иначе говоря, авторы СОФЭ изучают социализм в порядке «опережающего отражения» действительности, о котором пишет А. А. Богданов и которое стало «камнем преткновения» для многих ее современных критиков. Наука должна предвидеть — и в этом ее принципиальное отличие от «критической этики», говорящей об абсолютных ценностях, но забывающей об анализе тех тенденций, которые ведут к реализации высоких общественных идеалов. Говоря о том, что наука должна делать вывод о том, каким должен быть будущий строй, А. А. Богданов писал: «Она должна сделать этот вывод для того, чтобы люди в своих действиях могли с ним соотносываться, чтобы они не тратили бесплодно свои силы, действуя вопреки будущему, задерживая развитие новых форм, — чтобы они могли сознательно работать для ускорения и облегчения этого развития»⁶⁵.

⁶³ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд., вновь перераб. и до. Ш. М. Дволайцким. М.: Госиздат, 1920. С. 306.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Трудно сказать, какое громадное значение эти методологические принципы имеют для развития экономической науки на современном этапе. Выдвинутая партией программа перестройки социально-экономических отношений есть важнейшее применение на практике коренных принципов марксизма, ибо сознательное участие в перестройке, — неременное условие ее необратимости. В годы «застоя», да зачастую и сейчас в выступлениях, направленных против СОФЭ, прямо отрицалась сама возможность «опережающего отражения», а СОФЭ обвинялась в том, что толкует якобы о каких-то «выдуманных» экономических отношениях, которых еще нет в реальной действительности, но которые должны быть установлены. В аспекте «должного» экономическая наука просто обязана ясно формулировать те отношения, которые призваны прийти на смену существующим ныне, сдерживающим поступательное развитие производительных сил и всего общественного прогресса в целом. В этом состоит прямая обязанность экономической науки.

Разумеется, экономическая наука не может предвидеть будущее во всех подробностях, но она должна ясно обрисовать перспективы совершенствования производственных отношений. В этом смысле СОФЭ идет в авангарде передовой экономической науки, объясняющей не только существующие производственные отношения, но и те, которые должны быть реализованы в силу имманентных законов экономического развития. Вторжение в сферу «должного» придает исключительно важную ценность выводам экономической науки, ставшей наиболее важной из всех общественных наук.

Разумеется, писал А. А. Богданов, «выводы общественной науки о будущем строе не могут быть вполне точными, благодаря тому, что громадная сложность общественных явлений не позволяет в наше время схватывать их во всей полноте, со всеми частностями, то только — в общих чертах. Поэтому и картина нового строя может быть дана только в еще более общих чертах. Но они-то и являются наиболее важными чертами, особенно для человека наших дней»⁶⁶. Нечто подобное происходит и сегодня: экономическая наука еще не может дать полное описание социально-экономического строя, должного прийти на смену современного деформированного социализма, но она обязана ставить этот вопрос хотя бы в самых общих чертах, чтобы обрисовать перспективы выхода из того кризиса, в котором мы живем и в котором наблюдается целый ряд негативных явлений, уродующих сами основы нового экономического строя.

Рассматривая перспективы социалистического строя как строя, идущего на смену капитализма, А. А. Богданов писал: «История древнего мира показывает, что человеческие общества могут иногда идти назад, приходить в упадок; история первобытного человечества, а также некоторых замкнутых восточных обществ говорит

---

⁶⁶ Там же.

о возможности долгого застоя. Поэтому с строго научной точки зрения самый переход к этим новым формам приходится принимать условно: новый, высший строй явится в том случае, если общество будет идти вперед в своем развитии, как шло вперед до сих пор. Но для застоя или деградации нужны достаточные причины; в жизни современного общества их указать нельзя. Стать застойным оно может при массе внутренних противоречий, при порождаемом ими стремительном ходе жизни. Вызвать коренную деградацию эти противоречия могли бы только в том случае, если бы не имелось достаточных сил и элементов для развития; но они имеются, и до сих пор те же общественные противоречия развивали их и умножали. Производительные силы человечества растут, как мировая война; растет и организуется громадный класс общества, стремящийся осуществить новые формы. Поэтому нет никаких серьезных данных, чтобы ожидать обратного движения, деградации общества; неизмеримо больше оснований думать, что оно продолжит свой путь и создаст новый строй, разрешающий и уничтожающий противоречия капитализма»⁶⁷.

Мы специально привели такую длинную цитату, чтобы показать, как актуальны для нас возможные проявления противоречий общественного развития. Кстати, это и есть ответ тем, кто приписывает «организационной диалектике» А. А. Богданова отрицание противоречий. Но для нас важно другое: сковывающие общество противоречия могут задержать общественное развитие на длительный срок, как это происходило в условиях «восточных деспотий». Вот в чем состоит главная опасность для понимания современного экономического кризиса, из которого трудно выйти без глубокого социального переворота. По существу мы стоим перед той же задачей, которую пытался решить А. А. Богданов в 1920 г.: а есть ли силы, препятствующие длительному застою, не могут ли внутренние противоречия надолго «сковывать» общественный прогресс, уверенность в котором как раз и составляет отличительную особенность социалистического мировоззрения?

Общественный прогресс, уверенность в созидательных силах социализма, о которых писал А. А. Богданов, могут создать новые условия для социального развития только путем социальной революции, подобно той, о которой писал А. А. Богданов. Социальная революция ломает старое в самом основном и коренном — в сфере социально-экономических отношений, составляющих базис общества. Поэтому революционная перестройка должна охватить сферу именно этих отношений, затрагивающих жизненные интересы громадных масс населения. В этом отношении поучительны высказывания А. А. Богданова о движущих силах развития в социалистическом обществе, и его наивность может быть понята: он не знал конкретного опыта построения социализма.

⁶⁷ Там же. С. 306—307.

3. Вопросы организации социалистического хозяйства и его регулирования

В настоящее время весьма актуально рассмотрение тех форм организации социалистического хозяйства, как они представлялись А. А. Богданову в 20-е годы. В то время еще не было возможным научное предвидение всех социальных противоречий и конфликтов, приведших к деформации социалистического мировоззрения. Поэтому понятен тот оптимизм, с которым А. А. Богданов с позиций своей организационной науки описывал силы развития в социалистическом обществе, отношения этого общества к природе, к созданию социальной гармонии в сфере распределения. Мы вновь возвращаемся к этим проблемам ввиду крайней важности сохранения в целостности социалистического мировоззрения, которое сильно искажено под влиянием факторов деформации социалистического строительства в нашей стране.

Работы А. А. Богданова во многом оказали влияние на представления об организации социалистического хозяйства, сложившиеся в 20-е годы. А. А. Богданов определял социализм как «социально-организованное общество», свободное от внутренних противоречий и антагонизмов, присущих всем досоциалистическим формам хозяйства. Особое внимание он уделял отношению социалистического общества к природе, поскольку, по его мнению, «социализация» производственных отношений исключает классовые антагонизмы и движущей силой развития становится внешнее противоречие — противоречие между обществом в целом и природой.

Как уже отмечалось, А. А. Богданова иногда обвиняют в «механицизме» на том основании, что он придавал исключительно важное значение взаимодействию общества и природы, отыскивал общие закономерности, объединяющие воедино законы природы и общества. Мы уже подчеркивали, что эмпириомонизм и стал возможным благодаря тому, что социально организованный опыт позволяет монистически объяснить смену равновесных состояний как последовательный процесс увеличения власти человека над природой. Переходя к объяснению движущих сил и особенностей организации социалистического общества, А. А. Богданов прежде всего указал на рост техники общественного производства, на качественное преобразование общественных производительных сил в результате машинной техники и получения новых источников энергии как органической закономерности движения науки и техники.

А. А. Богданов подробно описал внутренние преобразования техники общественного производства как условия и факторов, диктующих неизбежность перехода к социализму, отличительной особенностью которого является именно социалистическое преобразование производительных сил. *«Действительная власть общества над природою, беспредельно развивающейся на основе*

научно организованной техники — такова первая характеристика коллективистического строя»⁶⁸.

Видимо, А. А. Богданов даже не подозревал, что возможна такая альтернатива организации «коллективистического строя», которая ведет не просто к застою в общественном развитии, но и к разрушению органической связи «человек—природа». Застой в общественных отношениях производства не может не сказаться пагубно на организации общественной техники, технологии, всего производственного аппарата. Смена общественных отношений, массовый энтузиазм трудящихся постепенно сошли на нет ввиду тех жесточайших репрессий, которым подверглись все социальные слои в годы «режима личной власти» и отстранения трудящихся от управления общественным достоянием. Деформировался и экологический процесс, в корне подорвались «эколого-экономические» отношения, что и стало причиной поистине небывалых «перекосов» в этой существенно важной сфере.

Преобразование отношений производства на базе достижений машинной техники А. А. Богданов считал также важнейшей особенностью «коллективистического строя». Он показал, что уже при капитализме происходят важнейшие изменения в отношениях сотрудничества как важной составной части общественных отношений. Машинная техника изменяет формы сотрудничества в двух отношениях: «С одной стороны, техническое разделение труда теряет характер „специализации“, суживающей и ограничивающей психику работника, и становится сходной с „простой кооперацией“, в которой работники выполняют однородную работу; при этом техническая „специализация“ переносится с человека на машину. С другой стороны, самые рамки этого сотрудничества расширяются в громадных размерах: возникают предприятия, объединяющие в одной организованной системе тысячи и десятки тысяч работников»⁶⁹.

По мнению А. А. Богданова, подобные тенденции крайне важны и для понимания социалистической организации производства: в условиях социализма они находят более полное выражение, чем в эпоху машинного капитализма. Различия профессиональной специализации при социализме должны свестись к такой ничтожной величине, что исчезает окончательно то «психическое» разъединение, которое создается разнородностью трудовой жизни людей: «связь взаимного их понимания и общения беспрепятственно расширяется и упрочивается на основе общности жизненного содержания»⁷⁰. Поэтому при социализме трудовые отношения не могут препятствовать сотрудничеству индивидов в свободной жизнедеятельности. Эти индивиды уже сами будут заинтересованы в расширении сферы «межпсихических» связей.

⁶⁸ Там же. С. 309.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

С переходом к автоматическому регулированию производства, по мнению А. А. Богданова, все более расширяется функция работников в сфере межличностных отношений, постепенно весь процесс труда будет принимать «инженерный» характер. При этом все более повышается уровень знаний, понимания, сообразительности, общего «психического» развития, которые требуются для работника. Одновременно разница между исполнителем и руководителем должна свестись к чисто количественной разнице в научно-технической подготовке: «Создается постоянная возможность легкой замены любого организатора одним из его исполнителей и обратно. Исчезает трудовое неравенство этих двух типов, и они сливаются между собою» ⁷¹.

Если бы А. А. Богданов мог предвидеть наш современный экономический строй, он бы с удивлением констатировал, что разделение труда между «руководителями» и «исполнителями» почти нисколько не изменилось: противоречие между «управляющими» и «управляемыми» стало источником еще больших противоречий и конфликтов, вызванных социальной неоднородностью труда. Эти противоречия еще более усугубляются казарменно-бюрократической деформацией социализма, образованием «управленческого слоя», интересы которого не только не совпадают, но иногда прямо противоречат интересам большинства народа.

Указанная деформация привела к росту социально-экономического неравенства, вытекающего (с тем или иным качеством) из самой общенародной собственности, которая закрепляет принципиально различное положение людей как в процессе труда, так и в сфере распределения. Та разновидность «государственного социализма», который сложился в нашей стране, еще более усугубляется различием в социальном статусе разных социальных групп («трудовых систем», по терминологии А. А. Богданова). Поэтому говорить о слиянии в единой организованной системе «руководителей» и «исполнителей» еще преждевременно, тем более что «трудовые системы» отнюдь не равны и по своему социально-экономическому положению, хотя это вызывается деформацией социальных связей. Исправить такое положение можно только с помощью революционной перестройки всех сфер общественной жизни.

А. А. Богданов полагал, что именно уничтожение различий между «трудовыми системами» делает возможным и осуществимым планомерное и сознательное управление всем хозяйством на основе научного опыта и трудовой солидарности, которая объединяет всех трудящихся как равноправных тружеников. «Движущая сила организации — товарищеская дисциплина, вначале, пока еще не все воспиталось в духе коллективного труда, включающая элементы принуждения, а затем шаг за шагом освобождающаяся от них» ⁷².

⁷¹ Там же. С. 310.

⁷² Там же. С. 311.

В этой новой системе производства, по мнению А. А. Богданова, каждый работник действительно равен другому работнику как сознательные элементы единого разумного целого: в этой системе каждому даются все условия, чтобы с наибольшей полнотой и всесторонностью развить свою трудовую силу и с наибольшей целесообразностью применять ее на пользу всех. Это — действительный идеал социалистического общества, где целью должно стать достижение такой сознательной и планомерной организации хозяйства, которая обеспечивала бы полное развитие производительных способностей человека и его свободное всестороннее развитие. А. А. Богданов считал, что подобный идеал достижим лишь в условиях полной ликвидации «товарного фетишизма» и установления единого хозяйственного плана, приводящего все элементы в стройную и согласованную систему на основе социалистической собственности.

Социалистическое общество А. А. Богданова характеризует как *«стройную организованность всей производственной системы при величайшей подвижности ее элементов и их группировок и при высокой психической однородности трудящихся»* как равноправных членов трудовых систем и как подвижных элементов и субъектов хозяйствования; социалистическое общество есть наиболее развитая форма сотрудничества всех трудящихся, как *«всесторонне развитых сознательных работников»*.⁷³

В вопросе о принципах организации нового общества А. Богданов выдвигал принцип строгого централизма. Он писал, что тип организации в новом обществе не может быть иным, как централистическим, — но не в смысле старого, авторитарного централизма, а в смысле нового научного. Центром организации нового общества, по его словам, должно стать гигантское статистическое бюро, на основании точных расчетов распределяющее рабочие силы и средства производства.

Эти идеи А. Богданов подробно обосновал в своей книге «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 г. Он писал, что «вся система сотрудничества при коллективизме является вполне централизованной, поскольку сознательная и планомерная организация производства не может быть иной, как централистической; но при однородном, товарищеском сотрудничестве центральное объединение не основывается на власти».⁷⁴

В этом, по мнению А. А. Богданова, состоит неоспоримое преимущество социализма. В капиталистическом хозяйстве, писал А. А. Богданов, существует способ централизации, основанный на подчинении, опирающемся на реальное или возможное насилие. Однако уже классовые организации пролетариата начинают вырабатывать иной способ: создание центров, выясняющих и осуществляющих волю коллектива, но не управляющих им. В таких объективных условиях эта тенденция поставлена в сравнительно

⁷³ Там же.

⁷⁴ Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 17.

тесные рамки: противоречия личных интересов коллективному в рабочем классе далеко не уничтожены, они только ослабляются товарищеским сотрудничеством и возрастанием роли интересов коллектива; потребности же классовой борьбы, необходимость быстрых решений сохраняют за центрами авторитарно-руководящую функцию, придают дисциплине организаций окраску «власти-повиновения».

Для «товарищеского коллектива» вопрос о центральной организации производства есть распределение. «В переходную эпоху, — писал А. А. Богданов, — когда новый строй только складывается, когда производительные силы еще ограничены, принудительная дисциплина труда еще не может быть устранена, распределение должно основываться на пропорциональности между трудом и вознаграждением. Общество должно завершить трудовое воспитание своих членов, особенно бывших господствующих классов; оно вынуждено быть экономным в потреблении, чтобы гарантировать всем достаток и одновременно расширить и укрепить свою техническую основу»⁷⁵.

На следующей стадии в области распределения устанавливается свобода — «каждому по потребности». «В первой фазе труд „вознаграждается“ обществом, следовательно, хотя частичное присвоение средств производства уничтожено, однако остается индивидуальная собственность на предметы потребления. Во второй фазе понятие „собственности“ одинаково неприменимо ни к средствам производства, ни к предметам потребления; история этой экономической и правовой категории тогда будет завершена, содержание изжито»⁷⁶.

Таким образом, сотрудничество при коллективизме характеризуется как научно-организованная система товарищеских связей, «централистический» коллектив, основанный на величайшей подвижности его элементов и их группировок при высокой однородности трудящихся, всесторонне развитых сознательных работников.

Весьма интересны идеи А. А. Богданова по вопросам организации отношений распределения: «Новый аппарат распределения, заменяющий собой стихийный механизм рынка, должен с самого начала отличаться громадной сложностью; его основу должна составлять точнейшая, непрерывно текущая статистика производимых продуктов и их потребления. Уже современный рынок создает такие подсобные аппараты, являющиеся смутным прообразом будущих методов распределения: организация осведомительных мер, комитеты экспертов при крупных кредитных предприятиях. Еще больше для подготовки новых форм распределения должны дать рабочие организации типа кооперативов (они являются подготовительной школой для воспитания организаторов)».

Для организации планомерного распределения, по мнению А. А. Богданова, требуются определенные социальные и экономические

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 20.

ческие предпосылки, нужна помощь организационной науки. Эта наука — наука будущего, с помощью которой возможно повышение уровня культуры производства и распределения; необходима новая, пролетарская наука, которая воспитала бы социалистических организаторов производства, способных управлять невиданно сложным социалистическим хозяйством. Новые организационные отношения призваны перевоспитать пролетариат, все еще неподготовленный для решения задач общественного регулирования в масштабе всего государства. А. А. Богданов полагал, что того уровня культуры, которого требует планомерное регулирование, в России еще не существует, а потому дело социалистического переворота еще не созрело. «Культурная несостоятельность пролетариата, — писал А. А. Богданов, — в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. . . Если это так, то какой злой иронией или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории, организационного переустройства в мировом масштабе?»⁷⁷.

Полагая, что необходимых организационных и культурных предпосылок для социалистического переворота еще не создано. А. А. Богданов тем не менее делал многое для воспитания пролетарской культуры. В корне неверно представление, будто А. А. Богданов имел какой-то особый план социалистического переустройства общества. Он понимал великое значение социалистической революции в России и сам делал все возможное для подъема пролетарской культуры — с целью перевоспитания и переобучения рабочего класса. Пролетарскую культуру он считал необходимой и главной предпосылкой организации социалистического производства, регулирования народного хозяйства в масштабе всего общества. Без нее, полагал он, невозможно создание экономики социализма. Социализм, писал он, есть задача «хозяйственная», задача планомерной хозяйственной организации; поэтому пролетарская наука и культура должны быть подняты на необычайно высокий уровень, недостижимый при капиталистическом производстве.

Вместе с тем А. А. Богданов отмечал те тенденции в экономике «военного коммунизма», которые являются, по его мнению, важными предпосылками перехода к социализму: распространение «потребительного коммунизма» с армии на все общество, ограничение частной собственности на продукты и средства производства, принудительное «трестирование» целых отраслей промышленности, государственная трудовая повинность, целенаправленное регулирование цен и сбыта. Все эти процессы он считал факторами, приближающими социалистическую организацию производства и распределение, подчеркивал необходимость сознательной

⁷⁷ Там же. С. 76.

увязки этих сторон хозяйственной жизни. Чисто военная организация хозяйства в то же время, по его мнению, ведет к «авторитарному закреплению» рабочих, ибо принципы военной организации распространяются на все трудовые классы общества: «Ее исходный пункт и основа развиваемых ею форм — военный потребительный коммунизм: ее движущая сила — прогрессивное разрушение общественного хозяйства; ее организационный метод — нормировка, ограничение, осуществляемое авторитарно-принудительным трудом». ⁷⁸

Разумеется, А. А. Богданов не ограничивался только констатацией тенденций «военного коммунизма», а ставил вопрос более широко — как создание предпосылок для планомерного регулирования всей хозяйственной жизни страны. Планомерную организацию всей экономики он рассматривал как осуществление коренных принципов социалистического хозяйства, создания новой сети организационных хозяйственных отношений. Организационно-хозяйственные отношения должны строиться по принципу «цепной связи», обеспечивающей сбалансированность производства и распределения, а также соответствие величины затрат трудовой энергии работника и ее восполнения. Труд и потребности работника должны быть взаимоувязаны как с физиологической, так и с социальной точки зрения. В докладе «Труд и потребности работника» (1921 г.) А. А. Богданов с особой силой подчеркнул «естественный закон равновесия» между затратами и их полезным эффектом, между производством и распределением, между расходом работника в процессе производства его жизненной энергии и получением продуктов для поддержания его жизнедеятельности. Ключ к решению этих проблем дает организационная точка зрения — как обеспечение естественного «организационного равновесия». «Вся организованная система, в том числе и организм работника, и организация коллектива, общества, сохраняется постольку, поскольку ее затраты и потери энергии *уравновешиваются* усвоением энергии извне; а расти и развиваться может, естественно, лишь постольку, поскольку первые перевешиваются вторыми» ⁷⁹.

Применительно к социальной экономике, указывал А. А. Богданов, этот абстрактный закон распределения получает специфические формы выражения — как закон восполнения затрат полезным эффектом, — с тем, чтобы каждый элемент общественного хозяйства имел возможность выполнять нормально свою общественную функцию. «Предприятие может не получать от хозяйственного центра или через покупку на рынке достаточного количества сырья, орудий и проч., чтобы выполнять свои производственные задачи; но тогда оно и не может их выполнять, само расстраивается, а вместе с тем нарушаются функции других,

⁷⁸ Там же. С. 79.

⁷⁹ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 260.

связанных с ним предприятий, которые так или иначе должны применять его продукты: в системе происходит частичное разрушение, дезорганизация. Рабочий также нередко не получает в виде заработной платы необходимого количества средств потребления, чтобы поддерживать свою работоспособность и жизнь членов своей семьи, но тогда происходит растрата, частичное или полное разрушение рабочей силы, потеря общественно-трудовой энергии, ослабление общества в его борьбе с природой». ⁸⁰

В большинстве случаев так и происходило в экономической истории до социализма. Последний же призван обеспечить полную сбалансированность всех частей общественного организма, сбалансированность производства и потребления, производства и распределения. Каждый элемент единого экономического организма должен иметь все необходимое для выполнения своей общественной функции.

Вместе с тем, по мнению А. А. Богданова, не надо упускать из виду глубокого различия между процессами производства и распределения, с одной стороны, и потребления — с другой. «Во-первых, коллективизм, коммунизм, социальное единение и регулирование означают увеличение силы, представляют собой путь к победе над природой; во-вторых, этого вовсе нет: потребление по самой природе своей индивидуально, тут один человек не может реально помогать другому» ⁸¹. Поэтому ошибочны идеи «механически-уравнительного» распределения, наивные схемы коммунизма по схеме «всем поровну». Экономически уравнительным можно считать только такое распределение, при котором уравнивается не величина самой платы, а отношение между затратами и усвоением энергии для каждого работника. Коллективизм труда и коммунизм распределения не связаны с коммунизмом в удовлетворении личных потребностей и прямо противоположны ему. «Соответственно большим или меньшим потребностям, смотря по уровню сложности труда, здесь должен проводиться принцип *обеспеченности* работника, достатка, освобождающего от мелочей и зацепок. Всякое отклонение от этого принципа *неэкономно*, скажется рано или поздно непропорционально большими потерями» ⁸².

В докладе «Организационные принципы единого хозяйственного плана» (1921 г.) А. А. Богданов указывал, что вопрос о планомерности общественного хозяйства «с величайшей прозорливостью и глубиной» был поставлен К. Марксом в его критике капитализма. К. Маркс показал, по мнению А. А. Богданова, что все противоречия капитализма, все неразлучные с ним бедствия и растрата сил, с их жестокими обострениями в виде кризисов имеют одну общую основу: анархию производства, отсутствие планомерной организации производства и всего общественного хозяйства.

⁸⁰ Там же. С. 261.

⁸¹ Там же. С. 269.

⁸² Там же. С. 270—271.

Планомерным может быть только такое хозяйство, в котором все части стройно согласованы на основе единого, методически выработанного хозяйственного плана. «Первый из вопросов организации общественного хозяйства, — писал А. А. Богданов, — касается закономерности, связывающей производство и распределение. Рассматривая то и другое как функционально необходимые части хозяйственного процесса, и зная, что производство дает все продукты для распределения, а распределение служит, в свою очередь, для поддержания производства, легко установить следующее равновесие: *равновесие общественного хозяйства возможно тогда, когда каждый его элемент путем распределения получает все необходимые средства для выполнения своей социально-производственной функции.* Так, работнику должны даваться средства потребления, достаточные для поддержания его рабочей силы, предприятию — материалы, топливо, орудия в надлежащем количестве для дальнейшего производства и т. д.»⁸³

А. А. Богданов указывал, что отрасли производства связаны между собой цепной связью, одни для других дают необходимые средства производства, в том числе и те отрасли, которые производят предметы потребления, они доставляют тем самым для всех других средства восстановления рабочей силы. Из «цепной связи» прямо вытекает пропорциональность отраслей, как необходимое условие равновесия хозяйственной системы: все они должны быть «взаимно достаточны», иначе нарушается равновесие и происходит в той или иной мере дезорганизация целого. Перед нами единый «цепной механизм», первое звено которого — производство основных средств производства, а последнее — производство предметов потребления, поддерживающих жизнь и трудовую энергию общества; при данной, определенной технике, соотношения всех звеньев этого механизма должны быть вполне определены.

Вследствие такой зависимости, писал А. А. Богданов, расширение хозяйственного процесса в целом, организован ли он стихийно-анархически или планомерно, подчиняется «закону наименьших»; и ясно, что расширение хозяйственного целого зависит от наиболее отстающих его частей. «Так как цель общественного хозяйства есть, в первую очередь, удовлетворение человеческих потребностей (а затем, конечно, и их развитие), то исходным пунктом расчета должны явиться именно эти потребности, — конечное звено цепного механизма, к которому должны приспособляться все прочие звенья».⁸⁴

Важное место в экономической теории социалистического регулирования А. А. Богданова занимает учение о «бирегуляторах», аналогических понятию «отрицательные обратные связи» в кибернетике. А. А. Богданов подчеркивал, что везде, где какая-либо величина среди постоянных колебаний сохраняет устойчивость, мы должны искать механизмы типа бирегуляторов. Естественно, что в экономических исследованиях А. А. Богданов проводил ту

⁸³ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 1. С 274.

⁸⁴ Там же. С. 276.

же идею, отыскивая механизмы, обеспечивающие устойчивость хозяйственных систем. Приблизительно характеризуя регуляторы в хозяйственном процессе, А. А. Богданов остановился на известных положениях К. Маркса, высказанных в письме к Л. Кугельману. К. Маркс писал, что распределение труда и средств производства между отраслями хозяйства является общим экономическим законом, который не может отменить ни одна форма общественного устройства, а измениться может лишь форма его проявления: а в меновом хозяйстве такой формой является «меновая стоимость»⁸⁵. Эти высказывания не решились оспаривать даже буржуазные экономисты. Что же касается экономистов-марксистов, то эти кардинальные положения К. Маркса они положили в основу своего понимания соотношения общего и специфического в регуляторах общественного производства.

Как уже отмечалось, А. А. Богданову принадлежит честь первому показать необходимую связь технико-экономического и социально-экономического аспектов в хозяйственной деятельности. Он писал о том, что общие логические категории общественного производства — это общественная стоимость и общественная полезность как необходимые характеристики общественно произведенного продукта. Рассматривая эти категории в неразрывном единстве, А. А. Богданов подчеркивал их общеисторический характер как категорий, свойственных всем формам общественного устройства. В то же время он указывал, что эти фундаментальные категории общественного производства имеют разные формы проявления, в частности через овеществление производственных отношений («товарный фетишизм»). Доказывая вслед за К. Марксом неизбежность падения товарного фетишизма, А. Богданов считал, что стоимость и полезность будут выступать при социализме в своем «чистом виде», свободном от фетишистских оболочек. Так должен действовать и закон пропорционального распределения затрат труда, который он назвал «законом пропорциональности трудовых затрат» или просто «законом трудовых затрат» и рассматривал его как общенсторический закон общественного производства.

В многочисленных дискуссиях о «законе трудовых затрат» обычно упускалось из виду методологическое обоснование А. А. Богдановым этого закона. Его упрекали в принижении Марксового подхода к политической экономии на том основании, что он всегда давал расширительную трактовку экономических категорий, в частности и закона пропорционального распределения труда и средств производства между отраслями общественного хозяйства. В дискуссии по докладу И. И. Рубина «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» А. А. Богданов подчеркнул, что И. Рубин делает из Маркса «ювелира», оттачивающего каждую грань экономической категории, в то время как в действительности К. Маркс был «кузнецом», разрубающим цепи менового хозяйства. А. А. Богданов подчеркивал, что К. Маркс не ограничивался од-

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 461.

ним капиталистическим хозяйством, что открытые им экономические законы имеют и определенное общеисторическое содержание, проявляющееся во всех формациях. По мнению А. А. Богданова, К. Маркс изучает производственные отношения во всех формах общества, и потому категории политической экономии К. Маркса могут быть распространены на все общественные формации. А. А. Богданов заявил, что он всегда старался развивать экономические понятия Маркса таким образом, чтобы они могли быть приложены к другим историческим формациям. Так, категория «абстрактный труд», говорил он, применима не только к капитализму так же, как и «трудовая стоимость».

Эту мысль А. А. Богданов подчеркивал неоднократно. Как уже отмечалось, в Коммунистической академии по докладу И. И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?» (1925 г.) А. А. Богданов указал на общеисторическое содержание трудовой теории стоимости, которую участники дискуссии (в частности, Н. И. Бухарин) ограничивали рамками «товарно-неорганизованного» хозяйства. А. А. Богданов говорил: «...Продукт во всяком обществе, натурально-хозяйственном или меновом, имеет два общественных свойства: общественную стоимость и общественную полезность. . . Общество продукт производит, общество продукт потребляет. Это одинаково в натурально-хозяйственных формациях и меновых. Если оно его производит, оно затрачивает труд, продукт стоит труда, имеет общественно-трудовую стоимость; этого факта ничем не изменить»⁸⁶.

Подвергая резкой критике утверждение, будто в социалистическом обществе не может быть стоимости, А. А. Богданов спрашивал: «Но как же социалистическое общество может организовать, как оно может рассчитывать свои потребности и свое производство, как оно может координировать одно с другим?»⁸⁷. Ответ на этот вопрос, утверждал А. А. Богданов, дал К. Маркс, который говорил, что при планомерной коллективной организации «рабочее время играло бы двоякую роль»: с одной стороны, его общественно-планомерное распределение устанавливает «надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями», а с другой стороны, рабочее время служит «мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта»⁸⁸. Здесь К. Маркс, говорил А. А. Богданов, указывает, что рабочее время — основа производства и распределения при коллективизме.

А. А. Богданов справедливо полагал, что регулирование коллективистского производства и распределения «законом трудовых затрат» есть основа планомерного ведения хозяйства: «Планомерная организация есть такая организация, которая исходит из

⁸⁶ Вестн. Ком. акад. 1925. Кн. 11. С. 301.

⁸⁷ Там же. С. 302.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 89.

накопленного знания о том, какова стоимость продукта, и которая сочетает это со знанием о потребности в продукте для организации производства; иначе это будет организация не планомерная»⁸⁹. Именно в данном пункте, говорил А. А. Богданов, марксизм преодолевает фетишизм менового общества, и в этом состоит подлинный историзм политической экономии.

Методологическое обоснование «закона трудовых затрат» А. А. Богданов представил подробно в дискуссии в Коммунистической академии по докладу Е. А. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве» (1926 г.). Он подчеркивал, что трудовые затраты выступают везде в качестве регулирующего момента, и эта закономерность — общая для любой общественной формы: «один и тот же закон, одно и то же соотношение». Меняется в зависимости от различных исторических условий лишь форма проявления этого закона: «Если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором в несколько более планомерной форме являются трудовые затраты, то и при социализме регулятором должны явиться трудовые затраты»⁹⁰.

В разных условиях такая общая закономерность проявляется различно: при капитализме закон трудовых затрат осуществляется стихийно, при социализме этот же закон осуществляется более планомерно, что следует из закона трудовой стоимости. Смысл последнего раскрыл К. Маркс в своем учении о равновесии как необходимой «норме», регулирующей все колебания экономического процесса: «Единственно, что вытекает из действия закона ценности», это то, что — одно колебание будет компенсировано противоположным; «тенденция к трудовой норме проявит себя тем, что в данном случае, если было сильное колебание в одну сторону, будет резкое или длительное в другую. В этом, собственно, суть дела»⁹¹.

Закономерно спросить, где же здесь «механицизм», который так настойчиво приписывается А. А. Богданову. Очевидно, что А. А. Богданов излагает истины марксистской политической экономии. Не случайно, что именно А. А. Богданов решительно выступил против ограничения политической экономии рамками товарно-капиталистического хозяйства. На дискуссии по докладу Е. А. Преображенского он пояснил, что закон «трудовой нормы» нельзя смешивать с законом спроса и предложения, что этот закон имеет более общую природу и в наиболее «чистом виде» он будет проявляться при коллективистском хозяйствовании. При этом не выдерживает никакой критики утверждение, будто «закон трудовых затрат» неизменен, что он — один и тот же в разных формациях. А. А. Богданов ясно показал, что «фетишистский наряд»

⁸⁹ Вестн. Ком. акад. 1925. Кн. 11. С. 302.

⁹⁰ Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 15. С. 214.

⁹¹ Там же. С. 211.

ним капиталистическим хозяйством, что открытые им экономические законы имеют и определенное общесторическое содержание, проявляющееся во всех формациях. По мнению А. А. Богданова, К. Маркс изучает производственные отношения во всех формах общества, и потому категории политической экономии К. Маркса могут быть распространены на все общественные формации. А. А. Богданов заявил, что он всегда старался развивать экономические понятия Маркса таким образом, чтобы они могли быть приложены к другим историческим формациям. Так, категория «абстрактный труд», говорил он, применима не только к капитализму так же, как и «трудовая стоимость».

Эту мысль А. А. Богданов подчеркивал неоднократно. Как уже отмечалось, в Коммунистической академии по докладу И. И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?» (1925 г.) А. А. Богданов указал на общесторическое содержание трудовой теории стоимости, которую участники дискуссии (в частности, Н. И. Бухарин) ограничивали рамками «товарно-неорганизованного» хозяйства. А. А. Богданов говорил: «...Продукт во всяком обществе, натурально-хозяйственном или меновом, имеет два общественных свойства: общественную стоимость и общественную полезность. . . Общество продукт производит, общество продукт потребляет. Это одинаково в натурально-хозяйственных формациях и меновых. Если оно его производит, оно затрачивает труд, продукт стоит труда, имеет общественно-трудовую стоимость; этого факта ничем не изменить»⁸⁶.

Подвергая резкой критике утверждение, будто в социалистическом обществе не может быть стоимости, А. А. Богданов спрашивал: «Но как же социалистическое общество может организовать, как оно может рассчитывать свои потребности и свое производство, как оно может координировать одно с другим?»⁸⁷. Ответ на этот вопрос, утверждал А. А. Богданов, дал К. Маркс, который говорил, что при планомерной коллективной организации «рабочее время играло бы двоякую роль»: с одной стороны, его общественно-планомерное распределение устанавливает «надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями», а с другой стороны, рабочее время служит «мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта»⁸⁸. Здесь К. Маркс, говорил А. А. Богданов, указывает, что рабочее время — основа производства и распределения при коллективизме.

А. А. Богданов справедливо полагал, что регулирование коллективистского производства и распределения «законом трудовых затрат» есть основа планомерного ведения хозяйства: «Планомерная организация есть такая организация, которая исходит из

⁸⁶ Вестн. Ком. акад. 1925. Кн. 11. С. 301.

⁸⁷ Там же. С. 302.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 89.

накопленного знания о том, какова стоимость продукта, и которая сочетает это со знанием о потребности в продукте для организации производства; иначе это будет организация не планомерная»⁸⁹. Именно в данном пункте, говорил А. А. Богданов, марксизм преодолевает фетишизм менового общества, и в этом состоит подлинный историзм политической экономии.

Методологическое обоснование «закона трудовых затрат» А. А. Богданов представил подробно в дискуссии в Коммунистической академии по докладу Е. А. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве» (1926 г.). Он подчеркивал, что трудовые затраты выступают везде в качестве регулирующего момента, и эта закономерность — общая для любой общественной формы: «один и тот же закон, одно и то же соотношение». Меняется в зависимости от различных исторических условий лишь форма проявления этого закона: «Если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором в несколько более планомерной форме являются трудовые затраты, то и при социализме регулятором должны явиться трудовые затраты»⁹⁰.

В разных условиях такая общая закономерность проявляется различно: при капитализме закон трудовых затрат осуществляется стихийно, при социализме этот же закон осуществляется более планомерно, что следует из закона трудовой стоимости. Смысл последнего раскрыл К. Маркс в своем учении о равновесии как необходимой «норме», регулирующей все колебания экономического процесса: «Единственно, что вытекает из действия закона ценности», это то, что — одно колебание будет компенсировано противоположным; «тенденция к трудовой норме проявит себя тем, что в данном случае, если было сильное колебание в одну сторону, будет резкое или длительное в другую. В этом, собственно, суть дела»⁹¹.

Закономерно спросить, где же здесь «механицизм», который так настойчиво приписывается А. А. Богданову. Очевидно, что А. А. Богданов излагает истины марксистской политической экономии. Не случайно, что именно А. А. Богданов решительно выступил против ограничения политической экономии рамками товарно-капиталистического хозяйства. На дискуссии по докладу Е. А. Преображенского он пояснил, что закон «трудовой нормы» нельзя смешивать с законом спроса и предложения, что этот закон имеет более общую природу и в наиболее «чистом виде» он будет проявляться при коллективистском хозяйствовании. При этом не выдерживает никакой критики утверждение, будто «закон трудовых затрат» неизменен, что он — один и тот же в разных формациях. А. А. Богданов ясно показал, что «фетишистский наряд»

⁸⁹ Вестн. Ком. акад. 1925. Кн. 11. С. 302.

⁹⁰ Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 15. С. 214.

⁹¹ Там же. С. 211.

закона стоимости — исторически преходящая форма и никакие колебания в экономической реальности не могут отменить специфические проявления этого закона в переходной экономике и в экономике социалистического общества.

На наш взгляд, неверно обвинение в адрес А. А. Богданова, что он видел только «вечное», «надысторическое» содержание закона трудовой стоимости. Как показал А. А. Богданов, этот закон есть способ установления связи структуры общественных затрат с общественными потребностями, он не ограничивается уравновешиванием спроса и предложения, но и регулирует пропорции общественного производства. Он писал: «Закон трудовой ценности при капитализме есть закон, по которому распределение производственных элементов регулируется трудовыми затратами; и вот в сущности как раз тот же закон по необходимости проводится государственным хозяйством даже тогда, когда оно является монопольным покупателем, проводится по отношению к противостоящему индивидуальному хозяйству»⁹².

Эти бесспорные в своей сущности утверждения вызвали резкую критику со стороны А. Леонтьева, который обвинял А. А. Богданова в механицизме, в игнорировании «специфичности» в действии регулятора народного хозяйства. Закону трудовых затрат А. Леонтьев противопоставил «плановое начало» как регулятор производства. Он писал, что, «рассматривая процесс хозяйственного развития в его динамике, рассматривая, далее, регулятор производства как подчиненный элемент „закона движения“ данной общественной формы, можно сказать, что единым регулятором переходного хозяйства является плановое начало, которое в беспрестанной борьбе утверждает свою роль ведущего начала в нашей хозяйственной системе»⁹³.

Спрашивается, а разве А. А. Богданов отрицал связь закона трудовых затрат с «законом движения» данного способа производства? Он неоднократно подчеркивал, что общественная форма проявления закона трудовых затрат всегда оказывает активное влияние на характер действия этого закона (например, через меновую стоимость). Обвинения А. Леонтьева имели целью дискредитировать «теорию равновесия», ибо именно эта теория лежит в основе регулирования общественного производства. Отсюда и обвинения в «механицизме», в забвении производственных отношений и т. п. Все эти обвинения не имели под собой научной основы.

Между тем подобная критика А. А. Богданова преобладала вплоть до 60-х годов. Его концепция рассматривалась как вариант механистической ревизии марксизма, в том числе начисто отвергалась теория равновесия. Что касается этой теории, то А. А. Богда-

⁹² Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 16. С. 211—212.

⁹³ Леонтьев А. Закон трудовых затрат: (К анализу теоретических корней правого уклона). М., 1929. С. 59.

нов обвинялся в статическом подходе к анализу явлений природы и общества, принципу равновесия противопоставлялся принцип развития, а «организационная точка зрения» объявлялась противоречащей самой идее поступательного движения от низших форм к высшим. На самом деле равновесие — момент развития, а потому нет никаких оснований противопоставлять теорию развития и теорию равновесия.

По этому поводу А. А. Богданов писал: «Возьмем например, такой строго научный, по-видимому, термин, как „равновесие“. Он на самом деле научный; но это не мешает ему применяться в нескольких совершенно различных смыслах. Под ним может подразумеваться и простое отсутствие изменений в положении или состоянии тела; но когда говорят о „подвижном равновесии“, то имеется в виду другое понятие, уже не статического, а динамического содержания: равенство двух потоков противоположных изменений, чему наглядным примером служит равновесие формы водопада. А когда дело идет о „системах равновесия“, о „законе равновесия“ Ле-Шателье, тогда термин означает еще иное — динамику еще гораздо более сложную, а именно тенденцию к устранению порождаемых внешними воздействиями изменений системы; это, собственно, „уравновешивающая тенденция“, которая может даже временно выводить тело из равновесия в первых двух смыслах, что легко видеть на колебаниях весов, когда на чашку кладется груз. И я не ручаюсь, что это все главные значения термина, не говоря уже о менее важных оттенках»⁹⁴.

А. А. Богданов использует в «Тектологии» понятие «равновесие» в этом «еще гораздо более сложном» динамическом смысле, который, с нашей точки зрения, ничем не отличается от динамического понимания равновесия.

Без понятия «равновесие» невозможно понимание всеобщих регулирующих механизмов, управляющих движением сложных систем, да и самого регулирования. Поэтому «Тектология» включает в себя науку управления сложными системами, в том числе и сложными социально-экономическими системами. А. А. Богдановым были заложены научные основы планового ведения хозяйства на основе точного, методически выработанного плана. На основе «Тектологии» А. А. Богданов четко сформулировал сущность, задачи и принципы разработки единого хозяйственного плана, делая особый акцент на обеспечении сбалансированности, пропорциональности, равновесия всей хозяйственной системы. Он особенно подчеркивал необходимость целостности, единства всех составных частей, прямых и обратных связей, слабого звена («закон наименьших»), удовлетворения человеческих потребностей как исходного пункта планирования. Он писал: «Какое хозяйство может быть названо планомерным? Такое, в котором все части

⁹⁴ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. С. 243.

стройно согласованы на основе единого, методически выработанного хозяйственного плана. Как же следует приступать к решению этой задачи, беспримерной по масштабу и по своим трудностям? Принципы могут быть установлены лишь с *научно-организационной точки зрения*»⁹⁵.

А. А. Богданов делал особый упор на устойчивость равновесия всех организационных форм, которая определяется, лимитируется крепостью наиболее слабого звена системы, что имеет особое значение для обеспечения сбалансированности, пропорциональности, выделения ресурсов на решении задач «подтягивания» наиболее отстающих звеньев до уровня развития ушедших вперед отраслей народного хозяйства. Укрепление «слабейших точек» соответствует и другому тектологическому правилу — пропорциональности между элементами единой системы. Развитием такого подхода фактически являются практические меры и теоретические положения, направленные на опережающее развитие некоторых отраслей и производств, представляющих собою узкие места, сдерживающие социально-экономическое развитие в целом. А. А. Богданов говорил о необходимости соблюдения «нормы равновесия» и выделения «ударных» отраслей народного хозяйства, в которые в первую очередь надо направлять рабочие силы и средства производства.

Планомерное социалистическое хозяйство, по мнению А. А. Богданова, должно основываться не на меновом, а на натуральном хозяйстве. «Новое общество, — писал он, — основано не на меновом, а на *натуральном* хозяйстве. Между производством и потреблением продуктов не стоит рынок, покупка и продажа, — но только сознательно и планомерно организованное распределение. Новое натуральное хозяйство отличается от старого, — напр., первобытно-коммунистического, — тем, что оно охватывает собою не большую или маленькую общину, но целое общество из сотен миллионов людей, а затем — все человечество»⁹⁶. Поэтому противоречия менового хозяйства должны быть устранены, и на их место становится только одно противоречие — между обществом и природой.

Однако А. А. Богданов не был утопистом. Он учитывал все сложности такого перехода от менового к натуральному хозяйству. В корне неверно представление, что А. А. Богданов всегда проповедовал «натурально-хозяйственное мышление» и не видел роли товарно-денежных отношений для строительства социализма. Он писал: «Планомерная организация производства, пока она не станет мировой, может быть вынуждена прибегать к товарообмену с другими обществами, хотя бы еще капиталистического типа. В фазе восстановления подорванного катастрофою хозяйства товарообмен может практически облегчить задачу. Но ее теоретиче-

⁹⁵ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 1. С. 274.

⁹⁶ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. С. 315.

ская, т. е. планомерная, сторона, усложняется»⁹⁷. При выработке методически четкого хозяйственного плана необходимо считаться с наличием товарно-денежных отношений, что, по мнению А. А. Богданова, значительно затрудняет практическую организацию всего планомерного ведения хозяйства.

Таким образом, А. А. Богданов по существу заложил основы политической экономии социализма. Его труды составляют ценное теоретическое и практическое наследие, помогающее нам и ныне укреплять и развивать социалистические принципы ведения хозяйства. Противопоставление планомерности и товарности в корне противоречит пониманию А. А. Богдановым экономики социализма, и оно должно быть преодолено на основе установленных «Тектологией» научных принципов организации социализма.

Согласно теории А. А. Богданова, вместе с ростом сотрудничества и коллективизма должны резко измениться общественная идеология и силы развития в социалистическом обществе. Основным строением новой общественной организации определяется первая черта общественной идеологии, выступающей в ее рамках: высшая степень *социальности*, дух коллективизма.

«Человек, — писал А. А. Богданов, — воспитанный эпохой ожесточенной конкуренции, беспощадной экономической вражды людей, групп и классов, не в силах даже представить себе того высшего развития товарищеской связи людей, которое органически создается из новых трудовых отношений»⁹⁸.

А. А. Богданов считал, что новое общество призвано усилить власть человека как над силами внешней природы, так и над силами самой человеческой природы. Отсюда вытекает вторая черта идеологии нового общества — это *отсутствие всякого фетишизма*, чистота и ясность познания, освобожденного от идиологических мистик и призраков метафизики. «Сознательно и планомерно организуя свою борьбу со стихиями природы и свои собственные отношения в этой борьбе, общественный человек не нуждается в кумирах, воплощающих чувство беспомощности перед непреодолимыми силами окружающего мира; непознанное перестает быть для него непознаваемым, потому что процесс познания, организованный планомерно на почве организованного труда, сопровождается сознанием силы, чувством победы, потому что в жизненном опыте человека нет больше области, окруженной несокрушимой стеною тайны»⁹⁹.

Царство науки, навсегда покончившей с метафизикой, сопровождается и третьей чертой общественной идеологии — прогрессивным устранением принудительных норм и вообще элементов принуждения в общественной жизни. По мнению А. А. Богданова, случайные и частные противоречия при высоком развитии социального чувства и при таком же высоком развитии познания

⁹⁷ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн. 1. С. 277.

⁹⁸ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. С. 313.

⁹⁹ Там же.

легко преодолеваются людьми и без специальных «законов», принудительно проводимых «властью». Только в переходном периоде, когда еще сохраняются остатки классовых противоречий, мыслима государственная форма и для нового общества — «государства будущего». Но и это государство есть также организация классового господства, только — господства пролетариата, уничтожающего разделение общества на классы, и с этим разделением устраняет затем и государственную форму общества.

Принципиально новым моментом, определяющим силы развития в социалистическом обществе, А. А. Богданов считал тот факт, что прибавочный продукт использует все общество в интересах всех своих членов, а потому исчезает эксплуатация и сознательное начало становится главным двигателем общественного прогресса.

А. А. Богданов писал: «При социализме же всей суммой прибавочного труда пользуется все общество и каждый непосредственно участвует в борьбе с природою. Поэтому основной, величайший двигатель прогресса здесь действует беспрепятственно и в полной мере, не через избранное меньшинство, а через все человечество, и скорость развития должна непрерывно возрастать. Итак, высшая мыслимая для нас ступень *власти над природою, организованности, социальности, свободы, прогрессивности*, — такова общая характеристика социалистического строя»¹⁰⁰.

Как видим, А. А. Богданов несколько идеализировал социалистический строй. Но это было неудивительно в начале 20-х годов, когда социализм представлялся самым совершенным общественным строем. Тем не менее нужно отметить, что суждения А. А. Богданова о социализме во многом были реалистическими, ибо он в своей организационной науке предвидел и противоречия этого строя, его «расхождения» и конфликты. Он предвидел, что социалистическое («коллективистское») общество — «высокодифференцированная система, между его частями и разными сторонами должны возникать все новые и новые расхождения»¹⁰¹. Дифференциация, богатство внутренних связей системы выражают уровень его развития. Одновременно целостность системы требует гармонизации во взаимодействии ее элементов, их взаимодополнения, что обеспечивается развитием соответствующих связей («дополнительных соотношений») между расходящимися частями. Возрастание различий между элементами системы ведет ко все более устойчивым структурным соотношениям внутри нее. Дополнительные связи препятствуют полному распаду системы, чем социализм принципиально отличается от всех предшествующих способов производства. Возможны и будут при этом строе глубокие расхождения, глубокая дифференциация и противоречия, но рост системности включает в себе новые тенденции к повышению

¹⁰⁰ Там же. С. 317.

¹⁰¹ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. С. 78.

организованности и стройности системы. Это и создается самим принципом системной дифференциации.

Таким образом, А. А. Богданова нельзя считать утопистом в его определениях социалистического строя. Предсказанные им возможные расхождения иногда на длительный срок порождают диспропорции в самом механизме функционирования этого строя, но социалистические связи не могут быть полностью парализованными. Системные расхождения неизбежно ведут к дополнительным связям между элементами, что и обеспечивает жизнеспособность социалистического строя.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

Н. И. БУХАРИНА

1. Методологические основы
экономической теории Н. И. Бухарина

Методологической основой экономической теории Н. И. Бухарина является теория равновесия. Он рассматривал эту теорию как конкретизацию материалистической диалектики, как систематизацию уже накопленных научных методов исследования. Он писал: «Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет о теоретически-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается *теорией равновесия*»¹.

Под состоянием равновесия Н. И. Бухарин понимает такое состояние системы, когда действие противоположно направленных сил не может изменить данного состояния. У него, как и у А. А. Богданова, определяющим моментом является установление временного покоя, из которого оно затем снова выходит. «Подвижное равновесие» является особым типом движения, так что состояние равновесия рассматривается как момент развития, когда одно состояние может смениться другим, более высоким. Равновесие есть результат уравнивания действий двух противоположно направленных сил, причем не имеет значения, что именно вызывает «возмущение» — внешняя среда или столкновение внутренних побудительных сил. Это вполне отвечает диалектическому материализму, который рассматривает развитие как единство движения и покоя. Нарушение равновесия может быть вызвано и результатом «самодвижения», причем «тут могут быть всякие уклоны, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия»². Отдельное движение стремится к равновесию, совокупное движение снова устраняет равновесие и так без конца.

Обращение Н. И. Бухарина к теории равновесия было не случайным. Он считал необходимым «уточнить и развить положения исторического материализма, продвинуть дальше разработку его проблем» по линии «наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса»³. В области об-

¹ Бухарин Н. И. Избр. произв. М.: Политиздат, 1988. С. 41.

² Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 153.

³ Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 39.

ществленных наук, как известно, марксисты постоянно противопоставляли «механическое объяснение общественных явлений», имея в виду «социологический подход», «органическому», соответствующему индивидуалистической точке зрения буржуазных экономистов (робинзонады и т. п.). Антимеханическое отождествлялось с «органическим», а «органическое» — признавалось только прерогативой так называемой органической школы в буржуазной политической экономии. Необходимо было преодолеть противопоставление «механического» и «органического» аспектов как якобы взаимно исключающих друг друга.

Новый подход к соотношению «механического» и «органического» вытекал из потребностей самой социологии, которая должна учесть новейшие достижения естествознания и противопоставить марксистское понимание «органического» буржуазной политической экономии.

Н. И. Бухарин писал: «С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых, *переворот в представлениях о строении материи*; во-вторых, чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке. Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме как абсолютно изолированной единице. Между тем именно старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и «атом», и «индивидуум» — по-русски переводятся одним и тем же словом: «неделимое»). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем в области общественных наук речь шла как раз о *преодолении* робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью *общественную* точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии. . .»⁴

Однако, по мнению Н. И. Бухарина, механическое должно быть диалектически продолжено, дополнено подлинно «органической» трактовкой социальных явлений: «*Изолированный* и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д. восстановлен во всех правах. *Противопоставление* „механического“ и „органического“ с этой точки зрения стало бессмысленным»⁵. В то же время рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» мистицизму. Понятие «жизни» стало мистическим, на место научной «органической» точки зрения стал мистицизм. «Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за *материалистическое* мировоззрение вообще и материалистическую общественную науку в частности»⁶.

Отсюда вытекает вся важность истолкования теории равновесия с позиций материалистической диалектики. Маркс освободил

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, материального становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Н. И. Бухарин писал: «Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т. е. *в формах движущейся материи находить то, чему „соответствует“* диалектическая формула Гегеля. Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. — вот что реально соответствует гегелевской триединой формуле. Что „нового“ вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на *материальный* процесс и на движение материальной формы. Другими словами, здесь — диалектика *материального* становления, идеально выражаемая гегелевской триадой»⁷. Однако, указывает Н. И. Бухарин, «совершенно неправильным является упрек в механистичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что нельзя современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика не диалектична, т. е. недиалектично и все движение, что же остается от диалектики? Наоборот. *Движение* составляет, если так выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу»⁸.

В этой связи Н. И. Бухарин рассматривает соотношение теории равновесия и производительных сил. Он подчеркивает, что «основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве объясняющей все («в конечном счете») последней причиной. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших, ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разнобой. . . Очень часто дело сводят к явно негодной «теории факторов», причем производительные силы заменяются производственными отношениями («экономический фактор»). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их «генезиса»⁹. Но такая постановка проблемы, по мнению Н. И. Бухарина, во многом неудовлетворительна: «Ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие *потому*, что они выражают собой соотношение между обществом как определенной реальной совокупностью и его средой. . . *А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете движение любой системы.* Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и раз-

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

вязываются бесчисленные узлы взаимодействий и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения под влиянием „базиса“ и „надстроек“. Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количеством материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина»¹⁰.

С позиций теории равновесия Н. И. Бухарин пытается объяснить и материальность производственных отношений, образующих материальный базис общества. Критикуя разные «психологические» трактовки этих отношений (в том числе и богдановскую установку на «психологизацию» марксизма), Н. И. Бухарин предлагает «новое *материалистическое* решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково. — Под производственными отношениями я разумею трудовую *координацию людей (рассматриваемых как „живые машины“)* в пространстве и времени. Система этих отношений настолько же „психична“, как система планет вместе со своим солнцем. *Определенность места* в каждую хронологическую точку — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим».¹¹

С позиций теории равновесия Н. И. Бухарин дает свое понимание и обратного воздействия «надстроек», и вообще «закономерности» общественной жизни. «Сделать это было тем более необходимым, — писал он, — что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек *с постоянной лимитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил*; другими словами, характеристика основной закономерности их как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки»¹².

Совершенно очевидно, что теория равновесия помогает глубже представить материалистическое понимание истории как процесса непрерывной смены равновесных состояний, от простого взаимодействия до выяснения главного соотношения всех «факторов» общественного развития и установить соподчиненность их в ходе

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 44.

¹² Там же. С. 48.

этого развития. В политической экономии теория равновесия помогает установить взаимосвязь основных экономических факторов, взаимодействующих между собой и с системой производственных отношений в целом. Ясно, что такое взаимодействие должно обеспечивать непрерывный экономический рост путем смены состояний равновесия в процессе движения от низших его форм к более высоким. Н. И. Бухарин вслед за А. А. Богдановым пытался выяснить характер разных форм смены равновесных состояний (на разных основаниях) и показал весь спектр возможных взаимодействий, включая и периоды застоя и упадка производительных сил («отрицательное воспроизводство»). Одному ему, как и А. А. Богданову, был присущ «экономический оптимизм», т. е. уверенность в том, что установление равновесия «на низком уровне» неизбежно должно сопровождаться установлением равновесия на новой, высшей основе.

Этот «экономический оптимизм» характерен и для марксистской теории экономического равновесия. Последнее марксизм рассматривает как основу сбалансирования всех элементов экономической активности, через возможность «координации» этих активностей путем стремления к уравниванию спроса и предложения, путем сведения индивидуальных затрат к общественно необходимому труду, что является «естественным регулирующим законом»; «открытие этой тайны, показывающее, что величина стоимости не определяется случайно, как это может показаться, не устраняет, однако, формы, которая представляет эту величину как количественное отношение между самими вещами, между продуктами труда»¹³.

В соответствии с теорией марксизма социалистические производственные отношения, заменяющие стихийное регулирование экономики, позволяют не только предвидеть, но и сознательно регулировать процесс сведения индивидуальных затрат к их общественно необходимому уровню, но так как необходима эквивалентность обмена, то «обмен или продажа товаров по их стоимостям есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия»¹⁴. Последнее, по К. Марксу, не может быть устранено ни при каких формах производства, ибо всегда должно существовать соответствие структуры производства структуре общественных потребностей, а это и достигается благодаря регулированию пропорций «естественным законом равновесия». Именно такие идеи и развивал в своих работах Н. И. Бухарин.

Следует отметить, что к пониманию «естественного закона равновесия» в экономике Н. И. Бухарин пришел через материалистическое истолкование общественного развития, которое осуществляется путем «подвижной» смены состояний равновесия. Так, Н. И. Бухарин, кладя в основу своей теории равновесия противоречие между «средой» и «системой», различает устойчивое равно-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 177.

¹⁴ Там же.

весие, когда противоречие между средой и системой «постепенно воспроизводится в тех же количественных соотношениях»; подвижное равновесие с положительным знаком, когда равновесие устанавливается на новой, высшей основе, и подвижное равновесие с отрицательным знаком, когда система разрушается и равновесие устанавливается на пониженной основе. От противоречия между средой и системой Н. И. Бухарин отличает структурные противоречия внутри самой системы, которые сами по себе еще не уничтожают системы. Внутренняя величина есть величина, зависящая от равновесия внешнего¹⁵.

Развивая эти идеи на общеполитическом уровне, Н. И. Бухарин неизменно подчеркивал неразрывность движения и равновесия, неразрывность разных состояний равновесия, их взаимообусловленность: «В мире существуют различно направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя, т. е. их действительная борьба остается скрытой, но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же внутренние противоречия обнаруживаются, происходит нарушение равновесия и, если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т. е. при другом сочетании сил, и т. д. Здесь же мы видим форму этого процесса: это есть, во-первых, состояние равновесия, во-вторых, нарушение этого равновесия, в-третьих, восстановление равновесия на новой основе»¹⁶.

Н. И. Бухарин четко описывает непрерывную цепь смены состояний равновесия как характеристику процесса развития. Такое понимание смены состояний покоя и равновесия описывал Ф. Энгельс: «Всякое равновесие либо является относительным покоем, либо само представляет собой движение в равновесии. . .»; «покой и равновесие там, где они имеют место, являются результатом того или иного ограниченного движения, и само собой понятно, что это движение может быть измеряемо своим результатом, может выражаться в нем и вновь из него получаться в той или иной форме»¹⁷. Здесь отчетливо говорится о том, на что впоследствии обращал внимание Н. И. Бухарин, что, кроме равновесия в движении, существует понятие равновесия как результата и исходного пункта развития.

Мы ниже увидим, в чем состоит применение «принципа равновесия» к теории стоимости. Здесь же специально отметим, что положения Н. И. Бухарина о содержании этого принципа в общеполитическом смысле вполне совпадают с положениями Ф. Энгельса о неразрывной связи движения и покоя, о неотделимости равновесия от самого принципа развития. Н. И. Бухарин писал: «Во-первых, теория равновесия вскрывает „материальный корень

¹⁵ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. М.: Госиздат, 1924. С. 79, 82.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 632, 62.

диалектики, во-вторых, это есть теоретически систематическое изложение диалектического метода и его теоретически систематическое обоснование и, в-третьих, теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: оно совершенно освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая поконит на саморазвитии „духа“. Вместо эволюции „развития“ и только эволюции, она позволяет видеть также случаи разрушения материальных форм. Тем самым она является и более общей и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем»¹⁸.

Таким образом, Н. И. Бухарин отмечал не только элементы диалектики в теории равновесия, но и ее сугубо материалистический характер. Все явления в природе и обществе представляются как результат «борющихся и сталкивающихся сил»; если борющиеся силы равны и уравнивают друг друга, тогда мы имеем состояние равновесия, покоя. Равновесие, наблюдаемое нами в природе и обществе, — это не абсолютное, не неподвижное равновесие, а равновесие подвижное, борьба, противоречия, т. е. антагонизм различно направленных сил, которые и обуславливают движение. При этом важно подчеркнуть, что любой сложный объект Н. И. Бухарин рассматривал, как «систему», как нечто целое, будь то камень, живой организм или человеческое общество. Эта «система» существует в определенной связи с другими явлениями, которые образуют ее «среду». Как уже отмечалось, кроме внешних противоречий между обществом и средой, которые находят свое выражение в движении производительных сил, Н. И. Бухарин указывал и на внутренние противоречия «между рядами разных общественных явлений», причем «внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой», которая и является «решающей величиной», обуславливающей весь процесс непрерывного поступательного развития. Тем самым Н. И. Бухарин развил и конкретизировал общие положения диалектического материализма применительно к развитию сложных систем, причем всех форм движения этих систем.

В этой связи следует особенно подчеркнуть, что основное обвинение, выдвигаемое против теории равновесия, состоит в том, что она якобы игнорирует противоречия. Это не соответствует действительности. Как мы видели, Н. И. Бухарин постоянно подчеркивал наличие этих противоречий не только в живой природе, но и в человеческом обществе. Применяя теорию равновесия к экономическим системам, Н. И. Бухарин показывал, что теория равновесия не препятствует анализу экономики переходного периода, а, наоборот, эта теория, правильно понятая, может быть положена в основу изучения процесса взаимодействия разных секторов хозяйства, движения системы разных классов в ходе социалисти-

¹⁸ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. С. 359.

ческого строительства. Теория равновесия в интерпретации Н. И. Бухарина не игнорировала классовую борьбу, не отрицала противоречия в многосекторной экономике, но она ориентировала на неуклонный сбалансированный рост, не «подстегиваемый» внешними по отношению к системе политическими факторами, а именно действием внутренних экономических закономерностей, требующих установления равновесия в хозяйственной системе.

На подобных же позициях стояли в отличие от И. В. Сталина, делавшего упор на политические факторы, все видные экономисты того периода, не только «механисты», но и «идеалисты».

Так, И. И. Рубин писал, что задача научного исследования заключается в том, чтобы точно формулировать законы равновесия и распределения труда, какой бы вид эта форма ни принимала¹⁹. Экономические законы И. И. Рубин формулирует как законы равновесия: «Закон стоимости, — пишет он, — есть закон равновесия товарного общества»²⁰. С. А. Бессонов считал, «что постулат равновесия является предпосылкой всей теории»²¹. Все грамотные марксисты понимали, что главный регулятор пропорций общественного производства есть закон стоимости («ценности»). Установление связи между различными трудовыми функциями и общественными потребностями — таково общенсторическое содержание закона трудовой стоимости. Как показал Ф. Энгельс, стоимость есть «отношение издержек производства к полезности»²²; в будущем коммунистическом обществе от стоимости останется «взвешивание и сопоставление полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда»²³.

Н. И. Бухарин, правда, ограничивал действие закона стоимости рамками капиталистического хозяйства. Закон трудовых затрат при социализме, полагал он, сбрасывает с себя «греховный» наряд товарного фетишизма и выступает в «чистом виде» как регулятор пропорций народного хозяйства. Вместе с падением «товарного фетишизма» и стихийности экономических законов, по мнению Н. И. Бухарина, отпадает и вся прежняя политическая экономия, и ее место займет «экономическая география». В книге «Политическая экономия рантье» Н. И. Бухарин писал: «При социалистическом строе политическая экономия потеряет свой смысл: останется лишь „экономическая география“ — наука идиографического типа и нормативная наука „экономической политики“, ибо отношения между людьми будут простыми и ясными, устранился всякая их вещная, фетишизированная формулировка, а на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива»²⁴.

¹⁹ Рубин И. И. Очерки по теории стоимости К. Маркса. С. 252.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Пробл. экономики. 1920. № 1. С. 126.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 552.

²³ Там же. Т. 20. С. 321.

²⁴ Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли

Н. И. Бухарин считал, что планомерная организация общественного хозяйства не может изучаться политической экономией ввиду наличия сознательных воле и действий, исключающих стихийный характер законов экономического развития. В книге «Экономика переходного периода» Н. И. Бухарин писал: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве. . . Маркс в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономию. . . В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные проблемы политической экономии»²⁵. Сознательное управление производством, ведущее к установлению планомерности, по мнению Н. И. Бухарина, предопределяет ликвидацию «товарного фетишизма» и всех связанных с ним категорий политической экономии.

Разумеется, отрицание политической экономии для социализма было методологически ошибочным. Однако позицию Н. И. Бухарина нельзя отождествлять с точкой зрения буржуазных экономистов, отрицавших политическую экономию социализма исходя из неокантианского противопоставления объективного закона и цели. Н. И. Бухарин видел трансформацию стихийных экономических законов в переходный период, которые теряли свой стихийный характер и все более становились законами сознательных действий общества и его членов. Если у буржуазных экономистов противопоставление закона и цели имело в своей основе отрицание всяких причинно-следственных связей в условиях социализма, то у Н. И. Бухарина отрицание стихийного характера действия экономических законов отнюдь не вело к отрицанию основы экономических законов — причинно-следственных связей как первичных, основных элементов в хозяйственной жизни социалистического общества.

Даже в этот период Н. И. Бухарин решительно отстаивал объективно-общественный метод К. Маркса, который, по его мнению, в переходный период приобретает лишь иной логический тон. Отпадает стихийный, «слепой» характер действия экономических законов, подпадающих под власть сознательного общественного регулирования, но сами законы носят объективный характер, становятся «познанными» законами, но все же законами, в основе которых лежат причинно-следственные связи. «При анализе общественной структуры товарно-капиталистического типа, — писал Н. И. Бухарин, — все закономерности носят характер *стихийных* закономерностей, „слепой“ силы, ибо весь общественно-производственный процесс иррационален. При анализе переходного периода дело обстоит иначе, потому что здесь происходит в возрастаю-

---

австрийской школы. М.: Орбита, 1988. С. 47.

²⁵ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 19.

щей пропорции *рационализация общественно-хозяйственного процесса*»²⁶.

Рационализация приводит к планомерной управляемости общественно-хозяйственного процесса, но объективные закономерности, теряя свой «слепой» характер, продолжают действовать и в переходный период, и в экономике будущего социалистического общества («телеологического единства»), будучи подчинены сознательному ведению хозяйства. Трансформация экономических категорий происходит, по мнению Н. И. Бухарина, уже в переходный период и полностью завершится с переходом к социалистическому обществу. На место этих категорий должны утвердиться категории натурального хозяйства, а вместе с ними и новый тип «натурально-хозяйственного мышления». Н. И. Бухарин писал, что «одна из основных тенденций переходного периода есть *разрыв товарно-фетишистских оболочек*. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, то перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т. е. к рассматриванию и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме»²⁷.

Всеобщая натурализация хозяйства считалась Н. И. Бухариным и другими левыми коммунистами необходимым свойством социалистического хозяйства. Они рассматривали курс на натурализацию хозяйства как непосредственный опыт социалистического строительства, недооценивая роли товарно-денежных отношений для строительства социализма. По их мнению, переход к планомерному, сознательному ведению хозяйства, исключающему овеществление производственных отношений, требует пересмотра социального содержания традиционных категорий политической экономии и всех экономических законов. Отождествляя объективные экономические законы с сознательно проводимым планом, Н. И. Бухарин утверждал, что в социалистическом обществе может быть лишь «известная система описания, с одной стороны, и система норм — с другой»²⁸.

Нормативный подход, по мнению Н. И. Бухарина, не исключает причинно-следственные, каузальные связи, но хозяйственная жизнь целиком определяется волей хозяйствующего субъекта. Н. И. Бухарин определяет социализм как «телеологическое единство», предполагающее целевое отношение как внутреннюю «органическую связь» между экономическими явлениями. Организованную связь Н. И. Бухарин противопоставляет неорганизованной связи через обмен, причем объективность этой связи целиком отождествляется с плановым началом. Сознательное и планомерное руководство народным хозяйством, наличие единого субъекта

²⁶ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 156.

²⁷ Там же. С. 159—160.

²⁸ Бухарин Н. Структура мирового капитализма // Нар. хоз-во. 1918. № 10. С. 2.

хозяйственного процесса обуславливает, по утверждению Н. И. Бухарина, существование особой «телеологической» связи, сознательно включающей в себя объективную закономерность. «Товарное общество есть система с особым типом связи, из характера которой вытекает совершенно специфическая категория товарного мира. Эта система не есть „телеологическое единство“, т. е. система, сознательно руководимая, где имеется определенный план». ²⁹

Существование объективных экономических закономерностей Н. И. Бухарин связывает прежде всего с «иррациональностью» хозяйства, но уже переходный период есть «период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые». ³⁰ Стихийные регуляторы «сменяются сознательными, т. е. экономической политикой пролетарского государства (с известного периода теряющего свой классовый характер, т. е. отрицающего самого себя, т. е. перестающего быть государством)» ³¹.

Считая регулятором хозяйства «закон трудовых затрат», Н. И. Бухарин вовсе не отрицал специфику производственных отношений, не считал «вечными» и «неизменными» соотношения в пропорциях распределения средств производства и рабочей силы. Все различия в конечном счете, по его мнению, сводятся к механизму регулирования. Он также рассматривает «закон трудовых затрат» как закон регулирования любой формы общественного производства. В любой общественно-экономической формации этот регулятор имеет всегда общен историческое «материально-трудовое содержание». В капиталистическом обществе «закон трудовых затрат», имея стихийную форму, выступает в «фетишистском наряде закона ценности». При переходе к социалистическому хозяйству закон ценности перерастает в «закон трудовых затрат». Это означает, что этот закон освобождается от фетишистской оболочки и выступает в своем «чистом виде». Процесс победы плановых социалистических начал рассматривался Н. И. Бухариным, как уже отмечалось, в качестве процесса сбрасывания «законом трудовых затрат» «греховного» ценностного платья, т. е. процесса превращения закона ценности в «закон трудовых затрат», процесса «дефетишизации основного общественного регулятора». ³²

Форма проявления «закона трудовых затрат» определяется, согласно Н. И. Бухарину, характером производственных отношений и связей. Но этот закон «закон пропорциональности трудовых затрат» не может механически переходить из одной формации в другую. Это возможно лишь при смене формы его проявления

²⁹ Там же. С. 3.

³⁰ Бухарин Н. И. Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990. С. 116.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 129.

в виде меновых отношений и приобретения «естественной» формы, свойственной этому закону в его чистом виде. Так, Н. И. Бухарин писал: «А закон трудовых затрат продолжает оставаться основным регулятором всего процесса, да притом еще в максимально чистом виде»³³.

Такой подход не противоречит диалектическому соотношению формы и содержания, в соответствии с которым форма наиболее полно выражает структуру производственных отношений и цель общественного производства. Поэтому в исторически определенной форме общественного производства изменяются формы неизменного «материально-трудового содержания», о котором писали авторы «закона пропорциональности трудовых затрат».

Проводя различия в объективном содержании специфического регулятора в разных общественно-экономических формациях, эти экономисты основные различия в регуляторе общественного производства и при капитализме и при социализме видели в различиях в самом механизме регулирования. Это значит, что их задача состояла в выяснении специфического закона, выражающего определенную социальную направленность, цель всей хозяйственной системы в целом, в выяснении критерия, исходя из которого формируется определенная система пропорций в распределении средств производства и труда между разными отраслями народного хозяйства. Поиск регулятора общественного производства при социализме необходимы для раскрытия конкретного содержания основного экономического закона социализма, для обоснования путей наиболее полного достижения цели общественного производства.

Различная социальная направленность разных форм общественного производства обусловлена различиями в основном экономическом законе данной общественно-экономической формации. Таким образом, специфический регулятор исторически определенной формы общественного производства различен. Различный уровень абстракции при рассмотрении проблемы регулятора общественного производства Н. И. Бухарин видел в рассмотрении проблемы регулятора общественного производства применительно к абстракции «производства вообще» и применительно к конкретным формам общественного производства. Он не переносил общие механизмы регулирования производства, обусловленные естественными законами производства, на отдельные социально-экономические формации. Именно поэтому все различия регуляторов исторически конкретных форм общественного производства сводились им к различиям самого механизма регулирования. Он подчеркивал, что при социализме механизм регулирования, через который действует «закон пропорциональности трудовых затрат», резко отличается от капиталистического, поэтому в социалистическом обществе «тип развития и темп развития — иные»³⁴. Только

³³ Там же. С. 134.

³⁴ Там же.

механизм, который опосредствует действие закона трудовых затрат (или закона стоимости как исторической формы этого всеобщего закона), решает дело. «А закон остается все же единственным регулятором на всех стадиях развития»³⁵.

В этих рассуждениях учитывалось самое главное — направленность развития общественного производства, выражаемая его основным экономическим законом. Механизм регулирования общественного производства Н. И. Бухарин рассматривал в связи с целью данного способа производства, которая обуславливает не только направление развития общественного производства, но и все соотношения в структуре производства («телеологическое единство»). Механизм регулирования является производным от социальной направленности всей хозяйственной системы в целом, обусловлен основным экономическим законом данного способа производства.

Иногда полагают, что в трактовке проблем переходного периода Н. И. Бухарин отступает от марксистской методологии, поскольку его «социальная» теория свойственна лишь «неорганизованному» товарному хозяйству. Это неверно, ибо свою «социальную» точку зрения он распространял и на экономику переходного периода, поскольку признавал, что и в ней существуют противоречия, которые определяют борьбу социальных сил за новый строй. Н. И. Бухарин писал, что для него путеводной звездой был «метод Маркса, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост»³⁶. Он видел большую ценность метода К. Маркса для исследования проблем трансформации экономических категорий в переходной экономике.

Вместе с тем Н. И. Бухарин несколько отступает от марксистской методологии, делая акцент только на «социальных» аспектах экономических категорий, которые, по его словам, в переходную эпоху «моментально» отказываются служить. На эти недостатки в методологии Н. И. Бухарина обратил внимание в рецензии на его книгу М. С. Ольминский. Он указывал на недооценку Н. И. Бухариным общего значения марксистских экономических категорий в переходную эпоху. М. С. Ольминский подверг решительной критике следующее высказывание Н. И. Бухарина: «Старые, испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе они продолжают рассматриваться как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни»³⁷. М. С. Ольминский сопоставил их с воззрениями Л. Мартова, который так же, как и Н. И. Бухарин, утверждал, что «состояние мира не укладывается в схемы марксистского анализа» и поэтому необходимо «изменить экономическую концепцию Маркса». «Из сопоставления этих вы-

---

³⁵ Там же.

³⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. С. 125.

³⁷ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 151.

сказываний, — писал М. С. Ольминский, — мы наталкиваемся на факт, что Бухарин и Мартов оказываются в одном лагере, в лагере ревизионистов (критиков) по отношению к Марксу, поскольку они пытаются доказать неприменимость марксистской „схемы“ к экономике переходного периода. Утверждения Н. И. Бухарина „не висят в воздухе“, они находятся в полном соответствии с общим содержанием книги, особенно в главе IX, где, по мнению Н. И. Бухарина, „происходит с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов“.³⁸ М. С. Ольминский показал, что диалектический метод Маркса сводится не к «выпячиванию» одной стороны — изменчивости содержания экономических категорий, но прежде всего к их роли регуляторов хозяйственной жизни. «Понятие товара у Н. И. Бухарина, — писал М. С. Ольминский, — исчезает, поскольку на место стихии выступает „сознательный общественный регулятор“ и товар теряет свой товарный характер и превращается в продукт». В такой общей абстрактной форме, по мнению М. С. Ольминского, мысль Н. И. Бухарина страдает только одним недостатком — «в ней нет ничего нового. Весь вопрос именно в том, насколько овладел производством в настоящей период пролетариат, имеющий в руках политическую власть, — насколько „сознательный общественный регулятор“ действительно регулирует производство»³⁹.

М. С. Ольминский считает, что Н. И. Бухарин перепрыгивает через этапы, стремясь «уничтожить» некоторые марксистские «хозяйственные категории». Он характеризует позицию Н. И. Бухарина как «ревизионизм слева». «В своей законной ненависти к буржуазии и буржуазному миру, — писал М. С. Ольминский, — он переоценивает революционные возможности. Он не считается с объективными условиями. Он живет, поэтому, не настоящим, а только будущим. Марксизм для него „недостаточно революционен“. Все, чего хочет душа, должно быть осуществлено сейчас, сию минуту. Он не хочет знать медлительных переходов строительства от этапа к этапу. И он „ментально“ ликвидирует „марксистские категории, воображая, что они уже ликвидированы жизнью“. . . Субъективно Мартовы и Бухарины — антиподы, полная противоположность. А объективно — они попадают в один лагерь ревизионистов, и их тактика ведет к одинаковым результатам: Мартовы задерживают революцию, а Бухарины, ставя невыполнимые для данного момента задачи, готовят фатальные неудачи и разочарования».⁴⁰

Общая теория «трансформационного процесса» Н. И. Бухарина вполне соответствует марксистской методологии, хотя критику Н. И. Бухарина относительно переоценки степени социалистических преобразований в экономике переходного периода можно

³⁸ Там же. С. 157.

³⁹ *Ольминский М. С.* О книге т. Н. Бухарина // Красная новь. 1921. № 1. С. 249.

⁴⁰ Там же. С. 251.

признать справедливой. Не «уничтожение» марксистских экономических категорий, а социальная «трансформация» их содержания — вот чем характеризуется длительный процесс превращения экономики переходного времени в социализм. В этом отношении «ревизионизм слева», не учитывающий объективных возможностей социалистических преобразований, есть очевидное «забегание вперед», хотя и не противоречит общей направленности социалистического строительства.

В этом смысле критика М. С. Ольминского представляется убедительной, хотя сопоставление точки зрения Н. И. Бухарина с позицией Л. Мартова может представляться дискуссионной. Дело в том, что Н. И. Бухарин попытался рассмотреть различные стороны методологии К. Маркса применительно к переходному периоду, в частности его «общественно-объективный подход», «материально-производственную точку зрения», «диалектико-исторический подход», который, по словам Н. И. Бухарина, «не только не подлежит ограничению, а, наоборот, выпячивается на первый план» и, наконец, точку зрения «равновесия», которое, по его мнению, не реализуется, и «*постулат равновесия*» оказывается недействительным. Таким образом, писал Н. И. Бухарин, «общая характеристика изменений и вариаций в методе исследования может быть выражена следующим образом: в анализе переходного периода недопустим целый ряд методологических упрощений, которые уместны и допустимы в условиях прочной производственной системы. У Маркса постановка вопроса была такова: как возможно существование данной формы хозяйства и каковы законы возникновения, развития, исчезновения»⁴¹.

По мнению Н. И. Бухарина, «*измененная* для переходного периода постановка вопроса гласит: каковы материальные условия существования общества в данный момент, как долго возможно его существование при данных условиях; как возможно производство; возможно ли установление равновесия; какой результат получится при установлении его и какой — при отрицательном решении этого вопроса; каково изменение производственных отношений в *обоих* случаях, каковы законы движения в *обоих* случаях и т. д.»⁴²

М. С. Ольминский был прав, когда указывал, что Н. И. Бухарин делает акцент на «изменении» всех категорий в переходный период. Но его критика убедительна лишь до определенного предела: он не оценил по достоинству идею «трансформации» экономических категорий и законов, на которой настаивал Бухарин.

Н. И. Бухарин, причем именно он, одним из первых дал правильную трактовку характера действия экономических законов социализма. Он писал, что закономерности капитализма — суть закономерности стихийного развития; они «слепы», они выражают «иррациональность общественного процесса». Напротив, «законо-

⁴¹ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 157.

⁴² Там же.

мерности организованного *социалистического* общества имеют свою характеристику. Разумеется, и здесь царит причинная обусловленность всего происходящего. Но эта причинность познается людьми и получает свое выражение *через* их коллективно-организованную волю. „Царство свободы“ есть царство „*познанной* необходимости“, но все же *необходимости*, и, конечно, не правы те, кто знаменитый „прыжок“ представляет себе как прыжок в сферу, где причинность исчезает и где самое понятие закономерности становится за „устарелостью“ излишним»⁴³.

Эта позиция Н. И. Бухарина отражала тот факт, что целесообразная деятельность общества в условиях социализма покоится на изучении причинно-следственных связей, лежащих в основе объективных закономерностей. Поэтому и переходный период он определял как «период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые»; «действительность переходного периода, где несомненно этот дуализм еще есть, представляет собою картину постоянного перемещения центра тяжести от стихии к сознательности, от слепоты к плану, от иррационального к рациональному»; «пределом этого развития — и историческим и логическим — является коммунистический способ производства»⁴⁴. В этой концепции заложены коренные принципы политической экономии социализма.

Иногда считают, что позиция Н. И. Бухарина относительно природы социалистического хозяйства была неизменной, что он всегда исходил из «натурально-авторитарного мышления». Это не соответствует действительности. Уже в 1921 г. Н. И. Бухарин активно поддержал принципы «новой экономической политики», выдвинутой В. И. Лениным, и видел в ней самое главное — необходимость укрепления «рабоче-крестьянского блока». Так, в книге «Новый курс экономической политики» (1921 г.) Н. И. Бухарин выступил за «обуздание» мелкобуржуазной стихии на основе закона о продналоге и «обуздание» стихийного характера действия «закона ценности». Эта позиция нашла отражение и в статье Н. И. Бухарина «О новой экономической политике и наших задачах», в которой он высказался в пользу «государственного капитализма», за регулирование мелкобуржуазной стихии на основе «смычки» города и деревни⁴⁵.

Крестьянство он рассматривал как «третьих лиц», без которых невозможно построение социалистического общества («чистого социализма»). Позднее он писал: «Если бы мы отбросили „третьих лиц“, то у нас получился бы „чистый социализм“, а вместе с ним исчезли бы все категории и все проблемы переходного периода. Попробуйте отбросить все мелкобуржуазное окружение. Тогда проблема ценности исчезнет вовсе, исчезнут такие формы, как форма

⁴³ Бухарин Н. И. Путь к социализму. С. 115.

⁴⁴ Там же. С. 116.

⁴⁵ Бухарин Н. И. О новой экономической политике в наших задачах // Большевик. 1925. № 8.

заработной платы и т. д. Не останется ничего „переходного“ даже в этом кругу „государственного хозяйства“»⁴⁶.

Следует отметить, что Н. И. Бухарин одним из первых выступил против «оппозиции» (троцкизма) именно по вопросу о союзе рабочего класса и крестьянства. Еще в 1918 г. он подчеркивал, что в крестьянстве на место немногих крупных собственников стало много мелких; это означает не уничтожение частной собственности, а ее «раздробление». Это — не идеал рабочего или батрака, это — «мечта мелкого лавочника», который сам хочет стать крупным лавочником. Поэтому выход указывает рабочий класс, который «заинтересован в таком переустройстве общества, чтобы возврат к капитализму был бы немислим». «Единственным выходом отсюда является товарищеской, трудовой (коммунистический) строй», при котором «все богатства принадлежат не отдельным лицам и не отдельным классам, а всему обществу»⁴⁷.

Как известно, Н. И. Бухарин резко критиковал «оппозицию» (троцкизм) за пренебрежение к интересам крестьянства, которого оппозиция рассматривала как враждебную и чуждую социализму силу. Он решительно возражал против произвольного деления всей советской экономики на два сектора: «частный», включающий и трудовое крестьянское хозяйство, и «государственное хозяйство». Н. И. Бухарин решительно выступил против так называемого закона первоначального социалистического накопления как якобы основного закона в государственном секторе хозяйства, заинтересованного в ущемлении интересов «третьих лиц», т. е. трудового крестьянства. Н. И. Бухарин видел, что политика троцкизма, направленная на «перекачку» средств из крестьянского хозяйства в целях «первоначального социалистического накопления», обязательно приведет к разрыву рабоче-крестьянского блока, который он рассматривал как главную движущую силу в переходной экономике⁴⁸. Без крепкого рабоче-крестьянского блока, утверждал Н. И. Бухарин, невозможно построение экономики социализма и «твердый» экономический рост⁴⁹. Экономическое обоснование троцкизма, считал Н. И. Бухарин, теоретически несостоятельно, поскольку все уклады имеют общие закономерности развития, и деление на «секторы» с противоположными экономическими законами нарушает принцип монизма, органически приписанный методологии марксизма-ленинизма⁵⁰.

Н. И. Бухарин видел путь к социализму только через рабоче-

⁴⁶ Бухарин Н. И. Путь к социализму С. 147.

⁴⁷ Бухарин Н. И. Всеобщая дележка или коммунистическое производство? М., 1918. С. 3—5.

⁴⁸ Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок: (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма) // Большевик. 1924. № 15—16.

⁴⁹ Бухарин Н. И. К критике экономической платформы оппозиции (уроки октября 1923 г.) // Большевик. 1925. № 1/17.

⁵⁰ Бухарин Н. И. Значение агро-крестьянской проблемы // Большевик. 1925. № 7—8.

крестьянский союз, ибо в стране к 1924 г. в сельском хозяйстве было свыше 25 млн крестьянских дворов. С 1924 г., писал Н. И. Бухарин, страна быстро выходит из разрухи, хотя основой экономики остается сельское хозяйство. Последнее составляет главную социальную силу движения к социализму, ибо без развитого сельского хозяйства невозможно и развитие социалистической промышленности. Но по отношению к крестьянству недопустимо насилие, бывшее орудием пролетарского государства в первые годы Советской власти. Лозунг Н. И. Бухарина «Обогащайтесь!» был адресован именно к 25 млн крестьянских дворов, а не к кулацким хозяйствам, как это представляют некоторые историки и экономисты. Подъем жизненного уровня крестьянства был непременным условием подъема всей экономики страны⁵¹.

Заслуживает внимания и критика Н. И. Бухариным экономической методологии троцкизма. Он решительно выступил против «товарно-социалистической» фразеологии троцкизма, который сознательно разделял экономику страны на «частное хозяйство», в котором действует «закон ценности», и «государственное хозяйство», которое руководствуется «законом первоначального социалистического накопления». Н. И. Бухарин открыто заявил, что целью такого деления является обоснование «переливания ресурсов» из сектора частного хозяйства в сектор государственного хозяйства, причем этот закон отменяет и «закон ценности», и многое другое⁵².

И далее Н. И. Бухарин пишет: «Теоретический анализ должен был бы показать, какими объективными законами детерминирована наша политика, как изменяется соотношение между производством и потреблением, куда растет динамика пропорций между отраслями производства, как трансформируется закон ценности в закон трудовых затрат, какой новый опосредствующий механизм трудовых затрат появляется в переходный период, где границы нашей политики и т. д.»⁵³. Именно анализа объективных закономерностей, определяющих направление экономической политики пролетарского государства, «оппозиция», по мнению Н. И. Бухарина, дать не может, ибо она более всего заинтересована в «перекатке ресурсов» из сельского хозяйства в промышленность ради «первоначального социалистического накопления».

Н. И. Бухарин резко выступил против попытки Е. А. Преображенского рассматривать каждый из секторов хозяйства в «чистом виде», т. е. как «смешанную товарно-социалистическую систему». И дело, как он считал, не только в том, что регулятором частного хозяйства объявлялся «закон ценности» в чистом виде, т. е. закон стихийного регулирования экономики, а в том, что взаимодействие

⁵¹ Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. 3-е изд. М.: Л., 1926.

⁵² Бухарин Н. И. Путь к социализму. С. 145.

⁵³ Там же. С. 146.

экономических укладов связывает их воедино, почему и необходим «монизм» при рассмотрении советского хозяйства. Закон трудовых затрат действует более планомерно, и в нем заключены функции регулятора, на основе которого строятся пропорции между производством и потреблением. При этом Н. И. Бухарин писал, что «когда мы говорим о нашем хозяйственном росте *на основе рыночных отношений* (это есть „смысл“ нэпа с известной точки зрения), то тем самым мы опровергаем тезис о *противопоставлении* социалистического накопления (даже) закону ценности. Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям. Закон ценности „помогает“ нам — и как это ни странно звучит — тем самым подготавливает свою собственную гибель»⁵⁴.

Н. И. Бухарин настойчиво подчеркивал взаимосвязь и взаимодействие всех законов переходной экономики. Он писал, что «для теории переходного периода наиболее абстрактной постановкой вопроса может быть такая постановка его, которая предполагает госпромышленность и простое товарное хозяйство крестьян. От этих „третьих лиц“ отвлекаться нельзя, ибо проблема переходного периода как такового становится бессмысленной вне этого соотношения. Наконец, более конкретная ступень абстрактного анализа предполагает „осложняющий момент“ *частного капитала*»⁵⁵. Н. И. Бухарин указывал, что все эти варианты в их сплетении дают своеобразный результат и своеобразную закономерность. Но при всем разнообразии форм они сводятся к некоторому единству⁵⁶. В этом проявляется также многообразие форм регулирования переходной экономики со стороны «закона трудовых затрат», который имеет разные формы действия, в том числе и как «закон ценности» и как закон производственных цен, т. е. модифицированный закон ценности. Во всем многообразии переходных производственных отношений есть некоторое единство, обусловленное спецификой действия закономерностей переходной экономики.

Как видим, Н. И. Бухарин отмечал модификацию проявления закона стоимости в переходный период и признавал его действие в рыночных отношениях, присущих нэпу, но он не отождествлял экономику переходного периода с рыночной экономикой. Он указывал, что в товарном хозяйстве «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия»⁵⁷. В организованных же обществах удовлетворение потребностей и установление равновесия осуществляется сознательно проводимым планом. Тот факт, что за познанием законов стоят эти самые законы, т. е. любой сознательный план не падает с неба, а определенным образом «детерминируется», означает, что познанная не-

⁵⁴ Там же. С. 135.

⁵⁵ Там же. С. 134.

⁵⁶ Там же. С. 135.

⁵⁷ Там же. С. 135.

обходимость есть все же необходимость, и отрывать эту «необходимость» от того, что она «познана», — значит для планового хозяйства «сдирать с общественного закона его историческую кожу»; ибо «завоевание власти пролетариатом и „экспроприация экспроприаторов“ есть *предпосылка* для того, чтобы начался процесс lining общественных законов»⁵⁸.

Таким образом, несмотря на свое отрицание политической экономии при социализме, Н. И. Бухарин в основном верно освещал процесс изменения содержания и формы экономических законов в переходный период. Его интерпретация «закона трудовых затрат» является вполне научной, ибо действительно при смене общественно-экономических формаций происходит смена форм действия этого закона. Но этот процесс отражал смену социально-экономических отношений, причем объективность общественных законов «не отменяется» при переходе к социалистической системе хозяйства.

2. Вопрос об альтернативных возможностях построения социализма

В современных дискуссиях все более важное значение приобретает вопрос: а имелись ли в нашей стране иные альтернативы движения к социализму по сравнению с теми, которые были реализованы на практике? Не секрет, что в ходе дискуссий 20-х годов вплоть до 1929 года — «года великого перелома», когда окончательно решилась судьба нашей страны, а вместе с тем и судьба нашего народа, и судьба многолетних усилий по построению демократического, гуманистического социализма, — существовали иные альтернативы движения к социализму, помимо тех, которые отстаивала «новая оппозиция» и другие социально-политические течения в нашей стране. Наиболее яркой альтернативой была концепция «равновесного» движения по пути индустриализации, которую развивали Н. И. Бухарин и его школа. Без индустриализации нельзя было обойтись, но ее можно было вести принципиально иными методами, чем метод ограбления и разорения многомиллионных масс трудящихся крестьян. Экспроприация и насильственное «удушение» цвета народа подорвала внутренние силы социализма, привела к массовым репрессиям, экономической и политической деформации всех основ социалистического общества.

Следует отметить, что черты деформации социалистического строительства в 1929 г. были отмечены в специальном письме Н. И. Бухарина, который обвинял руководство партии, во-первых, в политике «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», во-вторых, в политике насаждения бюрократизма и, в-третьих, в политике разложения Коминтерна⁵⁹. Ответом явились первые

⁵⁸ Там же. С. 122.

⁵⁹ Письмо Н. И. Бухарина не опубликовано, поэтому мы излагаем его в интерпре-

массовые обвинения в «оппозиции», в «правой опасности», в «социал-демократическом уклоне» в партии, которые привели к утверждению немарксистской (точнее, антиленинской) альтернативы построения социализма в нашей стране. Сталинская альтернатива, победившая в ходе дискуссий 20-х годов, отнюдь не была единственно возможной, ибо альтернативные варианты социалистического развития «проигрывались» неоднократно как в нашей стране, так и за рубежом. Современные историки правильно ставят вопрос о том, что одной из возможных альтернатив была бухаринская концепция «эволюционного» развития социализма по ленинскому пути, но она в ходе дискуссий потерпела полное поражение. Трудно сказать, совпадала ли полностью бухаринская альтернатива с ленинской, но вполне определенно следует заметить, что именно Н. И. Бухарин дал одно из самых лучших толкований ленинской концепции построения социализма, поставив во главу угла учение В. И. Ленина о роли кооперации в деле социалистического строительства.

Основные черты бухаринской альтернативы, как известно, изложены в его докладе «Ленин как марксист», сделанном в 1924 г. на торжественном заседании Коммунистической академии. Не подлежит сомнению, что это было программное выступление Н. И. Бухарина, ибо в нем не только глубоко и красочно изложены основы ленинизма, но и выдвинуто его собственное понимание проблем социалистического развития. Н. И. Бухарин выступил против недооценки ленинского вклада в развитие марксистской теории по всем направлениям, начиная от теории революции и диктатуры пролетариата и кончая проблемами мирового социализма. Выступая против недооценки теоретических работ В. И. Ленина, Н. И. Бухарин писал, что «в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальный практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик»⁶⁰.

Подчеркивая, что ленинский марксизм представляет собой «своеобразное идеологическое образование» по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи, Н. И. Бухарин говорил: «Само собой понятно, что здесь так много нового в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом материале, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех задачах, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, — так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом. Необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что отнюдь нельзя противопоставлять ленинизм мар-

---

тации И. В. Сталина (см.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 225).

⁶⁰ Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 50.

ксизму, ибо одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого»⁶¹.

Н. И. Бухарин раскрыл то новое, что было внесено В. И. Лениным: во-первых, исследование новой фазы в развитии капиталистических отношений; во-вторых, вопросы, связанные с мировой войной и распадом капиталистических отношений; в-третьих, это ряд явлений, которые непосредственно связаны с рабочими восстаниями в период краха капиталистических отношений; в-четвертых, это — «ряд, связанный с эпохой, или началом эпохи, господствующего рабочего класса»⁶². Все эти аспекты совершенно новой полосы истории, новой суммы конкретных положений, придают «в общем и целом историческое лицо этого ленинского марксизма», который «можно рассматривать как соединение, как синтез творящего порядка. Во-первых, это есть возврат к марксовой эпохе, но не просто возврат, а возврат, обогащенный всем новым, т. е. это — синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений. Сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это во-первых. Во-вторых, это есть соединение и синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса, и, в-третьих, это есть синтез разрушительной и созидательной работы рабочего класса, причем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным»⁶³.

Упор на созидательную сторону ленинизма есть специфический аспект всего доклада Н. И. Бухарина. «Мы должны были, — говорил Н. И. Бухарин, — поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом»⁶⁴. Совершенно ясно, подчеркивал Н. И. Бухарин, что «это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм как теоретическая система в дальнейшем развитии марксизма. Конечно, было очень много сделано в области теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать следующим образом: у Маркса была главным образом алгебра капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра новых явлений (разрушительного и положительного порядка) и их арифметика, т. е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под более еще практическим углом зрения»⁶⁵.

⁶¹ Там же. С. 58.

⁶² Там же. С. 60.

⁶³ Там же. С. 62.

⁶⁴ Там же. С. 63.

⁶⁵ Там же. С. 63—64.

Говоря о созидательной стороне ленинизма, Н. И. Бухарин наметил пять групп проблем, стоявших после победы социалистической революции. Это прежде всего учение, или намечающееся учение об изменении характера протекания социально-экономических процессов в условиях мирного хозяйственного развития. Ставя вопрос очень общо, писал Н. И. Бухарин, нужно в первую очередь продолжить ленинское учение «*о вращении в социализм после победоносной рабочей революции*». Вообще говоря, этот термин „вращение в социализм“ является для нас термином в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен, потому что это был термин, обозначивший учение ревизионистов, эпигонов марксизма, или, если хотите, изменников марксизма, которые создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из объективного хода развития и что рабочему классу можно прекрасно обойтись без революции. . .»⁶⁶. Это учение, указывал Н. И. Бухарин, «*всем хорошо известно, оно обозначалось ярлычком „вращение в социализм“*». Однако, *после диктатуры пролетариата* ведь начинается органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то совершенно ясно, что меняется сама постановка вопроса, радикально меняется, как меняется постановка многих других вопросов. И вот когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированную одну страну), то ответ гласит: *внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе идти. Т. е. другими словами: после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное вращение в социализм»*⁶⁷.

Это была новая установка, органически вытекающая из всей концепции ленинизма. Н. И. Бухарин при этом ссылается на статью В. И. Ленина о кооперации, в которых прямо говорится, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в текущий период нашего строительства, ось нашей политики — мирная организационная работа. Речь идет, говорил Н. И. Бухарин, «*об эволюционном процессе сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И обратно — всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры объективно есть не что иное, как контрреволюция»*⁶⁸.

⁶⁶ Там же. С. 78.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 78—79.

И действительно, подчеркивает Н. И. Бухарин, после завоевательного периода, после пролетарской диктатуры это вращение в социализм только начинается. «Само собой понятно, что здесь должна быть особая закономерность, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода»⁶⁹. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении. «с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития»⁷⁰. Такая постановка вопроса была принципиально новой, и ее реализация привела бы к новому «альтернативному варианту» построения социализма в нашей стране. Но ей не суждено было осуществиться.

Вторая группа вопросов связана с подъемом культурного уровня всего населения, с новыми соотношениями между пролетарской культурой и старой культурой, проблемами преемственности в этом отношении. «Вопрос этот опять-таки совершенно новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития»⁷¹.

Указанные две группы вопросов, поставленных Н. И. Бухариным на основе ленинских работ, вплотную подводят к ясной формулировке такого альтернативного варианта строительства в нашей стране, которое радикально отличается от сталинской концепции с ее упором на разжигание классовой борьбы по мере утверждения социалистических основ экономического развития. Насколько полно Н. И. Бухарин отразил ленинский вариант социалистического развития, сказать трудно: скорее это была «третья», чисто бухаринская альтернатива, особенно с формулировкой «мирного эволюционного вращения в социализм». Сама постановка проблемы совершенно новых типов противоречий и способов их разрешения, новых социальных закономерностей развития вполне отвечает той альтернативе социалистического развития, которая отражала настроения многих марксистов того периода, когда еще не утвердилась сталинская диктатура.

Но особо важно для понимания альтернативных возможностей построения социализма постановка Н. И. Бухариным вопроса о различных типах социализма⁷². Здесь уже более четко сформулирована мысль, что нет и не может быть какого-то единственного пути социалистического развития. Анализируя прежние взгляды марксистов на кооперацию, Н. И. Бухарин вслед за В. И. Лениным говорил, что «теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась: если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было бы осуществлением социализма»⁷³. Этот путь, как неоднократно подчеркивал Н. И. Бухарин, мог бы стать главным путем к социализ-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 80.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 80—81.

му как в нашей стране, так и в тех странах, где крестьянство составляет значительную долю населения. Укрепление рабоче-крестьянского блока может служить основанием для безболезненного перехода к социалистической организации всего народного хозяйства.

Вместе с тем Н. И. Бухарин не считал эту альтернативу единственно возможной. Вслед за В. И. Лениным он подчеркивал, что «нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть большое своеобразие в типе строящегося, оригинальность, которая вытекает из того, что социализм строится *на том материале, который дан*»⁷⁴. И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь свои оригинальные черты. «Если у нас, — говорил Н. И. Бухарин, — роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя будет сказать относительно Англии, потому что у нас был другой капитализм, другая была социально-экономическая структура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик. Поэтому совершенно естественно, что так как отправные пункты развития социализма различны, то и те промежуточные формы, через которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, будут тоже чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, из которого нужно и необходимо сделать практически-политические выводы»⁷⁵.

Предполагая различные типы социализма, Н. И. Бухарин ставит также вопрос о *теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре*. Два класса — это рабочие и крестьяне. «Само собой разумеется, — говорил Н. И. Бухарин, — что тут, по мере приближения к конкретному пути, будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно видоизменить картину и теоретически, и практически. Этот вопрос идет по той линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство — это носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы *хотим* ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством — это есть

⁷⁴ Там же. С. 81.

⁷⁵ Там же.

в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания»⁷⁶.

Эти принципиальные вопросы Н. И. Бухарин специально рассмотрел в работе «Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок» (1925 г.). Он решительно выступил против экономического обоснования троцкизмом так называемой перманентной революции, рассчитанной на подавление крестьянства, ибо Л. Троцкий считал, что гибель пролетариата неизбежна, если не будет скоро мировой победы: пролетариат погибнет под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. Н. И. Бухарин писал: «У Ленина крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным союзником рабочего класса, хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает — и с этим связана — своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем иное представление о путях дальнейшего развития»⁷⁷.

Отстаивая ленинскую теорию «аграрно-кооперативного социализма», Н. И. Бухарин резко выступил против так называемого закона первоначального социалистического накопления с его тенденцией к «пожиранию», «вытеснению» и «эксплуатации» крестьянства, за что выступали сторонники Л. Троцкого. Так, Е. А. Преображенский утверждал, что «социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед, но невозможно стояние на одном месте»⁷⁸.

Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплуатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления. Такова, по мнению Е. А. Преображенского, перспектива социалистического развития, а потому «бесплодны» все заботы о развитии крестьянского хозяйства.

Отвечая Е. А. Преображенскому, Н. И. Бухарин писал: «Мы думаем, что в корне неверно предполагать, что мы обязательно

⁷⁶ Там же. С. 82.

⁷⁷ Там же. С. 88.

⁷⁸ Вестн. Ком. акад. Кн. §. 1924. С. 78.

пойдем через разрушение («пожирание») сельскохозяйственного мелкого производства»⁷⁹. «Мы думаем, — писал он, — что эта совершенно неленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает намечившимся путям развития в сторону социализма»⁸⁰. «Что мы выдвигаем сейчас и на что ориентируемся в первую голову? На госторговлю и *кооперацию*. Какой план выдвинул Ленин, какую генеральную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члена будущей социалистической общины? Кооперативное объединение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с *его* банками, с *его* кредитом, с *его* промышленностью и транспортом и т. д. и т. п.»⁸¹. «Ибо ведь ясно, „как апельсин“, что в этом случае речь идет вовсе не об уничтожении, не о *пожирании* (путем «эксплуатации» и на манер первоначального накопления), а о *постепенной переделке* крестьянских хозяйств на основе их экономического роста»⁸².

Н. И. Бухарин подчеркивал, что Е. А. Преображенский «не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле «некапиталистическая эволюция», которую проповедовали некоторые писатели при *капитализме* («кооперативно-аграрный социализм»), становится *реальностью* при *диктатуре пролетариата*. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капиталистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране кооперативные организации крестьянской *массы* (даже *массы*) неизбежно «вращались» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «вращаться» (и уже фактически «вращаются») эти организации при *пролетарских* командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. д.»⁸³.

Подводя итоги дискуссии, Н. И. Бухарин писал: «Или пролетарское государство *действительно* может больше получать на основе *растущей рационализации и растущей доходности* крестьянского хозяйства. Это — действительно *правильная* политика. Но тогда все — или почти все — положения тов. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе средняцкого хозяйства и что не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города и процессом пролетаризации,

⁷⁹ Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 93.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 94.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 96.

каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их превращение, их трансформация на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в то же время означать и *втягивание этих хозяйств через кооперацию* в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на уничтожение нужно держать курс, а на вовлечение крестьянского хозяйства в систему госхозяйства»⁸¹.

Мы оставляем в стороне подробности дискуссии Н. И. Бухарина с Е. А. Преображенским, ибо уже из всего приведенного видна бухаринская альтернатива тем методам «удушения» русского крестьянства, которые были приняты затем на вооружение И. В. Сталиным. Последний не преминул учесть и заявления Н. И. Бухарина о «пролетарской диктатуре» как условии кооперирования крестьянских хозяйств и по мере уничтожения старых партийных кадров ловко превратил диктатуру пролетариата в режим личной власти и, не ожидая, когда крестьяне поймут преимущества социалистической кооперации, стал «насаждать колхозы военно-феодальными методами», о чем и писал Н. И. Бухарин в 1929 г. И. В. Сталин не стал дожидаться обещанного Н. И. Бухариным «аграрно-кооперативного социализма», а стал насаждать этот социализм со свирепой жестокостью, не считаясь ни с какими законами некапиталистического развития крестьянских хозяйств, упрямо доказывая аграрникам-марксистам утопичность ожидания обещанного «крестьянского рая», составив план разгрома всех грамотных аграрников России.

Оттеснив Н. И. Бухарина и его школу от руководства процессом «социалистической переделки» крестьянства, И. В. Сталин добился режима личной власти, страшной и беспримерной в истории диктатуры. Разгромив с помощью Н. И. Бухарина «новую оппозицию», И. В. Сталин встал на путь бескомпромиссного подавления всякого инакомыслия, устроил кровавый террор по отношению к ленинским кадрам в партии, и главной жертвой этого насилия явилась сама ленинская концепция построения социализма в нашей стране. Самое страшное состояло в том, что И. В. Сталин подверг коренной ревизии ленинский план создания нового строя на путях развертывания самого демократического по своей природе общественного строя.

Следует отметить, что Н. И. Бухарин не был последовательным борцом за ленинскую концепцию, хотя он и возражал со всей определенностью против «чрезвычайщины», возведенной И. В. Сталиным в закон построения социализма. Глубоко критикуя «новую оппозицию» за отступления от экономической платформы большевизма, Н. И. Бухарин делал особый акцент на недопустимость насилия по отношению к среднему крестьянству, составлявшему главную базу сельского хозяйства. В 1929 г. он выступил снова по этому вопросу, на этот раз против Сталина и его окружения, которые путем «чрезвычайных мер» стремились подо-

⁸¹ Там же. С. 101.

рвать основы середняцкого крестьянства. Н. И. Бухарин был не против коллективизации и индустриализации, но он выступил против крайностей «чрезвычайщины».

Так, он говорил, что нужно сделать так, чтобы крестьянские массы не страдали от перекачки средств для нужд индустриализации; «нужно строить совхозы и колхозы, поднимать нашу собственную социалистическую сельскохозяйственную базу», но «нужно обеспечить себя во что бы то ни стало от чрезвычайных мер, которые наносят удар середняцкому слою крестьянства и в конечном счете ставят под удар все дело индустриализации. Нужно в экстренном порядке обеспечить себе известный маневренный хлебный фонд, в том числе и путем ввоза, что потребует жертв, известного сокращения импортных трат; после этой «пожарной» меры, дальше вести политику на основе *решительного отказа от чрезвычайных мер*. Это есть, мне кажется, *первая и самая элементарная предпосылка того, чтобы двигаться вперед*»⁸⁵.

Этот решительный отказ от чрезвычайных мер был жизненно необходимым для спасения крестьянства от разорения. Выступления Н. И. Бухарина были своевременными, но не до конца последовательными. Если в критике оппозиции он был решительно настроен против всякой дискриминации крестьянства, что способствовало проведению ленинской аграрной политики, то в полемике со сталинским окружением он иногда терялся, не возражал против «ускорения» социалистического строительства методами насильственной коллективизации. Ссылаясь на многочисленные высказывания К. Маркса и В. И. Ленина о недопустимости насильственного удушения крестьян, Н. И. Бухарин не выступил своевременно против насильственной экспроприации крестьянства под флагом «ограничения» его эксплуататорских тенденций.

Выступая против политики «ликвидации кулачества как класса», Н. И. Бухарин не смог противостоять массовым репрессиям против многомиллионных масс крестьянства, хотя и отчетливо понимал пагубность насилия в годы коллективизации. Еще в период критики «новой оппозиции» Н. И. Бухарин ясно определил путь постепенного перевода крестьянского хозяйства на рельсы социализма через кооперацию, что вполне соответствовало взглядам В. И. Ленина. Н. И. Бухарин писал: «К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через *кооперацию*»⁸⁶.

⁸⁵ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 289.

⁸⁶ Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 94.

Н. И. Бухарин подчеркивал необходимость постепенного ленинского пути кооперирования крестьянства, «постепенности» стирания граней между классами в социалистическом обществе, постепенного вовлечения широких трудящихся масс в «социалистическую орбиту»: «По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе»⁸⁷.

Акцент на сфере обращения был не случаен: нельзя без предварительной подготовки, «сразу» ввести производственное кооперирование, к которому не были подготовлены широкие массы крестьянского населения. Именно поэтому Н. И. Бухарин в 1929 г. обвинил И. В. Сталина в «военно-феодалных» методах насаждения колхозов, для организации которых отсутствовали объективные условия. Массовая экспроприация крестьянства, сознательное создание массовых «голодовок» были неотъемлемыми атрибутами «сплошной коллективизации». Н. И. Бухарин явно переоценивал возможности мирного развития пути кооперации как формы создания крупного производства в земледелии, разделяя общую в то время точку зрения, что надо пересмотреть вопрос о классовой борьбе в деревне с целью ее перестройки на социалистических принципах.

В этих условиях выступления И. В. Сталина о несостоятельности теории «равновесия» применительно к экономике переходного времени, его «развенчивание» этой теории как якобы основы притупления противоречий и классовой борьбы имели целью сознательное разжигание вражды и ненависти, страха и ослабления сил своих противников, среди которых одним из первых был Н. И. Бухарин. Последний не дал должного отпора сталинской «критике», будучи запуганным и непоследовательным защитником своей же собственной теории, которую он развивал в течение всей своей научной деятельности. Сталинская «критика» вывела его самого из состояния равновесия: он не противопоставил ей свою экономическую платформу, ибо на деле отходил от нее в пользу сталинской политики «подстегивания» процессов социалистического строительства. Между тем вопреки И. В. Сталину теория равновесия вовсе не означала «равновесия секторов» народного хозяйства, а освещала путь к социализму с иной стороны — со стороны непрерывного развития путем смены равновесных состояний с «положительным знаком», т. е. на новой основе, которой должны были стать новые производственные отношения.

Несомненным недостатком концепции Н. И. Бухарина в годы индустриализации и сплошной коллективизации явилась непоследовательность в отстаивании объективных экономических законов, которые И. В. Сталин без обиняков объявил теорией «самотека» в хозяйственном строительстве. Изгоняя все и всяческие объективные законы, И. В. Сталин встал на путь «научного» обоснования

⁸⁷ Там же. С. 99.

насилия и произвола, открытого подавления социалистических тенденций в экономике переходного периода, что отчасти перекликалось с тем, о чем писал Н. И. Бухарин в годы «военного коммунизма». Отменив ленинские установки на развитие «нэповского» социализма, И. В. Сталин проводил политику «удушения» всяких объективных законов, регулирующих товарно-денежные отношения. Тем самым он встал на путь открытой ревизии ленинских принципов социалистического хозяйствования. Последние были «опровергнуты» доводами, взятыми из эпохи «военного коммунизма», рассчитанными на использование массового энтузиазма народных масс в корыстных интересах «управленческого слоя». Ошибка Н. И. Бухарина состояла в том, что он не выступил своевременно против игнорирования объективности законов социализма — того, в чем он обвинял «новую оппозицию». Тем самым были ослаблены силы противодействия безграничной сталинской диктатуре.

По нашему мнению, одной из причин отсутствия противодействия военно-бюрократическим методам «насаждения» колхозов была переоценка степени развития капиталистических отношений в советской деревне. Эта переоценка позволила Сталину открыто выступить не только против «самотека» в колхозном строительстве, но и извратить суть ленинского учения в аграрном вопросе. Речь идет о так называемой теории устойчивости трудового крестьянского хозяйства в условиях бурного промышленного прогресса. И. В. Сталин не только извратил ленинскую критику этой теории, но встал на путь прямой фальсификации марксизма-ленинизма, утверждая, что «устойчивость» трудового крестьянского хозяйства невозможна не только при крупном капиталистическом производстве, но и в условиях утверждения социалистической крупной промышленности.

Подмена ленинской критики сугубо произвольным толкованием крестьянского хозяйства, как якобы источника порождения капиталистических элементов при всех условиях развития крупной промышленности имела целью доказать, что само крестьянство неспособно самостоятельно и в силу собственных законов развития перейти к социалистическим формам хозяйствования. И. В. Сталин старательно обходил положения В. И. Ленина о новом типе кооперации при социализированной промышленности и прямо отождествлял сельскохозяйственную кооперацию с буржуазными формами ее организации. Отсюда вытекал вывод: надо отметить все прошлые формы сельской (в том числе и семейной) кооперации и насаждать колхозы и совхозы волевым, административным методом, подавив всякое сопротивление «мелкобуржуазного» крестьянства.

Эта, с позволения сказать, «ленинская» теория кооперативного движения не встретила должного отпора ни со стороны Н. И. Бухарина, ни его школы. Это было существенным упущением, ибо подтверждает ту концепцию, согласно которой Н. И. Бухарин сам разделял сталинскую критику теории «устойчивости» трудового

крестьянского хозяйства. По крайней мере не подлежит сомнению, что Н. И. Бухарин, хотя и провозгласил в процессе критики экономической платформы оппозиции о необходимости постепенного вовлечения крестьянского хозяйства в «социалистическую орбиту» посредством кооперации, сам разделял свойственную многим марксистам того времени негативную оценку предшествовавших форм сельскохозяйственной кооперации и отчасти их высокомерное отношение к условиям быта трудового крестьянства. Хотя Н. И. Бухарин был хорошо знаком с теорией «трудового крестьянского хозяйства», развитой А. В. Чаяновым, Н. Д. Кондратьевым и другими крупными теоретиками в аграрном вопросе, он не выступил открыто против сталинской ревизии коренных принципов ленинизма. Видимо, он полагал, что «чрезвычайщина» в подавлении крестьянского хозяйства оправдана с теоретической точки зрения, хотя и не соглашался с военно-феодалным насаждением колхозов.

Недооценка неоспоримых преимуществ трудового крестьянского хозяйства в условиях социалистического земледелия, видимо, была свойственна и школе Н. И. Бухарина, ибо эта школа не поддержала «генетический метод» преобразования народного хозяйства на социалистических началах, доказанный Н. Д. Кондратьевым и его сторонниками еще в середине 20-х годов. Н. И. Бухарин, по всей вероятности, недооценивал первостепенную роль подъема сельского хозяйства в процессе социалистического строительства.

Несмотря на недостатки, экономическая программа Н. И. Бухарина и его школы была реальной альтернативой сталинским методам «насаждения» социализма, в первую очередь по отношению к громадным массам сельского населения. Он явно противодействовал стремлению насильственно задуть крестьянство ради политики сверхиндустриализации, поставившей страну на грань экономической катастрофы. Свободное и беспрепятственное развитие кооперации, как полагал Н. И. Бухарин, должно было стать базой рабоче-крестьянского блока на основе равноправного товарообмена между городом и деревней, путем развертывания накоплений в народном хозяйстве за счет внутренних ресурсов, которые могли бы дать свободно развивающиеся сельскохозяйственные кооперативы. Именно рабоче-крестьянский блок мог бы противостоять губительной политике сталинизма, вошедшей в историю как образец административно-бюрократической деформации социализма. Экономическая программа Н. И. Бухарина, хотя и не охватывала всех сторон и форм социалистических преобразований, была, несомненно, более гуманной, более адекватной эпохе социализма программой безкризисного развития экономики нашей страны.

Следует отметить, что экономическая платформа построения социализма, выдвинутая «новой оппозицией» и раскритикованная Н. И. Бухариным, была во многом воспринята И. В. Сталиным в качестве платформы социалистического строительства. Речь идет не только о так называемом законе первоначального социалистиче-

ского накопления, имевшем в качестве своей направленности всяческое «удушение» экономически крепкого крестьянства, но и о других методах построения социализма, несовместимых с его природой. И дело не только в так называемых трудовых армиях, массовых репрессиях и т. п., а прежде всего в ревизии коренных марксистско-ленинских принципов социализма, отвергнутых оппозицией и воспринятых в новых условиях в уродливо-карикатурных формах.

Административно-хозяйственная система, сложившаяся на базе полной бюрократизации и извращении Советской власти, была бы невозможной при практической реализации концепций А. А. Богданова или Н. И. Бухарина. По крайней мере та экономическая деформация социализма, которая привела нашу страну к крайне бедственному положению, для чего и стала необходимостью революционная перестройка, есть отчасти следствие поражения «школы Бухарина», которая противостояла этой системе еще в середине 20-х годов. Отсутствие противодействия военно-феодалным методам хозяйственного строительства неизбежно породило и такое грязное в экономическом и политическом плане явление, как «брежневщина» с ее культом личного обогащения и наплевательским отношением к насущным нуждам народа. Мы до сих пор ощущаем поражение бухаринской оппозиции не только в экономической, но и в политической области.

Современные критики политико-экономической концепции Н. И. Бухарина не замечают самого главного: эволюции этой концепции от «натуралистической» в годы «военного коммунизма» к более содержательной, учитывающей процесс роста товарности сельского хозяйства, необходимости товарообмена между городом и деревней на равноправной, эквивалентной основе. Призыв «обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство» был обращен ко всему крестьянству, ибо только в процессе такого накопления можно было безболезненно проводить политику индустриализации. Н. И. Бухарин выступил против «остатков военно-коммунистических отношений» в советской экономике и призывал научиться «культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода», пустить в ход все хозяйственные факторы, работающие на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной, государственной инициативы, направленной против чрезмерной централизации управления экономикой, несовместимой с ленинскими идеями «государства-коммуны»⁸⁸.

Н. И. Бухарин особенно настойчиво говорил о необходимости повышения товарности хозяйства, о необходимости всемерного развертывания процесса накопления, ибо богатое крестьянство, несомненно, будет субсидировать индустриализацию через банки,

⁸⁸ См.: Бухарин Н. И. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент. Эта программная статья и послужила поводом для объявления «правой опасности» в ВКП(б), о которой заговорил Сталин уже в конце 1928 г.

торговлю, организацию кооперативов, товарность которых несомненно должна расти. Именно экономическая смычка города и деревни на базе «обменных процессов» могла стать той «осью», которая составила бы альтернативу насильственному подавлению крестьянства через непомерные налоги и прямое насилие. Н. И. Бухарин опирался на ленинскую критику тех коммунистов, которые, по словам В. И. Ленина, «еще недостаточно изучили действительные условия и потребности теперешнего крестьянского хозяйства»⁸⁹. В. И. Ленин обращал внимание на опасность излишней, не проверенной опытом регламентации, на вред голого администрирования, выдвижения положений, не подкрепленных изучением конкретной экономической действительности.

Как известно, эти замечания В. И. Ленина были направлены против тезисов Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне», подготовленных к XI съезду партии. Критикуя тезисы за схематичный и абстрактный подход к аграрным проблемам, В. И. Ленин отмечал неверную трактовку процессов классового расслоения деревни. Вопреки многим историкам, которые пытаются приписать В. И. Ленину тезис о необходимости борьбы с зажиточным крестьянством «комбедовскими способами», В. И. Ленин отмечал медленный рост кулацких хозяйств и, делая ставку на «старательного крестьянина» как «центральной фигуры» нашего хозяйственного подъема, выступал лишь за продуманное «ограничение эксплуататорских тенденций» в деревне. Он писал, что «ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д.»⁹⁰.

В. И. Ленин выступал против искусственного разжигания классовой борьбы в деревне, подчеркивал, что задачу подъема производительных сил земледелия можно решить, сделав ставку на «середняка» путем развертывания рыночных отношений, втягивания крестьянства в орбиту социалистического строительства не насильственными методами, а повышением товарности сельского хозяйства.

Выступая за ленинскую линию развития сельского хозяйства путем преодоления остатков «военного коммунизма» и развертывание товарно-денежных отношений для строительства социализма, Н. И. Бухарин обосновывал необходимость равноправного товарообмена между городом и деревней. Ориентация на «экономическую смычку» города и деревни, по мнению Н. И. Бухарина, должна сопровождаться ростом благосостояния всех слоев и групп крестьянства, а не только кулачества, как это пытался представить И. В. Сталин. Лозунг «обогащайтесь», выдвинутый еще в 1925 г.,

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 132.

⁹⁰ Там же. С. 44.

был обращен ко всем 25 млн крестьянских дворов, а не только к кулацким хозяйствам, как утверждал И. В. Сталин. Н. И. Бухарин выступал вслед за В. И. Лениным за разумное «ограничение» кулацкого хозяйства и не был сторонником лозунга «ликвидации кулачества как класса». Этот «класс» составлял всего 3,5 % сельских хозяев, а политика ликвидации этого класса на деле свелась к уничтожению именно старательного крестьянина-середняка, составлявшего абсолютное большинство населения.

Задача состояла в том, чтобы на деле реализовать ленинскую установку на необходимость развязать хозяйственную инициативу «массового» крестьянского хозяйства, обеспечить прогрессивный рост производственных ресурсов на базе индивидуального накопления, а затем — создать такие условия, при которых накопление в деревне стало бы в максимальной степени кооперативно-социалистическим. Иначе говоря, нужно было реализовать поставленную В. И. Лениным задачу «о постановке работы в деревне с обязательным конкретным указанием, как кооперировать, как „ограничить“ кулаков, не приостанавливая роста производительных сил»⁹¹.

Программа экономического подъема сельского хозяйства, развиваемая Н. И. Бухариным, опиралась не только на ленинские указания о необходимости осторожного подхода к кооперированию всего крестьянского населения, но и на глубоко научные исследования «трудового крестьянского хозяйства», которую давали в своих работах многие ученые, выступавшие за кооперацию на добровольных началах, без насилия и гнета, ограничением сборов, политики «ножниц цен» и т. п., приведших позднее к прямой экспроприации крестьянства и обнищанию рабочего класса.

Вдумчивая, осторожная политика Н. И. Бухарина и его сторонников в принципе могла бы стать альтернативой той грабительской политике, которая получила название «сверхиндустриализации» и которая привела страну на грань экономической катастрофы. Политика ликвидации кулачества как класса, начатая еще в годы «военного коммунизма», обернулась для нашего народа мучительным испытанием, невиданным по своим масштабам насилием по отношению к трудящимся массам. Подобная политика была преступной, и объявлять ее «социалистической» можно только ради издевательства над марксизмом-ленинизмом. К этой политике привели прежние теоретические ошибки о «вываривании крестьянина в фабричном котле», которые были на вооружении «рыцарей накопления», видевших в экономически крепком крестьянстве главного врага социализма.

В этой связи можно заметить, что реальная альтернатива преступным методам строительства социализма в нашей стране была, и ее реализация послужила бы поворотным пунктом в истории общества. Вот почему так актуален анализ этой альтернативы, когда мы выступаем за социалистическое обновление нашего об-

⁹¹ Там же. С. 47.

щества, за подлинно гуманистический, демократический социализм. Упреки некоторых горе-политиков в адрес тех, кто говорит, что мы построили «не тот социализм», на деле свидетельствуют о приверженности старым, командно-бюрократическим методам руководства, отвергнутым историей. И если эти упреки преподносятся как уроки истории, то на них следовало бы обратить особое внимание, ибо есть еще «механизм торможения», который не только препятствует перестройке, но и служит основой объективной возможности возврата к уже пройденным ступеням общественного развития. Сделать необратимой перестройку на базе социальной революции — главная задача все прогрессивных сил нашего общества. Теоретической основой революционной перестройки является учение К. Маркса, ибо все более очевидна жизненность марксистского учения: оно все более обогащается и развивается по мере социалистического обновления нашего общества.

К сожалению, в литературе имеет место не критическое отношение к марксистско-ленинскому наследию. Предполагается, что это наследие неприкосновенно и речь может идти лишь о правильном его истолковании. Такая «канонизация» и привела к резкой деформации социализма в нашей стране, ибо даже грубые нарушения социалистической законности оправдывались борьбой за «чистоту» марксистско-ленинского учения. Между тем В. И. Ленин и сам неоднократно писал о тех или иных ошибках, допущенных в ходе социалистического строительства (например, стремление форсированно ввести принципы коммунистического распределения в годы «военного коммунизма»). Кроме того, В. И. Ленин неоднократно высказывался в том смысле, что по отношению к крестьянству допускались отнюдь не социалистические меры воздействия ради обеспечения города продукцией сельского хозяйства.

Строительство социализма уже в первые годы Советской власти поставило перед марксизмом невиданные ранее проблемы, связанные с историческим своеобразием развития России. Переоценка степени развития капитализма в деревне обусловила к искусственному «разжиганию» классовый борьбы между различными социальными группами крестьянства, что позднее привело к их массовой экспроприации. Подобная политика не может быть оправдана только ссылками на произвол в годы «сплошной коллективизации», ибо теоретическая и практическая база такой экспроприации была подготовлена всем ходом предшествовавшего развития. Но это развитие не могло остановить общественно-экономический прогресс, строительство нового общества, высший принцип которого, как указывал Н. И. Бухарин, — синтез науки и общественной практики.

Таким образом, Н. И. Бухарин развил многие стороны марксистско-ленинского учения о путях строительства социализма, о гуманистическом, демократическом социализме, преодолевающим характерный для капитализма разрыв теории и исторической

реальности: наука, по словам Н. И. Бухарина, достигает вершин своего общественного самопознания. «Но *социалистическое* объединение науки и практики есть их наиболее *радикальное* объединение. Ибо, постепенно уничтожая разделение между умственным и физическим трудом, распространяя так называемое „высшее образование“ на всю массу работников, социализм сливает теорию и практику в *головах миллионов*. Поэтому синтез теории и практики означает здесь совершенно исключительный рост эффективности научного труда и эффективности всего социалистического хозяйства в целом: объединение теории и практики, науки и труда есть *выход массы* на арену культурного творчества, есть превращение пролетариата из объекта культуры в ее субъект, организатора, творца. Эта революция в самих основах культурного бытия сопровождается необходимым образом революцией в *методах* науки: синтез предполагает *единство научного метода*; таким методом становится *диалектический материализм*, являющийся объективно высшим достижением человеческой мысли. Соответствующим образом строится и *организация* научного труда: вместе с концентрированным плановым хозяйством растет и *организация научных учреждений*, превращающаяся в огромный коллектив работников»⁹².

Как видим, Н. И. Бухарину присущ оптимизм, который жизненно необходим для творческого развития науки. Он много сделал для политической экономии социализма, разрабатывая наиболее верную концепцию социализма. Н. И. Бухарин никогда не отказывался от идеи объективности экономических законов социализма. Он писал, что «переход от капитализма к социализму не означает вступления в царство чистой случайности или чистой „свободы воли“ в общественном масштабе (индетерминизм), он отнюдь не означает ликвидации категории необходимости, т. е. объективной закономерности; она остается; развитие материального производства *всегда* подчинено объективным закономерностям, как и все на свете. Но уничтожение анархии производства и иррациональности производственного процесса, т. е. *организация* социалистического производства, его *плановость*, его *рациональный* характер («общий контроль») уничтожает форму «слепого» закона, — закона как «слепой силы», *господствующей* над людьми, им внешней. Следовательно, здесь *необходимость* проявляется как *свобода* («свобода есть познанная необходимость»), *каузальная* связь находит здесь свое непосредственно *телеологическое* выражение, все более совпадая по своему «объему»: так, например, в плане хозяйства который есть система установок для действия (система норм, телеологическая система), *эта причинная необходимость* находит свое прямое выражение. Если вообще отвлечься от «необходимости», «объективного закона» — тогда вместо марксизма получится чистый *субъективизм и волюнта-*

⁹² Академик Н. И. Бухарин. *Методология и планирование науки и техники*. Избр. тр. М.: Наука, 1989. С. 303—304.

ризм; если отвлечься от уничтожения «слепоты» закона, от *нового* соотношения между каузальным и телеологическим рядом — тогда получится механическое перенесение категорий капитализма на социализм, то есть *буржуазно-либеральная карикатура на марксизм, насквозь антидиалектическая и антиисторическая*»⁹³.

Н. И. Бухарин подчеркивал, что наука была бы беспредметна, если бы не было объективных закономерностей, ибо наука имеет своим предметом именно их анализ и их теоретическое выражение, становящееся орудием практического действия. Диктатура пролетариата, по его мнению, включает эти закономерности, почему и необходимо рассмотрение всех фаз развития общества к коммунизму.

Н. И. Бухарин одним из первых советских марксистов полностью изложил марксистско-ленинское понимание двух фаз коммунистического общества: «Первая фаза коммунизма, еще имеющая „родимые пятна“ старого общества, характеризуется: а) неполным развитием производительных сил, в) неуничтоженным еще разделением между умственным и физическим трудом, с) распределением не по потребностям (что является неизбежным на данном уровне производительных сил), d) сохранением остатков буржуазного права (равная доля продуктов за равный труд при неравенстве способностей и сил есть выражение неравенства), е) остатками иерархии, подчинения, государства. *Высшая фаза коммунистического общества, исторически возникающая на основе дальнейшего развития производительных сил, преодолевает эти рамки. . . Высшая фаза коммунизма характеризуется, следовательно: а) исключительно огромным развитием производительных сил; в) жизненно-творческой, совершенно свободной формой труда; с) уничтожением разделения труда, т. е. вечных «профессий»; в частности, — уничтожением противоположности умственного и физического труда; d) исчезновением всех остатков классового деления, «холопской иерархии» (Маркс), подчинения; е) распределением по потребности в связи с уничтожением какой бы то ни было «дефицитности» продуктов по отношению к потребностям; f) уничтожением (отмиранием) последних остатков права и государства»⁹⁴.*

Н. И. Бухарин подчеркивал глубочайшее отличие Марксовой постановки вопроса от всех «систем будущего». Он обращал внимание на ее научность и историчность, на анализ действительных тенденций объективной исторической диалектики. Н. И. Бухарин писал, что у Маркса нет и речи о какой бы то ни было «схеме» рационального построенного «идеального общества», К. Маркс «предсказал неизбежную гибель капитализма и диктатуру пролетариата на основе анализа тенденций капиталистического разви-

⁹³ Бухарин Н. И. Избр. тр. История организации науки и техники. Л.: Наука, 1988. С. 226

⁹⁴ Там же. С. 229—229.

тия и, давши на этой основе главные черты грядущей эпохи, обрисовал ее неизбежные фазы развития, ее фундаментальные формы в их историческом течении»⁹⁵.

Таким образом, Н. И. Бухарин прочно стоял на позициях марксизма-ленинизма и защищал его во всех своих научных и публицистических выступлениях. Он особенно подчеркивал социалистические и логические основы научного марксистского мировоззрения, которое он противопоставил разнообразным формам эсхатологических и финалистских учений, которые пытались в какой-то мере опереться на марксизм. Он писал: «Социологически марксизм есть идеология революционного пролетариата, основного эксплуатируемого класса капиталистического общества с его могущественной техникой, с его специфически исторической экономической формацией, с его огромной культурой вообще и научной культурой в частности, со специфическими «законами движения», со специфическими противоречиями и такими же специфическими перспективами перехода в другую общественно-историческую фазу развития»⁹⁶. В то же время «логически марксизм есть научная система, научное мировоззрение и научная практика, и уже по одному этому не подлежит нелепому «сведению» к иудейским пророкам, средневековым таборитам и т. д. с соответствующими эсхатологиями. Совершенно вздорным является приравнивание научных прогнозов Маркса к эсхатологическим утопиям. Все попытки логического разгрома марксизма, опровержения его прогнозов, попытки научных доказательств его логической несостоятельности сами потерпели грандиозное крушение под тяжелыми ударами действительности»⁹⁷.

По нашему мнению, эти положения Н. И. Бухарина чрезвычайно актуальны, ибо многие ученые по-прежнему пытаются поставить под сомнение научные прогнозы К. Маркса и В. И. Ленина, свести марксизм-ленинизм к разного рода мессианским учениям, опровергнуть его научность. Н. И. Бухарин предвидел многие возможные попытки опровержения марксизма ссылками на его якобы эсхатологический характер, о чем пишут многие зарубежные ученые. На самом деле марксизм-ленинизм есть научное мировоззрение революционного пролетариата, и защита его Н. И. Бухариным помогает нам в современной идейной борьбе за победу социализма.

---

⁹⁵ Там же. С. 229.

⁹⁶ Там же. С. 124.

⁹⁷ Там же. С. 126.

ПУТИ И ФОРМЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РАБОТАХ А. В. ЧАЯНОВА

1. Социалистический идеал
и природа крестьянского хозяйства

С учетом современных проблем развития сельского хозяйства заслуживают особого внимания работы тех ученых, которые предупреждали еще в 20-е годы против скороспелых преобразований крестьянского хозяйства — этой первоосновы земледелия. Эти ученые отнюдь не были противниками социализма, но выступали за мирные, безболезненные формы кооперирования крестьянских хозяйств.

Многие ученые полагали, что вмешательство в хозяйственную жизнь крестьянства неизбежно приведет его к разложению, что, в свою очередь, породит голод и нищету. Они предупреждали, что скороспелые социалистические преобразования деревни противоречат интересам крестьянства, которое отнюдь не желает терять свою самостоятельность в угоду социалистическим реформаторам. Крестьянство всегда стремилось к самостоятельности, и если социалистический идеал представлялся ему делом далекого будущего, то на очередь дня вставали вопросы укрепления и организации крестьянского хозяйства. Это хорошо понимали многие русские ученые, которые анализировали тенденции развития крестьянского хозяйства за длительный период времени. Они убедительно показали, что социалистический идеал в принципе может сочетаться с природой крестьянского хозяйства на базе развития семейной кооперации и невмешательства в хозяйственную жизнь крестьян.

Среди этих ученых видное место занимает А. В. Чаянов. Он был крупнейшим теоретиком крестьянского хозяйства и глубоко понимал чаяния и нужды крестьянства. Еще до Октябрьской революции он заложил основы теории трудового крестьянского хозяйства, принципиально отличного от капиталистического и преследующего цель благополучия крестьянской семьи путем достижения равновесия между ее потребностями и средствами их удовлетворения. А. В. Чаянов писал: *«Задачей крестьянского трудового хозяйства является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи»*¹. Равновесие в трудовом крестьянском хозяйстве достигается тогда, когда предельная тягостность труда сравнивается с предельной полезностью его оплаты в виде годового валового

¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избр. тр. М.: Экономика, 1989. С. 62.

дохода семьи: «... Так как предельная полезность поднимается по мере роста ценности, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте трудового дохода наступит момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой суммы»².

Естественно, что этим трудовое хозяйство принципиально отличается от капиталистического, для которого предел наступает при понижении суммы получаемой прибыли. В трудовом хозяйстве за точку отсчета при установлении равновесия принимается не уровень прибыли, а весь валовой доход, получаемый путем соразмерения затрат и усилий всех трудоспособных членов семьи. А. В. Чаянов подчеркивал, что *«всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»*³. Он дал математическое доказательство этой формулы, показав, что равновесие в бюджете крестьянской семьи наступает в точке пересечения кривой предельной тягостности труда и кривой предельной полезности каждого последующего рубля выручки. Это вполне естественное предположение, вытекающее их природы трудового хозяйства, ибо по мере возрастания суммы годовой выработки субъективная оценка предельного рубля будет всегда падать, а тягостность его получения — всегда возрастать. Предел наступает тогда, когда предельная полезность получаемой суммы не превысит предельной тягостности труда.

Разумеется, рост производительности труда изменяет установление равновесия в бюджете крестьянской семьи, но до известного предела. В случае повышения производительности труда получение предельной единицы денежной суммы будет менее тягостно и, следовательно, равновесие с предельной полезностью, соответствовавшее прежней степени производительности, нарушится, а новое установится на более высокой ступени удовлетворения потребностей.

Эту мысль А. В. Чаянов развивал во всех своих произведениях, в том числе и в фундаментальном труде «Организация крестьянского хозяйства» (1925 г.). Он писал, что одна и та же объективно выражаемая оплата единицы труда при одном и том же уровне будет считаться то выгодной, то невыгодной для крестьянской семьи *«в зависимости от состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда»*⁴. Если в сметном учете хозяйства основное равновесие еще не достигнуто, непокрытые потребности еще достаточно остры, то хозяйствующая семья сильнее всего стимулируется к расширению своей работы и ищет приложение своему труду, мирясь

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 250.

с низкими уровнями его оплаты. И наоборот, если основное равновесие вполне покрывается сметными соображениями хозяйства, то только очень высокая оплата может побудить крестьянина к новым работам. «Таким образом, предельная (низшая из допустимых) оплата единицы труда устанавливается в зависимости от общего равновесия хозяйства и не может быть объективно определена со стороны *argiogi*»⁵.

Следует отметить, что построения А. В. Чаянова опирались на глубокие и разносторонние экономические исследования крестьянских хозяйств, их структуры, организации и роли в развитии производительных сил страны. Его первые работы были посвящены изучению экономического положения крестьянства в нечерноземной полосе России, где особенно отчетливо прослеживались зависимости между размерами производства и составом самих крестьянских хозяйств. А. В. Чаянову принадлежит заслуга создания теории «семейного трудового потребительского хозяйства», которое сочетало в себе элементы общинного строя и новых тенденций, наметившихся в начале XX в. А. В. Чаянов подчеркивал, что трудовое крестьянское хозяйство имеет качественные преимущества перед всеми формами организации крестьянского хозяйства, а семья — основная ячейка этого хозяйства, интересам которой и будет подчинен будущий строй общественного производства.

Свои глубоко научные выводы относительно зависимости объема продукции сельского хозяйства от состава семьи, о соотношении между числом работников в семье и числом «едоков», влияющим на судьбу всего хозяйства, о преимуществах семейной кооперации и разделении труда, о семейной кооперации в ходе «самоколлективизации», об арендном подряде и т. п. А. В. Чаянов сделал на базе статистических исследований центральной России — нечерноземной полосы, где осуществлявшиеся впоследствии необоснованные преобразования привели к вымиранию многих деревень и нарушению гармонии между человеком и природой.

Блестяще владея математическими и статистическими методами, А. В. Чаянов уже в первых своих работах установил важную закономерность: потребительские запросы «едока» в каждом хозяйстве имеют «сильную устойчивость» и могут заранее учитываться при ведении как крупного, так и мелкого хозяйства, что обеспечивает устойчивость самого хозяйства в условиях развития товарных отношений в деревне⁶. А. В. Чаянов показал, что производство организуется исходя из потребительских запросов в крестьянской семье; поэтому размеры производства определяются «степенью обремененности хозяйства едоками», т. е. работник в сельском хозяйстве строит свое хозяйство так, чтобы удовлетворить все потребности семьи. Соотношение числа работников и числа «едоков» обуславливает все «запросы» хозяйства, что может

⁵ Там же.

⁶ Чаянов А. В. Некоторые данные о значении культуры картофеля в крестьянском хозяйстве нечерноземной России // Вестн. сельск. хоз-ва. 1911. № 40. С. 11.

вести и к «самоэксплуатации», т. е. увеличению интенсивности труда ради обеспечения семейной кооперации. Именно соизмерение затрат труда и его результатов на базе определения потребительских запросов было центральным положением всей теории «семейной, трудовой, потребительской» кооперации в деревне. Исходя из этой теории можно определять соответствующее напряжение сил, необходимые размеры обрабатываемой площади, количество скота и птицы, средств производства, в том числе и в условиях займа (аренды), которая стала неотъемлемым атрибутом крестьянства центральной России.

Мы не приводим математического доказательства этого положения, но его суть вполне объясняется тем, что в крестьянском хозяйстве понятие «выгодности» хозяйствования отличается от понимания ее в хозяйстве капиталистическом. Если в капиталистическом хозяйстве «выгодность» определяется путем арифметического вычитания из валового дохода всех издержек производства и получением остатка прибыли, то для трудового хозяйства такое исчисление невозможно. Крестьянское хозяйство, как указывал А. В. Чаянов, есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук. Поэтому «элементы» трудового хозяйства не выражаются в одинаковых именных числах. Если валовой доход и материальные издержки в нем такие же, как и в капиталистическом хозяйстве, и могут быть выражены в рублях, то труд выражается не в рублях выплаченной заработной платы, а в собственных трудовых усилиях семьи. А последние не могут вычитаться или складываться, их можно только сопоставить с рублями получаемой суммы. Поэтому «приравнение того или иного усилия к стоимости одного рубля будет делаться семье субъективно и различно в зависимости от степени удовлетворения ее потребностей, меры тягостности самого трудового усилия и ряда других причин»⁷.

Потребности крестьянской семьи и их субъективное значение ставятся выше тягостности трудовых усилий, необходимых для их удовлетворения; трудовое хозяйство будет вестись и при пониженной оплате труда, иначе говоря, — в условиях, явно убыточных, что невозможно для капиталистического хозяйства. А так как главной задачей трудового хозяйства является покрытие годового бюджета семьи, то в конце концов хозяйствующая семья заинтересована не в оплате труда (рабочего дня), а в оплате всего рабочего года: отсюда и сравнение трудовых усилий с субъективной полезностью всего суммарного валового дохода семьи.

Этот закон имеет всеобщее, универсальное значение, ибо соизмерение дифференциального полезного эффекта крестьянской продукции с предельной затратой труда действительно определяет сущность натурального потребительского хозяйства, целью кото-

⁷ Чаянов А. В. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. М., 1918. С. 2.

рого является «устойчивое равновесие». А. В. Чаянов, как и многие русские экономисты-математики начиная с М. И. Туган-Барановского, соединил закон трудовой стоимости с теорией «предельной полезности», согласно которому предельная полезность свободно воспроизводимых хозяйственных благ пропорциональна их стоимости. Математическое доказательство этой политико-экономической формулы дал в 1902 г. экономист-математик Н. А. Столяров. Открытый А. В. Чаяновым применительно к крестьянскому хозяйству закон является частным случаем общего закона.

А. В. Чаянов рассматривал математический метод как метод установления ряда «постоянностей» и последующей «рационализации» их «элементарными мотивами» хозяйственной деятельности. Он применил этот метод при исследовании крестьянского хозяйства, глубоко раскрыв мотивационный аспект трудового крестьянина. Соизмеряя затраты труда с размерами «полезности» производимой продукции, А. В. Чаянов определяет предел, дальше которого начинается износ рабочей силы. Чтобы «отодвинуть» этот предел, крестьянин руководствуется оценкой своих трудовых функций и суммы получаемого эффекта. Тот факт, что в данном случае речь идет о субъективной оценке полезности, ничего не меняет в существе вопроса, ибо даже в самой объективной оценке всегда присутствует элемент субъективизма, связанного с творческой деятельностью оценивающего субъекта.

Экономико-математический анализ устойчивости крестьянского хозяйства А. В. Чаянов проводил на протяжении всей своей научной деятельности. Развивая теорию качественных преимуществ крестьянского хозяйства перед капиталистическим, А. В. Чаянов особо акцентировал внимание на тех «оптимумах», которые возможны в трудовом потребительском хозяйстве, но невысказаны в условиях капиталистического земледелия. В частности, он отмечал закономерность того, что, как уже указывалось, крестьянин может продолжать работать и при пониженной заработной плате и при пониженном доходе, тогда как эти условия убыточны для капиталистического хозяйства. Объяснение устойчивости крестьянских хозяйств он находил и в том, что цена, предлагаемая крестьянином за землю, определяется иными мотивами, чем у капиталиста. Крестьянская оценка включает, кроме цены земли, так называемую премию за экономическую самостоятельность, которую капиталист не может платить, ибо это привело бы его к разорению. Крестьянин может вести хозяйство и при средней в данном обществе заработной плате, ибо не гонится за прибылью и рентой, а заботится лишь о поддержании своего существования и своей семьи.

Следует отметить, что закономерности, установленные А. В. Чаяновым, действуют и в современных условиях, когда индивидуальная деятельность, в том числе и в сельском хозяйстве, всячески поощряется. Открытый А. В. Чаяновым закон применим и в настоящее время: предельная тягостность труда не должна

превышать полезного эффекта получаемой суммы, чтобы современный крестьянин-арендатор или фермер смогли обеспечить себя и свою семью и имели необходимые «заделы» для продолжения деятельности.

Рассматривая «хозяйственно-организационный» аспект ведения крестьянского хозяйства и преимущества его кооперации, А. В. Чаянов понял, что в условиях капиталистического общества его идеал — трудовое крестьянское хозяйство — недостижим. Поэтому он присоединился к марксистам, которые выступали за крупное кооперированное хозяйство, но при сохранении семейной кооперации и крестьянского двора.

В период непосредственного развертывания массового колхозного движения А. В. Чаянов небезосновательно опасался, что крупное хозяйство механически «поглотит» мелкое, и семейное хозяйство будет разорено. Он выдвинул идею «предельной кооперативной коллективизации», согласно которой необходимо считаться с преимуществами мелкого земледелия там, где оно экономически оправдано. А. В. Чаянов выдвинул тезис о «самоколлективизации», означавший медленный процесс «втягивания» семейной кооперации в крупные колхозы и совхозы при сохранении положительных особенностей семейного хозяйства. Он утверждал, что крестьянство все равно придет к социализму, но по отношению к нему недопустимо насилие; крупное социалистическое хозяйство должно создаваться путем «организационного перерождения самих крестьянских хозяйств в формы сверхкрупного хозяйства путем самоколлективизации их»⁸.

Существует мнение, будто А. В. Чаянов противостоял кооперации как форме ведения хозяйства. Как видно из изложенного выше, это мнение несправедливо. Но А. В. Чаянов понимал, что путь к социализму лежит через кооперацию, которая сначала должна «обслуживать» крестьянские хозяйства (сбытоснабженческая кооперация) и затем присоединить семейные кооперативы к товарищеским, коллективным формам ведения хозяйства. Он писал, что сельскохозяйственный кооператив должен быть «дополнением» к самостоятельному крестьянскому хозяйству, внося в него «элементы общественного хозяйства», формируя «основные начала будущей социалистической организации земледелия»⁹. Суть процесса кооперирования, по словам, А. В. Чаянова, состоит в том, чтобы кооперация постепенно перестроила «разобщенные индивидуальные крестьянские хозяйства в высшие формы общественного хозяйства»¹⁰. Он писал, что идеал — крупное семейное хозяйство крестьян — может быть реализован лишь при поддержке общественного хозяйства.

⁸ Чаянов А. В. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия // Эконом. обозрение. 1929. № 9. С. 50.

⁹ Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М., 1925. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 13.

Существует мнение, будто А. В. Чаянов «конечную цель» в развитии крестьянского хозяйства видел всецело и исключительно в мелком семейном хозяйстве. В действительности к проблеме кооперативной организации крестьянского хозяйства А. В. Чаянов подходил с позиций обеспечения оптимальных размеров земледельческих хозяйств. Прекрасно зная экономику России, А. В. Чаянов не мог не видеть процессы дифференциации хозяйств по их «состоятельности». Однако основное внимание он уделял таким вопросам, которые оставались в тени у многих марксистов — вопросам организационно-производственной структуры, обеспечивающей устойчивость трудового крестьянского хозяйства даже при наличии товарных отношений. А. В. Чаянов углубил классовый анализ крестьянских хозяйств, выделив их разные типы, останавливался на тех, которые способны при определенных размерах хозяйства обеспечить наибольшее благосостояние крестьянской семьи.

Следует отметить, что экономико-математические исследования крестьянских хозяйств А. В. Чаянов продолжал и в 20-е годы. Именно к этому периоду относятся его фундаментальные труды «о социально-экономических» оптимумах, сделавших его пионером в постановке и реализации принципов народнохозяйственного оптимума. Прекрасно понимая, что единый оптимум для всех отраслей построить довольно трудно, А. В. Чаянов выдвинул теорию «дифференциальных оптимумов», которые отражали бы различные условия протекания биологических и экономических процессов в разных отраслях. Это была исключительно плодотворная идея, которую по достоинству мы можем оценить только теперь. Критерием оптимальности функционирования крестьянских хозяйств он считал достижение минимума себестоимости по каждому виду продукции, но этот оптимум, имеющий глобальный характер, должен быть каждый раз скорректирован в зависимости от рассматриваемой отрасли народного хозяйства.

При этом А. В. Чаянов выдвинул ряд «организационных идей», напоминающих по своей конструктивной сущности «всеобщую организационную науку» А. А. Богданова. Влияние последнего на идеи А. В. Чаянова об организационных принципах ведения сельского хозяйства несомненно. Хозяйство, как целостный организм также подчиняется общим принципам организации, как и все материальные системы в объективном мире.

По мнению А. В. Чаянова, организация крестьянского хозяйства должна быть направлена на подъем всего земледелия в условиях массового «осередничивания» деревни, происходившего после Октябрьской социалистической революции, и поиски оптимального сочетания преимуществ крупного земледелия с традиционным хозяйством крестьян. А. В. Чаянов приводил соображения насчет того, чтобы «старую проблему о преимуществах крупного и мелкого хозяйства перевести в проблему, направленную на поиски оптимальных размеров хозяйства и в земледелии, т. е. таких раз-

меров, в которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйства взаимно бы уравнивались»¹¹.

Такая постановка принципиально отличалась от всех предшествовавших работ по экономике сельского хозяйства и явилась новым словом в науке. Рассматривая различия по составу и местоположению крестьянских хозяйств, А. В. Чаянов показал необходимость «дифференцированного оптимума», который отражал бы соответствие размеров производства затратам на производство сельскохозяйственной продукции. «Согласно всему вышеизложенному, — писал А. В. Чаянов, — проблема оптимальных размеров хозяйства ставится нами как проблема нахождения таких размеров площади эксплуатации, при которых, при прочих равных условиях, себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая»¹².

Объективное существование такого оптимума объясняется тем, что себестоимость снижается при увеличении размеров хозяйств, использующих лучшую технику, и возрастает (вплоть до «съедания» всей прибыли) при росте издержек транспортировки по мере укрупнения хозяйств за известным пределом. Это новая постановка вопроса, отвечавшая принципу дифференцированного подхода к крестьянским хозяйствам в разных регионах и при разных условиях хозяйствования. Нельзя однозначно ответить на вопрос, крупное или мелкое производство в сельском хозяйстве имеет преимущество: для этого необходим учет оптимального сочетания производственных факторов.

А. В. Чаянов писал, что как размер территории хозяйства, так равно и соотношение развертываемых на ней производственных факторов не являются «единственно возможными в одном только оптимальном размере и соотношении». Можно мыслить и наблюдать в действительности немало хозяйств, где имеется подчас значительное отклонение от оптимальных норм. Но оптимальное сочетание дает наивысший доход и всякое отклонение от него приносит хозяину понижение его прибыли. Причем это понижение происходит постепенно, чем и объясняется экономическая возможность существования хозяйств, сильно отклоняющихся от оптимальных норм по размерам и по соотношению факторов. «Однако в каких бы размерах хозяйство ни строилось, оно всегда имеет пропорциональность частей и известную закономерность их соотношения, свойственную каждой системе хозяйства, обусловленную технической целесообразностью и необходимостью. Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному и ощутительному понижению производительности затрат труда и капитала, так как выводит хозяйство из оптимального сочетания производственных факторов. Таким образом, земледельческое хозяйство может, сохраняя соразмерность частей и всегда стремясь к оптимальной величине, быть организованным фактически в самых

¹¹ Чаянов А. В. Оптимальные размеры земледельческих хозяйств // Экономика и мат. методы. 1988. Т. XXIV, вып. 4. С. 625—626.

¹² Там же. С. 626.

разнообразных размерах. Это положение сохраняет свою силу в полной мере, поскольку дело идет об организации земледельческого предприятия, построенного на наемном труде»¹³.

Напротив, трудовые семейные хозяйства ввиду фиксированности рабочих рук не могут по произволу увеличиваться или уменьшаться и, подчиняясь необходимости целесообразного сочетания факторов, имеют узкие пределы для формирования своих размеров. В этих хозяйствах гармоничное сочетание элементов определяется величиной рабочей силы семьи и сообразно ей образуется техническая целесообразность, а потому не может быть повышена и достигнута оптимальная норма обеспечения хозяйства всеми средствами производства. Этим обусловлен ответ на вопрос, мелкое или крупное производство имеет неоспоримое преимущество: все зависит от того, в каких условиях возможно достичь минимума себестоимости при максимуме продукции за счет использования технических установок. Эффект укрупнения сказывается не только на предельной по отдаленности десятине, но и на всей площади хозяйства, взятой «в совокупности его свойств».

А. В. Чаянов предвидел возможные формы деформации кооперативного движения. Поэтому он настойчиво проводит мысль о том, что производственная кооперация должна строиться «по вертикали», а трудовые семейные кооперативы — «по горизонтали» с сохранением всех преимуществ крестьянского мелкого двора. Он писал, что вопрос не в том, быть или не быть кооперации, а в том, как она должна строиться, либо входящий в кооперацию коллектив, либо входящее в кооперацию семейное хозяйство. «Предельная кооперативная коллективизация» должна обеспечивать максимум продукта, а это возможно не только при семейной кооперации, но и при построении новых специализированных хозяйств, которые «должны стать первыми образцовыми формами строительства социалистического земледелия»¹⁴.

Таким образом, разрабатываемая А. В. Чаяновым система коллективного хозяйствования была комплексной, предусматривающей как сохранение преимуществ трудового крестьянского хозяйства в рамках обширных кооперативов, так и создание достаточно мощных сельскохозяйственных предприятий на базе программы на «вертикальной» интеграции, создания производственной инфраструктуры и т. п. Все эти формы социалистического сельского хозяйства, по мнению А. В. Чаянова, должны быть единым народнохозяйственным комплексом — при сохранении, упрочении, развитии трудового земледелия, в котором «работа не отделена от творчества организационных форм, в котором свободная личная инициатива дает возможность каждой человеческой личности проявить все возможности своего духовного развития, предоставляя ей в то же время использовать в нужных случаях

¹³ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. С. 254—255.

¹⁴ Чаянов А. В. Техничко-экономические вопросы строительства социалистического земледелия // Научное слово. 1930. № 4. С. 4.

всю мощь коллективного крупного хозяйства, а также общественных и государственных организаций»¹⁵.

Однако, как считал А. В. Чаянов, такая организация не имеет ничего общего с коллективистическим идеалом немецких социалистов, которые предполагали, что все работники будут рядовыми исполнителями, а творчество — уделом незначительных социальных групп. Этот идеал, по его мнению, не должен распространяться на сельских тружеников: чаша капитализма с его подневольным трудом, оставляющим мало возможностей для творчества, должна их миновать. Напротив, крестьянская власть не должна вносить нечто принципиально новое в вековые начала, испокон веков бывшие основой крестьянского хозяйства; задача состоит в утверждении этих начал, великих и извечных, в углублении их культурной ценности, в духовном преобразовании. Необходимо придать воплощению крестьянского идеала такую социально-техническую организацию, при которой он имел бы активную мощь, гибкость и ударную силу.

А. В. Чаянов писал, что в основе нового хозяйственного строя так же, как и в античной Руси, должно лежать индивидуальное крестьянское хозяйство, которое он считал наиболее совершенным типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд «приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда»¹⁶. Именно таким рисуется подлинный социальный идеал крестьянства.

Для этого необходимо было решить две «организационные» проблемы: 1) проблему экономическую, требующую для своего решения создание такой народнохозяйственной системы, которая опиралась бы на крестьянское хозяйство, оставляла бы за ним руководящую роль и в то же время образовала бы такой народнохозяйственный аппарат, который бы в своей работе технически не уступал никакому мыслимому другому аппарату и держался бы автоматически, без «подпорок» неэкономического государственного принуждения; 2) проблему социальную, или культурную, т. е. проблему организации социального бытия людей, широких народных масс в таких формах, чтобы при условии сельского расселения сохранились высшие формы культурной жизни, бывшие долго монополией городской культуры, и «был возможен культурный прогресс во всех областях жизни духа, по крайней мере не меньший, чем при всяком другом режиме»¹⁷.

Организация такой народнохозяйственной системы требует упрочения и развития организационных принципов построения крестьянского хозяйства. Решение проблем «организации» стало делом большой группы экономистов, которая получила название

¹⁵ Чаянов А. В. Избр. повести. М.: Прометей, 1989. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 96.

«организационно-производственной школы» (Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев и др.). В многочисленных дискуссиях вокруг этой школы обычно опускалось самое главное — объединение усилий экономистов, инженеров, техников, агрономов на решении проблем *внутренней организации* крестьянского быта и производства как учения об одной из организационных форм ведения сельскохозяйственного производства. Между тем, как отмечал А. В. Чаянов, сторонникам этой школы предъявлялись такие обвинения, которые никак не связаны с самим существом этого учения: 1) обвинение в статичности анализа крестьянского хозяйства, в отрыве от окружающей социально-экономической исторической действительности; 2) организационно-производственная школа якобы не пользуется марксистским методом и является эпигоном австрийской школы предельной полезности; 3) крестьянскому хозяйству вменяется такая мотивация экономического поведения, которая несовместима с предпринимательским духом, неотделимым от фермерского хозяйства; 4) игнорирование связи крестьянских хозяйств с мировым рынком, борьбы с «мировым капиталом», что ведет к дальнейшей дифференциации крестьянских хозяйств; 5) идеализация распыленных, пропитанных мелкобуржуазным духом крестьянских хозяйств, что тем самым «выковывает их идеологию и тем поддерживает реакционные, докапиталистические еще формы народного хозяйства»¹⁸.

Все эти обвинения не имели под собой никакой основы, хотя и повторяются в некоторых работах советских экономистов. На самом деле «организационно-производственная школа» акцентировала внимание на морфологии крестьянского хозяйства, того производственного аппарата, который называется трудовым крестьянским хозяйством, на самой механике организационного процесса. «Нас интересует, — писал А. В. Чаянов, — как в этом аппарате достигается соразмерность частей, как достигается организационное равновесие, какова механика оборота капитала и его восстановления в частнохозяйственном смысле, каковы методы определения выгоды и рентабельности и каковы формы реакции на воздействия внешних природных и экономических факторов, принимаемых нами как данное»¹⁹.

Такая методология никак не противоречит марксистскому методу, а использование предельных категорий — закономерный и оправданный процесс. А. В. Чаянов специально подчеркивал, что при изучении морфологии крестьянского хозяйства нельзя обойтись без предельных величин, как это имело место, например, у И. Г. Тюнена, немецкого экономиста, который предельные категории истолковывал как «естественные» понятия. Да и все учение об организации хозяйственной деятельности не может обойтись без предельного анализа, и австрийская школа вполне правомерно использовала его.

¹⁸ Чаянов А. В. Избр. произв. М.: Моск. рабочий. 1989. С. 307.

¹⁹ Там же. С. 308.

Дело не в предельных категориях, а в попытке австрийской школы противопоставить их марксистской политической экономии, которая отнюдь не противостоит всем предельным экономическим понятиям (в том числе и понятию «субъективной полезности»), но тесно увязывает их с трудовой теорией стоимости. А. В. Чаянов неоднократно указывал, что он стоит на позициях, близких В. К. Дмитриеву и В. О. Борткевичу, которые, как известно, пытались дать «органический синтез» трудовой теории ценности и теории предельной полезности на основе учения классиков буржуазной политической экономии и экономической теории марксизма. Как бы мы ни относились к их построениям, последние ни в коей мере не подрывают детерминированность хозяйственных связей, хотя в них и отдается предпочтение не каузальному, а функциональному анализу. Последний действительно не противостоит каузальному анализу, а является по сравнению с ним более высокой формой теоретического исследования, ибо акцентирует внимание на взаимодействии экономических величин.

Австрийская школа справедливо исходила из психологических мотиваций экономического поведения, поставив во главу угла достижение максимального удовлетворения хозяйствующего субъекта с наименьшими жертвами. Этот хозяйственный принцип она выводила из опыта внутренних переживаний субъекта, проявляющихся в его поступках. Отсюда вытекает возможность психологической трактовки экономических категорий, на которой основано учение о субъективной хозяйственной ценности как основы всей «лестницы» этих категорий. В России подобную трактовку ценности давали такие видные ученые, как М. И. Туган-Барановский, Р. М. Орженцкий, В. Ф. Залеский, А. Д. Билимович и целый ряд других, опиравшихся на психологическую основу всей хозяйственной деятельности, ибо она не может не руководствоваться психологическими мотивами, определяющими мир поведения людей. Отсюда правомерны такие понятия, как «субъективные оценки», «субъективная хозяйственная ценность», а также и «предельная затрата труда» и «полезность предельного рубля выработки работника». Предельные величины — неотъемлемый атрибут всякого научного анализа, и А. В. Чаянов справедливо указывает на Марксов анализ дифференциальной ренты. В настоящее время все предельные оценки используются как важнейшее орудие подлинно научного экономического анализа, особенно при исследовании проблем сельского хозяйства.

А. В. Чаянов справедливо подчеркивал, что будущее сельскохозяйственного производства вовсе не связано с мелкобуржуазным духом и тем более духом предпринимательства. Он указывал, что «мы и не предлагаем считать нашу организационную теорию за универсальную теорию, охватывающую все виды предприятий, именующих себя крестьянскими. Мы исследуем только *организационные формы семейного хозяйства в земледелии* и распространяем свои выводы только на этот все еще довольно значительный

народнохозяйственный массив»²⁰. При этом «мы отчетливо сознаем необходимость для организационно-производственного направления показать в особых исследованиях то место, которое крестьянское хозяйство занимает в общей системе современного народного хозяйства и дать теоретическую увязку нашей организационной концепции с основными линиями учения о народном хозяйстве и форме его развития»²¹.

Отсюда видно, что «организационно-производственная» школа не ограничивалась одной статикой, а широко раскрыла перспективы движения трудовых семейных хозяйств в общей перестройке народного хозяйства на началах коллективизма. Это особенно важно в современных условиях, когда идет возрождение крестьянских трудовых хозяйств, развитие аренды и т. п. А. В. Чаянов писал: «Тщательно изучая современное крестьянское хозяйство как оно есть, мы изучали прежде всего тот исходный материал, из которого, по нашему мнению, исторически должна в ближайшее десятилетие вырасти новая деревня, превратившая путем кооперации значительную часть своего хозяйства в формы общественно-организованного производства, деревня, индустриализированная во всех областях переработки, механизированная и электрифицированная, деревня, использовавшая все завоевания агрономии и техники»²².

Обосновывая новые организационные формы ведения сельского хозяйства, представители «организационно-производственной» школы, и прежде всего А. В. Чаянов, много сделали для налаживания научных основ преобразования семейного трудового крестьянского хозяйства, выявив основные формы и типы кооперирования, показав научные основы оптимизации размеров земельных хозяйств, раскрыв общие принципы формирования народнохозяйственного оптимума. Главное направление в совершенствовании сельскохозяйственного производства экономисты этой школы видели в развертывании всего многообразия форм кооперирования, повышения товарности сельского хозяйства, перевода его на основы современной техники и технологии. Говоря о будущем земледелия в России, А. В. Чаянов писал: «Это лучшее будущее рисуется нам как полное переустройство нашего земледелия. Уже наметившиеся в наши дни кооперативные начинания, несомненно, будут развиваться дальше и дальше, захватывая и организуя в высших формах общественного кооперативного производства новые и новые отрасли сельского хозяйства. Постепенно эти кооперативные начинания из вспомогательных предприятий настолько мощно разовьются, что превратятся в главную форму организации сельскохозяйственного производства, введя начало крупного производства и механизации всюду, где они могут выявить свои преимущества. Тогда перед нами вырастает новая, невиданная

²⁰ Там же. С. 312.

²¹ Там же. С. 314.

²² Там же. С. 316.

доселе форма земледелия, построенная на принципе обобществления, совершенной техники и научной организации производства. Это будущее заставляет нас видеть в нашей работе там, где поверхностные наблюдатели видят только продажу масла и покупку плуга, будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему организации земледелия и вполне согласиться с мыслью предсмертной статьи Ленина о том, что развитие кооперации во многом совпадает с развитием социализма»²³. Это даст новое место для семейного потребительского хозяйства в системе общественного кооперативного хозяйства деревни, призванного стать наиболее продуктивной формой организации сельскохозяйственного производства.

2. Формы хозяйственного учета в социалистическом государстве

В начале своей деятельности А. В. Чаянов пытался сконструировать и общие основы организации социалистического хозяйства в масштабе всего социалистического государства. При этом он опирался на собственные представления о преимуществах натурального трудового потребительского хозяйства как подлинного идеала социалистической организации хозяйства. Он писал: «Постараемся прежде всего установить природу социалистического хозяйства в самой его основе. Мы имеем перед собой организованный единой государственной волей народ, нуждающийся в материальных и иных благах для удовлетворения своих потребностей, располагающий своими многочисленными мыслящими головами и рабочими руками, вооруженными средствами производства. Говоря иначе, перед нами единое колоссальное натуральное потребительское трудовое хозяйство. . . В некотором отношении социалистическое хозяйство напоминает хозяйство патриархальной крестьянской семьи натурального сложения»²⁴. Оно также будет трудовым, потребительским, лишенным всех стоимостных форм. Соизмерение затрат и результатов будет происходить на базе общественной полезности и «пределом» также будут наличные трудовые ресурсы, которыми оно располагает, и полезные оценки производимой продукции. Оно будет «патриархальным», но в то же время обладать всеми преимуществами коллективного ведения хозяйства.

Подчеркивая необходимость различения цели производства в капиталистическом и социалистическом хозяйствах для выяснения сущности социалистического хозяйства и форм хозяйственного учета, А. В. Чаянов пишет: «Выражаясь в марксистских терминах „усвоение прибавочной стоимости“, очевидно, перестает быть задачей социалистического хозяйства». Изменение характера про-

²³ Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М., 1925. С. 76—77.

²⁴ Чаянов А. В. Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. М., 1921. С. 13.

изводства при социализме, связанное с новой целью производства, ведет к необходимости «найти новые критерии экономических оценок, новые формы конкретизации экономических задач»²⁵.

По мнению А. В. Чаянова, в социалистическом хозяйстве хозяйственный учет будет ограничиваться учетом вещей в натуре, поскольку цена как таковая в социалистическом натуральном хозяйстве отсутствует, а следовательно, «не могут быть исчислены и стоимости предметов»²⁶.

Сама категория ценности (стоимости) рассматривалась А. В. Чаяновым как категория стихийного капиталистического хозяйства; поэтому он считал поиски ее субстанции в социалистическом хозяйстве не более, как поисками «философского камня». Поиски в пределах социалистического хозяйства субстанции ценности, писал А. В. Чаянов, ложны в теоретическом отношении, поскольку «социалистическое хозяйство будет производить, по Марксу, не товары, а материальные блага, и следовательно, будет лишено ценностных форм выражения»²⁷.

По вопросу о происхождении стоимости А. В. Чаянов стоял на позиции, типичной для многих экономистов, которые рассматривали стоимость не как производственную категорию, а как категорию обмена. А. В. Чаянов писал: «Ценность есть объективный экономический феномен, рождающийся в процессе обмена». Поскольку, по его мнению, «обмен отпадает, отпадает и ценность как объективный факт»²⁸.

Однако А. Чаянов считал, что необходимость оценки хозяйственных благ потребителем в социалистическом хозяйстве останется. Все экономические оценки А. В. Чаянов рассматривал не как объективные экономические категории («феномены», по его терминологии) социалистического хозяйства, а как «технические» либо «счетные» оценки хозяйственных благ. Он писал: «Остается также возможность произвольной распределительной или счетной оценки благ в любых единицах, производимой государственными органами. Но эти оценки суть технические или распределительные коэффициенты, но отнюдь не объективные феномены народного хозяйства»²⁹.

На самом деле система экономического учета представляет собой действенную систему, позволяющую наиболее экономно вести хозяйство. Особое значение она получает в условиях социалистического хозяйства. Эта система предполагает использование всех основных экономических категорий, в том числе цены, прибыли, ренты и т. п. Эти экономические категории в совокупности и образуют ценностный механизм, на базе которого строится система экономического учета.

²⁵ Там же.

²⁶ Чаянов А. В. Субстанция ценности и система трудовых эквивалентов // Экон. жизнь. 1920. № 247, 4 нояб. С. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

А. В. Чаянов подчеркивал, что действительной целью социалистического хозяйства является производство общественно полезных благ, а не создание стоимости. Он писал: «Откидывая капиталистические формы хозяйства, организаторы производства должны создавать экономику производства благ, а не экономику производства ценностей. Ибо в социалистическом хозяйстве в конце концов производство общественно полезных благ есть конечная цель, все собою определяющая»³⁰. В подтверждение этой мысли А. В. Чаянов ссылается на высказывание К. Маркса в «Нищете философии» о том, что в социалистическом хозяйстве время, отводимое на производство того или иного предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета. На основе этого высказывания А. В. Чаянов делал вывод о том, что измерение затрат рабочим временем не нужно для социалистического хозяйства.

Разрабатывая методы хозяйственного учета при социализме, А. В. Чаянов выдвигал практические предложения по созданию системы натурального учета, построенной всецело на технических коэффициентах и показателях, предусматривающих сравнение отдельных элементов затрат и отдельных видов продукции в натурально-вещественной форме.

Принцип «экономии сил» сохраняет свое значение и при социализме, но понятие хозяйственной выгоды имеет существенно иное содержание, чем в капиталистическом обществе. Результаты и затраты соразмеряются на основании «естественного соотношения усилий и результатов». «При одном и том же естественном соотношении усилия и полученного выхода продукта предприятие с точки зрения капиталистической выгоды может быть выгодным и невыгодным в зависимости от цен сегодняшнего дня. В капиталистическом хозяйстве возможны случаи, когда слишком большой технический успех предприятия, ронявший цены на его продукты, был чрезвычайно невыгоден предпринимателю. . .»³¹. При отсутствии категорий капиталистического хозяйства (цена и пр.) мы не можем пользоваться даже подобием капиталистических критериев выгоды и должны вернуться к натуральному основному соотношению усилий и результатов, придать ему такую новую форму конкретного выражения, которое могло бы быть практически полезно и вне ценностного выражения»³².

Как же устанавливать искомое соотношение затрат и результатов? А. В. Чаянов подходит к решению этого вопроса следующим образом. Государство определяет на основании опыта предыдущего времени, какое количество различных продуктов необходимо для удовлетворения потребностей населения. Оно, по-видимому, выносит свое решение так же, как это делает глава патриархального натурального хозяйства, по своему усмотрению, удовлетворяя

³⁰ Там же.

³¹ Чаянов А. В. Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. С. 15.

³² Там же. С. 14—16.

одни потребности и отказывая в удовлетворении других. Государство дает задания произвести известное количество единиц того или другого продукта, и тогда встает вопрос о том, как это сделать наиболее выгодным способом. То же государство располагает фондом производительных сил, который необходимо использовать так, чтобы он дал максимальный эффект. «В социалистическом обществе почитается выгодной такая затрата труда и средств производства, по сравнению с которой всякая другая затрата того же труда и тех же средств производства дает меньший выход продуктов»³³.

Сравнения затрат и выхода продуктов в одной и той же единице, по мнению А. В. Чаянова, не может быть. Поэтому понятия чистого дохода не существует, а есть только понятие валового дохода. Однако вопрос о затратах для социалистического общества не безразличен. Основная затрата есть затрата труда. Увеличение ее при целесообразной работе дает всегда увеличение количества продуктов. На каком-то уровне получение добавочного продукта перестает оправдывать дополнительные затраты, и дальнейшее производство становится нецелесообразным. А. В. Чаянов разрешает проблему отыскания предельного уровня следующим образом: «Уровень напряжения труда социалистического общества, а сообразно и уровень валового дохода, будет установлен некоторым равновесием между мерой тягостности и мерой удовлетворения потребностей». «Мы не знаем, — пишет он, — в каких формах технический аппарат социалистического хозяйства будет устанавливать момент этого равновесия: при анализе нашей проблемы это не имеет большого значения»³⁴.

Заметим, однако, что при предлагаемом А. В. Чаяновым построении никакого точного критерия равновесия не может быть. Вопрос равновесия, по А. В. Чаянову, должен был бы быть разрешен на основании усмотрения центрального хозяйственного органа так же, как и вопрос о том, какие потребности и в какой мере должны быть удовлетворены. Условность такого усмотрения не делает данный вопрос неразрешимым.

Порядок распределения производительных сил А. В. Чаянов иллюстрирует следующим примером. Государство определяет необходимое ему количество овощей. Их можно получить в различных по условиям работы хозяйствах. Государственная власть отбирает те хозяйства, в которых потребуется наименьшая затрата средств производства. Распределение средств производства осуществляется так, чтобы затраты на выполнение производственного задания были минимальны. Но возникает проблема несоизмеримости затрат. Это затруднение А. В. Чаяновым преодолевается путем учета отдельных затрат на продукт, определяется коэффициент производительности каждой затраты в данном хозяйстве посредством ее сопоставления с установленной нормой и затем выводится

³³ Там же. С. 18.

³⁴ Там же. С. 19.

средняя. Так, если для получения определенного количества зерновых продуктов необходимо по установленным нормам затратить «а» единиц труда, «б» единиц продовольствия, «в» единиц инвентаря и т. д., а фактически затрачено «а'», «б'», «в'» и т. д. единиц, то коэффициенты для данного хозяйства составляют a'/a , b'/b , v'/v и т. д. Их можно суммировать и разделить на число элементов затрат или можно придать каждому элементу соответствующий «вес». Так получается сводный коэффициент, характеризующий данное хозяйство. Государство отбирает хозяйства с наименее благоприятными коэффициентами.

Этот метод разрешения проблемы применялся А. В. Чаяновым и при оценке племенного скота. Так, каждой «статье» соответствует предельный балл. При осмотре особи устанавливаются в некотором отношении к предельным ее собственные баллы. Их суммируют, и особь, получившая наибольшее количество баллов, занимает по качественным характеристикам первое место. То, что дают для оценки племенного скота предельные баллы, для отдельных видов затрат в натуральном хозяйстве социалистического общества должны дать «наряды». На основании последних и имеющегося опыта соответствующие органы определяют «нормальные» затраты различных видов топлива, сырья, оборудования и труда на единицу продукта. Сопоставление с ними фактических затрат и выведение средней для данного хозяйства величины показывают, насколько это хозяйство работает успешно. Государство прекращает работу наименее успешных хозяйств, допуская еще работу тех (худших), деятельность которых в данных условиях нужна для того, чтобы произвести заданную для всего социалистического общества массу продукта. Так как продукты так же мало соизмеримы, как и затраты, то, естественно, вопрос об успешности для каждого вида продуктов должен быть поставлен отдельно. Таковы были в основных чертах предложения А. В. Чаянова.

Это была схема безденежного хозяйства. И то, что предлагал А. В. Чаянов, вытекало из его намерения построить систему без денег и без единого измерителя. При таком задании необходимо было предоставить государству возможность исчислить размеры потребностей граждан и распределить между ними предметы потребления не по их выбору, а по государственному плану. Отсюда вытекало, что государство должно было бы взять на себя и решение ряда других задач по своему усмотрению: оно устанавливало бы «наряды», определяющие «нормальные» затраты отдельного вида средств производства на продукт, критерии «выгодности» работы хозяйства, т. е. перечни признаков, по которым делался бы вывод о качестве его работы, и «весов» каждого из этих признаков.

Как ни сложна предложенная А. В. Чаяновым схема, как ни условны все признаки, на которых она построена, мы не можем утверждать, что все это невысказано, хотя, по нашему мнению, маловероятно. Самые благоразумные и прозорливые люди вряд ли сумели бы построить такую систему иначе, исходя из традиций, навыков и представлений, сложившихся в течение «донатурально-

го» (т. е. товарно-денежного) периода. Государственное натуральное хозяйство не могло бы ставить проблему иначе чем ставил ее А. В. Чаянов, — путем разработки «общественно полезных норм».

А. В. Чаянов считал, что «центр» социалистического производства должен сознательно учитывать и обрабатывать «материал» в отличие от капиталистического рынка, который делает это автоматически, без продумывания каким-либо «хозяйствующим сознанием»³⁵.

Для того чтобы сделать вывод о том, выгодны или невыгодны итоги работы предприятий, мы должны, писал А. В. Чаянов, «сопоставить их с какими-то нормами», признаваемыми «за критерий народнохозяйственной оценки социалистического производства»³⁶. Задача, по мнению А. В. Чаянова, состоит в том, чтобы сопоставить фактически израсходованные материальные затраты с теми нормами затрат, которые признаются общественно полезными. И если при капитализме результаты хозяйственного учета выражаются в чистой прибыли, в учете уровня рент и других капиталистических категориях, то при социализме, оценивая хозяйство, необходимо говорить, что в нем, например, «1000 единиц продукта получено с такой-то затратой единиц сырья, орудий производства и что эти нормы использования выше или ниже, чем нормы, признаваемые соответствующим главноком общественно полезными»³⁷.

Введение понятия общественно полезных норм было естественным выходом из тупиков системы натурального учета. В самом деле, если учет ведется в натурально-вещественной форме, то не может быть никакого объективного критерия ни для соизмерения затрат и результатов хозяйства, ни для сравнения результатов хозяйственной деятельности различных предприятий. Такое сравнение может вестись лишь на общей базе, путем сведения всех затрат и результатов к какой-либо общей единице измерения. Под «общественно полезными нормами» А. В. Чаянов понимал установленную центром систему норм «предельной общественно полезной производительности»³⁸. Он писал, что «общественно полезное время» будет определяться «не как среднее время, потребленное для изготовления единицы блага, а как предельное, затрачиваемое в тех наихудших условиях производства, которые в данный момент приходится использовать для выполнения наряда, нужного для удовлетворения плана потребления страны, т. е. при определении общественно необходимого времени мы примем за исходную величину предельную общественно полезную норму»³⁹.

³⁵ Там же. С. 36.

³⁶ Чаянов А. В. Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве // Экон. жизнь. 1920. № 231, 16 окт. С. 2.

³⁷ Чаянов А. В. Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве // Экон. жизнь. 1920. 226, 9 окт. С. 2.

³⁸ Чаянов А. В. Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. С. 38.

³⁹ Чаянов А. В. Субстанция ценности и система трудовых эквивален-

Таким образом, рассматривая социалистическое хозяйство как чисто натуральное, А. В. Чаянов в соответствии с этим предлагал систему натуральных измерений для соизмерения затрат и результатов производства. Система натурального учета, развитая наиболее полно в его работах, на практике не получила применения. Критикуя систему натурального учета, выдвинутую А. В. Чаяновым, С. Г. Струмилин подчеркивал, что все многообразие благ современного общества вообще не поддается учету без предварительного приведения этого многообразия к какому-нибудь единству. Если же дать полный учет всех благ в природе с полным подразделением их на сорта и марки, то и гениальнейший ум не вместит этой пестроты материального учета. «Простое требование экономии мысли, — писал С. Г. Струмилин, — вынуждает нас найти общую меру для всего этого многообразия. Говоря иначе, чтобы учесть наши хозяйственные блага, мы вынуждены подвергнуть их сравнительной оценке и приводить к одному и тому же эквиваленту»⁴⁰.

Отсюда видно, что сама идея разработки системы натурального учета как единственной или ведущей формы учета в общественном масштабе с самого начала была глубоко оригинальной. Марксистская концепция социализма по существу вовсе не связана с натуралистическими методами хозяйствования и не рассматривает как натурально-хозяйственную систему, хотя и признает возможность непосредственного учета затрат труда в рабочем времени. Марксистская теория предполагает разработку комплексных методов учета затрат и результатов хозяйства, включающих как элементы натурального учета, так и разного рода стоимостные измерители. Эти методы требуют сведения всех элементов хозяйства в единое целое безотносительно к натуральной форме этих элементов; в противном случае общество не может иметь ясного представления о движении всего общественного производства и его эффективности.

Натуралистическая концепция социализма не выдержала испытания временем. В ходе экономических дискуссий она была преодолена как несоответствующая научному пониманию природы социалистического хозяйства, а все практические предложения по построению натурального учета оказались неосуществимыми.

Правда, в период «военного коммунизма» имелись проекты натурального учета, которые обсуждались в экономической литературе. Примером может служить проект П. Амосова и А. Савича, которые пытались построить всеобъемлющую систему натурального учета в непосредственно математической форме и даже предлагали создать соответствующие органы для налаживания такого учета.

Критикуя конкретные формы хозяйственного учета, обсуждавшиеся в ВСНХ и других организациях, П. Амосов и А. Савич

тов // Экон. жизнь. 1920. № 247, 4 нояб.

⁴⁰ Струмилин С. Г. Проблемы трудового учета // Вестн. труда. 1921. № 1—2. С. 65.

видели их порок в том, что они возрождают денежные формы хозяйственного учета, свойственные стихийному капиталистическому хозяйству. В противовес этому учету П. Амосов и А. Савич выступили за единую систему бухгалтерского учета, которая была бы всеобъемлющей и охватывала все элементы затрат и результатов хозяйственной деятельности в масштабе всей страны. Эта система должна установить движение продукта в натуре от одного предприятия к другому и от производителя к потребителю. Такая громоздкая система должна носить адресный характер и установить практические расчеты эффективности и выгоды каждого продукта в натуре в соответствии с имеющимися потребностями⁴¹.

Естественно, что такая система практически неосуществима, и она запутала бы все практические расчеты эффективности ведения хозяйства.

В противовес подобной системе, а также системе натурального учета А. В. Чайнова возникла концепция натурального учета затрат труда в рабочем времени — в трудовых единицах («тредах»), с которой выступил С. Г. Струмилин. Он считал, что все многообразие затрат и результатов в натуральном выражении требует общей базы для их соизмерения. В качестве такой базы С. Г. Струмилин предлагал трудовые измерители, которые должны были опираться на единицы затрат простого труда рабочего при условии выполнения выработки на 100%. Эти «треды», по его мнению, можно было складывать и умножать для выражения суммарных затрат труда и суммарного выпуска продукции («система трудовых эквивалентов»). Он обходил сложности учета затрат в различных условиях хозяйствования и полагал, что сами «технические капиталы» могут быть также измерены в «тредах». Отсюда и родилась концепция о переводе капитала в трудовые эквиваленты⁴².

Концепция «тредов» разделялась многими экономистами, так как она косвенно учитывала различия в технических условиях производства и квалификации работников (ценность продукта одного нормального дня рабочего первого тарифного разряда при выполнении нормы выработки на 100%), но этот учет не мог быть реальным ввиду многообразия видов продукции и неразработанности научной тарифной системы.

Противники «тредов», в частности А. В. Чайнов, указывали, что труд на технически отсталых предприятиях оценивается так же, как и на передовых предприятиях, в результате чего общество не получает представления об экономии общественного труда, выгоды того или иного производства⁴³.

⁴¹ Амосов П., Савич А. Проблема материального учета в социалистическом хозяйстве. М., 1921.

⁴² Струмилин С. Г. Проблема трудового учета // Экон. жизнь. 1920. № 237, 238.

⁴³ Чайнов А. В. Субстанция ценности и система трудовых эквивалентов // Экон. жизнь. 1920. № 247. С. 3.

Напротив, некоторые из защитников «тредов» пытались представить их как абсолютно верное отражение затрат труда, присущее советской экономике. Так, В. Сарабьянов утверждал, что важно лишь учесть затраты труда, а понятие «выгодности» производства должно быть отброшено как капиталистическая категория. Социалистическое общество, писал В. Сарабьянов, вовсе не обязано заботиться о выгодности своего производства, для него важно не то, как произведен продукт, а лишь количество этого продукта⁴⁴.

В рассматриваемый период получили распространение и крайне упрощенные представления об эффективности («выгодности») социалистического хозяйства, против которых решительно боролся А. В. Чаянов, противопоставляя, например, концепции «трудовых эквивалентов» систему учета общественной полезности благ и разрабатывая методы учета степени этой полезности.

Следует отметить, что С. Г. Струмилин под влиянием критики А. В. Чаяновым «системы трудовых эквивалентов» изменил свою позицию и наряду с «трудовыми оценками» выдвинул понятие «полезностной оценки».

Учет общественной полезности жизненно необходим при оценке «выгодности» производства и при соизмерении ценности хозяйственных благ с затратами на их производство. А. В. Чаянов уже в первых своих работах оперировал понятием «предельная полезность» как частной производной функции общественной полезности. Он отстаивал идею о том, что с точки зрения общественной полезности все хозяйственные блага принципиально сравнимы и соизмеримы и «выгодность» социалистически произведенного продукта определяется тем, соответствуют ли реальные полезностные оценки продукта их общественной полезной норме. Поэтому и в масштабе всего народного хозяйства «выгодность», без которой невозможно вести рациональное хозяйство, должна стать центральной категорией.

Вместе с тем нельзя отождествлять выдвинутые А. В. Чаяновым общественно полезные нормы затрат с измерением полезности в энергетических единицах, что было свойственно отчасти А. А. Богданову и Н. И. Бухарину. В книге «Экономика переходного периода» Н. И. Бухарин писал, что вполне возможно говорить о производительных силах и производительности труда как о «двух сторонах одной и той же математической величины $M/a + v$, где M — вся масса продуктов, выраженных в каких-либо единицах полезности (будь то энергетические величины или что-либо иное — в данном случае безразлично), a и v — единицы общественного труда: a — единицы мертвого труда, v — живого»⁴⁵.

По поводу этих рассуждений В. И. Ленин заметил: «Математика хуже чем подозрительная. Никуда не годна»⁴⁶. Это замечание

⁴⁴ Сарабьянов В. Об измерении трудовой стоимости // Нар. хоз-во. 1921. № 4.

⁴⁵ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 124.

⁴⁶ Ленинский сб. Т. 11. С. 372.

В. И. Ленина относится как к утверждению Н. И. Бухарина об измерении полезности в энергетических единицах, так и к его утверждению о возможности «суммирования» живого и мертвого труда. Деление полезности продукции на суммарные затраты труда еще не дают представления о «выгодности» производства, а измерение полезности «энергетическими единицами» вообще лишено всякого смысла.

Как уже отмечалось, А. В. Чаянов утверждал, что оценки хозяйственных благ носят «технический» характер, а не являются объективными экономическими категориями («экономическими феноменами»). Однако данная концепция в ходе социалистического строительства претерпела эволюцию. Не отказываясь по существу от категории общественно полезных норм при оценке «выгодности» того или иного производства, А. В. Чаянов пришел постепенно к выводу о необходимости использования ценностного механизма для определения народнохозяйственного оптимума. В отличие от многих экономистов 20-х годов он пришел к выводу о полной совместимости товарно-денежных отношений с экономикой социализма и разрабатывал методы учета стоимостных категорий в процессе поисков «оптимальных размеров» социалистических предприятий. Ценность (стоимость), которую он раньше называл «философским камнем», стала для него основной категорией, позволяющей судить о степени рациональности принимаемых экономических решений, в том числе и в ее денежной форме. А. В. Чаянов сделал вывод, расходившийся с господствующими в то время представлениями, что «методы нашей оценки должны носить не технический, а в значительной степени ценовой характер»⁴⁷.

В этом мы видим отход от того утверждения, которое было в его ранних работах, что «общественно-полезностные» оценки являются либо техническими, либо счетными оценками благ. Мы видим в этом глубокий теоретический смысл, ибо, по нашему мнению, всякая экономическая оценка имеет две стороны — техно-экономическую (аспект производительных сил) и социально-экономическую (аспект производственных отношений).

Первый аспект А. В. Чаянов разрабатывал в начале 20-х годов, второй — в самом начале 30-х годов, когда большинство экономистов отказывалось признать объективное социально-экономическое содержание ценностных категорий. Именно А. В. Чаянов как предшественник современных форм экономико-математических оценок (объективно обусловленных оценок) смог впервые в мировой литературе показать, что эти оценки носят двойственный характер: с одной стороны, они суть средство учета технико-экономических параметров общественного производства, а с другой — являются социально-экономическими регулятивными феноменами экономических отношений, т. е. не только отражают, но

⁴⁷ Чаянов А. В. Техно-экономические вопросы строительства социалистического земледелия // Науч. слово. 1930. № 4. С. 12.

и определенным образом воздействуют на интересы, мотивы, стимулы хозяйствующих субъектов, определяя объективно-экономическое содержание их решений.

С этой точки зрения достижения А. В. Чаянова в области разработки экономико-математических оценок представляются особо ценными в современных условиях, когда они становятся регулятивами экономического поведения. Ориентируя на принятие экономических решений с позиций оптимальности, экономико-математические оценки («экономические феномены») суть объективные средства направления всего социально-экономического развития в направлении народнохозяйственной оптимальности. Это не значит, что можно пренебрегать техно-экономическим аспектом экономико-математических оценок, но они играют в данном аспекте подчиненную роль, будучи главным образом не средством учета, а средством регулирования общественных отношений.

Таким образом, советский экономист-математик А. В. Чаянов внес существенный вклад в развитие экономической науки, что может быть по достоинству оценено только с позиций теории оптимального функционирования социалистической экономики. Именно эта теория в едином комплексе разрабатывает способы экономико-математических оценок продуктов и ресурсов, создав теорию их эффективного распределения. Именно эта теория показала социально-экономический аспект экономико-математических оценок и выдвинула понятие социально-экономического оптимума как основной категории социалистического способа производства. В этой связи мы обращаемся к творческому наследию А. В. Чаянова как предшественника современной экономико-математической науки.

В данной работе мы не рассматриваем подробно экономико-математические исследования А. В. Чаянова, ибо это заняло бы слишком много места. Дело в том, что А. В. Чаянов мало пользовался формулами, а предпочитал графические формы математических доказательств. Исследуя зависимости между размерами крестьянской семьи и ее потребительными нуждами, а также оптимальные формы землеустройства и оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий, А. В. Чаянов использовал оригинальный математический аппарат, который потребовал бы дополнительных комментариев⁴⁸. Мы поэтому говорим, что уже в самых первых работах о природе крестьянского хозяйства А. В. Чаянов придавал огромное значение разным формам хозяйственного учета, в том числе и в математической форме. Он исходил из того, что для всякого хозяйствующего субъекта цель хозяйствования заключается в удовлетворении его потребностей, или, другими словами, в обеспечении или в повышении его благососто-

⁴⁸ См.: Чаянов А. В. Методы количественного учета эффекта землеустройства. М., 1925; Он же. Сельскохозяйственная таксация. М., 1925; и др. В этих работах содержатся принципиально новые методы математического анализа, которые почти не использовались ранее.

яния. Но ни в отношении потребностей, ни в отношении благосостояния мы не можем сказать ничего путного, если не использовать математические методы.

А. В. Чаянов настаивал на том, что нужно искать действительные способы количественного учета и измерения потребностей и благосостояния, поскольку нет единого способа измерения их ни для отдельного хозяйствующего лица, ни для совокупности многих лиц, ибо потребности людей в точном смысле слова требуют самых разнообразных подходов и непосредственно несоизмеримы. Но раз задачей хозяйствования остается повышение благосостояния, и ни один хозяйствующий субъект не может отказаться от постановки вопроса о том, насколько он эту задачу разрешил, то из этого противоречивого положения необходимо найти какой-либо выход. Не будучи в состоянии найти точный ответ, люди довольствовались на всех стадиях хозяйственного развития неточными, или, лучше сказать, условными ответами, и для практических целей такой неточный ответ или ответ условный служил им средством практического ведения хозяйства. Задача состоит в том, чтобы перевести эти ответы на строгую математическую основу.

А. В. Чаянов показал, что уже при натуральном хозяйстве крестьянин или помещик решает вопрос о том, какое место отвести в хозяйстве скотоводству, земледелию или обработке продуктов, на основании своих соображений о своих собственных интересах и об интересах своей семьи. Как бы значительна ни была в данном хозяйстве роль традиции, кое-что остается и на долю хозяйственного расчета. Хозяин соразмеряет правомерность и значительность потребностей своих чад и домочадцев. Применительно к своей оценке этих потребностей он строит свой план производства и потребления. Он ведет материальный учет тому, что создается и потребляется в его хозяйстве. Он считает, сопоставляет, совершает выбор между разными возможностями и решает. Без этого не было бы и хозяйства как процесса, если ни рационального, то по крайней мере рационализированного.

Но техника хозяйственного счета в условиях натурального хозяйства груба, методов сведения всех элементов хозяйства воедино не существует, и на вопрос о движении благосостояния можно получить ответ лишь в том случае, если имевшиеся перемены достаточно велики для того, чтобы даже при грубом подсчете резульативная картина была уже ясна. Вот почему А. В. Чаянов с такой тщательностью разрабатывал методы натурального учета, чтобы поставить их на научную почву, тем более что и будущее общество он представлял как натурально-хозяйственную систему.

Но позднее А. В. Чаянов стал понимать, что одного материального учета недостаточно для сравнения и сопоставления затрат и результатов не только для отдельных хозяйственных единиц, но и для всего общественного хозяйства в целом. Приведение к общему знаменателю всех элементов затрат и результатов потребовало «ценностного учета», ибо экономические оценки, как показывает исторический опыт, нужны не только для менового, но и для

социально-организованного хозяйства. А. В. Чаянов показал, что в процессе исторического развития создаются многочисленные и сравнительно тонкие формы учета производства и распределения хозяйственных благ. Он говорил не о «форме», а о «формах», ибо их имеется много. Наиболее общую для товарно-денежного хозяйства, принципиально наиболее существенную форму образует ценностно-денежный счет, основанный на том, что для хозяйственных благ — товаров — существует цена и цена выражена в денежной единице, пользующейся в пределах народного хозяйства всеобщим признанием. Без «ценового» учета, как показал А. В. Чаянов, не может обойтись и социалистическое земледелие, ибо оно производит на рынок значительную часть своих продуктов.

Вывод о возможности двух типов оценок в социалистическом хозяйстве — натуральных и ценовых — имел принципиальное значение для развертывания товарооборота между социалистической промышленностью и сельским хозяйством, между государственными предприятиями и сельскими кооперативами. А. В. Чаянов придавал огромное значение развитию товарности сельского хозяйства, хотя и отмечал, что ценностно-денежный «счет» должен дополняться практическим учетом всей производимой в сельском хозяйстве продукции в натуральной форме. Этим его постановка принципиально отличалась от позиций ряда экономистов (В. Я. Железнова, А. А. Соколова, Э. С. Каценеленбаума и др.), которые признавали лишь «ценностно-денежный учет» и почти совсем игнорировали учет материальный. Как показали современные исследования, натуральный учет при максимизации продуктов в заданном ассортименте вполне пригоден, почему так интенсивно разрабатываются методы «векторной оптимизации», позволяющей максимизировать выпуск продукции в натуральном выражении. Это еще раз говорит о том, что А. В. Чаянов должен считаться самым верным сторонником советской экономико-математической школы.

ТЕОРИЯ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА1. Вопрос о характере экономических законов
и регуляторов советского хозяйства

Становление политической экономии социализма происходило в условиях бурной теоретической полемики. Первым опытом этой науки была теория советского хозяйства, как она складывалась в 20—30-е годы. Позиции экономистов-марксистов определялись стремлением дать целостное представление об этом хозяйстве, выявить характер закономерностей его функционирования и развития, место теории советского хозяйства в процессе становления политической экономии социализма.

Рассмотренные выше концепции социализма были наиболее целостными и плодотворными. Но они не исчерпывали всего богатства мнений, суждений, теорий, возникавших в тот период, и поэтому представляется уместным краткое рассмотрение концепций других экономистов-марксистов, писавших по проблемам советского хозяйства. Не претендуя на полный охват всей советской экономической литературы, мы остановимся кратко на концепциях, представляющих наибольший интерес прежде всего в аспекте развития теории советского хозяйства. По нашему мнению, уместно также рассмотрение позиций советских экономистов-математиков, заложивших основы советской экономико-математической школы.

Центральной проблемой в рассматриваемый период был вопрос о характере экономических законов социализма, действующих в советском хозяйстве, где еще было немало элементов капиталистического хозяйства. Этот вопрос в 20-е годы ставился в аспекте регулятора советской экономики, т. е. основного закона движения советского хозяйства. Поэтому мы рассматриваем их в единстве, ибо экономические законы советского хозяйства и были законами, регулирующими процесс становления социалистического хозяйства. Главным был вопрос о том, имеют ли экономические законы социализма объективный характер и сохраняется ли в советском хозяйстве принцип причинности.

В марте 1924 г. на экономической кафедре Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова развернулась дискуссия о предмете политической экономии при обсуждении вопроса о возможности включения теории советского хозяйства в курс политической экономии. Выгодно отличалась позиция Н. И. Бухарина: в ней отстаивался принцип причинности. Напротив, многие советские экономисты-марксисты отрицали этот принцип.

Так, известный экономист А. Ф. Кон подробно остановился на различных принципах построения теории советского хозяйства

и политэкономии. Он отождествлял экономические законы со стихийно действующими законами, противопоставляя принцип причинности целевому принципу, утверждал, что целевой принцип делает невозможным включение теории советского хозяйства в курс политической экономии и предложил создать курс экономической политики, которая должна стать наукой нормативного характера, исключающей принцип причинности. А. Ф. Кон выступил против смешения этих двух наук, построенных на совершенно разных основах, против механического слияния их в единую науку. Объектом изучения этих наук являются, по мнению А. Ф. Кона, законы совершенно различного типа: с одной стороны, — стихийные законы, подобные законам физических, естественных наук; с другой стороны, — законы нормативного характера, которые непосредственно подчиняются воле людей¹.

Отрицание причинной связи между экономическими явлениями в советском хозяйстве, противопоставление принципа причинности целевому принципу вели к отрицанию экономических законов в советском хозяйстве. Полемизируя с В. М. Мотылевым, по мнению которого советское хозяйство является товарно-меновым не только по форме, но и по существу, А. Ф. Кон подчеркивал, что советское хозяйство — товарно-меновое лишь по форме². Именно поэтому А. Ф. Кон не считал возможным распространять на советское хозяйство законы капиталистического регулирования, сводя роль стихийных регуляторов лишь к форме проявления экономических процессов. А. Ф. Кон подчеркивал, что достаточно взять «такой основной закон капиталистического общества, как закон стихийного регулирования производства, чтобы увидеть, что в советской экономике он дает большие перебои»³.

В советском хозяйстве, по мнению А. Ф. Кона, форма капиталистического регулирования сохраняется, а содержание изменяется. Перелив капитала из одной отрасли в другую осуществляется не стихийно, как при капитализме, не по принципу причинности, а в соответствии с целевым принципом. Это обуславливает, как считал А. Ф. Кон, разнонаправленность экономических процессов в советском хозяйстве. Поскольку эти принципы движутся в обратном направлении, постольку «в нашей экономике целевой принцип борется с причинным»⁴. В силу этого стихийный регулятор наталкивается в советской экономике на крупное препятствие в виде целевой установки нашего хозяйства.

По мнению А. Ф. Кона, в советской экономике сталкиваются два регулятора, которые, дополняя друг друга, сплетаются в единый специфический регулятор производства, полустихийный, по-

¹ Записки Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Т. II. М., 1924. С. 333.

² Там же. С. 334.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 335.

лусознательный⁵. «В этом двойственном характере регулятора нашего производства проявляется специфическая сущность нашей советской экономики»⁶.

Наиболее полное обоснование концепции советского хозяйства как смешанной «товарно-социалистической системы» хозяйства получила в докладе Е. А. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве», который был прочитан в Коммунистической академии в январе 1926 г. и отражал в основном точку зрения Л. Д. Троцкого и его сторонников по этим вопросам⁷.

Советскую экономику Е. А. Преображенский рассматривает как совокупность двух секторов: государственного и частного, каждому из которых свойственны свои особые экономические закономерности развития, в том числе и свои «основные законы» — регуляторы производства. В государственном секторе советской экономики основным, коренным законом выступает так называемый закон первоначального социалистического накопления; в частном секторе — закон ценности. Именно поэтому Е. А. Преображенский пишет, что «закон социалистического накопления не является единственным основным законом советской экономики»⁸. «Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно два закона с диаметрально противоположными тенденциями»⁹. Если в законе первоначального социалистического накопления выражены «тенденции будущего» советской экономики, то в законе ценности «концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка»¹⁰.

Выдвижение «закона первоначального социалистического накопления» в качестве «основного закона» движения государственного сектора служило теоретическим обоснованием политики «максимальной перекачки» средств из крестьянских хозяйств, которые Е. А. Преображенский относил к частному сектору, для целей развития промышленности. Объективно эта политика вела к подрыву союза рабочего класса и крестьянства.

Обсуждение концепции Е. А. Преображенского проходило в острой идейной борьбе представителей различных направлений в трактовке «основного закона» и регулятора общественного производства. Двухсекторная модель советской экономики с наличием в ней двух «основных законов», двух регуляторов была отвергнута

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Там же.

⁷ См.: Вестн. Ком. акад. Кн. 14. 1926. С. 3—64. Прения по докладу и заключительное слово: Вестн. Ком. акад. Кн. 15. 1926. С. 155—264. Дискуссия по докладу Е. А. Преображенского происходила в связи с обсуждением проблем товарно-денежных отношений в переходной экономике, в частности в связи с накоплением средств для социалистической индустриализации.

⁸ Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 14. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

как не отвечающая требованиям научного подхода к теории советского хозяйства. Большинство участников дискуссии отмечали основной методологический порок концепции Е. А. Преображенского: отсутствие монистатического подхода к анализу советской экономики. Если два «основных закона» не соподчинены, если они выступают как «законы равноценные», которые борются друг с другом, то получается, что два закона управляют развитием единого хозяйства. Это — «дуализм». А дуалистический принцип никогда не был свойствен марксистско-ленинской теории.

Е. А. Преображенский считал, что товарно-денежные отношения имманентно не свойственны социалистическому хозяйству. Все товарно-денежные категории (цену, прибыль, ренту, процент) он рассматривал как формы, навязанные частным хозяйством: «... Форма товарно-меновых отношений в нашем государственном хозяйстве навязана нам частным хозяйством»¹¹. Содержание товарно-денежных категорий в условиях государственного сектора трансформируется, меняются их роль и функции: «... Наше государственное хозяйство может до известного предела разворачиваться при форме меновых отношений, меняя содержание их»¹². Процесс трансформации товарно-денежных категорий, по мнению Е. А. Преображенского, получил наиболее полное выражение в тяжелой промышленности — «наиболее социалистическом звене в системе государственного хозяйства». «Здесь наиболее далеко продвинулся процесс трансформации в плановое распределение ресурсов внутри государственного круга и больше всего произошло превращение товара в продукт»¹³.

В государственном секторе «категория цены носит чисто формальный характер, это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства». И далее: «... Понятие товара отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства»¹⁴.

Цена в условиях государственного сектора превращается в орудие планового управления экономикой: по существу же здесь в форме цен происходит плановое распределение ресурсов внутри единого организма государственного хозяйства. Основой трансформации всех категорий товарного хозяйства в советской экономике Е. А. Преображенский считает трансформацию самой сущности закона ценности. Он пишет: «Закон ценности отрывается от естественной базы производственных отношений, регулятором которых он является и на базе которых исторически возникает»¹⁵.

¹¹ Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 15. С. 248.

¹² Там же. Кн. 14. С. 16.

¹³ Там же. Кн. 15. С. 253.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 253.

Из всей совокупности работ Е. А. Преображенского главным считается его положение о двух регуляторах этого хозяйства, и здесь его взгляды действительно совпадали с концепцией Л. Д. Троцкого. Однако, по нашему мнению, в литературе далеко не точно излагаются взгляды Е. А. Преображенского на советское хозяйство в целом. Отнесение его к «новой оппозиции» полностью не выдерживает критики. На наш взгляд, можно говорить о заслугах Е. А. Преображенского перед советской экономической наукой, если понять весь смысл его «Новой экономики» (1926 г.) как этапа в развитии теории советского хозяйства. Он неоднократно выступал за необходимость творческого подхода к изучению нового этапа развития экономики как «смешанной товарно-социалистической системы», что вполне точно характеризует экономику нашей страны в период нэпа. В дискуссии в Университете им. Я. М. Свердлова Е. А. Преображенский говорил, что наша экономика — это «смешанное хозяйство», в котором, с одной стороны, есть государственное регулирование (например, контроль за ценами), а следовательно, в нем «несомненно есть элементы социализма», а с другой стороны, имеются элементы капиталистического типа, которые носят подчиненный характер, ибо они находятся под воздействием социализированной промышленности: это — «смешанная товарно-социалистическая система»¹⁶.

Такое понимание не содержало ничего предосудительного и отражало действительность не менее точно, чем у его соавтора по «Азбуке коммунизма» (1920 г.) Н. И. Бухарина. Poleмика между ними шла острая, но в главном они сходились: переходная эпоха в советской экономике имеет в общем товарную форму, постепенно трансформируясь путем сознательного государственного регулирования. Е. А. Преображенский говорил: «...Мы возьмем по существу вопроса то, что у нас имеется товарное хозяйство; бесспорно, и наша государственная промышленность работает на основе товарного хозяйства, и регулирование мы проводим на основе товарного хозяйства. Это все совершенно бесспорно. Но мы, используя метод регулирования товарного хозяйства, осуществляем тенденцию в другом направлении. У нас в сущности хозяйство смешанное. С одной стороны, стихийно действуют законы стихийного хозяйства, а с другой — проводятся законы социалистического хозяйства. Возможно, что при изучении стихийного товарного хозяйства нам нужно, чтобы наши слушатели имели представление о товарном простом и товарном капиталистическом хозяйстве. И в данном случае они приступают к изучению такого хозяйства, в котором, по крайней мере на поверхности, имеются основные капиталистические законы, которые перекрещиваются с законами социалистического хозяйства»¹⁷.

Действительно, в переходный период законы социализма тесно

¹⁶ Записки Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова. С. 356.

¹⁷ Там же. С. 356—357.

переплетены с законами рыночной экономики. Однако если по общим вопросам теории советского хозяйства Е. А. Преображенский занимал совершенно правильные позиции (в особенности об изменении роли цен), то в намечаемых им мероприятиях было немало спорного и дискуссионного. Но, по нашему мнению, нельзя смешивать общую теорию с конкретными рекомендациями по ведению хозяйства. Точно так же ничего предосудительного нет в его заверениях о том, что теорию советского хозяйства нельзя уместить в рамки политической экономии, и поэтому нужно ставить вопрос о выделении этого хозяйства в качестве объекта новой, самостоятельной дисциплины. Многие советские экономисты именно так и ставили проблемы советского хозяйства, ибо политическая экономия социализма делала первые шаги. Поэтому неудивительно, что Е. А. Преображенский требовал выделения «советского хозяйства» в качестве предмета особой науки «хотя бы в качестве промежуточного элемента, который отделяет теоретическую экономию от экономической политики или в форме введения к экономической политике», что «в этой ситуации развития нам не надо напирать на описанную экономику, которой мы должны заняться на первом курсе, но нужно дать хотя бы небольшой курс, теоретически объясняющий нам экономику»¹⁸.

В отличие от многих участников дискуссии Е. А. Преображенский подчеркивал, как уже указывалось, необходимость наличия двух регуляторов в советской экономике и их борьбы между собой. «При борьбе двух начал, двух систем, включенных в единую систему хозяйства. . . не может не быть двух регуляторов. Все дело в том, какая складывается равнодействующая в результате борьбы», которая «определяет социальную направленность всей системы в целом»¹⁹.

Вместе с тем, характеризуя природу советского хозяйства, некоторые советские экономисты, например А. С. Мендельсон, делали акцент на товарно-денежных отношениях и законе стоимости как орудии планомерного управления. Так, А. С. Мендельсон, требуя монистического подхода к анализу основного закона и регулятора общественного производства, подчеркивал, что общими формами, которые объединили и крупное государственное хозяйство и мелкое частное, выступают отношения товарные. Поскольку в переходной экономике основные — товарные формы, постольку основным законом и регулятором общественного производства не может не быть закон стоимости, хотя бы и в модифицированном виде. «Мы исходим из действительности, которую образует закон стоимости, и весь свой аппарат приспособляем к тому, чтобы улавливать действие этого закона»²⁰.

На несколько иных позициях стоял В. М. Мотылев. Он ха-

¹⁸ Там же. С. 357.

¹⁹ Вестн. Ком. акад. 1926. Кн. 15. С. 235.

²⁰ Там же. С. 166.

рактизовал экономику СССР как смешанную экономику, где удельный вес товарно-денежных элементов довольно значителен. Поэтому В. Мотылев считал, что нельзя дать научно обоснованной теории советского хозяйства без учета товарного характера этого общества, причем «распределение проблем по товарно-меновой оси» при изучении структуры хозяйства СССР является «не только допустимым, но и обязательным»²¹.

Именно с этих позиций В. М. Мотылев настаивал на включении проблем советского хозяйства в курс политической экономии. Он приводил ряд примеров, свидетельствующих о большой роли товарно-менных элементов в советском хозяйстве, и связывал эти элементы с обнаружением закона стоимости. Отсюда он делал вывод, что «стоимость, как стихийно действующий регулятор равновесия хозяйства, продолжает действовать с известными лишь особенностями и в СССР»²².

На таких же позициях стоял и Т. И. Берин. Он также выдвигал закон стоимости в качестве основного закона и регулятора общественного производства, поскольку советская экономика представляет собой разновидность товарного хозяйства. «В СССР поэтому мы имеем самые настоящие рыночные отношения», а там, где сохраняются рыночные отношения, «там закон трудовой стоимости остается основным регулятором общественных отношений»²³.

Экономисты-марксисты, выдвигавшие закон стоимости в качестве основного закона и регулятора переходной экономики, исходили из того, что характер действия закона стоимости по мере развития планового регулирования видоизменяется, модифицируется, «рационализируется». Об этом, в частности, писал А. С. Мендельсон. Говоря о переходном периоде, он подчеркивал, что иная расстановка «элементов» в хозяйственной системе переходного периода, когда на сцену выступают новые носители хозяйственного процесса, ведет к тому, что и весь процесс экономического развития имеет иной характер, чем при капитализме.

В переходном хозяйстве, отмечал он, существуют элементы нового типа, выше капиталистического, поэтому «существует тенденция к подчинению себе этой формой всех остальных». Модификация товарно-денежных отношений и состоит в том, что «мы учимся рационализировать этот стихийный процесс».

Эта же мысль отчетливо проступает и у других экономистов. Так, В. Черномордик писал о модификации закона стоимости, поскольку речь идет о «подчинении стоимостного начала плановому, регулирующему». Поэтому «закон стоимости у нас не просто ограничивается, но трансформируется под влиянием планирования»²⁴.

---

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 369.

²³ Там же. С. 208.

²⁴ Там же. С. 193.

В отличие от товарного и капиталистического хозяйства, подчеркивал А. С. Мендельсон, стоимость в советском хозяйстве должна формироваться планомерно²⁵.

Эти идеи о модификации стоимости и приспособлении рыночной стихии к плану разделяли многие экономисты-марксисты. Уже в середине 20-х годов многие советские экономисты, рассматривая советскую систему хозяйства в ее динамике, в развитии и движении к социализму, выдвигали в качестве основного закона и регулятора общественного производства плановое начало. Однако, несмотря на то, что плановое начало рассматривалось ими как имманентное свойство социалистической экономики, такая трактовка «планового начала» основывалась на недооценке объективных основ планирования, а сам план рассматривался как выражение сознательной воли социалистического государства, которое по своему усмотрению перестраивает все социально-экономические отношения. Даже тогда, когда план связывался с целенаправленной деятельностью социалистического государства, далеко не всегда подчеркивалось объективное содержание плана и цели социалистического общества. Например, А. Стецкий писал, что распределение общественного труда в советской экономике проводится «на основании нашего плана, на основании нашей сознательной воли, подчиненной *высшей цели* строительства социализма» (курсив наш. — *Н. Ш.*)²⁶.

Объективное содержание и форма плана неразрывно связаны. Содержание планирования определяется законом планомерного, пропорционального развития. Именно этот закон определяет конкретные пропорции в распределении производительных сил общества и предъявляет определенные требования к плану как к конкретной форме реализации этих пропорций. Подобная трактовка плана была намечена в многочисленных статьях Л. М. Гатовского о народнохозяйственном плане как объективной закономерности, как законе движения советского хозяйства. Однако необходимо подчеркнуть односторонность этой точки зрения, поскольку она преувеличивала роль формы регулирования народнохозяйственных процессов.

В статьях «О народнохозяйственном плане: (К вопросу о регуляторе советской экономики)»²⁷ Л. М. Гатовский выдвинул идею о том, что регулятором народного хозяйства является народнохозяйственный план. Вопрос о регуляторе он рассматривает как проблему основного закона развития советской экономики: народнохозяйственный план выступает как выражение сущности основного закона развития народного хозяйства. «Наибольший интерес, — писал Л. М. Гатовский, — представляет проблема так называемого „регулятора“ советского хозяйства, т. е. основного

---

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ Там же. С. 159.

²⁷ Большевик. 1929. № 19.

закона, способа распределения средств производства, средств потребления и рабочей силы в процессе воспроизводства»²⁸.

Рассматривая народнохозяйственный план в качестве регулятора народного хозяйства, Л. М. Гатовский в отличие от экономистов, считающих план выражением субъективной воли социалистического государства, подчеркивал объективную основу народнохозяйственного плана, связывал его с общеисторическим «законом» пропорционального распределения труда между отраслями хозяйства. Он употребляет термин «законы трудовых затрат», понимая его, однако, совершенно иначе, чем многие экономисты 20-х годов²⁹. Л. М. Гатовский подчеркивал неправомочность рассмотрения неизменным материального содержания этого «закона», имея в виду самые пропорции в распределении производственных сил. По его мнению, нельзя считать, что эти пропорции одинаковы во всех способах производства, меняется лишь форма установления этих пропорций — стихийная или плановая.

Объективное содержание народнохозяйственного плана предполагает изменение как формы, так и самих количественных пропорций (тем и направление развития), которые вытекают из социальной структуры общества.

Выступая против «беспочвенного планирования», не связанного с объективными экономическими законами, Л. М. Гатовский подчеркивал объективную основу плана: «Абсолютно неверна, конечно, точка зрения, „отменяющая“ необходимость пропорциональности трудовых затрат для нашего переходного хозяйства, то есть, иными словами, возводящая в принцип беспочвенное планирование». Он связывал план, как регулятор хозяйства, с самой социальной сущностью советского хозяйства: «Регулятором хозяйства СССР является народнохозяйственный план, как особая, вытекающая из советской социальной структуры форма осуществления „закона“ пропорциональности трудовых затрат»³⁰. Раскрывая сущность плана как регулятора хозяйства, он подчеркивал, что «содержанием этого народнохозяйственного плана является процесс приспособления трудовых затрат к новым по сравнению с капитализмом социальным потребностям... Такому содержанию народнохозяйственного плана соответствует и его форма, которая состоит в непосредственном управлении хозяйственными процессами (в рамках социалистического сектора) и в их регулировании (в отношении социалистических и несоциалистических форм)»³¹.

Следует отметить, что советские экономисты в этот период

²⁸ Там же. С. 80.

²⁹ Л. М. Гатовский пишет: «Вопрос о регуляторе приводит нас к т. н. „закону трудовых затрат“. Общесоциологический „закон“ пропорциональности трудовых затрат представляет собой лишь то общее, что лежит в основе регуляторов различных хозяйственных форм, а именно: необходимость пропорционального распределения труда» (Большевик. 1929. № 19. С. 83).

³⁰ Большевик. 1929. № 19. С. 84.

³¹ Там же.

уделяли большое внимание взаимосвязи различных аспектов экономики в процессе ее динамики, в связи с чем и была поставлена проблема регулятора советской экономики как единого целого. Так, Л. М. Гатовский резко выступил против тех экономистов, которые противопоставляли регулятор хозяйственной системы, закон ее движения и изучение производственных отношений этой системы. Он считал такой подход неправомерным, поскольку марксизм рассматривает производственные отношения в динамике, как социальный процесс. Изучение производственных отношений, по его мнению, неотделимо от проблем хозяйственного регулирования и тем более от выяснения закона движения этой системы. Подчеркивая сравнительно быстрый характер динамики производственных отношений в переходный период под воздействием рабоче-крестьянского блока и гегемонии пролетариата в плановом управлении экономикой, Л. М. Гатовский отмечал, что наиболее ярко эта гегемония пролетариата выражается в планах народного хозяйства. План, как выражение этой гегемонии, имеет на протяжении переходного периода ряд модификаций своих форм, сводящихся к тому, что «моменты косвенного регулирования отстают перед моментами непосредственного руководства хозяйством; иными словами, происходит процесс обобществления хозяйства, процесс развертывания социалистических производственных отношений»³².

Движение производственных отношений, их трансформацию, писал Л. М. Гатовский, нельзя отделять от движения хозяйственной системы в целом. «Движение хозяйственной системы и означает процесс воспроизводства (включающий трансформацию) социальной формы производительных сил, производственных отношений. Это движение, естественно, не может не быть закономерным»³³. Закономерность хозяйственного процесса, воспроизводство производственных отношений определяют и регулятор движения самой системы.

«Поскольку мы признаем само движение хозяйственной системы, законы ее движения не могут естественно не быть законами, регулирующими это движение. Регулятор или законы, регулирующие движение хозяйства, не могут быть оторваны от этого движения: такой механический разрыв приводит к внеклассовой трактовке регулятора как чего-то формального, бессодержательного, с одной стороны, и к затушевыванию внутренних глубоких законов движения хозяйственной системы и к подмене саморегулирования движения регулированием ее стороны внешней формы, — с другой»³⁴.

Отсюда Л. М. Гатовский делал вывод, что «производственные отношения в их динамике, закон движения хозяйственной систе-

³² Гатовский Л. М. О предмете и методе теории советского хозяйства // Пробл. экономики. 1930. № 1. С. 49.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

мы и ее „регулятор“ тождественны»³⁵. Он считал неправомерным рассмотрение проблемы регулятора вне движения производственных отношений, поскольку вместе с изменением производственных отношений неизбежно должен измениться и регулятор народного хозяйства, не только по форме, но и по содержанию. «Раздельное рассмотрение регулятора как механизма, аппарата, устанавливающего пропорциональность, от специфического социального закона движения хозяйственной системы, т. е. от развития ее классовой структуры, может привести к уступке бухаринской концепции, так как при этом регулятор в значительной степени также мыслится лишь как внешняя форма, механически связанная с содержанием производственных отношений»³⁶.

Возражая против бухаринской концепции, Л. М. Гатовский фактически свел вопрос об основном законе движения советского хозяйства к планирующей деятельности государства, хотя и правильно отмечал его социальную направленность, связь с производственными отношениями. Дальнейшее развитие концепция «плана» как основного закона и регулятора общественного производства получает в дискуссии по методологическим проблемам теории советского хозяйства, проходившей в Институте экономических исследований Госплана СССР в начале 1930 г. В докладе Л. М. Гатовского подчеркивалось, что регулятор хозяйства, закономерности господствующего производственного отношения и основной закон движения составляют неразрывное единство. Акцентируя внимание на законе движения советского хозяйства и выдвигая народнохозяйственный план в качестве закона движения, большинство участников этой дискуссии подчеркивали объективный характер этого закона. В докладе был поставлен принципиальный методологический вопрос, исчезают ли экономические законы с исчезновением неорганизованного общества, исчезает ли теоретическая экономия с исчезновением товарно-капиталистического хозяйства. И отвечая на этот вопрос, докладчик подчеркивал, что развитие производственных отношений, движение этих отношений должны подчиняться объективным законам: «Ведь без законов движения (в данном случае экономических законов) нет и самого движения». При этом объективные законы движения социалистического хозяйства принципиально отличаются от законов капиталистического хозяйства, поскольку они выступают как «осознанные» законы, хотя «осознание» их не отменяет их объективного характера; «народнохозяйственный план пролетарской диктатуры (речь идет не только о плановой форме, о плановом механизме, но и о содержании плана в действии) и является основным экономическим законом»³⁷.

Как видим, Л. М. Гатовский рассматривал план как объективный экономический закон, регулирующий систему производствен-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ План. хоз-во. 1930. № 4. С. 131—134.

ных отношений, что на деле означало смешение объективных и субъективных элементов в советском хозяйстве. При этом Л. М. Гатовский особо акцентировал внимание на «пролетарской диктатуре», которую он вскоре провозгласил основным экономическим законом, стараясь во что бы то ни стало угодить И. В. Сталину.

На аналогичных позициях стояли Л. И. Перимов и Б. С. Быстрицкий, хотя они проблемы регулятора общественного производства рассматривали в несколько ином аспекте. В полемике с Л. М. Гатовским они подчеркивали, что система производственных отношений, закон движения и регулятор общественного производства представляют диалектическое единство, которое не исключает, а предполагает их различие. По их мнению, закон движения общества, выражая господствующее направление внутреннего движения системы производственных отношений, не сливается с этой системой в целом. Регулятор же общественного производства представляет собой подчиненный момент закона движения общества. Все эти категории, писали они, немыслимы «одна вне и без другой, но они различны»³⁸. Л. И. Перимов и Б. С. Быстрицкий пришли к выводу, что «закон движения советского хозяйства является вместе с тем и регулятором его. Регулятор включен в закон движения. Система производственных отношений целиком определяет закон движения ее. Закон движения является вместе с тем и регулятором производства, поскольку последний есть внутренний момент закона движения»³⁹.

Рассматривая методологические вопросы закона движения переходной экономики, авторы указывали, таким образом, на «единство различий» всех моментов при характеристике народнохозяйственного плана как закона движения советского хозяйства. Они подчеркивали, что экономический закон движения переходной экономики должен включать в себя и развитие социалистических отношений, и социалистическую переделку отношений мелкоформенного уклада, и уничтожение капиталистических производственных отношений. Существование и движение этих отношений имманентно переходной экономике. Экономическая политика, план в действии, — форма их движения. «Наш план осуществляет и выражает это движение и является, следовательно, формой, или законом его. Будучи законом движения советской экономики, народнохозяйственный план является вместе с тем и регулятором производства»⁴⁰.

Концепция народнохозяйственного плана как основного закона движения переходной экономики обосновывалась также в работах Г. З. Дукора и И. С. Капитонова. В отличие от Л. М. Гатовского они особое внимание уделяли законам воспроизводства советской экономики. По их мнению, эти законы должны включаться в народнохозяйственный план, который должен вбирать все способы

³⁸ Пробл. экономики. 1930. № 10. С. 109.

³⁹ Там же. С. 114.

⁴⁰ Там же.

регулирования в переходной экономике с учетом не только целевых установок хозяйствующих субъектов, но и корректив со стороны вспомогательного способа регулирования, например со стороны стоимостной его формы. Концепция авторов состояла в том, что они рассматривали единый процесс воспроизводства хозяйственных отношений переходного к социализму общества как подчиненный единой системе регулирования, в которой, по их словам, «находит свое выражение вся специфичность экономической структуры переходного периода»⁴¹. Такой системой регулирования, охватывающей все звенья воспроизводства хозяйственных отношений переходного периода и отражающей главную специфику этого воспроизводства, является народнохозяйственный план. Принципом регулирования в нашем хозяйстве будет план, но план, «вбирающий в себя закономерности советского хозяйства, под влиянием которых складывается процесс воспроизводства всех укладов»⁴².

Однако и в такой постановке концепция плана как основного экономического закона советского хозяйства была методологически ошибочной, хотя и отличалась от концепции Л. М. Гатовского, смешавшего разнородные элементы советского хозяйства под флагом защиты пролетарской диктатуры (диктатуры И. В. Сталина). Критики концепции Л. М. Гатовского более последовательно стояли за системный подход в теории советского хозяйства.

Известным подведением итогов дискуссии среди экономистов-марксистов о природе советского хозяйства и его законов явилась статья Б. С. Борилина «К вопросу о теоретическом изучении советской экономики»⁴³. В этой статье специально подчеркивается, что для В. И. Ленина характерен общий подход к изучению переходной экономики как единой целостной экономической системы, имеется ряд опытов в смысле систематизации теории переходного хозяйства, но все-таки не существует пока общепризнанной теоретической работы, систематически раскрывающей закономерности переходной экономики.

Решение этих вопросов зависит от того, для чего нужно существование особой теоретической экономической науки, в то время как в нашей стране пробил час гибели капиталистической частной собственности, а вместе с ней, казалось, и час смерти теоретической (политической) экономики. Капиталистический способ производства нуждался в такой теоретической науке. Но нужна ли она для переходной экономики?

По мнению Б. С. Борилина, ответить отрицательно можно при условии, если встать на ту точку зрения, что имеется полная законченная социалистическая система производственных отношений, что производственные отношения полностью перестали быть

⁴¹ Дукор Г., Капитонов И. О регуляторах и «кризисах» в советском хозяйстве // Большевик. 1929. № 13—14. С. 98.

⁴² Там же. С. 102.

⁴³ Большевик. 1929. № 11.

стихийными, вырастающими и воспроизводящимися помимо сознания людей общественными отношениями. Только в этом случае, утверждал Б. С. Борилин, — не было бы необходимости в специальной теоретической науке, вскрывающей специфические закономерности существования и развития этих производственных отношений, обнаруживающей за движением «вещей» в производстве и обмене многосторонние социальные связи между людьми. Но дело в том, что переходная экономика еще не тождественна с социализмом, это экономика — переходная к социализму, наряду с социалистически организованными элементами сохраняющая (на продолжительное время) и стихийно воспроизводящиеся производственные отношения. Получается своеобразная система смешанного переходного хозяйства, находящегося в процессе борьбы и трансформации разнородных элементов. Поэтому потребность в теоретической науке, изучающей этот процесс трансформации, качественной переделки производственных отношений, — приобретает огромное познавательное и практическое значение как основа для экономической политики⁴⁴.

Б. С. Борилин правильно отмечал, что производственные отношения в любом обществе находятся в своем развитии в зависимости и связи с развитием производительных сил. И только в этой связи производственные отношения могут быть осознаны в их движении. Однако именно система производственных отношений составляет самостоятельный и существенный объект изучения в капиталистическом обществе, объект специальной теоретико-экономической дисциплины. Именно развитие существа этих производственных отношений в капиталистическом обществе в их диалектическом развитии составляет главную заслугу политической экономии К. Маркса.

С необычайной силой вскрыл К. Маркс отношения между людьми, которые составляют экономическую формацию общества, базирующуюся на определенном уровне развития производительных сил. Эти общие закономерности, отмечал Б. С. Борилин, действуют и в переходной экономике и при социализме. «В нашем переходном строе зависимость производственных отношений между людьми от уровня и развития производительных сил, конечно, не может не быть подчиненной тем же законам, как и во всей человеческой истории. Однако здесь следует отметить некоторые дополнительные обстоятельства. Если в любом обществе производственные отношения ни в какой степени не представляют собой просто пассивного отображения развития производительных сил, но обладают способностью самостоятельного обратного влияния на производительные силы, то особенно следует это иметь в виду в отношении нашего хозяйства. Сознательно регулируемые отношения между людьми служат одновременно мощным рычагом воздействия на движение производительных сил. Между управлением движением производительных сил и организацией и регули-

⁴⁴ Там же. С. 13.

рованием общественных и классовых отношений произошло такое сближение, которое мыслимо только для организованного хозяйства. В той мере, в какой растет и крепнет плановое начало в нашем хозяйстве, движение вещей перестает управлять отношениями между людьми. Поэтому, конечно, величайшей ошибкой было бы считать, что у нас овеществление общественных отношений остается такой же характерной чертой нашего хозяйства, как и капиталистического»⁴⁵.

По мнению Б. С. Борилина, переходная экономика вообще и советское хозяйство в частности еще в меньшей мере, чем какое бы то ни было другое хозяйство, могут быть представлены как система отношений между людьми, пассивно развивающаяся по фаталистическим законам воздействия производственных сил. Развитие переходной экономики — это есть одновременный процесс борьбы за утверждение данной системы производственных отношений, процесс переделки производственных отношений. Особенно для первого периода переходной экономики ясно, насколько неверно утверждение, что производственные отношения являются простым пассивным рефлексом производственных сил. В этот период речь идет о том, какой системе производственных отношений утвердиться при данном уровне развития производственных сил — капиталистической или «переходно-социалистической».

Б. С. Борилин особо подчеркивал, что борьба идет за определенную социальную форму производственных сил. Эта борьба неизбежно предполагает ясное представление того, что отличает именно данную социальную форму как таковую. Именно в этой социальной форме, в ее особенностях (уровень производительных сил, по мнению Б. С. Борилина, первое время остается неизменным) заключается существо переходной экономики. И именно в изучении процесса утверждения новой социальной формы и заключается существенный объект теории экономики переходного периода.

Б. С. Борилин выступил против смещения экономических и технических категорий. Он писал, что К. Маркс подчеркивал всюду, что экономические категории представляют собой выражение определенных типов производственных отношений между людьми, а не их отношение к природе. Экономические категории отличаются одна от другой непосредственно по тому типу производственных отношений между людьми, выражением которых они являются. Только опосредственно разные экономические категории отражают и разные технические уровни. Для определения данной экономической категории поэтому вполне достаточна характеристика типа отношений между людьми без привлечения моментов техники, отношений человека к природе. «Все это имеет непосредственное отношение и к проблеме изучения экономических категорий нашего советского, переходного хозяйства. И здесь игнорирование производственных отношений между людьми, яв-

⁴⁵ Там же. С. 14.

ляющихся специфическим объектом теории переходного периода, мстит за себя. Существующая система производственных отношений не может быть просто „сведена“ к уровню производительных сил»⁴⁶.

Производственные отношения являются предметом теории переходного хозяйства, подлежащим тщательному исследованию. За движением производительных сил, за движением и накоплением богатства, за движением вещей экономист, изучающий советское хозяйство, должен с величайшей тщательностью раскрывать социальные, производственные, классовые отношения людей.

Б. С. Борилин считал, что количественный рост богатства, производительных сил сопровождается появлением и развитием тех или иных качественных изменений в общественных отношениях между людьми. Именно эти качественные изменения в общественной структуре должны составлять специальный объект теоретического изучения. Каждое производственное отношение, как и вся система производственных отношений любого общества, представляет собой исторически обусловленное и потому преходящее явление. Это требование понимания исторического характера изучаемых производственных отношений с еще большей силой должно быть подчеркнуто в отношении советского хозяйства.

Таким образом, несмотря на ошибочность отрицания теоретической политической экономии для «законченной» социалистической темы производственных отношений, Б. С. Борилин правильно определял задачи теории переходной экономики — теории советского хозяйства. В результате дискуссий сформировалось марксистско-ленинское понимание природы советского хозяйства как «смешанной» и в то же время планомерно организованной системы, которая использует товарно-денежный механизм в целях регулирования народнохозяйственных пропорций. Концепция плана как основного закона и регулятора советского хозяйства была постепенно преодолена, а идея объективности экономических законов стала основой становления политической экономии социализма.

2. Соотношение теории советского хозяйства и политической экономии социализма

Вопрос о природе и сущности основного экономического закона социализма тесно связан с общей концепцией принципов социалистического хозяйствования. Он не может решаться в отрыве от трактовки сущности социалистического хозяйства и поэтому не имеет однозначного решения. На разных этапах развития нашего хозяйства вопрос о сущности основного закона решался различно в зависимости от того, какие объективные условия определяли социалистическое строительство. Преобладающее влияние та или иная концепция получала в зависимости от соотношения классово-

⁴⁶ Там же. С. 15.

вых сил и ступеней развития социалистического производства. Так, концепция «закона трудовых затрат» имела влияние на первых порах переходного периода, когда доминировали натурально-хозяйственные элементы. Концепция «закона стоимости» преобладала в период перехода к нэпу и утверждения в советской экономике товарно-денежных отношений. Концепция «двух регуляторов» Е. А. Преображенского и «двуединого регулятора» А. Ф. Кона появилась во второй половине 20-х годов в связи с завершением восстановительного периода, когда все более утверждалось плановое начало в советской экономике, но существовали еще и стихийные тенденции экономического развития. Ведущие, главные направления в трактовке основного закона и регулятора общественного производства («план» и в особенности «диктатура пролетариата») в экономической литературе 20-х годов все более приобретали влияние по мере ликвидации многосекторной экономики и утверждения фундамента социализма в экономике страны.

Следует отметить, что подобная смена различных трактовок основного экономического закона отражала и своеобразие в постановке и решении главных направлений социалистического строительства. Переломным явился 1929 год, когда отказались от нэпа и стали строить специфическую командно-волевою систему управления экономикой страны. Уже в этот период наметились те деформации основ социализма, которые принесли нечислимые жертвы во имя нового общественного строя. Концепция «диктатуры пролетариата» как основного закона отражает деформацию принципов планового руководства в сторону бюрократически-казарменного метода построения социализма. С концепцией «диктатуры пролетариата» как основного закона движения советской экономики выступили К. В. Островитянов, Л. М. Гатовский, Л. А. Леонтьев и другие теоретики того периода, которые опирались на трактовку этого вопроса, данную И. В. Сталиным и его окружением. Так, К. В. Островитянов писал: «Именно пролетарская диктатура, руководимая нашей партией, осознает заранее при помощи марксистско-ленинской теории объективные закономерности нашего развития, различные тенденции и противоречия, борющиеся в нашей переходной экономике, на основе этого намечает основные линии своей экономической политики, которые и осуществляет затем посредством такого могучего орудия, как план»⁴⁷.

К. В. Островитянов подчеркивал, что наше общество господствует над объективными законами. «Передельвая экономику, индустриализируя страну, коллективизируя сельское хозяйство и ликвидируя капиталистические элементы», диктатура пролетариата изменяет производительные силы и производственные отношения. Таким образом, «пролетарская диктатура, руководимая нашей партией, вызывает к жизни новые производительные силы

⁴⁷ Островитянов К. В. К вопросу об изучении закономерностей советской экономики // Вестн. Ком. акад. 1933. № 4. С. 15.

и производственные отношения с присущими им новыми закономерностями и в этом смысле... определяет закономерности нашего развития»⁴⁸.

С еще большей определенностью выступил Л. М. Гатовский. Он делает вывод, что основным экономическим законом и регулятором общественного производства может быть только диктатура пролетариата. Следует «именно диктатуру пролетариата, а не план (хотя бы в формулировке „план пролетарской диктатуры“) рассматривать как основной закон развития советской экономики, т. е. как ее сущность, как основу развития»⁴⁹.

Как видим, К. В. Островитянов, Л. М. Гатовский, Л. А. Леонтьев и другие в угоду И. В. Сталину возвели «диктатуру пролетариата» как форму политического правления, опирающуюся на неограниченное законом насилие, в основной объективный экономический закон советского хозяйства вплоть до «окончательной» победы социализма. Наметившаяся было тенденция к объективной трактовке регулятора и основного закона движения советского хозяйства в конце 20-х годов была по существу «раздавлена» апологетами сталинизма, выдвинувшими Советское государство на уровень «творца» объективных экономических законов, политические же факторы при этом рассматривались в качестве самих этих законов. Юридические акты Советского государства были также провозглашены «объективными» законами, а Конституция 1936 г. объявлена основным экономическим законом социализма.

В этой связи следует отметить, что И. В. Сталину не принадлежит «заслуга» провозглашения диктатуры пролетариата основным экономическим законом социализма. Он только указывал, что учение о диктатуре пролетариата есть якобы главное содержание ленинского учения о социалистической революции и построения социализма. Еще в 1924 г. И. В. Сталин провозгласил, что «сохранить победу и двинуться дальше к окончательной победе социализма революция уже не в состоянии, если она не создаст на известной ступени своего развития специального органа в виде диктатуры пролетариата, в качестве своей основной опоры»⁵⁰. В этом многие последователи И. В. Сталина видели основу для провозглашения диктатуры пролетариата не просто политической властью, опирающейся на неограниченное никаким законом насилие, но и самой экономической властью, основным объективным экономическим законом. Тем самым линия Сталина на удушение своих политических противников была доведена до абсурда ссылкой на «неограниченность законом» насилие. Провозглашение диктатуры пролетариата основным законом социализма имело целью во что бы то ни стало оправдать режим личной власти под

⁴⁸ Там же. С. 23.

⁴⁹ Гатовский Л. М. О некоторых вопросах теории советского хозяйства // Пробл. экономики. 1932. № 8. С. 38.

⁵⁰ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 27.

флагом его «объективности» и даже «необходимости» для всего периода социалистического строительства.

Не подлежит сомнению, что на первых порах Сталину импонировала такая постановка проблемы, хотя не он был ее автором. Методологически она восходит к трактовке социализма как «государства-хозяйства», в котором политические функции настолько тесно переплетаются с функциями экономическими, что происходит якобы полное «слияние» государства с функционированием производственных отношений.

Подобное истолкование функций социалистического государства («диктатуры пролетариата») давал, в частности, Н. И. Бухарин, который писал: «Это — *последняя* историческая форма государства, где оно в конечном счете погружается в общество и растворяется в нем. Следовательно: 1) это есть организация господствующего класса, пролетариата; 2) эта организация имеет своей экономической функцией расширение воспроизводства социалистических производственных отношений; 3) она является всеобщей, самой широкой и универсальной организацией пролетариата, руководимого авангардом — партией; 4) она монополизирует все средства физического принуждения и духовной переработки людей; 5) ее непосредственной функцией является подавление сопротивления эксплуататоров, их разгром и ликвидация; эта функция решительной и беспощадной классовой борьбы, доведенной до конца, есть, разумеется, *важнейшая предпосылка для всего остального*»⁵¹. Тем самым Н. И. Бухарин способствовал утверждению в марксистских кругах представления о неограниченности власти диктатуры пролетариата и ее «экономической власти» как якобы слившейся с расширенным воспроизводством социалистических производственных отношений.

Разумеется, нельзя смешивать расширительную трактовку функций и роли диктатуры пролетариата в работах И. В. Сталина и Н. И. Бухарина. Последний делал акцент на переходящем характере диктатуры пролетариата как *последней* формы государственности, уступающей место безгосударственному и бесклассовому коммунистическому обществу, хотя и подробно расписывал процесс «огосударствления» хозяйственной жизни в эпоху диктатуры пролетариата. Н. И. Бухарин писал: «При пролетарской диктатуре *государство сливается с хозяйством*: основные рычаги хозяйства, все важнейшие сферы его — в руках пролетарского государства; государственная организация есть хозяйственная организация; управление социалистическим хозяйством есть непосредственная функция государства, борющегося за преодоление классовых противоположностей. Здесь, следовательно, принципиально другое соотношение между „обществом“ и „государством“, между „политикой“ и „экономикой“, между „управлением людьми“ и „управлением вещами“. Развитие производительных сил в таких условиях и победоносный ход классовой борьбы готовят

⁵¹ Бухарин Н. И. Избр. труды. История и организация науки и техники. С. 217.

систематический переход к поглощению политических функций функциями административно-хозяйственными, т. е. переход к бесклассовому и безгосударственному коммунистическому обществу. Таким образом, по всем своим основным функциям и тенденциям развития диктатура пролетариата вообще не может идти в ряд с другими типами государственной власти, ибо она, понимаемая исторически, уже выходит за пределы государства, как таковое»⁵².

Давая расширительную трактовку экономических функций диктатуры пролетариата, Н. И. Бухарин особо подчеркивал необходимость исторического подхода к ним. Он рассматривал «слияние» государства с хозяйством как процесс постепенного преодоления политических функций государства как надстройки и неизбежность «растворения» его в «административно-хозяйственных функциях». Эти функции понимались им как переход к отмиранию всякого государства, что «будет создавать самодисциплину, мало-помалу вытесняющую не только остатки классового принуждения, но и авторитаризма вообще»⁵³.

Административно-хозяйственные функции в трактовке Н. И. Бухарина нельзя смешивать со сталинским пониманием административно-хозяйственной системы, ибо последняя как раз и составляет основу «авторитаризма», против которого боролся Н. И. Бухарин. И хотя основой административно-хозяйственной системы является «слияние» государства и хозяйства, ни Н. И. Бухарина, ни В. И. Ленина нельзя считать создателями этой системы, ибо она органически присуща всякой государственности. Преодоление последней предполагает не только ликвидацию АХС, но и ее экономической основы — «огосударствления» всех видов хозяйственной деятельности. Постановка вопроса Н. И. Бухариным предполагала ликвидацию административно-хозяйственной системы вместе с ее основой — остатками классового принуждения и авторитаризма. Административно-хозяйственные функции в понимании Н. И. Бухарина означали ликвидацию государства как формы политической надстройки и переход к общественному самоуправлению.

Напротив, И. В. Сталин стоял за укрепление административно-хозяйственной системы всеми возможными способами, утверждая авторитаризм и унитарный характер Советского государства. Он выступил с опровержением учения классиков марксизма-ленинизма о неизбежности отмирания государства с переходом к коммунистическому обществу, ссылаясь на якобы односторонний характер этого учения, не учитывающего возможность построения коммунизма в одной стране при наличии капиталистического окружения. Чтобы придать видимость научности своим рассуждениям о неизбежности сохранения государства диктатуры пролетариата в условиях коммунизма, И. В. Сталин намекает на то, что

⁵² Там же. С. 218.

⁵³ Там же. С. 219.

В. И. Ленин в работе «Государство и революция» намеревался обобщить опыт русских революций, но не успел этого сделать, а потому эту проблему должны решить его ученики, имея в виду самого себя, ибо «было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения»⁵⁴.

Разразившись отборной бранью по адресу «троцкистско-бухаринской кучки шпионов, убийц и вредителей», Сталин стал упрекать тех марксистов, которые считали, что раз эксплуататорские классы уничтожены, «социализм в основном построен», то при переходе к коммунизму нужно содействовать отмиранию социалистического государства. Такая постановка проблемы, заявил И. В. Сталин, «возникла на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений марксизма о государстве»⁵⁵. Пытаясь подправить и «развить» марксистско-ленинское учение о государстве, И. В. Сталин говорил о его «общем и абстрактном характере», поскольку оно «отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка»⁵⁶. Поэтому, утверждал И. В. Сталин, государство «сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки»⁵⁷. Естественно, что государство «не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим»⁵⁸.

Такое «развитие» марксизма-ленинизма было продиктовано стремлением во что бы то ни стало «насадить» коммунизм с помощью государства уже в предвоенный период. Но от этого не меняется несостоятельность критики утверждения о несовместимости государства и коммунизма, а попытки объявить Советское государство «провозвестником» коммунизма привели к отказу от самой идеи «диктатуры пролетариата», ибо ее никогда не было в нашей стране, а было авторитарное государство, враждебное интересам народа.

В настоящее время термин «диктатура» устраняется из программ коммунистических и рабочих партий, ибо опыт нашей страны показал, что этот термин служил для оправдания всякого произвола и беззакония. Нельзя согласиться и с термином «общенародное государство», ибо всякое государство ненародно и не-свободно. В наших условиях нужно ставить проблему «правового

⁵⁴ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 643.

⁵⁵ Там же. С. 641.

⁵⁶ Там же. С. 643.

⁵⁷ Там же. С. 646.

⁵⁸ Там же.

государства», ибо только на базе народного правосознания может существовать подлинно демократический строй. Мораль и право — вот что характерно для первой фазы коммунизма, для демократического самоуправления. Никакие ссылки на «капиталистическое окружение» не могут оправдать всемогущество класса бюрократии, выросшего в условиях культа личности под флагом «диктатуры пролетариата». Лишь для переходного периода термин «диктатура пролетариата» имеет реальный смысл и содержание, на что и обращали внимание классики марксизма-ленинизма.

С провозглашением диктатуры пролетариата основным экономическим законом социализма начался упадок теоретических исследований в области политической экономии. Об этом свидетельствует, в частности, статья Л. М. Гатовского «О некоторых вопросах теории советского хозяйства», в которой анализ экономических отношений подменялся выдвиганием разного рода политических факторов под флагом защиты «единства» экономики и политики⁵⁹. Даже после тщательного редактирования этой статьи при переиздании своих работ Л. М. Гатовский счел необходимым сделать следующий комментарий: «После создания государственного социалистического сектора экономики существовало противоречие между социалистическим путем развития экономики страны (экономическая закономерность социалистического обобществления производства) и тенденцией капиталистического развития, представленной капиталистическим укладом при наличии товарно-капиталистической тенденции у крестьянства. Существование этих двух путей и противоречий между ними не исключало, а предполагало, что экономика переходного периода составляла не две или три системы, а единую хозяйственную систему, направляемую социалистическим сектором и Советским государством. Преодоление указанного противоречия в экономике путем социалистического обобществления производства было неразрывно связано с преодолением путем индустриализации противоречия между технико-экономической отсталостью страны и советским общественным строем»⁶⁰.

Комментарии, как видим, излишни. Насильственное подавление «товарно-капиталистической тенденции крестьянства», приведшее страну на грань экономической катастрофы, видится автору единственно возможным путем «социалистического процесса обобществления производства», который без обиняков выдается за «единственно возможный путь социалистических преобразований». Направляющая деятельность «Советского государства», т. е. насильственное подавление всяких иных альтернативных возможностей социалистического развития, также выдается за единственно возможное в нашей стране направление социалистического развития, причем тщательно умалчивается о неисчисли-

⁵⁹ Пробл. экономики. 1932. № 8.

⁶⁰ Гатовский Л. М. Вопросы развития политической экономии социализма. М.: Наука, 1979. С. 11.

мых жертвах, отданных народом во имя этого «единственного» пути. «Основной закономерностью развития экономики переходного периода явился планомерный процесс ее социалистического обобществления. Этот объективно обусловленный процесс базировался на интенсивном развитии производительных сил — индустриализации страны и в свою очередь сам представлял собой экономическую основу для ограничения, вытеснения и ликвидации капиталистического сектора хозяйства»⁶¹.

Очевидно, что Л. М. Гатовский извращает само понятие «социалистического обобществления». Он явно отождествляет этот процесс с ростом национализации, с «огосударствлением» средств производства, хотя обобществление «на деле» есть не просто скопление средств производства в руках государства, но прежде всего рост демократических форм управления ими. Л. М. Гатовский искажает ленинизм, подменяет его сталинистским «государственным» нажимом во имя якобы социалистического и коммунистического строительства. Оправдывая сталинистские методы «подстегивания» социалистического развития, всесилые «управленческого слоя» в деле хозяйственного строительства, Л. М. Гатовский преподносит их под видом «закона социалистического обобществления». Его историческое оправдание всего пути развития нашей страны путем «огосударствления» национализированной промышленности в корне противоречит ленинскому плану построения социализма в нашей стране — плану постепенного и демократического обобществления при ведущей роли государства, но никак не превращения социализма в «государственный социализм». Последний вырос на почве бесчеловечного подавления народной воли, прав и самосознания, без которых «государственный социализм» становится средством ликвидации социалистических завоеваний. Организация хозяйства путем насилия над многомиллионными массами населения есть не социалистический путь развития, а ликвидация идеалов социализма.

Не случайно Л. М. Гатовский, Л. А., Леонтьев, К. В. Островитянов, А. И. Пашков и другие всячески превозносили роль «социалистического государства» как главной силы «созидания» объективных экономических законов, роль «диктатуры пролетариата» в качестве «творца» этих законов. Установление полного режима личной власти они считали единственно возможной объективной закономерностью социалистического строительства, ибо они явно отождествляли объективные законы с юридическими законами, зафиксированными в «сталинской конституции» 1936 г. Эта конституция, закрепившая единоличное сталинское руководство, провозглашалась «венцом» социалистических преобразований, «концом» переходного периода и утверждением «фундамента социализма». Такое апологетизирование закончилось провозглашением тезиса, что политическая экономия социализма уже создана, и ее создателем объявлялась личность

⁶¹ Там же. С. 12.

И. В. Сталина. Л. А. Леонтьев писал о «сталинском этапе в политической экономии», а А. И. Пашков заявил о том, что политическая экономия социализма полностью или частично уже создана и реально существует в нашей стране. При переиздании своих работ А. И. Пашков писал, что в 30-е годы «считалось бесспорным» положение о том, что объективные законы экономического развития «сознательно творятся пролетариатом, они не лежат вне нас самих, как заявляют оппортунисты, но они объективны в том смысле, что они необходимы для осуществления сознательно поставленной пролетариатом цели»⁶².

Положение о «творении» диктатурой пролетариата законов социалистического экономического строя проводилось под флагом оправдания всех мер, которые И. В. Сталин провозгласил в качестве «основного закона» социалистического развития. Можно себе представить, как были удивлены апологеты сталинизма в январе 1941 г., когда на Совещании в ЦК ВКП(б) И. В. Сталин сам заговорил о наличии ряда объективных законов социализма, в частности «закона стоимости в преобразованном виде». Основные моменты и результаты этого совещания нашли отражение в 1943 г. в редакционной статье «О преподавании политической экономии» в журнале «Под знаменем марксизма»⁶³. В этой статье впервые было сказано о том, что в социалистической экономике существуют некоторые объективные законы, в частности закон стоимости. Эта статья была замечена за рубежом и впоследствии стала объектом оживленных дискуссий.

Разумеется, некоторое оживление теоретической мысли после беспардонного восхваления «индустриализации», «коллективизации», «культурной революции» как объективных законов социализма, послужило росту позитивных моментов в политической экономии социализма, но это оживление было временным, не оказавшим коренного изменения ее как орудия сталинизма. Политическая экономия социализма во все последующие годы вплоть до ноябрьской дискуссии 1951 г. находилась в крайне плачевном состоянии, едва ли заслуживала звания науки. Она заполнялась грудой бессодержательных напыщенных фраз, будучи совсем отрезанной от живой советской действительности. Она не только не «опережала» действительность, но и плелась в хвосте частных экономических наук, которые имели тенденцию впадения в «управленчество» и «технизм».

В то же время появились первые опыты создания экономико-математических моделей соизмерения затрат и результатов в социалистическом хозяйстве. Мы можем гордиться тем, что в самые трудные годы беззастенчивого апологетизирования сталинизма такие ученые, как Л. В. Канторович, А. Л. Лурье, В. В. Новожилов, В. С. Немчинов и другие, упорно пробивали глухую стену «технизма» и ставили проблемы народнохозяйственной значи-

⁶² Пашков А. И. Вопросы экономической науки. М.: Наука, 1973. С. 458.

⁶³ Под знаменем марксизма. 1943. № 7—8.

мости, в частности при разработке теории сравнения плановых вариантов. Выдвинутое советскими учеными понятие норматива эффективности капитальных вложений как основы планового распределения ресурсов между конкурирующими целями во многом опередило аналогичные разработки за рубежом, что ныне признается всеми историками экономической науки XX в. Открытие линейного программирования и формулирование ряда экономико-математических задач стали крупной вехой в истории советской науки ⁶⁴.

Как известно, ноябрьская дискуссия 1951 г. вызвала определенный подъем советской экономической науки, но материалы дискуссии (а их было 15 томов) не были опубликованы. Зато с громким пафосом была встречена книга И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», которая претендовала на обобщение всей дискуссии и на задачи ориентирования исследований в области политической экономии. А пафос этот заключался в провозглашении «объективного характера» действия экономических законов социализма и в формулировании некоторых из этих законов, включая основной закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития, закон стоимости и т. д. Была поставлена задача создания субординации экономических законов, более точного определения самого предмета политической экономии социализма. При этом Сталин в ответе Л. Д. Ярошенко не преминул еще раз лягнуть «богдановщину» только за то, что Л. Д. Ярошенко поставил задачу создания научной теории организации производительных сил как одного из аспектов самого предмета этой науки.

В работе И. В. Сталина нельзя не видеть, что она ставила своей целью под видом «объективной» трактовки экономических законов социализма оправдать субъективистский подход к задачам построения социализма («мы все можем», «нам все нипочем»), которые призваны были «закрепить» установки сталинизма на оправдание дикого произвола и насилия над объективной экономической реальностью. Продолжалась линия на «свертывание» товарооборота и замены его прямым продуктообменом, осуждалась кооперативно-колхозная собственность, которая стала якобы главным тормозом на пути социалистического развития.

Ни слова не было сказано о ленинских принципах социалистического хозяйствования, предполагавших развитие товарно-денежных отношений в ходе социалистического строительства, а сама сфера товарно-денежных отношений сводилась только к продаже предметов потребления: средства производства исключались из сферы товарного производства и обращения. Как потом ретивые сторонники сталинизма утверждали, что «отрицание» товарной формы орудий и средств производства было и в самой работе: товарно-денежные отношения рассматривались как нечто противо-

⁶⁴ См.: Канторович Л. В. Математические методы организации и планирования производства. Л.: Изд. ЛГУ, 1939.

положное по отношению к системе экономических отношений, а последние суживались до так называемой трехчленной формулы, исключаящей из политической экономии отношения потребления⁶⁵. Да и трактовка «формы собственности» как главного объекта политической экономии была не развернута, а собственность на средства производства толковалась в качестве предпосылки и суживалась, исключая анализ всех ее важнейших градаций (владение, распоряжение, пользование и т. п.). Лишь в современных условиях преодолеваются тяжелые последствия сталинизма в трактовке социалистической собственности⁶⁶.

Теоретические установки И. В. Сталина были «разжижены» и «размазаны» на целый том «учебника» по политической экономии, вышедшего уже после смерти И. В. Сталина, в 1954 г.⁶⁷ В нем ничего не было сказано о тех реальных экономических проблемах, которые поднимались в ходе дискуссии при обсуждении реальных проблем социалистического хозяйствования. Крайне субъективно и с позиций оправдания сталинизма освещались пути развития политической экономии социализма, а чисто талмудистское толкование системы экономических законов крайне обедняло само содержание политической экономии как науки. По существу и в этот период вплоть до XX съезда партии ставились под сомнение возможные альтернативы сталинистским методам хозяйственного руководства, причем эти методы превозносились как «вершина» мировой экономической науки. Начисто были забыты ленинские принципы социалистического хозяйствования: они подменялись размазыванием «достоинств» индустриализации и сплошной коллективизации.

Пренебрежительное отношение некоторых ученых во главе с К. В. Островитяновым к крестьянству сказалось не только в трактовке кооперативной собственности как будто бы низшего сорта социалистической собственности, но и в трактовке колхозного сектора как якобы разновидности натурального хозяйства, в котором не надо считать ни издержки производства, ни прибыль, ни эффективность самого хозяйствования. Хотя и говорилось кое-что о дифференциальной ренте, но начисто отрицалась насущная потребность в экономической оценке земли и других природных богатств. Последние считались по-прежнему неисчерпаемыми, хотя все более становилось ясным, что расхитительство и пренебрежительное отношение к природопользованию не только не возбранялось, но всячески поощрялось ввиду полного отсутствия экономических методов регулирования использования природных ресурсов.

Последующие дискуссии вплоть до XX и XXII съездов КПСС носили крайне отвлеченный и талмудистский характер, поскольку

⁶⁵ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 73.

⁶⁶ См.: Очерки политической экономии социализма / Под ред. акад. И. П. Федоренко. М.: Наука, 1988. С. 125—159.

⁶⁷ Политическая экономия: Учебник. М.: Госполитиздат, 1954.

предполагалось, что процесс использования экономических законов есть прерогатива государства как якобы «верховного» руководителя всей экономической жизнью страны. Старый тезис о диктатуре пролетариата как основном экономическом законе социализма возрождался в новой форме в виде превознесения государственной собственности как основы всего экономического строя. При этом «государственный социализм» объявлялся чуть ли не откровением советской экономической и политической мысли, а субъективистские просчеты и насилие по отношению к «простому народу» возводились в ранг объективных экономических условий хозяйствования. Проблема рационального ведения хозяйства, принцип достижения максимальных результатов при наименьших затратах объявлялись чуть ли не капиталистическим принципом хозяйствования и изгонялись из политической экономии как теоретической науки. Рациональное хозяйство не признавалось объективной необходимостью, ему отводилась второстепенная роль.

Преодоление культа личности, начатое XX съездом партии, привело и к критическому подходу к наследию сталинизма в области экономической науки. Но «очищение» ее от завалов сталинизма шло крайне медленно: этому упорно сопротивлялись сталинистские «лидеры» политической экономии, а проблемы рационального хозяйствования все еще отодвигались на задний план по сравнению с административно-хозяйственными методами руководства⁶⁸. Переломный момент наступил в 1960 г. после Первого Всесоюзного совещания по применению математических методов и электронно-вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании. Обнаружилось, что в арсенале экономической науки имеются мощные орудия экономического анализа и руководства, что советская наука вопреки мнению К. В. Островитянова, С. Г. Струмилина, Л. А. Леонтьева, А. Я. Боярского, А. И. Каца и многих других может и должна стать основой подлинно научной политической экономии, включающей в качестве основы научные методы планирования и руководства социалистическим хозяйством.

Идеи В. С. Немчинова, Л. В. Канторовича, В. В. Новожилова, А. Л. Лурье и многих других зачинателей обновления социалистического строя хозяйственных отношений и методов научного руководства хозяйством получили широкий отклик как в нашей стране, так и за рубежом⁶⁹. «Неприятие» этих достижений в тот период объяснялось не недостатками самих методов хозяйствования, а их непримиримостью с косностью и рутинной, отвратительным попранием достижений науки в годы так называемой брежневщины, которая была оборотной стороной сталинизма. Лишь героическими

⁶⁸ Об этом свидетельствует и третье издание учебника «Политическая экономия» в 1958 г.

⁶⁹ Подробнее см.: *Шулов Н. С., Календзян С. О.* Анализ экономических отношений социализма. М.: Наука, 1988. С. 178—212.

усилиями передовых ученых того поколения может быть объяснен тот факт, что в годы «застоя» лишь теоретическая политическая экономия топталась на одном месте, в то время как «подспудно» назревали коренные сдвиги в экономической науке. Преследование передовых ученых не могло не сказаться на общем уровне теоретической экономики, но она все более обогащалась достижениями экономико-математического направления, ставшего «венцом» всех достижений советской экономической науки.

Огромным шагом вперед даже в годы «застоя» и провозглашения культа личного обогащения явилось создание теории оптимального функционирования социалистической экономики (СОФЭ), которая начисто перевернула все обедненные постановки экономико-математических и любых задач при решении проблем социалистического хозяйствования. Подробное освещение этих достижений не входит в нашу задачу, но переход от обсуждения формальных проблем математического инструментария к обсуждению целостной системы социалистического хозяйствования и развития были настолько разительны, что многие политэкономы (да и не только политэкономы) страшились самой постановки содержательных аспектов СОФЭ. Последнюю даже некоторые сторонники экономико-математического направления пытались представить всего лишь как одну частную экономическую дисциплину, не претендующую на общефилософское, социально-политическое и политико-экономическое обоснование коренных проблем экономики социализма. Между тем именно сторонники СОФЭ стоят на передовом фланге политической экономики, показав, что такие понятия, как целевая функция, объективно обусловленные оценки, социально-экономический оптимум суть не прерогатива какой-то частной науки о плановом управлении с помощью математических методов, а главное содержание политической экономики социализма.

Политическая экономия социализма призвана глубоко исследовать социально-классовую структуру советского общества, его противоречия и конфликты, интересы рядовых тружеников, которые никогда не были объектом научно-теоретического изучения. В большинстве учебников человеку отводилась второстепенная роль: главное внимание уделялось поведению «массы» с позиций выдуманных или плохо сформулированных глобальных экономических категорий и законов. Все внимание уделялось «субординации» этих категорий и законов, оторванных от реальных социально-экономических отношений и самой человеческой личности. В учебниках содержались красочные описания социалистического и коммунистического строя, которые не имели ничего общего с реальностью, с нуждами и чаяниями «простого народа». На деле наш строй не имел ничего общего с помпезными, претенциозными, апологетическими описаниями жизни и быта советских людей, содержащимися в этих учебниках. Возникло явное противоречие между теорией и практикой, и партия прямо указала на то, что мы плохо знаем закономерности того общества, в котором мы живем, особенно экономические.

Естественно, что в этих условиях потребовалось новое экономическое мышление, которое заключалось бы в подлинно научном и правдивом изучении реальной экономической жизни, реального положения человека в нашем обществе. Все предыдущие экономические исследования ориентировались скорее на должное, чем на сущее, но и должное освещали в ложном свете. Новое экономическое мышление в аспекте должного призвано ориентироваться на создание условий для всестороннего и гармонического развития человеческой личности как верховной «цели в себе», как подлинной «самоценности». Недостатка в призывах «все во имя человека и для блага человека» не было и раньше, но экономика работала не на человека, а на самое себя, вращаясь в кругу «производства ради производства». При этом забывалось, что даже «производство ради производства» имеет своей конечной целью развитие производительных сил человечества, т. е. *«развитие богатства человеческой природы как самоцель»* ⁷⁰. В этом отношении все советские учебники по политической экономии представляли собой шаг назад не только по сравнению с учебником А. А. Богданова, но и по сравнению с учебником М. И. Туган-Барановского, провозгласившего *ценность и равноценность* человеческой личности главным основанием политической экономии как единой науки: «*Всякая человеческая личность есть верховная цель в себе, почему все люди равны как носители святости человеческой личности. Это и определяет верховный практический интерес, с точки зрения которого может быть построена единая политическая экономия. . .*» ⁷¹

Несомненным достоинством нового учебника по политической экономии, вышедшего в 1988 г. под ред. В. А. Медведева, является выделение главы «Человек в системе современного общественного производства». Это означает, что авторы правильно поняли главный социальный заказ, поставленный народом перед учеными-экономистами. В системе политической экономии человек должен занимать центральное место, ему должны быть подчинены все рекомендации по совершенствованию производственных отношений. В этом отношении новый учебник делает определенный шаг вперед по сравнению со всеми предыдущими учебниками, в которых человеческая личность принималась в качестве простого лозунга, а не подлинного предмета экономической науки. В новом учебнике отчетливо определена роль человека как главного фактора и конечной цели общественного производства. При этом справедливо подчеркивается, что *«работник, выступая как носитель (субъект) экономических и других общественных отношений, всегда функционирует в исторически определенной социально-экономической форме»* ⁷². Ясно и недвусмысленно заявлено, что

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. II. С. 123.

⁷¹ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. СПб., 1911. С. 26.

⁷² Политическая экономия: Учебник для высших учебных заведений. М.: Политиздат, 1988. С. 124.

развитие личности, богатство и разнообразие ее способностей и потребностей — обобщающий критерий экономического и социального прогресса.

К сожалению, эти глубокие определения, сделанные во вступительном разделе, не получили должного развития при анализе целевой функции социалистического хозяйства. Кратко упомянув о человеческих способностях и потребностях как элементах целевой функции, авторы не уделили должного внимания системе общечеловеческих ценностей, составляющих главное содержание целевой функции. Краткое упоминание о духовных факторах экономического прогресса во вступительном разделе не получило развития при анализе содержания системы общественных ценностей в качестве императива, определяющего, или, точнее, должного определять всю мотивационную структуру экономического поведения, природу и содержание всех экономических оценок (ценностей). Авторы недооценили всю сложность и многоплановость проблемы целевой функции, призванной раскрыть человеческую природу во всем богатстве ее общественных определений, условия развития и совершенствования внутреннего мира человека, проблему ликвидации отчуждения, эстетические и нравственные законы, весь мир человеческих ценностей. Человек у авторов скорее рассматривается как элемент трудового потенциала, а не как подлинная «самоценность», которой должно быть подчинено планирование и управление. Поэтому авторы воспроизводят традиционные представления о путях повышения эффективности производства, не связывая ее с человеком, придерживаются «технической» версии стоимости, не понимая значения самой «экономической ценности» и всех проблем, связанных с совершенствованием хозяйственного механизма. Они игнорируют понятия дифференциальных затрат труда и дифференциального полезного эффекта для общества, категорию объективно обусловленных оценок (о. о. оценок) и все проблемы оптимального ценообразования. Они кратко упоминают о достижениях теории оптимального функционирования экономики (СОФЭ), но не учитывают ее достижения для решения проблем социалистического хозяйствования.

В этом отношении новый учебник, по нашему мнению, значительно уступает «Очеркам политической экономии социализма» под редакцией академика Н. П. Федоренко. В этой книге поставлена задача возрождения целостного обществоведческого подхода, когда человек рассматривается не в определенном «технологическом срезе», а как живая человеческая личность, стоящая в центре общественных отношений. Даже тогда, когда человек выступает как элемент технико-экономического потенциала страны, он воспринимается не просто как «трудовой ресурс», а как вся «совокупность человеческих качеств, в том числе и социально обусловленных, делающих человека личностью — личным условием производства. Специфика технико-экономического аспекта эффективности определяется не отсечением от человека тех или иных из

этих качеств, а ролью их всех в производстве общественно полезных благ и услуг»⁷³.

Выдвижение человеческой личности в качестве цели производства — главный итог перестройки политической экономии на современном этапе. К сожалению, авторы учебника недооценивают, что проблема человека требует рассмотрения двуединого характера общественного производства, которое, с одной стороны, есть процесс изготовления продукта (аспект производительных сил), а с другой стороны — процесс производства и воспроизводства системы социально-экономических отношений, обуславливающей центральное положение человека в обществе. В отличие от авторов учебника авторы «Очерков политической экономии социализма» последовательно проводят этот коренной методологический принцип при анализе любой экономической категории, начиная с отношений собственности и кончая эффективностью общественного производства. Если в учебнике воспроизводится заскорузлая, давно устаревшая трактовка эффективности производства как отношения результатов производства к затратам живого и овеществленного труда, то авторы «Очерков» выдвигают новое понимание эффективности как отношения реальных результатов производства к потенциально возможному их уровню. Такая постановка, связывающая эффективность с ролью человека в современном обществе, несомненно более плодотворна и позволяет обеспечить переход от управления по принципу «от достигнутого» к регулированию «от возможного», что в корне изменило бы сам облик планомерного ведения хозяйства.

Приверженность авторов учебника к традиционной трактовке эффективности закрыла им путь к новому пониманию социально-экономической эффективности как степени реализации социально-экономического потенциала в широком смысле слова, охватывающего совокупность реализуемых социально-экономических отношений, обеспечивающих наивысший осуществимый уровень активности каждого члена общества как субъекта этих отношений. Этот подход включает революционную замену старых производственных отношений новым, более высоким общественным строем, принимает в качестве базы отсчета высшие цели социалистического общества, гуманистическую направленность его развития. Напротив, подход авторов нового учебника к совершенствованию производственных отношений совершенно исключает саму постановку вопроса о социальной революции, игнорирует прогностическую функцию политической экономии, призванной разработать научную социально-экономическую программу революционного действия. В учебнике даже не ставится проблема революционного преобразования сложившегося в СССР социально-экономического строя, сильно деформированного в годы застоя и не отвечающего потребностям совершенствования человеческой личности как конечной цели общественного производства.

⁷³ Очерки политической экономии социализма. С. 199.

В этом отношении новый учебник по существу не отличается от традиционной политической экономии, стремившейся сгладить все острые углы и противоречия, доказать фактическое экономическое равенство как в сфере распределения условий производства, составляющего базу отношений собственности, так и в сфере распределения доходов. За обтекаемыми формулировками выпала трактовка собственности как «высшей власти» в экономике, деформация которой лежит в основе всех возможных экономических и политических деформаций. В учебнике верно говорится, что общественная собственность исключает наличие классов и социальных групп, монополизированных присвоением средств производства, но при этом игнорируется процесс сращивания функции управления общенародным достоянием с интересами привилегированных социальных групп, что представляет собой глубинную деформацию экономического строя социализма, порождающую экономическое неравенство и фактическое отстранение широких масс трудящихся от распоряжения и управления общенародным достоянием. В учебнике вообще ничего не говорится о противоречии интересов «управленческого слоя» и интересов широких трудящихся масс, что порождает социальную напряженность в нашем обществе и глубокий экономический и политический кризис, из которого не видно выхода в ближайший период времени.

В учебнике по существу обходится проблема дифференциации доходов, порождаемая неравным положением отдельных социальных групп в распоряжении общенародным достоянием. Авторы обходят проблему ведомственности в распределении общественных фондов потребления (ОФП), которая еще более усугубляет социальное неравенство и социальную напряженность в нашем обществе. Авторы, с одной стороны, утверждают, что социализму присуща тенденция к постепенному сближению уровней доходов классов, социальных слоев и групп, а с другой стороны — игнорируют саму природу ОФП, призванных в какой-то мере сглаживать социальное неравенство на базе принципа нуждаемости, гарантирующего социальную защищенность широких масс, о чем свидетельствует и мировой опыт развитых капиталистических стран. Авторы же увязывают ОФП с оценкой текущего трудового вклада как своего рода дополнения к заработной плате и другим формам материального поощрения за труд: «... *Выплаты и льготы за счет этих фондов могут вписаться в мотивационный механизм лишь в том случае, если они тесно увязаны с результатами труда людей*»⁷⁴.

Такая постановка проблемы в корне противоречит самой природе ОФП, ибо на деле львиную долю этих фондов получают не представители трудящихся классов, а представители «управленческого слоя» в зависимости не от трудового вклада, а в силу своего служебного положения. Этот факт — ведомственность в распределении ОФП — не подлежит сомнению, и авторы напрасно стре-

⁷⁴ Политическая экономия: Учебник для высших учебных заведений. С. 413.

мятся его затушевать. Что же касается принципа распределения по труду, то его реализация обеспечивает лишь часть объективно обоснованной оценки работника. Ее величина должна определяться народнохозяйственной эффективностью труда, а не фактически «работанным рабочим временем». Объективно обусловленная оценка работника должна распадаться на заработную плату, плату за работников, установленную в централизованном порядке, и так называемый «организационно-трудовой доход», который получают предприятия за более высокую организацию труда. Что же касается ОФП, то «пристегивание» дополнительных материальных и духовных благ в качестве материального поощрения порождает противоречия не только между «управленческим слоем» и трудящимися классами, но и внутри самих трудящихся классов, порождает подозрительность и недоверие между различными слоями и социальными группами, что в корне противоречит идее равноценности человеческой личности.

Стремление авторов учебника приукрасить конфликтные ситуации в нашей стране, игнорирование самой возможности кризисных состояний свидетельствуют об утрате ими понимания прогностической функции социальной науки. Они забывают, что «для *практических* материалистов, т. е. для *коммунистов*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его»⁷⁵. Но чтобы революционизировать существующий мир, нужно глубоко раскрыть его реальные противоречия и конфликты, понять, насколько глубоко произошло сращивание интересов «управленческого слоя» с функцией бюрократического управления общенародным достоянием, в результате чего предпринятая «революция сверху» захлебнулась, и выход может состоять лишь в том, чтобы «революция сверху» переросла в подлинную социальную революцию, направленную на слом существующего «окаменения» государственно-бюрократического аппарата, стоящего на пути национального возрождения страны.

В учебнике много и красочно говорится о разнообразии интересов и стимулов, управляющих экономической жизнью, о многообразии возможных форм собственности и форм хозяйствования, о наличии многоукладности, что условно можно назвать «экономическим плюрализмом». Это несомненный шаг вперед по сравнению с предыдущими учебниками, которые игнорировали этот «экономический плюрализм» и сводили все многообразие хозяйственных форм и образований только к социализму и капитализму. Практика показала, что существующий уровень развития производительных сил может порождать самые разнообразные формы хозяйствования, которые нельзя однозначно определить как капиталистические или социалистические. В учебнике спра-

---

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 42.

ведливо говорится, что «в условиях большого разнообразия уровней развития производительных сил задача эффективного роста производства требует использования самых различных форм хозяйства, соответствующих этим уровням. Решение ее имеет чрезвычайно важное значение для экономического прогресса»⁷⁶.

Авторы справедливо отмечают, что связывание перспектив развития социалистической собственности с «огосударствлением» всех форм хозяйства и даже сферы услуг нанесло немалый ущерб экономическому развитию. Теория и практика огосударствления всех видов экономической деятельности себя «полностью дискредитировала». Но они же призывают к поиску сочетания государственной, кооперативной и индивидуальной собственности, полагая, что государство способствует укреплению и развитию социалистической системы хозяйства. Авторы обошли вопрос о том, что сращивание государственной собственности с интересами «управленческого слоя» как раз и представляет собой главную опасность для интересов широких трудящихся масс, что утвердившиеся формы «государственного социализма» представляют собой уродливое новое хозяйственное образование, исключаящее по существу демократическое самоуправление и производственную демократию, на которой должен базироваться реальный социализм.

В учебнике ничего не говорится не только о корыстных устремлениях бюрократического слоя, но и о возможности и неизбежности — в условиях господства бюрократии — разрастания хозяйственной мафии, принижения и подчинения всех хозяйственных интересов интересам этой мафии, особенно при наличии дефицита буквально всех видов хозяйственных благ. Авторы явно недооценивают роль мафии в создании «экономики нехватки», о которой пишут, например, многие зарубежные исследователи (Я. Корнаи и др.). Как ни странно, авторы обходят проблемы дефицита, роль бюрократического аппарата в создании этого дефицита, порождающего не только экономические противоречия, но и моральное разложение целых слоев современного советского общества. «Экономика нехватки» неизбежно порождает преступность и коррупцию, взяточничество и воровство, полную бездуховность в нашем обществе, которая представляет собой не только моральное зло, но и решающий фактор торможения на пути нравственного возрождения народа. В условиях «огосударствления» всех видов экономической деятельности моральное разложение упирается корнями в интересы «управленческого слоя» и мафистских кругов, против которых и должна быть направлена революционная перестройка.

Может показаться, что в нашей критике учебника мы слишком много внимания уделяем проблеме «революционаризма», несовместимого с высоким нравственным законом, с признанием абсолютной ценности человеческой личности. По этому поводу за-

---

⁷⁶ Политическая экономия: Учебник для высших учебных заведений С. 364.

метим, что даже такие защитники духовных ценностей в России, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и другие, не отрицали «символ восстания» против закрепления «реакционных форм сущего», против действительности во имя идеала, против существующей морали во имя высшей морали, против зла во имя добра. Говоря о «должном», они призывали к «вечной борьбе» с существующими формами бытия с целью достижения все высших и высших форм жизни, причем радикальная идея абсолютного долженствования в их трактовке была абсолютно несовместима с закреплением «реакционных форм» бытия. Движение к «верховой цели» они считали таким же бесконечным, каким бесконечным представляется «символ восстания» во имя нравственного закона, определяющего ход исторического процесса. Конечная цель последнего — реализация высших духовных ценностей, «святыни» человеческой личности. И хотя моральное зло не может быть отменено никакими декретами, духовное возрождение немыслимо без «вечной борьбы» добра против зла, против социального порабощения.

Перестройка политической экономики невозможна без раскрытия «реакционных форм бытия» в нашей экономической реальности, без анализа коренных противоречий, препятствующих благополучию и счастью всех членов общества. Рецензируемый учебник сделал первый робкий шаг в этом направлении, но в целом он не отражает состояния ни советской, ни зарубежной экономической науки. Слишком гладкие, обтекаемые формулировки скрывают пустоту реального содержания, ибо провозглашенные цели не получили всестороннего раскрытия. Мы не говорим о многих проблемах, затронутых авторами, но ясно одно: авторы не раскрыли реальной жизни и быта советских людей, ушли от острых проблем современности. Они не вскрыли самого главного — причин нищеты и бедности нашего народа. Они не видят и перспектив развития нашего общества, которое с большим сомнением может быть отнесено к вполне социалистическим, ибо главный критерий «социалистичности» — это обеспечение абсолютной социальной свободы личности, утверждение подлинной социальной справедливости. Ни того, ни другого мы не видим в нашей действительности. Авторы по существу ушли от решения этой кардинальной проблемы и даже не поставили вопрос о путях ликвидации отчуждения человеческой личности, обеспечения ее социальной защищенности, благополучия и процветания. Авторы пишут так, будто все эти проблемы решатся сами собой, без усилий современной науки, призванной показать реальные конфликты и пути подлинно народной социальной революции.

Задачи советских ученых определены Постановлением Первого Съезда народных депутатов СССР, в котором сказано: «Высшим смыслом деятельности Советского государства являются благополучие, духовное развитие и нравственное здоровье общества и каждого его члена. Съезд требует от государственных органов решительного поворота к человеку, к дальнейшей демократизации и гуманизации всех сфер общественной жизни, ее духовному

обновлению, последовательному проведению принципа социальной справедливости»⁷⁷.

Таким образом, политическая экономия социализма испытывает в настоящее время такое же «второе рождение», как и в 20-е годы. Она должна возвыситься до понимания своего лидирующего положения в системе общественных наук и встать на защиту интересов каждой отдельной человеческой личности. В дискуссиях 20-х годов выявилось отчетливо это основное содержание экономической науки независимо от классово-политических убеждений различных участников этих дискуссий. Постепенное превращение марксизма-ленинизма в господствующую идеологию немало способствовало утверждению этой генеральной идеи экономической науки. Последняя вопреки воле сталинистских «лидеров» политической экономии все более обогащалась опытом различных социалистических учений и вырабатывала новые подходы, вошедшие в коммунистическую идеологию в качестве основы подлинно человеческого, гуманистического социализма.

Следует отметить, что идейная борьба вовсе не привела к «деидеологизации» марксистско-ленинского учения о социализме; выбор социалистического пути осуществлялся в процессе поиска новых решений на общей платформе коммунистических идей. Попытки некоторых современных критиков марксизма-ленинизма представить 20-е годы как период «кризиса» этого учения, на наш взгляд, не имеют серьезных оснований. Напротив, именно это учение послужило базой самых разных, подчас противоположных суждений о социализме, но никто не сомневался в том, что победа Октябрьской революции была триумфом марксистско-ленинского учения о социалистической революции и путях построения социализма.

В этой связи, чтобы оттенить преимущества марксистско-ленинского учения о социализме, мы считаем необходимым рассмотреть различные немарксистские концепции социализма, существовавшие в этот период. Многие из них были враждебны этому учению, но опыт идейной борьбы в нашей стране показывает, что эти концепции только тогда имели шансы на успех, когда они в той или иной мере учитывали содержание этого учения, приспособив к нему ряд своих собственных размышлений. В том случае, когда они были ему враждебны, они сходили с исторической арены.

---

⁷⁷ Правда. 1989. 25 июня.

НЕМАРКСИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛИЗМА

Среди многочисленных течений в рамках социалистического мировоззрения К. Маркс и Ф. Энгельс особо выделили консервативный, или буржуазный, социализм. Социально-экономические корни этого течения заключались в том, что «известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества»¹.

В качестве примера консервативного, или буржуазного, социализма К. Маркс и Ф. Энгельс приводили прудонизм. Именно это течение воплотило наиболее полно основные черты буржуазного социализма как течения, стремившегося реформировать капитализм с позиций псевдореволюционной фразы, не подрывая коренных устоев этого строя (при всех яростных атаках на буржуазную собственность). К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата. Тот мир, в котором господствует буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров. Буржуазный социализм разрабатывает это утешительное представление в более или менее цельную систему. Приглашая пролетариат осуществить его систему и войти в новый Иерусалим, он в сущности требует только, чтобы пролетариат оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном»².

И далее: «Другая, менее систематическая, но более практическая форма этого социализма стремилась к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм пони-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 453.

² Там же. С. 454.

мают отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем же случае — лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство»³.

Многочисленные течения в рамках консервативного, или буржуазного, социализма были далеко не однородными, но все они не принимали классовой борьбы, социальной революции. Некоторые представители буржуазного социализма признавали даже преимущества общественной собственности на средства производства, при этом, правда, не указывались конкретные пути ее реализации. Буржуазный социализм, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, — в интересах рабочего класса»⁴. Этот парадокс отражал суть самых разнообразных реформаторских устремлений представителей буржуазного социализма.

В своем историческом развитии буржуазный социализм принимал самые разные формы — государственный социализм, кооперативный социализм, муниципальный социализм, коммунальный социализм, синдикальный социализм и, наконец, анархизм. При этом «чистых» форм буржуазного социализма не было: они так или иначе переплетались между собой, отрицали самое главное — революционный путь ликвидации буржуазных отношений с их сердцевинной — частнокапиталистической собственностью на условия и продукты производства.

В нашу задачу не входит анализ всех течений в рамках буржуазного социализма. Отметим лишь, что возникновение научного социализма привело к «перегруппировке сил», т. е. буржуазный социализм уже не мог игнорировать достижения научного социализма, в том числе и его экономической теории. Буржуазные ученые сознательно или бессознательно иногда сами становились на почву марксизма и «по Марксу» пытались доказать совместимость реформаторских устремлений либеральной буржуазии с научным социализмом. Элементы социализма в буржуазных экономических концепциях заняли видное место, так что даже противники К. Маркса отдавали ему «предпочтение» в трактовке экономических категорий и в то же время «не признавали» его социально-экономические обоснования пролетарской революции. В Германии этот вид буржуазного социализма был представлен такими течениями, как брентанизм и зомбартизм, которые почти полностью соглашались с Марксовым анализом капиталистического способа производства, но отрицали его революционные выводы, считая их не более чем «архитектурным украшением».

---

³ Там же.

⁴ Там же.

В России наблюдались все формы буржуазного социализма, начиная с «легального марксизма» и кончая мелкобуржуазным народническим социализмом. Мы уже давали подробный анализ «легального марксизма», его социальной природы и причин возникновения, известных исторических заслуг в критике народничества и показе преимуществ капиталистического способа производства перед мелким производством, защитниками которого, как известно, были народники⁵. Мы показали эволюцию «легального марксизма» и его главного направления — струвизма — от защиты демократических требований к буржуазному либерализму. Об идейных источниках струвизма В. И. Ленин писал: «...Большинство *идейных* вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе и специально переносят в Россию *брентановский* и *зомбартовский* „марксизм“, признающий „школу капитализма“, но отвергающий школу революционной классовой борьбы»⁶.

Ведущие представители «легального марксизма» — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие — внесли существенный вклад в пропаганду экономической теории марксизма и анализ путей экономического развития России. В корне неверно утверждение И. В. Сталина, будто «легальные марксисты» — лишь «временные попутчики» революционной социал-демократии и не внесли никакого вклада в развитие русской социально-экономической мысли. Напротив, «легальные марксисты» своими трудами способствовали развитию марксизма в целом ряде вопросов, начиная от теории ценности и кончая теорией экономических конъюнктур. Достаточно сказать, например, что уже в первой юношеской статье М. И. Туган-Барановский положил начало «органическому синтезу» трудовой теории стоимости и теории предельной полезности⁷. Его труды по истории промышленных кризисов в Англии (1894 г.) и книга «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.) не имели аналогов в мировой экономической литературе и по праву могут считаться гордостью русской экономической науки.

Мировое признание получили и работы по социальной философии Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова. Эти видные ученые положили начало современным философским теориям экзистенциализма и этического социализма, акцентируя внимание на проблеме духовных ценностей, человеческую личность они рассматривали как абсолютную ценность бытия; достижение свободы и освобождение человека провозглашали главной задачей всего исторического развития. «Исторический прогресс, — писал Н. А. Бердяев, — представляет собою торжество человеческой свободы, так

⁵ См.: История русской экономической мысли. Т. II, ч. 2. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 357—412.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 361.

⁷ Туган-Барановский М. И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юрид. вестн. 1890. № 10.

как каждая человеческая эпоха в своих прогрессивных общественных слоях есть по сравнению с предшествующей шаг вперед в росте человеческого могущества и сознания, в освобождении человека»⁸.

Аналогичное развитие теории прогресса содержалось и в работах С. Н. Булгакова: «Вопрос о социальном идеале, о прогрессе и социальных обязанностях не может решаться вне вопроса о человеке. Служение общественному прогрессу означает стремление к осуществлению добра в истории»⁹. «Добро, — писал он далее, — не есть только субъективное представление, пожелание людей, которое они не могут осуществить в жизни и истории, но вместе с тем объективное и мощное начало; это не только создание человеческого сердца, но и абсолютное начало бытия, которым люди живут и вдохновляются. Поэтому служение добру не есть прихоть или иллюзия, а исполнение правды о человеке, идеальное его назначение»¹⁰.

Экономические концепции буржуазного социализма в России во многом также были оригинальными и представляют большой исторический интерес. Мы уже подробно анализировали эти концепции, выдвинутые в конце XIX—начале XX вв., и отсылаем читателя к нашим работам¹¹. Однако следует заметить, что экономические концепции русского буржуазного социализма помимо их исторической значимости представляют интерес и для современных экономических дискуссий. Так, экономический плюрализм предполагает возможность сосуществования различных форм собственности, в том и наличие частной собственности на средства производства. Напротив, большинство представителей буржуазного социализма в дореволюционной России считали установление общественной собственности главным конституирующим признаком социалистического хозяйства и вообще общественного строя, в котором отсутствует эксплуатация.

Еще в 90-е годы некоторые буржуазные ученые России, например профессор И. И. Иванюков, полагали, что основной экономический принцип социализма заключается «в организации общественного производства на базе коллективного капитала и в распределении продуктов по количеству труда каждого производителя»¹². И. И. Иванюков писал, что средства производства при социализме составляют общественную собственность, а общественная организация труда осуществляется в результате пла-

⁸ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. С. 118.

⁹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1903. С. IX.

¹⁰ Там же. С. XVII.

¹¹ См.: История русской экономической мысли. Т. III, ч. 1. М.: Мысль, 1966. С. 346—366; Буржуазные и мелкобуржуазные экономические концепции социализма: (Критические очерки). М.: Наука, 1974. С. 251—268.

¹² Иванюков И. И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. СПб., 1891. С. 126.

номерной и солидарной деятельности громадного числа небольших хозяйственных общин.

Важнейшим вопросом социализма И. И. Иванюков считал вопрос об исчислении количества потребностей общества и установлении их ассортимента. Он указывал, что уничтожение частных промышленных предприятий и спекулятивной торговли ничуть не устраняет свободу удовлетворения потребностей. Общественно организованное производство может столь же полно осуществить свободу удовлетворения потребностей (путем регулярного сбора статистических сведений), как и частнохозяйственная система (посредством заявления каждым спроса на рынке). Таким образом, анализ потребностей сводился И. И. Иванюковым к статистическому учету спроса отдельных членов общества.

И. И. Иванюков считал, что требования на приобретение различных продуктов со стороны отдельных лиц будут ограничены. Это, по его мнению, обусловлено тем, что распределение продуктов национального труда между гражданами зависит от количества затраченного каждым из них рабочего времени. Для этого необходимо знать количество труда, заключающегося в предметах, на которые данным лицом заявлено требование. Только тогда, по мнению И. И. Иванюкова, можно установить равновесие между заявленными требованиями и удовлетворением их. Он писал: *«Первое техническое требование для возможности осуществления социалистического народного хозяйства заключается в определении количества труда, заключенного в каждом отдельном предмете, производимом национальным трудом»*¹³.

Действительно, осуществление социализма в немалой степени зависит от возможности определить потребности каждого члена общества и общества в целом, а также количества труда, заключенного в том или ином продукте. Как уже отмечалось, эта проблема волновала и марксистов, в частности А. А. Богданова. Он полагал, что социалистическое государство создаст гигантское статистическое бюро, которое будет оперативно осуществлять сбор статистических сведений о потребностях населения, о производственных возможностях общества и на их основании строить свое производственное планирование. На аналогичных позициях стоял и И. И. Иванюков, считающий, что экономический центр может измерить потребности и производственные возможности путем ежедневного, еженедельного, месячного, годового, вообще периодического собирания статистических сведений и на их основе строить план производства.

В отличие от А. А. Богданова, который стоял за централистический социализм, И. И. Иванюков придерживался принципа федерализма. По его словам, социалистическое государство должно представлять собой федерацию общин различных размеров, автономные права которых должны быть согласованы с общими интересами государственной жизни. Каждая община владеет самостоя-

¹³ Там же. С. 129.

тельно (в размере ее автономных прав) частью национального капитала и удовлетворяет непосредственно большую часть своих потребностей. Тем самым облегчается учет потребностей и производственных возможностей, так как они становятся заботой каждой автономной общины, предоставляющей в единый экономический центр лишь необходимую информацию о своих нуждах.

Естественно, что при этом разграничиваются права и обязанности общин, причем каждая община должна определять долю участия каждого гражданина в общественном труде и долю его в предметах потребления. Отношения между общинами должны строиться на принципах равноправия и взаимной солидарности: особенностью такой системы является уже не частный интерес лица, ассоциации или общины, а сознание взаимности интересов и взаимной помощи как частей целому, так и целого частям. В отношениях между общинами возможны товарно-денежные связи (торговля), но в незначительных размерах. Общественная собственность на средства производства (капитал) не устраняется, а лишь видоизменяется: единый экономический центр предоставляет общинам этот капитал в необходимых размерах на праве добровольного владения. Представление социалистического государства как федерации автономных общин находится, по словам И. И. Иванюкова, «в самой теснейшей, даже более, в безусловно необходимой связи с его (социализма. — *Н. Ш.*) экономической схемой»¹⁴.

Мы воздерживаемся от критики этой схемы, но полагаем, что она имеет полное право на существование. Жизнь не подтвердила возможности реализации такой схемы, ибо исчисление количества и рода потребностей может осуществляться и при социализме путем заявления каждым гражданином спроса на рынке, который не противостоит социалистическим принципам организации хозяйства, а, наоборот, является его существенным дополнением. Жупел «рыночного социализма», который отпугивал многих социалистов в недавнем прошлом, не имеет ничего общего с действительным рынком, органически присущим социалистическому хозяйству. Понятна осторожность высказываний И. И. Иванюкова относительно использования товарных связей между автономными общинами, но, по нашему мнению, они неизбежны, если сохраняются автономные права общин в распоряжении общественным капиталом. Это показал Ф. Энгельс, критикуя «хозяйственные коммуны» Е. Дюринга.

Наиболее сложный вопрос состоит в том, допустима ли в условиях социализма частная собственность. Дискуссии по этому вопросу возобновились и ныне, но, как уже отмечалось, большинство буржуазных социалистов в России стояли за установление общественной собственности (или владения) как необходимого конституирующего принципа социализма. За общественную собственность выступали И. И. Иванюков, А. А. Исаев, А. А. Мануйлов,

¹⁴ Там же. С. 134.

М. И. Туган-Барановский, А. С. Шор и другие буржуазные социалисты. Они имели разные представления об организации социалистического хозяйства, но были единодушны относительно потенциальных преимуществ общественной собственности перед частнокапиталистической. В этом, пожалуй, состоит коренное отличие русского буржуазного социализма от западноевропейского, который ради сохранения устоев капитализма не выдвигал программы коренного изменения отношений собственности.

Напротив, признание себя социалистами русские экономисты увязывали с признанием общественной формы собственности. Это на первый взгляд противоречит их буржуазной природе, ибо отношения собственности — самая глубокая «тайна» любого способа производства. Но эти социалисты действительно оставались буржуазными социалистами, поскольку отрицали необходимость *революционной* ликвидации частнокапиталистической собственности (отрицание революционных подходов к изменению капиталистических экономических отношений К. Маркс и Ф. Энгельс, как уже отмечалось, рассматривали как главную особенность консервативного, или буржуазного, социализма). По существу, русских буржуазных социалистов скорее можно назвать «реформаторами», ибо они признавали классовую борьбу, но до определенного предела — до социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Среди буржуазных экономистов России были и такие, которые безоговорочно признавали потенциальные преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Так, профессор А. А. Исаев считал, что социалистический строй обеспечит простор для развития человеческой личности, позволит человеку лучше выразить индивидуальность и доставит людям «много знания, силы и счастья». Социализм, писал А. А. Исаев, «будет опираться на завоевания, доселе сделанные человечеством, и пускать корни в человеческую душу, как она сложилась за длинный ряд веков»¹⁵.

А. А. Исаев в основном правильно, на наш взгляд, определял коренную особенность социалистического строя — установление общественной собственности на средства производства. «Как далеко ни расходились бы люди в оценке деталей, при которых может совершаться пересоздание общества, все они являются социалистами, коль скоро верят в возможность упразднения капитализма и выступают сторонниками права общественной собственности на орудия труда»¹⁶ — писал он. В признании потенциальных преимуществ общественной собственности А. А. Исаев видел коренную особенность социалистического мировоззрения как наиболее научного мировоззрения современности.

Эти высказывания тем более важно вспомнить в настоящее время, когда многие ученые, считающие себя социалистами, на

¹⁵ Исаев А. А. Индивидуальность и социализм. СПб., 1907. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 62.

деле отрицают коренную особенность социализма — общественную собственность. Отстаивая «экономический плюрализм», они требуют «равноправия» социалистической и частной собственности. Однако если считать частную собственность такой же плодотворной, как собственность социалистическая, то нужно отказаться от социалистической революции и от социализма вообще. Экономический плюрализм в этом плане неуместен: он совместим лишь с признанием индивидуальной трудовой собственности, но никак не собственности частнокапиталистической, в корне враждебной социализму. Современные призывы «назад», к возрождению частнокапиталистической собственности, по нашему мнению, не совместимы с принципами социализма и с признанием неизбежности перерастания капитализма в социализм.

По мнению А. А. Исаева, падение права частной собственности в короткое время приведет к важным последствиям: исчезнет возмутительное неравенство в имущественном положении; будет ликвидирован класс праздных рантье и станет невозможно жить без труда; демократизация государственного строя достигнет самого яркого выражения¹⁷. Не будет многократных миллионеров, не будет могущественных синдикатов, «умеющих теперь определять цели государства и направлять его волю». «При господстве чистой демократии, — писал А. А. Исаев, — в хозяйственной жизни быстро осуществляются два начала, которые наилучшим образом обеспечивают благополучие огромного большинства людей: сокращение рабочего дня до пределов, сравнительно с которыми 8-часовая норма будет казаться уже высокой, и повышение доходов тех граждан, чей труд будет вознаграждаться наиболее скромно»¹⁸.

Нам могут сказать: именно здесь проявилась утопичность взглядов А. А. Исаева на социализм, ибо ни одно из высказанных им соображений не подтвердилось историей, поскольку в нашем государстве право частной собственности было отменено, а общественная собственность не только не привела к демократизации государственного строя, но и, напротив, оказалась совместимой с самой варварской диктатурой в истории. Может быть в этом повинен сам факт отмены частной собственности? Именно так ставят вопрос современные ученые, выступающие за экономический плюрализм под флагом защиты «чистой демократии». Частная собственность, по их мнению, служит гарантом свободы личности и личного благополучия. Следует обратить внимание на то, что частная собственность связывается ими только с правом частной собственности вопреки очевидным фактам, о которых писал А. А. Исаев: возмутительное имущественное неравенство, наличие класса рантье, многократных миллионеров, могущественных синдикатов, диктующих свою волю государству и т. д.

По нашему мнению, методологический порок всех рассуждений о преимуществах частной собственности перед социалистиче-

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 70.

ской состоит в подмене последней государственной формой собственности, утвердившейся в нашей стране. Частная собственность у нас не была отменена в полной мере, ибо ее место заступила «коллективная частная собственность» в форме государственной собственности — собственности класса бюрократии. Последний экономически реализует свою функцию управления общенародным достоянием, так что народные массы фактически отстранены от этого управления. Нельзя смешивать общенародную собственность с государственной: они — антиподы. По этому поводу накануне XIX партконференции мы писали: «Государственная собственность по своей природе не может быть общенародной: она целиком находится в распоряжении управленческого слоя, стоящего над народом и подавляющего его «чувства хозяина» или «совладельца» социалистической собственности. Да и она рассматривается как «казенное имущество», с которым можно обращаться как угодно, но не в интересах подавляющего большинства народа. Ясно, что речь идет уже не о социалистической, а о государственной собственности, которая является принадлежностью отдельных социальных управленческих групп, которые препятствуют достижению фактического экономического равенства. Деформация экономической сущности социализма проявляется в извращенных бюрократических формах управления собственностью, ибо сам «управленческий слой» отнюдь не заинтересован в ее приумножении. Этот факт отражается и на всей мотивации хозяйственного поведения, также деформированного своекорыстными интересами класса бюрократии. Возрождение социалистического характера отношений собственности — главная задача перестройки, основа ее необратимости»¹⁹.

На наш взгляд, призывы возродить частную собственность на деле суть призывы к легализации фактической коллективной частной собственности класса бюрократии и всего управленческого слоя, который скопил миллионные состояния и стремится «освятить» свое фактическое господство юридическим правом частной собственности, легализовать «теневую экономику». Это был бы переход не от общественной собственности к частной, а от одного вида частной собственности (именно коллективной) к другому виду частной собственности (индивидуальной и коллективной, ибо сохранится частично и государственная собственность). Пока существует бюрократия, господство частной собственности неизбежно. «Бюрократия, — писал К. Маркс, — имеет в своем обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть ее *частная собственность*»²⁰. Государство и все, что принадлежит ему, есть частная собственность класса бюрократии, коллективная частная собственность. Поэтому подлинная цель социальной революции должна состоять в уничтожении господства класса бю-

¹⁹ Шухов Н. С., Календжян С. О. Анализ экономических отношений социализма. С. 59.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 272.

рокрации, без чего невозможна и отмена права частной собственности, о чем писали все социалисты и даже буржуазные социалисты в лице А. А. Исаева.

При господстве «чистой демократии», которая возможна, по мнению А. А. Исаева, лишь при отмене права частной собственности, установится подлинное социально-экономическое равенство: не будет «многократных миллионеров», или воротил «теневой экономики», как при господстве бюрократии. Но подлинное социально-экономическое равенство не имеет ничего общего с грубо-уравнительным коммунизмом, утверждающим, говоря словами К. Маркса, «всеобщую частную собственность», т. е. всеобщую нищету, которая неизбежна при господстве принципа «всем поровну». Это глубоко понимал А. А. Исаев, который, на наш взгляд, правильно излагал принцип оплаты труда в социалистическом обществе. Возможность получать больше и лучше удовлетворять свои вкусы в мире потребления, считал он, будет служить для многих побудительным стимулом к «напряжению» рабочей силы, к поставлению услуг в общем количестве и лучшего качества. Кроме того, будут существовать различия в степени квалификации рабочих. «Социалистическое общество будет принимать в расчет эти различия и выражать их в неравном вознаграждении людей за труд»²¹.

Эти указания А. А. Исаева начисто опровергали апологетов частной собственности, которые утверждали, что отмена права частной собственности уничтожит всякие стимулы к труду, господству всеобщей лени, царству анархических бездельников, будто уничтожение частной собственности равносильно уничтожению самого производства, что приведет не к освобождению труда, а к свободе жить без труда. По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень. В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лени, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится»²². Этот факт невозможно опровергнуть и сейчас, ибо наличие «царствующих бездельников» в нашей стране (скрытая безработица при господстве так называемой выводиловки) имеет своим источником не «отмену частной собственности», а господство частной собственности класса бюрократии.

Нарисовав яркие потенциальные преимущества социалистического строя при отмене частной собственности, А. А. Исаев ставил далее вопрос о том, каким же путем люди придут к осуществлению начал социализма. Его ответ на этот важный вопрос носил характер ярко выраженного буржуазного реформизма (что и отличает буржуазный социализм от пролетарского), ибо он опасался социальной революции. А. А. Исаев решительно выступал против

²¹ Исаев А. А. Индивидуальность и социализм. С. 64.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 440.

каких бы то ни было насилий над «защитниками существующего порядка вещей», а основным способом борьбы за осуществление социализма провозгласил «деятельность прогрессивных людей в законодательных учреждениях, в областном, городском, общинном самоуправлении»²³. Переход от капиталистического строя к социалистическому, по словам А. А. Исаева, совершится посредством длинной цепи законодательных мер, которые будут расшатывать твердыни капитализма одну за другой.

Следует отметить, что основоположники научного социализма также допускали возможность уничтожения частной собственности мирным путем. Говоря о том, что в современном обществе уничтожение частной собственности стало не только возможным, но необходимым, Ф. Энгельс подчеркивал объективную возможность такого уничтожения мирными средствами: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде явились необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом»²⁴.

По мнению А. А. Исаева, уничтожение частнокапиталистической собственности, переход к новому порядку возможны лишь при наличии целого ряда объективных условий: развитое капиталистическое производство, создающее однородный тип хозяйственной жизни; высокий уровень умственного развития народа и воспитание в нем разнообразных практических навыков (в особенности навыков политической деятельности); демократическое государственное устройство; многочисленность людей, сознательно воспринявших учение социализма; большое число граждан, хотя бы умеренно недовольных капиталистическим строем. А. А. Исаев считал, что эти условия в наибольшей степени имеются в США, Германии и Бельгии, где, как он полагал, социализм осуществится скорее всего. Для России же, писал он, социалистический строй не может быть делом ближайшего будущего, так как «нет фундамента, на котором можно было бы построить его»²⁵. Это убеждение об отсутствии в России объективных условий, фундамента для создания социалистического строя разделяли

²³ Исаев А. А. Индивидуальность и социализм. С. 72—73.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 331.

²⁵ Исаев А. А. Индивидуальность и социализм. С. 76.

практически все представители буржуазного и мелкобуржуазного социализма в России.

В работах ряда буржуазных социалистов России проводилась мысль, что социализм и капитализм не представляют собой противоположности, хотя социализм есть строй, лишенный эксплуатации. Капиталистическое хозяйство, писал, например, А. С. Шор, является «потенциальным социалистическим, не сбросившим еще с себя сковывающие его путы»²⁶. Этим он хотел сказать, что «потенциальные возможности» построения социализма создаются самим капиталистическим производством, что «потенции» капитализма неизбежно влекут общество к социалистическому пути. Вместе с тем А. С. Шор отметил те черты экономики социализма, которые характеризуют его как новый строй, свободный от эксплуатации человека человеком. Главной особенностью социалистического общества, писал он, является изменение самого характера собственности. Коллективная собственность, распространяющаяся на орудия и средства производства, по его словам, «главное условие существования строя, при котором отсутствует эксплуатация»²⁷. Он правильно, на наш взгляд, отмечал, что с изменением принципа собственности на средства производства станет невозможным приобретение рабочей силы ни в качестве временной, ни в качестве постоянной собственности. Это громадное преимущество социалистического строя перед капиталистическим, основанном на наемном труде.

Заслуживает внимания понимание А. С. Шором социалистического общества как общества, всецело основанного на «трудовом принципе». Этот принцип должен, по его мнению, лежать в основе хозяйственного плана социалистического общества. План, соответственно придется регулировать производство в общественном масштабе, раньше всего касается количества труда, направляемого в ту или иную отрасль производства. Регулирующая роль «трудового принципа» состоит в первоочередном удовлетворении потребностей трудящихся, а потому должна учитываться не только трудовая стоимость благ, но и их предельная полезность. Если обществу при составлении хозяйственного плана удалось эмпирическим путем найти предельную полезность благ на основании статистических данных относительно размера спроса и предложения в данном обществе, то «в таком случае руководители . . . общества могут распределить труд между различными отраслями производства в соответствии с предельной полезностью, т. е. наиболее целесообразно»²⁸.

Акцент А. С. Шора на предельной полезности как основы распределения труда между отраслями хозяйства свидетельствует о глубоком понимании первоочередной роли потребительной ценности в условиях социализма и не противоречит экономической

²⁶ Шор А. Основные проблемы теории политической экономии. СПб., 1907. С. 214.

²⁷ Там же. С. 209.

²⁸ Там же. С. 204.

теории марксизма. Принцип предельной полезности признавали в качестве регулирующего момента М. И. Туган-Барановский, С. И. Солнцев и другие русские буржуазные социалисты, понимавшие исключительно важную роль сферы потребления как главной в социалистическом обществе. Эту мысль подчеркивал и В. И. Ленин: «Социалистическое общество есть одно большое потребительское общество с планомерно организованным производством для потребления»²⁹. Тот факт, что В. И. Ленин не разделял в целом теории предельной полезности (это нужно сказать во избежание недоразумений), вовсе не говорит о невозможности строить план социалистического общества с учетом предельной полезности, т. е. наиболее целесообразно.

Предельная полезность должна быть учтена уже хотя бы потому, что количество потребительских благ и при социализме не безгранично, что представление о социалистическом общественном производстве как лишенном всякой «экономической лимитации» несостоятельно, ибо в любой момент составления хозяйственного плана (особенно оптимального) должны быть учтены как ограниченность экономических ресурсов и продуктов, так и их общественная полезность, а производная функции полезности есть не что иное, как дифференциальный полезный эффект, т. е. предельная полезность. Последняя является важнейшей категорией рационального ведения хозяйства, а потому должна быть обязательно определена при составлении оптимального, т. е. наилучшего из возможных, плана. Предельная полезность образует важнейшую категорию теории оптимального планирования и политической экономии социализма.

Использование психологической теории ценности и лежащей в ее основе категории предельной полезности, как уже отмечалось, не противоречит трудовой теории стоимости, определяемой общественно необходимыми затратами труда, скорректированными размерами общественной потребности в данном продукте. Только «техническая» версия стоимости, зародившаяся в 20-е годы, препятствовала учету общественной потребительной стоимости при экономической оценке благ. Мы уже рассматривали дискуссии 20-х годов по проблемам теории общественно необходимых затрат труда и отсылаем читателя к подробному анализу этих дискуссий³⁰. Но и здесь мы должны заметить, что сторонники «технической» версии общественно необходимых затрат труда, определяющих величину стоимости, не привели ни одного достаточно веского аргумента в защиту этой версии, не имеющей ничего общего с марксистским пониманием стоимости. Они пытались доказать, что величина стоимости определяется *только* техническим моментом и не зависит от размеров общественной полезности. Этот вывод, разделяемый ныне рядом экономистов, уже в 20-е годы был опровергнут

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 369.

³⁰ См.: Шухов Н. С., Календжян С. О. Анализ экономических отношений социализма. С. 111—115.

теми экономистами-марксистами, которые правильно указывали, что без учета размеров общественной потребности вообще невозможно определить величину стоимости, т. е. величину общественно необходимых затрат труда.

В отличие от сторонников «технической» версии буржуазный социалист А. С. Шор правильно понимал взаимосвязь трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. Подчеркивая важность первоочередного определения эмпирическим путем величины предельной полезности, он указывал и на важность «трудового принципа» как основы не только производства, но и распределения. Издержки производства каждого блага, писал он, в конечном счете сводятся к затратам труда, поэтому труд должен определять долю каждого участника производства в общественном продукте. Это — незыблемый принцип социалистического распределения.

А. С. Шор представлял социализм как общество, в котором отсутствует обмен. Тем не менее он утверждал, что при социализме сохранится стоимость (ценность) благ. Ценность в социалистическом обществе, по его словам, должны определять два момента: труд и порядок распределения. Последний «корректирует» величину ценности, но она зависит в первую очередь от величины затрат труда. Величина стоимости, писал он, будет в большей или меньшей степени уклоняться от количества труда в зависимости от «модифицирующего момента». Отличие этого модифицирующего момента от аналогичного момента в капиталистическом обществе А. С. Шор усматривал в том, что в социалистическом обществе общественный фактор — «результат сознательного расчета членов общества, в капиталистическом же обществе силы этого ряда действуют стихийно»³¹.

Ценным в рассуждениях А. С. Шора о социализме было указание на то, что «в обществе будущего руководство хозяйством снова должно стать сознательным, т. е. основанным на предварительном расчете активных участников хозяйства»³². Плановость развития и хозяйственный расчет должны стать основой сознательного руководства и рационального ведения хозяйства. Это — также краеугольный камень научного понимания особенностей социалистического хозяйствования³³.

Для правильной исторической оценки методологии русского буржуазного социализма требуется пересмотр традиционных обвинений в «субъективизме», «психологизме» и т. п. Дело в том, что использование русскими экономистами некоторых основополагающих идей австрийской школы (психологической теории ценности и прибыли, психофизической мотивации экономического поведения и т. п.) с современной точки зрения, как уже отмечалось, не

³¹ Шор А. Основные проблемы теории политической экономии. С. 218.

³² Там же. С. 219.

³³ Подробнее см.: Шухов Н. С., Календжян С. О. Анализ экономических отношений социализма. С. 116—131.

представляет собой ничего предосудительного. Экономическая жизнь, как указывал еще А. А. Богданов, во всех своих аспектах есть «сознательно-психическая», а потому абстрагироваться от психических процессов при трактовке экономических категорий неправомерно. С этой точки зрения представляются вполне научно обоснованными категории «психологической ценности», «субъективной полезности» и в особенности «предельной полезности» как основы понимания природы потребительной ценности — этой первоосновы научной политической экономии.

Мы не можем не отметить некоторую односторонность в трактовке Н. И. Бухариным психологической теории ценности и прибыли австрийской школы как якобы отражения «психологии рантье»³⁴. Интерес к теории потребления, вопреки мнению Н. И. Бухарина, продиктован не особенностями психологии тех или иных социальных слоев, а исключительно важным значением сферы потребления в процессе общественного воспроизводства. Незавершенность теории этой сферы в рамках марксистской политической экономии, длительно игнорировавшей роль категории потребительной ценности, вынуждает нас признать, что австрийская школа в этом отношении значительно продвинула вперед научную политическую экономию. Поэтому нельзя согласиться с позицией Н. И. Бухарина, что якобы последовательно проведенная точка зрения «потребления» есть дань «узости буржуазного кругозора»³⁵. Нам представляются ошибочными следующие категорические суждения Н. И. Бухарина, противопоставившего марксистскую точку зрения «производства» субъективно-психологической точке зрения «потребления»: «Наоборот, буржуа-рантье ставит своей задачей разрешить прежде всего проблему потребления, и точка зрения потребления есть самая основная, самая характерная и новая теоретическая позиция австрийской школы и родственных ей течений. Если раньше и намечалась теоретическая линия, продолжением которой является теория «австрийцев», то все же никогда теории, кладущие в основу анализа потребление и потребительную ценность «благ», не пользовались таким всеобщим успехом в официальной науке. Только новейшее развитие создало для них прочную базу в рантьерской психологии современного буржуа»³⁶.

Н. И. Бухарин прав, что точка зрения «австрийцев» была *новой* в смысле *последовательности* в проведении субъективно-психологической трактовки экономической ценности, что «лишь теперь, в учении австрийцев, психологизм в политической экономии, т. е. экономический индивидуализм, получил обоснование, принял наиболее законченную и совершенную теоретическую формулировку»³⁷. Но он был совершенно неправ, когда утверждал,

³⁴ Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы. С. 17.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Там же. С. 22—23.

³⁷ Там же. С. 23.

будто К. Маркс игнорировал мнение А. Смита, что трудовая ценность связана и с субъективной оценкой хозяйствующим субъектом той или иной вещи в зависимости от большей или меньшей неприяности трудовых усилий³⁸, будто у К. Маркса «трудовая ценность приобрела характер независимого от воли агентов современного строя общественного, «естественного» значения, регулирующего товарообмен»³⁹. Молодой Н. И. Бухарин, видимо, не знал, что у К. Маркса есть не только понятие «объективная полезность», но и понятие «субъективная полезность» как отражение затрат трудовых усилий, как оценка этих усилий. В письме Ф. Энгельсу от 2 апреля 1858 г. К. Маркс писал: «Потребительная стоимость — рассматривать ли ее субъективно, как полезность труда, или объективно, как полезность продукта, — выступает *здесь* лишь как вещественная предпосылка стоимости, предпосылка, которая *временно* совершенно устраняется из экономического определения формы. Стоимость, *как таковая*, не имеет иного „вещества“, кроме самого труда»⁴⁰.

Как видим, К. Маркс вполне определенно говорит о правомерности категории субъективной полезности как полезности труда, создающего стоимость. Тот факт, что К. Маркс *временно* абстрагируется от потребительной стоимости при рассмотрении субстанции стоимости, которая не содержит иного «вещества», кроме самого труда, ничего не меняет в его позиции, и лишь буржуазные экономисты, как мы уже отмечали, приписывали К. Марксу игнорирование потребительной ценности (стоимости). На самом деле категория непосредственно общественной потребительной стоимости, как мы уже показали, есть исходный пункт и общая характеристика результатов общественного производства, особенно в условиях социалистического общества⁴¹.

К. Маркс специально разъяснял, что только «темный муж», не понявший ни слова в «Капитале», «может заключать: так как Маркс в одном примечании в первом издании „Капитала“ отвергает всю вздорную болтовню немецких профессоров насчет „потребительной стоимости“ вообще и отсылает читателей, желающих знать что-либо о действительных потребительных стоимостях, к «руководствам по товароведению», то *потребительная стоимость* не играет у него никакой роли. Она, разумеется, не играет роли своей противоположности, „стоимости“, которая с первой не имеет ничего общего, кроме слова „стоимость“, которая фигурирует в названии „потребительная стоимость“»⁴².

К. Маркс подчеркивал, что «уже при анализе товара я не ограничиваюсь рассмотрением двойственной формы, в которой он представляется, но сейчас же перехожу к тому, что в этом двой-

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 254—257.

⁴¹ См.: Шухов Н. С., Календжян С. О. Анализ экономических отношений социализма. С. 72—94.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 384.

ственном бытии товара представляется двойкий *характер труда*, продуктом которого он является: *полезного* труда, т. е. конкретных видов труда, создающих потребительные стоимости, и абстрактного *труда, труда как затраты рабочей силы*, — безразлично, каким „полезным“ способом она затрачивается (на этом в дальнейшем покоится изображение процесса производства); что в развитии *стоимостной формы товара*, в последнем счете ее денежной формы, т. е. *денег*, стоимость одного товара представляет в *потребительной стоимости* другого, т. е. в натуральной форме другого товара; что сама *прибавочная стоимость* выводится из „специфической“ *потребительной стоимости рабочей силы*, присущей исключительно последней и т. д. и т. д., что, стало быть, у меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов „потребительная стоимость“ и „стоимость“»⁴³.

Возможно, что у теоретиков австрийской школы было слишком много «умствований» по поводу понятий или слов потребительная ценность и ценность вообще, как считал Н. И. Бухарин. Но его отрицание важной роли потребительной ценности и психологической полезности в рамках марксистской политической экономии заслуживает осуждения, тем более что в своей критике австрийской школы он исходил из идеи об исторической ограниченности политической экономии как науки и не видел *общее исторические элементы* в любой экономической категории, в том числе и категории потребительной ценности. Это диктуется наличием *общее исторической цели*, присущей общественному производству вообще, независимо от его исторического характера, и состоящей «в создании изобилия, которое включает в себя как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, что, в свою очередь, обуславливает высокое развитие человека как производителя, всестороннее развитие его производительных способностей»⁴⁴.

Общеисторическая цель общественного производства включает как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, а потому категория потребительной ценности во всех своих определениях (в том числе и как отражение субъективной полезности) органически включается в понятие *внутренней цели*, действующей во всех формах общества и относительно независимой от тех конкретных целей, которые ставятся перед производством исторически определенными формами человеческого общежития. Следовательно, потребительная ценность относительно независима от характера той или иной эпохи, а потому австрийская школа правомерно рассматривала ее как *общее историческую категорию*.

⁴³ Там же. С. 385—386.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. III. С. 51.

горию. Отсюда ясно, что нельзя согласиться с Н. И. Бухариным, будто подчеркивание общеисторического характера целого ряда экономических категорий, которые анализировала австрийская школа, продиктованы только «боязнью переворота», а не общеисторическим характером цели общественного производства⁴⁵.

Разумеется, при познании указанных категорий необходимо (как и при теоретическом рассмотрении потребительной ценности благ) учитывать специфику того или иного способа производства. Об этом есть ясные указания К. Маркса, который убедительно критиковал К. Родбертуса, утверждавшего, что индивидуальная потребительная стоимость противостоит индивиду и его потребностям без всякого отношения к какой-либо социальной организации. К. Маркс писал: «Во-первых, индивиду противостоит не слово „потребительная стоимость“, а конкретные потребительные стоимости, а какие именно из них ему „противостоят“... — это целиком зависит от ступени общественного процесса производства и, следовательно, соответствует также „какой-нибудь социальной организации“»⁴⁶. С этой точки зрения частично прав Н. И. Бухарин, акцентировавший внимание на неисторическом характере австрийской школы, но его критика страдала крайней односторонностью: он игнорировал общеисторический элемент в категориях капиталистического способа производства.

По нашему мнению, ценность анализа «австрийцами» категории потребительной стоимости (полезности) состоит именно в том, что этот анализ позволяет глубже понять многогранный характер цели общественного производства вообще и социалистического производства в особенности, тем более что, как мы указывали ранее, «определение цели социалистического общества, данное классиками марксизма-ленинизма и совпадающее по смыслу с определением внутренней цели общественного развития, показывает исключительно многогранный характер социалистической организации общества, его подлинно гуманистический характер. Социализм и есть то общество, в котором индивиды могут свободно обособляться, не разрушая общечеловеческих связей и сохраняя и умножая человеческие ценности. Свобода, состоящая в полном развитии человеческих нравственных и физических сил и способностей, есть высшее проявление гуманизма»⁴⁷.

Естественно, что потребительные ценности (стоимости) составляют важнейшую компоненту в структуре внутренней цели общественного производства, а потому образуют и важнейший структурный элемент цели социалистического производства, которое должно быть «лишь средством для удовлетворения потребностей производителей, таким производством, в котором господствовала

⁴⁵ Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы. С. 23.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 389.

⁴⁷ Шухов Н. С. К вопросу о целевой функции социалистического хозяйства: (Некоторые исторические аспекты) // Вопросы эффективности общественного производства. М.: Наука, 1970. С. 269.

бы только потребительная стоимость»⁴⁸. Ясно, что анализ потребительной стоимости составляет важнейшую задачу политической экономии социализма, и при решении этой задачи необходимо использовать опыт всей мировой науки, в том числе и достижения австрийской школы, и достижения русских буржуазных социалистов.

По нашему мнению, следует пересмотреть историческую оценку методологических принципов так называемой субъективной школы в политической экономии и, в частности, психологическую трактовку экономической ценности в работах русских экономистов (П. Б. Струве, В. Ф. Залеского, Р. М. Орженцкого, А. Д. Билимовича, А. А. Мануйлова, Л. Н. Юровского и др.). В работах П. Б. Струве содержался богатый материал для анализа мотивации хозяйственного поведения на базе учета «экономической лимитации». Еще в 1900 г. П. Б. Струве выступил за пересмотр некоторых традиционных проблем и положений политической экономии, указывая на исключительную важность мотивационного аспекта хозяйственного поведения: «Для политической экономии как науки об объективных явлениях современного менового хозяйства нет никакой другой закономерности, кроме той, которая „покоится на тождественных действиях индивидов“... руководящихся хозяйственными мотивами; нет, стало быть, для нее (и не может быть) никакой исходной точки, кроме «мотивации» хозяйственных действий. Все объективные явления так называемого „народного хозяйства“ суть объективации этих тождественных действий и их свободной игры»⁴⁹.

Эти идеи П. Б. Струве подробно развил в своей книге «Хозяйство и цена» (1913 г.), где он пересмотрел традиционную трактовку ценности и других экономических категорий, акцентируя внимание на их субъективно-психологическом характере: первичной категорией была субъективная хозяйственная ценность, из которой он выводил целую «лестницу» понятий, составляющих содержание политической экономии, стержнем которой должна стать цена, которая, по его словам, и абстрактно есть основная экономическая (междухозяйственная) категория, и конкретно — основное данное, из которого строится вся экономическая действительность: «...никакого равенства, предсуществующего обмену, нет и быть не может. Совершенно ясно, что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами. Образованию цен предшествуют в конечном счете только психические процессы оценки. Ценность же образуется из цен»⁵⁰.

Психические акты оценки, по словам П. Б. Струве, реализуются в ценах, в отдельных меновых актах. Каждый случай цены составляет конкретное и вполне индивидуальное явление эмпири-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. III. С. 50.

⁴⁹ Струве П. К критике основных проблем и положений политической экономии // Жизнь. 1900. № 3. С. 391.

⁵⁰ Струве П. Б. Хозяйство и цена. Ч. 1. М., 1913. С. 91.

ческой действительности, которая и складывается из множества таких явлений. Из индивидуальных цен складываются типические ценности, т. е. наиболее частые случаи цены, которая запечатлевается в уме наблюдателя как опытный факт; она «производится» не с точки зрения потребностей, вкусов, интересов, мнений одного субъекта, а с точки зрения общего мнения; такая оценка должна выражать «всеобщую оценку», а потому она есть «не субъективное суждение, а объективная экспертиза»⁵¹. Так объективируются отдельные мотивы, потребности и интересы отдельных покупателей и продавцов, так образуется объективная хозяйственная ценность.

Естественно, что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами, что понятие ценности как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, если лишь «метафизическое удвоение» категории цены. Ценность есть лишь норма, регулирующая идеальное соотношение между благами в процессе обмена, а потому не имеет отношения к реальным психическим актам оценки, лежащим в основе цены. «Цена есть факт. Скажем так: цена есть понятие реального менового отношения между обмениваемыми благами, есть реализованное меновое отношение. Ценность есть норма. Скажем так: ценность есть понятие идеального или должного соотношения между благами в процессе обмена»⁵². Это идеальное соотношение реализуется в ценах, а потому реальным объектом политической экономии и должна быть цена как результат пересечения всех индивидуальных мотивов хозяйственной деятельности. Психологическая теория ценности тем самым получает объективное истолкование и становится основой понимания всех происходящих в обществе хозяйственных процессов, покоящихся на мотивации хозяйственных действий и их свободной игры.

Подобно мотивации в процессе хозяйственной деятельности происходит и объективация сознательного целеполагания. Субъективные цели участников хозяйственного процесса объективируются (онтологизируются) при совокупных действиях индивидов, сначала разнонаправленных, а затем приобретающих все более определенное направление, которое можно рассматривать как общую внутреннюю цель хозяйственной деятельности. П. Б. Струве понимал, что подобная объективация достижима лишь при слиянии хозяйства и общества, а потому наряду с экономикой свободной конкуренции он сформулировал идею «общества-хозяйства» или «государства-хозяйства» (государство как «организация порядка», по его мнению существовало и будет существовать всегда). Однако он относил такую организацию к будущему, утверждая, что «государство-хозяйство» и есть проектируемая социалистами модель «государства будущего», т. е. социалистический строй.

⁵¹ Там же. С. 94.

⁵² Там же. С. 88.

«Общество-хозяйство» или «государство-хозяйство» П. Б. Струве определил как «субъективное телеологическое единство», которое, по его словам, есть главное содержание проектируемого социализмом «государства будущего»⁵³. Такое «телеологическое единство» означает слияние индивидуальных целей отдельных индивидов в единую систему, направляемую коллективной волей всех участников социально-экономического процесса. Психологическая мотивация через самосознательные цели индивидов приводит к управляемости социально-экономического процесса, который, по словам П. Б. Струве, всегда носит двойственный характер: с одной стороны, он подчиняется стихийным действиям индивидов, а с другой стороны — им управляет чья-либо воля. Слияние отдельных воли и образует «общество-хозяйство», т. е. социалистическое общество.

Как известно, введенные П. Б. Струве понятия «телеологическое единство» и «государство-хозяйство» использовались многими марксистами, в частности Н. И. Бухариным. Но они вкладывали в эти понятия несколько иное содержание: если П. Б. Струве делал акцент на субъективно-психологическом характере «телеологического единства», исключая по существу причинно-следственные связи, то, например, Н. И. Бухарин имел в виду планомерный характер социалистического хозяйства, которое должно быть подчинено единой воле хозяйствующих субъектов, но которое не отрицает и объективных экономических законов, основанных на принципе причинности. Кроме того, Н. И. Бухарин, как уже отмечалось, делал акцент на преходящем характере государства, которое должно отмереть, полностью сливаясь с обществом (в этом смысле он и употреблял понятие «общество-хозяйство»).

Что же касается П. Б. Струве, то он не предполагал возможности полной рационализации социально-экономического процесса (ибо «основной и имманентный дуализм» этого процесса, по мнению П. Б. Струве, будет существовать всегда), так что «с реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении проблемы социализма»⁵⁴.

Говоря о философской сущности социализма как общественно-экономического идеала, П. Б. Струве делал акцент на тех высказываниях, которые считали возможной «полную рационализацию» всех процессов, совершающихся в обществе. По идее социализма, писал он, «стихийное хозяйственно-общественное взаимодействие должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением»⁵⁵. Подчеркивая слово «сплошь», П. Б. Струве обращал внимание на то, что подобная «сплошная рационализация» неосуществима: ни индивидуальный,

⁵³ См.: Струве П. История хозяйственного быта. СПб., 1913. С. 45.

⁵⁴ Струве П. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм: Сборник статей за пять лет (1905—1910). СПб., 1911. С. 549—550.

⁵⁵ Там же. С. 549.

ни коллективный разум не способны охватить все поле общественной жизни и подчинить все процессы, совершающиеся в обществе, одному плану. Последний не может быть составлен без учета стихийных процессов, а потому и социализм полностью никогда неосуществим. Попытки же в годы «военного коммунизма» форсированного «введения» начал коммунистического хозяйства привели, по словам П. Б. Струве, ко «всеобщему оскудению» народного хозяйства. В докладе «Итоги и существо коммунистического хозяйства», сделанном в Париже в мае 1921 г. на общем съезде представителей промышленности и торговли, П. Б. Струве утверждал, что «осуществление коммунизма, как оно произошло в России, не только не означало победы более совершенной экономической формации, а, наоборот, привело с собой неслыханный экономический регресс, реализовалось... в подлинный метаморфоз всего народного хозяйства»⁵⁶.

Подобный «метаморфоз» П. Б. Струве связывал с учением марксизма о коммунистическом способе производства, утверждал, что коммунизм практически неосуществим, что он всегда ведет к экономическому регрессу. Этот вывод не был новым, он только доказывал, что П. Б. Струве был крайне непоследовательным буржуазным социалистом, игнорирующим объективные законы, ибо он рассматривал экономику «военного коммунизма» как подлинное воплощение сформулированного им «государства-хозяйства». П. Б. Струве игнорировал тот факт, что политика «военного коммунизма» во многом была ошибочной, что нельзя ее связывать с самим существом коммунистического учения, что необходим поиск новых форм и новых методов социалистического хозяйствования. На это указывал и В. П. Милютин, упрекая П. Б. Струве в том, что последний рассматривал экономическое развитие России «только с точки зрения перспектив капиталистического развития». Между тем, писал В. П. Милютин, при изучении экономики переходного периода необходимо обратить внимание на «изучение тех новых форм хозяйственной жизни и новых экономических отношений, которые возникают при диктатуре пролетариата; только такой подход дает возможность действительно научно подойти к изучению современности»⁵⁷.

В статьях большинства буржуазных экономистов обосновывалась буржуазно-реставраторская программа экономического развития страны. Курс на новую экономическую политику они рассматривали как признание «ошибочности» и «вредности» всей предшествующей экономической политики Советской власти с ноября 1917 г., направленной на «упрочнение в стране коммунистического народного хозяйства»⁵⁸. Эта политика, по утверждению, например, А. Л. Рафаловича, строилась на отрицании «незыбле-

⁵⁶ Цит. по кн.: Милютин В. П. Экономические задачи переходной экономики. М., 1922. С. 9.

⁵⁷ Там же. С. 12.

⁵⁸ Рафалович А. Л. Новая экономическая политика // Экономист. Пг., 1922. № 2. С. 121.

мых» принципов всякой успешной хозяйственной деятельности, на «забвении законов, управляющих экономическим бытием народов», поскольку она строилась на «огосударствлении всего производственного процесса, на учете и распределении государством всех результатов производства, на уничтожении частной собственности» и т. д.⁵⁹

Основную причину хозяйственных затруднений в стране буржуазные экономисты видели в национализации крупнейших отраслей народного хозяйства, которая, по их мнению, уничтожает экономическую свободу личности и стимул частной творческой деятельности. В условиях новой экономической политики буржуазные ученые выступили за расширение и углубление процесса денационализации промышленности, «за стимулирование производства путем обеспечения ему выгодного сбыта и удешевления товара посредством свободной конкуренции на открытом для всех рынке»⁶⁰.

Они открыто обосновывали необходимость снять все «препоны» на пути буржуазного развития, целиком «раскрепостить» промышленность, сельское хозяйство, торговлю, предоставив частному собственнику полную свободу.

Выступая против монополии внешней торговли, буржуазные ученые призывали «отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена», предоставив частному аппарату «непосредственно связаться с мировым рынком, а не пользоваться для этого громоздким... коммерческим... бюрократическим аппаратом государства». Только предоставление «самого широкого простора частной хозяйственной деятельности, обеспеченной, в свою очередь, необходимой правовой и моральной обстановкой, по мнению А. Л. Рафаловича, может еще спасти страну от дальнейшего разрушения и гибели»⁶¹. Эти проблемы приобретают исключительную актуальность в современных условиях, когда расширяется круг предприятий и объединений, выходящих на мировой рынок.

Буржуазные ученые требовали восстановления принципа частной собственности во всех отраслях народного хозяйства, передачи промышленности, транспорта в руки частных предпринимателей, денационализации банков, земли и предоставления полного простора для свободной конкуренции. «Сила вещей приводит нас опять к капитализму... Теперешняя система народного хозяйства, сочетая элементы коммунистического строя и капиталистического, объединяет в себе, — по утверждению И. Х. Озерова, — лишь невыгодные... черты того и другого порядка»⁶². Поэтому необходимо решительно взять «все предпосылки капиталистического строя вплоть до восстановления института частной собствен-

⁵⁹ Там же. С. 134.

⁶⁰ Там же. С. 132—134.

⁶¹ Там же. С. 135.

⁶² *Озеров И. Х.* О регулировании денежного обращения // *Экономист.* 1922. № 3. С. 83.

ности»⁶³. И. Х. Озеров считал невозможным урегулирование денежного обращения в современных условиях. «Мы будем приближаться к ее осуществлению по мере того, как будет укрепляться у нас капиталистический строй и суживаться элементы социализма»⁶⁴, — писал он.

Буржуазные ученые и специалисты не сдавали своих позиций без боя: в своих трудах они проводили идеи, враждебные марксизму, хотя и не в столь открытой форме, как это было до Октября. Поскольку в стране явно не хватало марксистски образованных кадров, не было марксистских учебников по политической экономии (за исключением «Краткого курса экономической науки» А. А. Богданова и написанного им совместно с И. И. Скворцовым-Степановым «Курса политической экономии»). Все еще широкое хождение имели учебники В. Я. Железнова, Н. А. Каблукова, А. А. Исаева и других буржуазных профессоров, исходные позиции которых, естественно, были далеки от марксизма.

Конечно, под влиянием марксизма-ленинизма, который стал господствующим направлением общественно-экономической мысли, буржуазные ученые вносили те или иные изменения в свои работы, стараясь учесть изменившуюся обстановку. Это проявилось, например, в трудах В. Я. Железнова, А. А. Мануйлова, Н. А. Каблукова, М. И. Туган-Барановского и других буржуазных социалистов, признавших заслуги научного социализма. По словам А. А. Мануйлова, «социалистическое направление принесло теоретический анализ экономических явлений существующего строя и грандиозную попытку вскрыть закономерность экономической эволюции с точки зрения материалистического понимания исторического процесса»⁶⁵.

Хотя А. А. Мануйлов недооценивал заслуги научного социализма в разработке проблем социалистического устройства общества, он правильно подчеркивал, что марксизм видел свою задачу в том, чтобы открыть законы экономической эволюции. Это «требовало познания экономической действительности в ее исторически сменяющихся формах». Такое «познание и составляло главное содержание учений научного социализма»⁶⁶, что Мануйлов ставил в заслугу автору «Капитала», по его признанию, одного из «замечательнейших произведений экономической литературы»⁶⁷.

Преобразующее воздействие на буржуазный социализм со стороны революционного марксизма особенно ясно видно на примере формирования нового, революционного мировоззрения бывшего буржуазного профессора В. В. Святловского, который от этического социализма постепенно полностью перешел на позицию марксизма и стал его горячим приверженцем и пропагандистом. В целом ряде работ послеоктябрьского периода В. В. Святловский

⁶³ Там же. С. 86.

⁶⁴ Там же. С. 87.

⁶⁵ Мануйлов А. А. Политическая экономия. Вып. 1. М., 1919. С. 20.

⁶⁶ Там же. С. 22.

⁶⁷ Там же.

подробно разъяснил выдающиеся заслуги марксизма как в развитии самого социалистического учения, так и в развитии революционного движения рабочего класса. Вот некоторые примеры его пропагандистской работы: «Маркс, — писал В. В. Святловский в „Очерках по анархизму“, — вырабатывал точку зрения пролетариата, роль которого в ходе развития европейского общества он постепенно выяснял. У Маркса складывалась новая классовая точка зрения и понимание истории как истории борьбы классов»⁶⁸. В. В. Святловский подчеркивал революционный энтузиазм, присущий марксизму: «Материализм и научность Маркса, суровый реализм и решимость масс в эпохи и дни подъема — полны высокого гражданского пафоса, пламенный стиль и призыв к действию революционного набата — полный своего особого идеализма, не имеющего ничего общего со схоластическим идеализмом метафизиков»⁶⁹.

Сильное воздействие на формирование взглядов В. В. Святловского оказали теория и тактика ленинизма. В его работах начиная с 1924 г. постоянно подчеркивается выдающееся значение революционной борьбы пролетариата под руководством В. И. Ленина: «... Колоссальная по замыслу и значению Октябрьская революция, а затем великий Ленин, его дело и его кончина — многое выяснили, многому и научили»⁷⁰. Признавая роль диктатуры пролетариата, В. В. Святловский писал: «... Теперь пролетариат России, пережив Октябрь и выдвинув неизвестное буржуазным капиталистическим странам новое, появившееся в пролетарском движении с диктатурой пролетариата, тем самым является пионером, а следовательно, учителем во всем рабочем деле. Наш пролетариат строит новую жизнь и прокладывает к ней новые пути»⁷¹.

Разумеется, не все буржуазные ученые могли воспринять полностью основы революционного марксизма, хотя многие представители левого крыла буржуазного социализма признавали заслуги научного коммунизма. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания Н. А. Каблукова, труды которого по статистике получили мировое признание. Он отмечал выдающиеся заслуги марксизма в развитии экономической теории, в частности в развитии трудовой теории стоимости. Вместе с тем Н. А. Каблуков не мог принять идеи диктатуры пролетариата. Будучи сторонником теории «кооперативного социализма», он все надежды на преобразование общества на началах коллективизма возлагал исключительно на мирную эволюцию кооперативных обществ.

Рассуждения Н. А. Каблукова на этот счет отражали воззрения ученых левого крыла буржуазного социализма. Он писал, что с точки зрения строения и задач кооперативных организаций они

⁶⁸ Святловский В. В. Очерки по анархизму. Пг., 1922. С. 10.

⁶⁹ Святловский В. В. Каталог утопий. Пг., 1923. С. 4.

⁷⁰ Святловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1924. С. 2.

⁷¹ Там же. С. 22.

«ведут мирными средствами к преобразованию существующего строя. И это единственный путь. . . мы видим, что то, что представляет собою классовая борьба, ведет лишь к тому, что на место засилья одного класса наступает засилье другого. Так это принимается и принципиально, когда говорят о диктатуре пролетариата. При ней все равно, как и при всякой диктатуре, не может быть свободного волеизъявления со стороны всех; будут, следовательно, угнетатели и угнетаемые с перевесом силы то в ту, то в другую сторону, и без перемены тех принципиальных основ, на которых зиждется современный капиталистический строй. И по-прежнему, следовательно, будут создаваться новые классы и продолжаться борьба их интересов»⁷².

Конечно, признания идеи диктатуры пролетариата нельзя ждать от буржуазных экономистов, даже если они и стали на путь сотрудничества с Советской властью. Но определенный сдвиг в мировоззрении целого ряда буржуазных ученых можно наблюдать уже в рассматриваемый период. К признанию идеи классовой борьбы и выдающейся роли революционного марксизма в обосновании этой идеи пришли К. А. Пажитнов и С. И. Солнцев, ставшие впоследствии видными советскими экономистами. С. И. Солнцев значительно перестроил свои труды по теории классов, показав, что наиболее правильное определение сущности «социального класса» и классовой борьбы «дал именно марксизм»⁷³. А К. А. Пажитнов, ставший директором кооперативного института, во многом изменил свои взгляды на «нейтрализм» кооперативного движения и признал огромную роль социалистической партии в организации и руководстве этим движением. В крупной работе, посвященной кооперации, К. А. Пажитнов писал, что идея «нейтрализма» кооператоров несостоятельна, что «быть настоящим кооператором — значит быть социалистом в той же мере, как и будучи членом социалистической партии, т. е. значит стремиться к новому общественному строю и готовить его наступление»⁷⁴. Он писал, что кооперативы, как и социалистические партии, должны подготавливать почву для социализма. При этом К. А. Пажитнов точно и верно определял социализм как «такой общественный строй, в котором средства и орудия производства принадлежат не отдельным частным лицам, а всему обществу и в котором благодаря этому труд избавлен от эксплуатации капитала, а нетрудовые источники доходов устранены»⁷⁵.

Рассуждения буржуазных социалистов о природе и сущности социалистического хозяйства отличались наивностью, но они представляют большой исторический интерес, поскольку отражали эволюцию буржуазного мировоззрения после социалистической революции. В этом отношении особенно типичны рассуждения

⁷² Каблуков Н. А. Политическая экономия. М., 1918. С. 231—232.

⁷³ Солнцев С. И. Общественные классы. М., 1919.

⁷⁴ Пажитнов К. А. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1918. С. 63.

⁷⁵ Там же. С. 60.

буржуазного профессора А. А. Мануйлова, который занимал после Октября относительно нейтральные позиции по отношению к Советской власти. В своем курсе по политической экономии А. А. Мануйлов выделил специальный раздел, в котором рассмотрел природу социалистической организации производства и его формы. Он писал, что вполне можно представить такую форму народного хозяйства, которая была бы основана на планомерной организации хозяйственной деятельности народом как целым. «Такое народное хозяйство было бы не псевдохозяйством, а настоящим хозяйством. Его субъектом был бы народ, который в полном составе или через особые органы, сознательно и планомерно вел бы свое хозяйство. Это была бы такая же организация, как и индивидуальное хозяйство, субъектом которого является физическое или юридическое лицо. Планомерное народное хозяйство можно мыслить организованным на различных началах» ⁷⁶.

А. А. Мануйлов выделяет три типа организации социалистического хозяйства в зависимости от того, кто является субъектом хозяйственной деятельности. Обрисовывая первый тип социалистического планомерного хозяйства, А. А. Мануйлов писал, что вполне можно представить такую ситуацию, когда «вся хозяйственная деятельность народа без всякого принуждения извне, а исключительно силою вещей сосредоточилась бы в свободно возникших и свободно действующих организациях, например кооперативах, и что все эти организации связаны между собой единым планом деятельности, выработанным и осуществляемым их представителями в лице совета кооперативов страны. Такое устройство хозяйственной жизни народа было бы общественным народным хозяйством» ⁷⁷.

Второй тип организации социалистического хозяйства А. А. Мануйлов предлагал назвать «государственным хозяйством», если бы оно «было организовано силою государственного авторитета и опиралось на принудительное начало» ⁷⁸. Подобный тип хозяйства, отмечал он, существует и теперь наряду с народным хозяйством, но задача состоит в том, чтобы такая организация «слилась бы с народным хозяйством в одно целое» ⁷⁹. И наконец, третий тип хозяйства занимает, по его словам, «среднее место» между общественным и государственным, это общественно-государственное хозяйство, в котором «вся хозяйственная деятельность в стране была бы распределена между государством и общественными организациями, вольными или опирающимися на авторитет государственной власти, как земское и городское самоуправление» ⁸⁰. Все эти типы планомерного хозяйства А. А. Мануйлов считал возможным назвать «коллективистическими».

⁷⁶ Мануйлов А. А. Политическая экономия. Вып. 1. С. 123.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

Подобные рассуждения были типичными для левого крыла буржуазного социализма в России. Они отражали глубокое разочарование в капиталистической системе хозяйства, переживавшей острый экономический и политический кризис. И все же это был буржуазный социализм, поскольку осуществление социалистического хозяйства они отодвигали в неопределенное будущее, представляя его в качестве идеала, медленно и эволюционно вырастающего из капитализма.

Признание потенциальных преимуществ социалистического строя выгодно отличает русских буржуазных социалистов от современных поборников частной собственности и возврата к капиталистическим методам хозяйствования. Экономический плюрализм не означает, по нашему мнению, признания «равноправия» капитализма и социализма, ибо последний призван уничтожить социально-экономическое неравенство. Оно недостижимо при господстве частной собственности, доказавшей свои преимущества лишь в ограниченной сфере (торговле, культуре, науке, мелком предпринимательстве и т. п.). Напротив, социализм призван ликвидировать социальное неравенство в широких размерах, а потому мы поддерживаем тех экономистов, которые, признавая достижения современного капитализма, все же выступают против повсеместного «введения» капиталистического хозяйства.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА
М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО1. Методологические основы экономической теории
М. И. Туган-Барановского

Среди выдающихся представителей русского буржуазного социализма наиболее видным и последовательным был М. И. Туган-Барановский. Начав научную деятельность с попытки примирения трудовой теории стоимости и теории предельной полезности австрийской школы, он неуклонно развивал свои выводы на основе как марксистской экономической теории, так и наиболее ценных достижений немарксистской политической экономии. Об этом следует сказать с самого начала, ибо большинство исследователей его политико-экономического наследия дают, на наш взгляд, одностороннюю, а потому ошибочную оценку этого наследия, видя в творчестве М. И. Туган-Барановского своего рода «эклетицизм», на самом деле отсутствующий в трудах видного ученого.

По этому поводу мы заметим, что и А. А. Богданова упрекали в эклетицизме, несмотря на его неукротимый монизм, который объединяет все его исследования. Не менее последовательным оказывается и М. И. Туган-Барановский, если подходить к его научному наследию не догматически, а с исторических позиций. По поводу А. А. Богданова мы писали, что он через всю жизнь вел одну и ту же «борозду», но она проходит через сердце мира. С меньшей энергией мы пытаемся переосмыслить и творчество М. И. Туган-Барановского, памятуя о том, что он до конца жизни был верен установленному им закону о пропорциональности предельной полезности хозяйственных благ их трудовым стоимостям. Подобно тому как центральной идеей всей теории А. А. Богданова была идея «монизма опыта», так и центральной идеей всего творчества М. И. Туган-Барановского был установленный им закон, примиряющий различные, подчас противоположные политико-экономические воззрения.

Еще в юношеские годы, тщательно штудировав различные политико-экономические доктрины и социалистические учения, он пришел к мысли, что противоположность ряда этих доктрин мнимая, что на самом деле они взаимно дополняют друг друга. Эта идея показалась ему настолько заманчивой, что он посвятил большую часть жизни именно «очищению» разного рода доктрин от того, что им мешает быть целостными. Решающую роль в формировании его мировоззрения сыграли работы основоположников научного социализма, но мы не решаемся по установившейся традиции отнести его к революционным марксистам, но не потому, что он дал искаженное представление о марксизме, а потому что по традиции его относят к либералам, проделавшим эволюцию от мар-

ксизма к либерализму. Эта установившаяся традиция мешает нам со всей определенностью сказать, что в своей основе *подавляющее большинство* его теоретических построений не только не противоречит марксизму, но и является своего рода обогащением этого учения, подчас с весьма неожиданных сторон. Речь идет не только о его теории экономических колебаний, о которой мы писали выше и которую теперь признают все ученые, считая ее последовательно марксистской, но о самом значительном в его политико-экономическом учении — теории ценности и распределения.

Мы осмелимся сказать, что большинство критиков теории М. И. Туган-Барановского значительно умили бы пыл, если бы проследили ход политико-экономических суждений М. И. Туган-Барановского «изнутри», т. е. исходя из существа его концепций, подчас «затуманенных» его критическими замечаниями в адрес марксизма. По нашему мнению, трагедия (именно трагедия) М. И. Туган-Барановского состояла в том, что он в молодые годы не был знаком с фундаментальной работой Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии», с перепиской К. Маркса и Ф. Энгельса о «Капитале», а также, несомненно, с «Теориями прибавочной стоимости» К. Маркса, не говоря уже об «Экономических рукописях 1857—1861 гг.» и «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Мы уверены, что творческий путь, пройденный М. И. Туган-Барановским, был бы иным, будь он знаком с этими работами основоположников научного коммунизма. Тем досаднее, что люди, знакомые ныне с этими работами, не могут понять всей глубины постановок М. И. Туган-Барановским целого ряда политико-экономических проблем и по традиции относят их к вульгарной политической экономии.

В данной работе мы попытаемся в сжатой форме осветить научные достижения М. И. Туган-Барановского, не претендуя на полноту анализа и ограничиваясь теорией социалистического хозяйства. Нам приходится начать с самого начала — с доказательства того, что теория стоимости М. И. Туган-Барановского ни в какой своей части не противоречит марксизму, а, наоборот, обогащает или, точнее, освещает его экономическую теорию новым, плодотворным светом. Он начал с утверждения, что теория предельной полезности австрийской школы «не только не составляет опровержения взглядов Рикардо или Карла Маркса», но, наоборот, «правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов»¹. Это противоречило взглядам большинства социал-демократов, видевших в теории австрийской школы прямой вызов марксизму, чему немало способствовало и утверждение одного из основоположников учения «австрийцев» К. Менгера о том, что он создает новую теорию, принципиально отличную как от учения классиков буржу-

¹ *Туган-Барановский М. И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юрид. вестн. 1890. № 10. С. 228.*

азной политической экономии, так и от экономической теории марксизма, не способной якобы объяснить научно феномен ценности.

Можно было себе представить, каково было удивление русских марксистов, когда М. И. Туган-Барановский заявил, что именно до работы К. Менгера можно было думать о несоответствии между оценкой блага по его хозяйственной полезности и оценкой того же блага по трудовой стоимости последнего. «Теория предельной полезности доказывает, что оба принципа оценки находятся между собой в согласии, которое тем более, чем в большей мере распределение народного труда подчиняется хозяйственному принципу»², — писал М. И. Туган-Барановский.

Согласно хозяйственному принципу, достижение максимальных результатов при наименьших затратах возможно именно при учете не только объективных моментов при экономической оценке благ, которые характеризуются величиной трудовой стоимости, но и субъективной психологической полезности, определяющей степень соответствия благ удовлетворению потребностей индивидов. Поэтому сфера «чисто» экономических явлений должна быть дополнена психологическими мотивами, без которых невозможна единая теория ценности. Последняя, по словам М. И. Туган-Барановского, не может базироваться на одном каком-либо моменте — объективном или субъективном, так как они взаимно дополняют друг друга. Оба момента необходимы, ибо составляют своеобразные методологические приемы, без которых теория ценности была бы односторонней.

Объективные элементы при экономической оценке благ определяются, по мнению М. И. Туган-Барановского, не трудовой ценностью, а трудовой стоимостью хозяйственных благ. Это нельзя упускать при рассмотрении теории ценности М. И. Туган-Барановского, который строго различал данные понятия. Именно трудовая стоимость, а не трудовая ценность характеризует экономическую оценку благ: трудовая ценность, указывал М. И. Туган-Барановский, есть не более, чем простой методологический прием исследования: «Трудовая ценность может иметь при анализе современного хозяйственного строя только одно значение: значение методологического приема, сознательного абстрагирования определенного явления от всех усложняющих моментов и приурочивания этого явления к одному из этих моментов»³.

М. И. Туган-Барановский полагал, что К. Маркс создал не трудовую теорию стоимости, а теорию абсолютной трудовой ценности. Он неоднократно указывал на односторонность такого подхода, ибо логическими категориями хозяйства являются ценность и стоимость, а не трудовая ценность. Последняя, по словам М. И. Туган-Барановского, есть не более, чем условное предполо-

² Там же.

³ *Туган-Барановский М. И. Трудовая ценность и прибыль // Науч. обозрение, 1900. № 3. С. 617.*

жение — «фикция, но полезная фикция»⁴. Ее место в единой теории ценности должна заменить категория объективной трудовой стоимости. Субъективная ценность выражает результаты хозяйствования — «получку», объективная трудовая стоимость — трудовые затраты на ее добывание. Обе теории тем самым образуют разные, но взаимосвязанные категории хозяйствования безотносительно к форме общественного производства. Причем определяющим моментом является трудовая стоимость, а ценность, определяемая предельной полезностью, есть функция трудовой стоимости: «Предельная полезность — полезность последних единиц каждого рода продуктов — изменяется в зависимости от размеров производства. Мы можем понижать или повышать предельную полезность путем расширения или сокращения производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует, что при составлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым — предельная полезность. Говоря математическим языком, предельная полезность должна быть функцией трудовой стоимости»⁵.

Какова же зависимость между предельной полезностью благ и их трудовой стоимостью? М. И. Туган-Барановский рассуждает следующим образом. Имеются две отрасли производства *A* и *B*. Рациональный хозяйственный план требует такого распределения труда между этими отраслями, чтобы польза, получаемая в трудовом процессе в последнюю единицу времени, стояла в обеих отраслях на одинаковом уровне (точнее в пределе). Без этого равновесия рациональный план, т. е. получение наибольшей суммы пользы, немислим, ибо, если, например, в последний час в производстве *A* можно получить сумму полезности, выражаемую цифрой 10, а в производстве *B* эта полезность будет выражаться лишь цифрой 5, то, очевидно, благо *B* выгодно не производить и время следует затрачивать на производство *A*. Если же трудовая стоимость продуктов различна, но польза, получаемая в последнюю единицу времени, одинакова, то следует вывод, что *«полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов»*⁶.

Таким образом, рациональное ведение хозяйства требует объединения в едином синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности: «Обе теории, по обычному мнению взаимно исключающие друг друга, находятся в действительности в полной гармонии друг с другом. Обе теории исследуют различ-

⁴ Там же. С. 622.

⁵ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. С. 47.

⁶ Там же. С. 47.

ные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила субъективные, трудовая теория — объективные факторы хозяйственной ценности»⁷. Особенно ценным представляется М. И. Туган-Барановскому анализ австрийской школы, которая характеризуется монизмом раз принятой точки зрения: «Великая заслуга новой теории заключается в том, что она обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное и исчерпывающее объяснение *всем* явлениям процесса оценки, исходя из *одного* основного принципа»⁸.

С позиций единой теории ценности М. И. Туган-Барановский и построил свою экономическую модель социалистического хозяйства, которую он рассматривал как наиболее рациональную, «гармоническую» систему хозяйства. В хозяйствах подобного типа производство ведется планомерно, т. е. принципы рационального ведения хозяйства воплощаются наиболее полно. Специфическая особенность такого хозяйства — установление общего владения средствами производства и обеспечение полного экономического равенства для всех участников хозяйственного процесса. Еще до Октябрьской революции он предвидел реальную возможность осуществления такого хозяйства, хотя и не считал возможным построение политической экономии социализма. Говоря о сущности социалистического хозяйства, он писал: «*Социалистическое хозяйство*, пока не существующее, было бы такой гармонической системой хозяйства, при которой согласованность интересов отдельных общественных групп достигалась бы признанием экономической равноправности всех членов общества, равным участием в общественном труде и равным правом пользования плодами этого труда на основе общественного владения средствами производства»⁹.

Как видим, М. И. Туган-Барановский не только правильно понимал необходимость экономического равенства всех членов общества, но и указывал его основу — социалистическую собственность на средства производства. Он недооценивал марксистскую идею равенства, но было бы неправомерно утверждать, что этот грамотный социалист не понимал всего величия идеи равенства, ибо именно он впервые в мировой литературе, как уже отмечалось, выдвинул идею *ценности* и *равноценности* человеческой личности в качестве основания единой политической экономии как науки. М. И. Туган-Барановский возражал только против понимания равенства как равенства умственных и физических способностей людей. Это действительно не имеет ничего общего с социалистической идеей равенства.

По нашему мнению, необходим пересмотр некоторых традиционных обвинений в адрес М. И. Туган-Барановского, будто он стоял на позициях антиисторизма и идеализма, что он якобы

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 89.

изображал коммунизм как «подобие казарменного строя»¹⁰. Как увидим ниже, эти обвинения лишены всякой основы. Но в порядке самокритики мы отметим, что и в наших ранних работах допускалась неоправданная трактовка ряда положений М. И. Туган-Барановского, в частности теории ценности, схем воспроизводства, теории кризисов, идеи равенства как якобы проявлений вульгарной политической экономии¹¹. В особенности неправомерно отождествление методологии М. И. Туган-Барановского с методологией П. Б. Струве, который рассматривал будущее общество как «субъективное телеологическое единство», исключающее по существу объективные закономерности.

В отличие от П. Б. Струве М. И. Туган-Барановский придавал большое значение экономическим факторам экономического развития, ведущим к социалистической организации хозяйства. В движении «экономического фактора» и в признании закономерности концентрации производства он видел наиболее сильную сторону марксизма, хотя и считал, что социализм является надисторическим идеалом человечества. Рассматривая различные определения цели и сущности социализма, М. И. Туган-Барановский особо остановился на процессе концентрации и централизации производства как необходимой предпосылке практической реализации социалистического идеала.

Он писал: «Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению, капиталистический способ производства экспроприрует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства как бы под влиянием взаимного притяжения сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и неорганизованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства создает почву для будущего социалистического производства, и в то же время этот процесс ведет к укрупнению производства, становится все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства, и в то же время этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства легче всего объясняет, каким образом капиталисти-

¹⁰ См.: Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма: (Критические очерки). М.: Наука, 1975. С. 184—189.

¹¹ См.: История русской экономической мысли. Т. III, ч. 1. С. 210, 361—362 и др.

ческий хозяйственный строй превратился в свою противоположность, каким образом из беспощадной борьбы, угнетения, эксплуатации и ненависти, царящих ныне, вырастает, с необходимостью естественного процесса, семя мирной, свободной и равноправной социалистической ассоциации будущего. Капитализм является, при таком понимании условий развития социализма, суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накапливает силы для того, чтобы взять в свои руки руководство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественного хозяйства планомерной, сознательной организацией его»¹².

Это описание «сильной стороны» марксизма настолько точно, что не нуждается в комментариях. Оно сразу же отбрасывает все обвинения со стороны критиков марксизма в утопизме марксистского обоснования объективных условий наступления социализма. И этому нисколько не противоречит тот факт, что человек должен рассматриваться как самоцель исторического развития, как подлинно научная этика современного социалистического мировоззрения. Социалистический идеал не противостоит закону причинности, а лежит в основании «телеологической связи», соединяющей необходимость и возможность в категории долженствования.

Итак, писал М. И. Туган-Барановский, К. Маркс «основывает свои социальные требования на законах социальной необходимости. Конечно, все на свете необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никаких исключений. Социальный материализм предписывает решающую роль в процессе исторического развития экономической необходимости. С этим можно соглашаться или нет, но, во всяком случае, нельзя отрицать, что закон причинности безусловно господствует в истории человечества, как и вообще в природе, и что социальное будущее так же детерминировано, необходимо, как и социальное прошлое»¹³.

Опираясь на марксистское учение о закономерности социально-экономического развития, М. И. Туган-Барановский выступил против противопоставления социального идеала и социального предвидения, поскольку последнее не исключает свободу воли и само долженствование подчинено научному анализу исторических законов. «Вопрос заключается в данном случае не в том, существует ли социальная необходимость или нет, подчинен ли исторический процесс закону причинности или не подчинен. Этот вопрос уже давно решен философской и научной мыслью в утвердительном смысле. Перед нами проблема совершенно иного рода — совместима ли свобода нашей сознательной воли с сознанием необходимости того, на что наша воля направлена. И опять-таки, дело идет не о свободе воли в философском смысле. Достаточно того, что *психологически* мы сознаем себя свободными (хотя бы

¹² Туган-Барановский М. И. Очерки из новейшей политической экономии и социализма. 5-е изд. СПб., 1914. С. 247--248.

¹³ Там же. С. 251.

это сознание было и ошибочным). Могу ли я *хотеть*, могу ли я напрягать свои силы для достижения того, что я сознаю, как необходимо должествующее произойти? Вот в чем вопрос»¹⁴.

И М. И. Туган-Барановский дает отрицательный ответ на этот вопрос. Мало хотеть, нужно *уметь* достичь желаемого. «Чем обширнее наше предвидение, тем целесообразнее направляются наши усилия, тем менее сталкиваются они с естественным и необходимым ходом вещей, тем более шансов на победу. Вот почему возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе — за социальный идеал!»¹⁵.

С этой точки зрения М. И. Туган-Барановский рассматривает целый спектр мнений о социалистическом идеале, предпочитая его этическое обоснование и отдавая предпочтение научному сочетанию социального идеала и социального предвидения. Он писал: «Прекрасно, если предвидимое нами направление исторического развития совпадает с нашим идеалом. Тогда в нашем социальном мировоззрении нет никаких диссонансов, и оно проникнуто здоровым оптимизмом. Но если картина будущего, раскрывающаяся перед нашим умственным взором, идет грубо вразрез с тем, что мы считаем святым и высоким, если мы не видим впереди приближения к нашему идеалу, то решимся ли мы изменить наш идеал, чтобы привести его в согласие с действительностью? Нет и нет! Чем глубже была окутывавшая их ночь, тем дороже становился им единственный могучий луч света, прорезывавший тьму и исходивший из них самих, из их собственного внутреннего мира, из непобедимого идеала. Ни для чего в мире не согласится человек с нравственно развитым сознанием поступиться своим идеалом, который есть единственное верховное, чистейшее и прекраснейшее благо, единственная абсолютная ценность, нечто бесконечно и безусловно обязательное — то, ради чего всем можно пожертвовать, но что само никогда, ни для кого не может быть предметом жертвы»¹⁶.

Столь высоко оценивая прелесть и притягательную силу социалистического идеала, М. И. Туган-Барановский отмечал, что его были не чужды и основоположники научного социализма. Теоретически неправильно считать, утверждал он, что марксизм в своей практической работе чуждался высоких идеалов, полученных в наследие от великих утопистов, которым он отдавал предпочтение. М. И. Туган-Барановский поражался логической стройностью марксизма, проникнутого, однако, по его мнению, и струей идеализма. «Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится и повсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, все большие народные массы собираются вокруг красного знамени социализма. Пока — это знамя отчаянной борьбы, знамени революции. Но придет время, когда для социализма, победившего капита-

¹⁴ Там же. С. 252—253.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 254.

листическое рабство, на первый план выступают положительные, творческие задачи. Как устроить жизнь на началах свободы, правды и справедливости? Марксизм не интересовался подробностями будущего социального строя, потому что этот строй казался ему далеким. Но чем ближе мы к нему будем, тем важнее будут для нас задачи, которые привлекали к себе все внимание создателей современного социализма — великих утопистов. И именно в этом направлении социалистической мысли предстоит огромная творческая работа»¹⁷.

По мнению М. И. Туган-Барановского, именно с позиций общих этических идеалов можно погасить противоположность всех самых противоречивых стремлений, всех противоположных интересов разных социальных групп и классов. М. И. Туган-Барановский не отрицал противоположности классовых интересов в капиталистическом обществе, но полагал, что точка зрения этики возвышает общественные науки над этой противоположностью.

«Эти науки, — писал он, — имеют дело с чрезвычайно важными практическими интересами человека; но интересы эти не только не бесспорны и не одинаковы для всех, а, наоборот, в существующем общественном строе по необходимости противоположны для различных групп населения. В частности, политическая экономия, по гносеологическим основаниям, имеет своим предметом изучения свободно развивающееся меновое хозяйство. Но такое хозяйство неизбежно приводит, как показывает экономическая наука, к столкновению интересов различных общественных групп. С точки зрения какого же практического интереса должна изучать политическая экономия свой предмет? С точки зрения интересов всего общества как целого? Но таковых, в большинстве случаев, нет, ибо современное общество распадается на группы с противоположными интересами. С точки зрения какой-либо из этих групп? Но в таком случае, какой именно? И не исчезает ли всякое единство в науке, если каждая общественная группа будет заявлять требование построения науки с точки зрения ее интересов? Не возникнет ли в таком случае столько же различных наук, сколько различных интересов в современном обществе?»¹⁸.

Ответ на этот вопрос М. И. Туган-Барановский ищет путем рассмотрения общих этических принципов, призванных примирить социальные интересы различных социальных групп и классов, ибо научной может быть лишь одна общественная наука.

«Действительно, — пишет М. И. Туган-Барановский, — в сфере практической жизни есть точка зрения, погашающая различия частных интересов и смело выставляющая требование общеобязательности. Это — точка зрения этики». То, что мы признаем в нравственном отношении хорошим или дурным, признается нами таковыми независимо от какого-либо частного интереса.

¹⁷ Там же. С. 255.

¹⁸ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. С. 24.

Становясь на точку зрения этики, мы получаем, следовательно, возможность возвыситься над противоположностью интересов и находим практический интерес, общеобязательный для всех людей с нормальным нравственным сознанием. «Центральной идеей современного этического сознания является формулированная Кантом идея верховной ценности и, как вывод отсюда, равноценности человеческой личности. Всякая личность есть верховная цель в себе, почему все люди равны, как носители святыни человеческой личности. Это и определяет верховный практический интерес, с точки зрения которого может быть построена единая политическая экономия: интерес не рабочего, капиталиста или землевладельца, а человека вообще, независимо от принадлежности его к тому или иному классу»¹⁹.

Подобная точка зрения, по мнению М. И. Туган-Барановского, не противоречит идее социальной солидарности, с позиций которой выступили К. Маркс и Ф. Энгельс. Он писал, что «только этические побуждения привели их к защите классовых интересов пролетариата — ведь сами-то они к классу пролетариата отнюдь не принадлежали. Но этого мало — не только лично творцы материалистического понимания истории исходили из этических мотивов, но, бессознательно для себя, они обосновывали этически и свой социальный идеал. Призывая к классовой борьбе, они совершенно недвусмысленно признавали эту борьбу злом с точки зрения высшего идеала. Если бы классовая борьба была этическим благом, то для чего был бы нужен социализм? Ведь основным преимуществом социалистического строя перед капиталистическим является, с точки зрения марксизма, именно исчезновение классов, классового эгоизма и классовой борьбы. Значит, с точки зрения марксизма, как бы ни чуждался марксизм этики — есть нечто высшее, чем классовая солидарность и классовый эгоизм — и этим высшим является полное исчезновение классовой солидарности и классового эгоизма за исчезновением самих классов»²⁰.

Подобная трактовка при всем ее несовершенстве до некоторой степени действительно отвечает этическим воззрениям марксизма. Это учение исходит из рассмотрения человека как «самоцели» общественного развития, как конечной и высшей цели истории, понимаемой как «истинное царство свободы».

Свой этический идеал К. Маркс и Ф. Энгельс формулировали ясно и определенно: царство свободы лежит за пределами «естественной необходимости», по ту сторону собственного материального производства. Только подмена марксизма «экономическим материализмом» может привести к отрицанию общих этических идеалов, которым руководствовались основоположники исторического материализма в своей непримиримой идейной борьбе. И это ничуть не противоречит научности материалистического

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же. С. 27.

понимания истории, о чем и писал М. И. Туган-Барановский, делая акцент на неизбежности «естественной смерти» капитализма и торжества социалистического хозяйства.

2. Вопросы организации, цели и сущности социализма

Как известно, большинство буржуазных экономистов отрицали необходимость политической экономии социализма. Они связывали судьбу политической экономии с судьбой товарно-капиталистического хозяйства, которое представлялось единственно возможной хозяйственной системой. В отличие от них М. И. Туган-Барановский стоял за политическую экономию в широком смысле слова, как науку, изучающую все предшествующие формы хозяйства. В то же время он полагал, что существуют глубокие гносеологические основания для того, чтобы связывать судьбу политической экономии с судьбой неорганизованного менового хозяйства. Он считал, что политическая экономия изучает взаимодействие разрозненных хозяйственных единиц, из которых складывается народное хозяйство, ибо, по его мнению, только такое взаимодействие обуславливает существование причинно-следственных связей. Последние отождествлялись со стихийным типом действия хозяйствующих субъектов, когда отсутствует сознательное регулирование общественно-экономического процесса.

В отличие от подавляющего числа экономистов (в том числе и марксистов) М. И. Туган-Барановский делал акцент на общественном характере политической экономии как науки, изучающей не отношения людей к природе, а общественные отношения между людьми в процессе хозяйственной деятельности. Он указывал, что меновое хозяйство не представляет собой застывшей и неизменной хозяйственной системы, а находится в процессе непрерывного развития, поэтому, изучая меновое хозяйство, экономическая наука изучает и эти процессы развития. Стихийные же силы народного хозяйства суть не что иное, как общественные отношения людей, участвующих в меновом хозяйстве. Благодаря условиям этого хозяйства каждый участник его, достигая своих целей, вступает во взаимодействие с другими участниками; эта взаимная зависимость одних членов менового общества от других и образует общественные отношения менового хозяйства. Таким образом, подчеркивал М. И. Туган-Барановский, политическая экономия в широком смысле слова есть наука об общественных отношениях людей в пределах их хозяйственной деятельности; напротив, политическая экономия в узком смысле слова есть наука об общественных отношениях людей в пределах их хозяйственной деятельности, совершающейся в среде исторически развивающегося свободного менового хозяйства.

Естественно, что такой подход расширяет рамки и функции политической экономии как науки. Но он еще не позволяет, по мнению М. И. Туган-Барановского, включить в курс политической экономии в качестве ее важнейшей части изучение социалистиче-

ского хозяйства, поскольку оно сознательно регулируется обществом и его членами, что якобы исключает наличие причинно-следственных связей, как это имеет место в среде свободно развивающегося менового хозяйства. Ведь если и возможна экономическая теория на основе «системы коллективности», писал М. И. Туган-Барановский, т. е. система, в которой экономические отношения подчиняются регулирующей власти общества, то эта теория будет иметь совершенно иной характер, чем теория стихийных процессов свободного менового хозяйства. В высшей степени сомнительно, отмечал он, чтобы экономическая теория, изучающая «систему коллективности», могла достигнуть существенно высшего развития, чем какая-нибудь другая отрасль теории политики. То, что отличает экономическую науку от других общественных наук — установление системы причинных законов экономических явлений, — вызывается именно характерными особенностями ее современного предмета изучения — свободного менового хозяйства.

Следовательно, указывал М. И. Туган-Барановский, «экономическая теория, изучающая „систему коллективности“, не может сложиться в точную науку о причинных соотношениях хозяйства, как современная политическая экономия. И потому есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развивалась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины — напр., статистика — должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки — социологии»²¹.

Следует отметить, что подобную точку зрения разделяли не только буржуазные экономисты, но и многие экономисты-марксисты (Н. И. Бухарин, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург и др.). Эта точка зрения противоречит определению политической экономии в широком смысле слова как науки, изучающей законы производства и обмена на всех ступенях развития человеческого общества.

Ограничение политической экономии рамками менового хозяйства сужает круг проблем, изучаемых этой наукой, ставит под сомнение наличие объективных экономических законов в условиях социалистического хозяйства. Но подспудно в этом отрицании политической экономии для изучения «системы коллективности» проглядывает мысль о принципиальном отличии характера действия экономических законов социализма от характера их действия в условиях товарно-капиталистического хозяйства. Если строго придерживаться марксистско-ленинского учения об объективности законов, то необходимо выделять не два, как принято думать,

²¹ Там же. С. 17—18.

а три типа объективности их действия: 1) естественную, когда закономерность складывается как равнодействующая полностью стихийных сил без участия сознания; 2) естественноисторическую, когда имеются столкновения сознательных воли и действий, но законы выступают как стихийный результат этих столкновений в силу атомизированного строения общества, не объединенного единой целью в масштабе всего общества; 3) исторически планомерную, когда закономерность складывается как заранее предвидимый, но необходимый результат общественных действий с участием общественного сознания, но относительно независимый от него в плане основной линии общественного развития, которая определяется онтологической внутренней целью общественного производства.

Отрицание политической экономии социализма было обусловлено недооценкой исторически планомерной объективности действия экономических законов. Такая недооценка этих законов характерна и для многих современных экономистов, акцентирующих внимание на сознательных целях и игнорирующих онтологический характер внутренней цели общественного развития, определяющей общую направленность социалистического производства, и относительно независимый от воли отдельных индивидов характер действия экономических законов социализма. Социалистическая организация производства не свободна от действия объективных экономических законов, но исторически планомерная объективность принципиально отлична от естественноисторической объективности, а тем более от «естественной» закономерности, определяемой действием полностью стихийных сил. Ошибка тех, кто отрицал необходимость политической экономии социализма, состоит не только в отрицании исторически планомерной объективности, но и в отождествлении естественноисторической объективности с «естественной» (Н. И. Бухарин, М. И. Туган-Барановский и др.), т. е. в непонимании достаточно важной роли «включенности» человека в процесс объективного развития, приводящий к гуманизации этого развития и раскрепощению роли сознательных воли и действий отдельных членов общества.

Правда, в отличие от Н. И. Бухарина М. И. Туган-Барановский признавал основной и имманентный дуализм общественно-экономического процесса, ибо, по его словам, во всяком реальном народном хозяйстве действуют силы двоякого рода: во-первых, бессознательные, стихийные силы взаимодействия единичных хозяйств, которые и составляют важнейший предмет изучения политической экономии; во-вторых, сознательное, целесообразное регулирование хозяйственных процессов общественной властью. Народное хозяйство есть не только стихийный комплекс единичных хозяйств: в нем действует и регулирующая сила органов общественной власти — прежде всего государства. Последнее в большей или меньшей степени ограничивает свободу действий единичных хозяйств, подчиняя их деятельность определенному плану, привносимому самим государством. Тем не менее, считал

М. И. Туган-Барановский, наука политической экономии возникла на основе изучения не этих сознательных регулирующих сил народного хозяйства, а именно бессознательной закономерности свободного обмена.

Естественно, что с этой точки зрения регулируемое хозяйство не может быть объектом политической экономии и ее место должна занять наука экономической политики. Так и думали большинство экономистов, признававших осуществимость социалистического хозяйства, но полагавших, что в нем исчезают объективные закономерности. Эти экономисты считали, что сознательное регулирование есть «царство сознательных целей», и не могли понять того, что при «царстве» этих целей неизбежна объективизация сознательных воле и действий, онтологизация внутренней цели общественного производства. Свобода в постановке и реализации целей даже при социализме не может быть абсолютной: объективные факторы детерминации хозяйственного процесса действуют как на этапе сознательной постановки целей, так и на этапе целедостижения. Игнорирование этой объективной детерминации неизбежно ведет к волюнтаризму, что мы и наблюдали во всей истории нашей страны.

Выше мы указывали, что «телеологическое единство» социалистического общества не исключает объективности действия экономических законов. К этой мысли и склонялся М. И. Туган-Барановский, делая акцент на понимании социалистического хозяйства как царства этических идеалов, сознательных целей отдельных членов общества. Объективной основой соединения целей в единую систему, функционирующую с наименьшей эффективностью, чем свободное меновое хозяйство, М. И. Туган-Барановский считал общее владение средствами производства, на базе которого только и возможно подлинное социально-экономическое равенство. Мы сознательно повторяем эту мысль, ибо до сих пор в литературе ему приписывается игнорирование идеи равенства: на самом деле он считал, что при общественном ведении и регулировании производства высшей целью экономической политики как раз и будет достижение высшей цели — равенства всех сознательных членов общества; он считал социализм общественным строем, при котором только и возможно достижение этого равенства.

Исходным пунктом социалистического учения М. И. Туган-Барановского является этическая идея о необходимости рассмотрения человека как «верховой ценности» всего общественного бытия. По его мнению, идея «равноценности» человеческой личности должна стать исходным пунктом всего социалистического мировоззрения. С этой точки зрения он рассматривал и различные социалистические учения — насколько они соответствуют обеспечению полной свободы личности. М. И. Туган-Барановский различал социализм в узком смысле слова («коллективизм») и коммунистическую организацию общества, которую он мыслил как полное равенство в сфере потребления материальных благ. Давая свою классификацию форм социализма и коммунизма, он разли-

чал «государственный социализм» («коллективизм»). синдикальный социализм, коммунальный социализм и анархизм. Последний казался ему наиболее полным воплощением идеи свободы личности, а экономической организацией, призванной осуществить эту идею, он считал кооперацию.

Социалистическую организацию общества М. И. Туган-Барановский считал не результатом естественноисторического развития, а таким общественным строем, который сознательно конструировался из общих соображений об общечеловеческих идеалах. Социализм для М. И. Туган-Барановского не столько закономерен, сколько жизнеспособен. Он утверждал, что в противоположность естественно выросшим общественным формам социалистическое общество является «надисторическим идеалом человечества» и представляет собой «искусственную, придуманную форму человеческого общежития»²².

Философское обоснование социалистического мировоззрения, по мнению М. И. Туган-Барановского, состоит в идее И. Канта о «равноценности» человеческой личности, поскольку это мировоззрение «опирается на этические принципы»²³. Этическое обоснование социализма положено М. И. Туган-Барановским в основу всех его моделей социализма, всех сконструированных им форм экономического строя социализма. Для современного социализма, утверждал М. И. Туган-Барановский, личность человека есть «верховная ценность мира»; поэтому общеобязательный моральный идеал социализма — требование свободы и равенства для всех человеческих личностей. Каждая из этих личностей должна представлять собой своеобразную «самоцель», интересам которой должен быть подчинен весь строй общества. «Идеальное человеческое общество, — подчеркивал М. И. Туган-Барановский, — и должно быть таким царством целей»²⁴. Всестороннее развитие личности составляет с социалистической точки зрения «конечную и верховную цель общественного союза»²⁵.

Идеи свободы личности, равенства не противоречат коренным принципам марксистско-ленинского учения о социализме, поскольку марксизм считает полное, свободное и всестороннее развитие личности действительной целью социализма. Однако, рассматривая развитие личности в качестве основного смысла и содержания цели социализма, марксизм в то же время видит социализм объективным результатом общественного развития. Последнее с неотвратимой неизбежностью ведет к возникновению социализма. Для марксизма утверждение достоинства личности, идеи свободы и равенства является не надисторическим идеалом человечества, с которым должна сообразоваться действительность, а объективным результатом развития самой этой действительности.

²² *Туган-Барановский М. И.* Социализм как положительное учение. Пг., 1918. С. 7.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 13.

Марксистско-ленинская теория исходит из признания идеи «равноценности» человеческой личности, но рассматривает ее как коренную черту реальной системы отношений социализма. Для марксизма эта идея — не этическая идея в смысле Канта, поскольку выводится посредством научного анализа из самих общественных отношений. Марксистско-ленинская теория исходит из коренного положения о том, что осуществить процесс преобразования общества на началах свободы и равенства личности можно только посредством социальной революции.

Для реализации принципов социализма, писал М. И. Туган-Барановский, марксисты считают совершенно недостаточным объявить всех людей равноправными. Он признает, что марксизм исходит из необходимости реально обеспечить эти права и прежде всего преобразовать современное хозяйственное устройство. Социализм исходит из необходимости экономической равноправности всех членов общества. Экономическое равенство — неотъемлемый элемент социализма.

В работах, написанных после Октября, М. И. Туган-Барановский уже не выступал открыто против марксистской идеи равенства, которую он раньше объявлял из «опыта и разума» невыводимой. Под влиянием социалистической критики и прежде всего работ В. И. Ленина М. И. Туган-Барановский вынужден был признать экономическое равенство неотъемлемым свойством социализма. Тем не менее он утверждал, что «равенство само по себе отнюдь не является положительным благом», поскольку «социальным идеалом является не социальное равенство, а социальная свобода»²⁶. Противопоставляя социальное равенство социальной свободе, М. И. Туган-Барановский по существу лишь подновлял новыми аргументами свою старую критику марксистской теории равенства. Марксизм же считает установление социального равенства необходимым предварительным условием достижения полной социальной свободы.

С позиций защиты своеобразно понимаемой свободы личности М. И. Туган-Барановский подвергал критике централизованные формы организации социалистического хозяйства. Он отмечал некоторые достоинства централистической организации хозяйства, поскольку только при условии централизации возможны стройность, согласованность, пропорциональность во всех частях общественного целого. Без централизации, писал М. И. Туган-Барановский, не может быть и планомерности, поскольку планомерность может быть внесена в общество только подчинением отдельных его составных частей единому центральному плану. «Только при этом условии общественный строй может стать целиком продуктом разумной воли человека и наиболее полно приспособиться к общественным нуждам и потребностям»²⁷.

²⁶ Там же. С. 83.

²⁷ Там же. С. 81.

Однако государственная централизация таит в себе огромные опасности, подчеркивал М. И. Туган-Барановский: «... Чем большие размеры приобретает эта организация, тем большие опасности таит она для свободы отдельных лиц»²⁸. Централизм, по утверждению М. И. Туган-Барановского, всегда несет с собой бюрократизм — «оторванность общественного механизма от тесного соприкосновения с действительной жизнью», игнорирование всех ее индивидуальных отличий. Благоприятствуя умножению общественного богатства, централизация тем не менее «не будет соответствовать интересам трудящегося человека, не желающего принижать себя до простого подчинения орудия общественного целого»²⁹.

В действительности централизованное руководство народным хозяйством при социализме не обязательно должно вести к подавлению личности человека, но и может создать самые широкие возможности для развития инициативы и широкой самостоятельности всех членов общества. Плановые органы при социализме призваны считаться прежде всего с запросами и потребностями отдельных членов общества. В работах В. И. Ленина неоднократно подчеркивалась недопустимость смещения при социализме централизма с бюрократией. Говоря о необходимости последовательного проведения принципа демократического централизма в социалистическом хозяйстве, который обеспечивает «абсолютную стройность» и единение в функционировании экономических предприятий, В. И. Ленин подчеркивал, что демократический централизм впервые в истории создает возможность для «полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы»³⁰.

Вместе с тем В. И. Ленин также предупреждал о возможности бюрократического перерождения централизованных органов управления. Начиная с VIII съезда партии В. И. Ленин вел сложную борьбу против бюрократизации Советов, которые все более превращались из органов управления «через трудящихся» в органы, стоящие над трудящимися и все более отчуждающиеся от них.

М. И. Туган-Барановский предупреждал именно о таком перерождении централизованных органов управления. Поэтому его критика бюрократизма является актуальной и в наши дни. Подчеркивая опасность бюрократизации централизованного планирования, управления народным хозяйством, М. И. Туган-Барановский считал необходимым в «интересах свободы личности» дополнить централизованное планирование элементами «муниципального» и «синдикального» социализма, вплоть до анархического социализма. Эти формы социализма, выступая за полную свободу отдельных лиц, требовали ликвидации единого централизованного

²⁸ Там же. С. 82.

²⁹ Там же.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.

планирования, а вместе с ним и экономических функций социалистического государства.

На самом деле самодельные отдельные хозяйственных единиц и превращение рабочих в распорядителей производственного процесса возможны и при сохранении централизованного руководства народным хозяйством, если оно сочетает централизацию с относительной самостоятельностью отдельных хозяйственных предприятий. До некоторой степени это понимал и сам М. И. Туган-Барановский. Он отмечал, что государственный социализм (под которым он имел в виду прежде всего марксистскую концепцию социализма) «совместим с широкой свободой местных хозяйственных организаций, но лишь в известных пределах, в пределах признания верховной власти и верховного авторитета центральной хозяйственной организации»³¹.

Более того, социалистическая организация хозяйства, по словам М. И. Туган-Барановского, может в наибольших размерах поднять производительность общественного труда, если она осуществляется в достаточно крупном масштабе, какой достижим лишь в рамках целого государства: чем обширнее хозяйственная единица, тем большая планомерность возможна в хозяйственных процессах, поскольку «планомерность эта не может выходить за пределы данной организации»³². При планомерной организации хозяйства в рамках всего государства производительность общественного труда может быть поднята до такого уровня, какой «совершенно недостижим при организации хозяйства лишь внутри небольшой общины или производительной ассоциации»³³.

Признавая важность централизованного планирования, М. И. Туган-Барановский писал, что государство, разрабатывая план организации производства того или иного продукта, должно исходить из экономической целесообразности. Для этого необходимо объединение национального производства в руках государства, и поэтому социалистическое государство, взяв на себя эту задачу, должно стать важнейшей хозяйственной организацией социалистического общества. «Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнет, — писал М. И. Туган-Барановский, — то пропорциональность общественного производства должна достигаться путем планомерного распределения общественного труда. Без этой планомерности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомерность может быть создана только общественным руководством всего общественного процесса производства»³⁴.

Планомерный характер социалистического хозяйства, по словам М. И. Туган-Барановского, имеет перед собой определенную цель — наибольшее удовлетворение потребностей той общественной группы, которая ведет хозяйство. Составляя хозяйственный

³¹ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 45.

³² Там же. С. 66—67.

³³ Там же. С. 67.

³⁴ Там же. С. 65.

план, социалистическое общество исходит из тех же соображений, что и частный хозяин, ведущий натуральное хозяйство. При составлении хозяйственного плана социалистическое общество должно учитывать, с одной стороны, предельную полезность каждого продукта, с другой — трудовую стоимость. «Предельная полезность и трудовая стоимость — вот два основных элемента для построения плана социалистического хозяйства»³⁵.

Анализируя полезность как один из основных элементов хозяйственного плана, М. И. Туган-Барановский для обоснования своих позиций ссылается на схему убывающей предельной полезности. В качестве примера он приводит два конкретных вида продукта и подчеркивает, что полезность первого продукта, отвечающего более настоятельным потребностям, будет выше, чем полезность другого продукта. По мере увеличения количества этих продуктов полезность каждой из них падает, пока не спустится до нуля, поскольку существует предел для потребления. В качестве ограничителя производства у М. И. Туган-Барановского выступает труд.

Предположив, что трудовая стоимость продукта, отвечающего более настоятельной потребности, выше, чем другого продукта, М. И. Туган-Барановский приходит к следующему выводу: если общество располагает определенным количеством единиц труда для производства того и другого вида продукта, то наиболее выгодным общественным распределением труда будет такое, при котором достигается наибольшая совокупная полезность продукта. Таким образом, для построения хозяйственного плана необходимо сопоставление по отношению к каждому продукту двух основных хозяйственных категорий: полезности каждой единицы продукта и ее трудовой стоимости.

По мнению М. И. Туган-Барановского, высота ценности того или другого продукта определяется в социалистическом обществе количеством этого продукта. Количество же продукта зависит главным образом от трудовой стоимости производства того же продукта. Социалистическое общество, писал М. И. Туган-Барановский, будет точно учитывать трудовую стоимость каждого продукта и, исходя из этого учета, вместе с учетом кривой полезности продукта определять план общественного производства.

При учете трудовой стоимости неизбежно сведение к общей единице общественного труда качественно различных видов труда. Квалифицированный труд должен быть сведен к простому труду. Социалистическое общество будет определять, сколько часов среднего общественно необходимого рабочего времени заключено в часе труда квалифицированного рабочего. При учете квалифицированного труда будут учитываться все затраты на получение знаний и навыков.

Достоинство концепции М. И. Туган-Барановского состоит именно в том, что в ней затраты труда сопоставляются с полезным эффектом, а это — центральная задача планового ведения хозяйст-

³⁵ Там же. С. 100.

ва. Для составления хозяйственного плана М. И. Туган-Барановский считает вполне достаточным вычерчивать кривые полезности и кривые трудовой стоимости каждого продукта, что практически ведет к объективной трактовке общественно необходимых затрат труда. Основной задачей социалистического общества является как раз сопоставление затрат труда и полезных эффектов на основе точного определения объективной величины общественно необходимых затрат труда на производство каждого вида продукции при соответствии структуры производства структуре общественных потребностей. Излагая процесс планирования в социалистическом обществе, М. И. Туган-Барановский по существу исходил из натуралистической концепции социалистического хозяйства. Но в его работах содержится и другая трактовка социализма — понимание его как денежного хозяйства, т. е. он признавал реальное функционирование товарно-денежного механизма при социализме и действие закона стоимости.

В основе принципов ценообразования в социалистическом обществе у М. И. Туган-Барановского лежит тезис о «логических» категориях хозяйства, которые органически присущи всем способам производства, в том числе и социализму. К ним относятся две «основные и неустранимые» категории — ценность и стоимость. Под стоимостью М. И. Туган-Барановский понимает затраты труда, под ценностью — «субъективную ценность, выражающуюся в значении, которое хозяйствующее лицо придает в своей хозяйственной деятельности тому или иному хозяйственному предмету»³⁶. М. И. Туган-Барановский утверждал, что при социализме сохранится субъективная ценность, которая будет определять цену наряду с трудовыми затратами. Высота ценности в социалистическом хозяйстве, писал он, определяется в общем теми же факторами, что и в капиталистическом хозяйстве, с тем лишь отличием, что «влияние трудового фактора при социализме будет более непосредственным и решающим»³⁷.

При этом формой реализации закона ценности он, как и теоретики субъективной школы, объявлял закон спроса и предложения. М. И. Туган-Барановский говорил о «разделении труда» между законом субъективной ценности, действующим в форме закона спроса и предложения, и законом трудовой стоимости. Сфера действия первого закона — регулирование распределения труда между отраслями народного хозяйства. «Итак, непосредственным регулятором цены при социализме, как и при капитализме, будет соотношение общественного спроса и общественного предложения: за пределами же рынка при социализме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта, между тем как при капитализме таким регулятором являются капиталистические издержки производства»³⁸.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Там же. С. 101—102.

³⁸ Там же. С. 106.

Эта конструкция «двух регуляторов» еще раз подтверждает правильность положения марксистской критики субъективной школы о том, что подлинное ядро теории предельной полезности («субъективной ценности») образует теория спроса и предложения. Пытаясь преодолеть противоречия теории предельной полезности, которая, выводя цены из субъективной ценности, по существу исходила из предпосылки существования цен, М. И. Туган-Барановский объявлял закон спроса и предложения формой действия закона субъективной ценности. Он считал, что закон спроса и предложения действует наравне с законом трудовой стоимости. Очевидно, что такая трактовка соотношения закона стоимости и закона спроса и предложения недостаточна. На самом деле эти законы находятся во взаимодействии, в котором определяющую роль играет закон стоимости. Именно последний является регулятором цен, а закон спроса и предложения служит механизмом его осуществления. Регулирование производства при социализме осуществляется на основе сознательного использования системы экономических законов социализма. Закон стоимости входит в эту систему, но не играет роли ни единственного, ни главного регулятора производства.

М. И. Туган-Барановский подчеркивал принципиальные отличия в действии закона спроса и предложения при капитализме и при социализме. Он выводил необходимость отклонения цен от стоимости из принципа «равномерного удовлетворения потребностей всех граждан», утверждая, что пропорциональность цен трудовым затратам не «равнозначна нарушению принципа равенства, не равносильна эксплуатации одних другими»³⁹.

Рассматривая деньги при социализме как продукт «сознательного общественного творчества», не имеющий ничего общего с «товаром», М. И. Туган-Барановский рассматривал их как условные знаки, не имеющие внутренней стоимости. Он писал, что «независимо от формы и техники денежного оборота денежные единицы при социализме являются не более чем простыми условными знаками»⁴⁰. Содержание денежной единицы устанавливается произвольно и не выражает стоимости денежного товара, т. е. золота. Определяя это содержание соотношением количества денег в обращении и суммой цен товаров, М. И. Туган-Барановский по существу исходил из того, что деньги при социализме являются бумажными деньгами, и переносил законы обращения бумажных денег на денежное обращение в социалистическом хозяйстве.

Будучи в условиях социализма выражением социалистических производственных отношений, деньги коренным образом меняют свою сущность и роль в народном хозяйстве. Вместе с тем они продолжают оставаться самостоятельной формой стоимости, планомерно используемой для внешнего вещного выражения и изме-

³⁹ Там же. С. 105.

⁴⁰ Там же. С. 107, 111.

рения стоимости товаров. Это обуславливает связь денежной формы стоимости с особым товаром — золотом.

В работе «Социализм как положительное учение» М. И. Туган-Барановский дал классификацию моделей социализма. Среди социалистических систем он выделил, как уже отмечалось, социализм в узком смысле и социализм в широком смысле слова, или коммунизм. Следовательно, социализм и коммунизм рассматривались им как две последовательные фазы в развитии коммунистической общественной формации, как две сосуществующие во времени и пространстве различные модели социализма.

В основу классификации типов социалистических систем М. И. Туган-Барановский положил различия моделей в способах распределения произведенного продукта, которые в действительности оказываются различиями в способах обмена и потребления. В системах, которые он относил к социализму в узком смысле слова, распределение осуществляется при посредстве денег и цен на предметы потребления. Здесь сохраняются личные денежные доходы, а следовательно, и личная собственность на предметы потребления. Все члены общества имеют право свободного распоряжения доходами по своему вкусу. Поиск наилучших хозяйственных решений в этом «денежном хозяйстве» осуществляется с помощью цен, служащих главным ориентиром.

В социалистических системах второго типа, т. е. коммунистических, распределение продуктов осуществляется без денег: из общественных магазинов предметы потребления непосредственно переходят в потребление отдельных лиц. На этом основании М. И. Туган-Барановский называл коммунизм «натуральным хозяйством», в котором распределение ресурсов осуществляется путем непосредственного сопоставления полезности и затрат труда. Здесь упраздняются личные доходы, а следовательно, и личная собственность на предметы потребления.

Теоретически допуская возможность полной свободы потребления при коммунизме, М. И. Туган-Барановский тем не менее в большинстве случаев изображал его как уравнилельный строй, в котором предметы потребления распределяются между отдельными лицами на основе принудительного нормирования в натуре.

Как показал М. И. Туган-Барановский, ликвидация товарного производства при коммунизме отнюдь не отменит необходимость общественного учета живого и прошлого труда, затраченного на производство продукции. При коммунизме он будет осуществляться без посредства стоимости и ее форм в единицах рабочего времени. Самая сущность коммунизма как высшей формы организации жизни общества, в которой будут созданы все условия для наиболее полного расцвета человеческой личности, исключает возможность его превращения в подобие казарменного строя.

Концепция М. И. Туган-Барановского оказала большое влияние на буржуазные концепции социалистического хозяйства не только в России, но и за рубежом. Современные буржуазные и ревизионистские авторы нередко почти дословно повторяют его

идеи. Поэтому столь важен марксистско-ленинский критический анализ этой концепции. Это тем более важно, что некоторые идеи М. И. Туган-Барановского в свете современных дискуссий не лишены известного интереса и для экономистов-марксистов, особенно в свете перестройки хозяйственного механизма. В самом деле, единый хозяйственный план народного хозяйства не может игнорировать соотношение трудовой стоимости и предельной полезности — в ее объективном истолковании — и установления определенной пропорциональности между ними. Видный советский экономист А. Л. Лурье предложил обобщенное истолкование этой пропорциональности, так что в современных условиях формула М. И. Туган-Барановского стала важнейшей теоремой оптимального планирования, — при условии, что предельная полезность (дифференциальный полезный эффект для общества) пропорциональна не средним, а именно предельным (дифференциальным) затратам труда на различные хозяйственные ресурсы.

3. Социальные проблемы кооперации

В книге М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации» (1922 г.), изданной после его смерти, воспроизводится классификация социалистических систем, при этом предпочтение отдается «анархическому» социализму, по мнению М. И. Туган-Барановского, наиболее полно отвечающему идеалу свободы личности. Вместе с тем в качестве переходной формы к обществу свободных людей он называет «государственный социализм» марксистского типа «коллективизмом», поскольку здесь якобы большинство господствует над меньшинством. Однако и такая форма предполагает подавление воли отдельных лиц, а потому она должна быть дополнена такими хозяйственными формами, которые основывались бы на полной свободе личности. Такой формой, по мнению М. И. Туган-Барановского, являются трудовые кооперативы. «Для кооперации этого рода найдется место и при социализме по той причине, что государственный социализм объединяет и организует национальный труд на принудительном начале, между тем как трудовая кооперация исполняет то же на началах полной свободы трудящихся»⁴¹.

Трудовые кооперативы, утверждал М. И. Туган-Барановский, могут быть при социализме в двух формах: производительные ассоциации и социалистические общины. Производительные ассоциации возможны в промышленности, общины — в сельском хозяйстве. Социалистическое государство предоставляет производительным ассоциациям средства производства на тех или иных условиях, оставаясь их верховным собственником и получая от них готовую продукцию, которую оно продает населению. Производительные ассоциации, выполнив свои обязательства, могут свободно распоряжаться остальной продукцией, имея в виду пре-

⁴¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1922. С. 496.

жде всего удовлетворение потребностей своих членов. Такая организация приведет к росту производительности труда и поставлению продукции в большом количестве и лучшего качества.

Сельские общины неизбежно должны возникнуть в рамках социалистического строя, так как крестьяне составляют во всех странах значительную долю населения. Социалистическое государство не должно допускать никакого насилия по отношению к крестьянам. Задачей социальной политики в сельском хозяйстве должно быть обеспечение свободы хозяйственной деятельности путем предоставления сельским общинам средств производства и свободы распоряжения продукцией сверх обязательных поставок. Сельская община должна быть совершенно свободной организацией, допуская семейную и индивидуальную деятельность в тех сферах, где это возможно (огородничество, доение коров и т. п.). При этом нельзя думать, что сельские трудовые кооперативы — организации менее социалистические, чем государственные мастерские. Напротив, именно трудовые кооперативы отвечают правильно понятым социалистическим идеалам, кооперативы суть добровольческие творческие союзы, имеющие в виду обеспечение свободного проявления всех дарований отдельных личностей.

В отличие от производительных ассоциаций, которые могут специализироваться на производстве однородной продукции, социалистические общины могут производить самую разнообразную продукцию, в том числе включать и отрасли переработки своей продукции промышленным способом, используя электричество для приведения в действие машин. Однако М. И. Туган-Барановский осторожно высказывается относительно соединения сельского хозяйства с промышленностью, поскольку в большинстве случаев сельское хозяйство требует индивидуализации трудовой деятельности (почему отдельные семьи могут сами организовывать кооперативы). Социалистические общины могут быть дополнением к производительным ассоциациям, но не сливаться с ними, сохраняя полную свободу своего союза, хотя верховным собственником земли должно оставаться общество. Вот почему трудовые кооперативы — «насквозь свободные» организации, и они образуют конечную цель всемирной истории, обеспечивая реализацию идеала абсолютно свободной человеческой личности.

Разрабатывая социальные проблемы кооперативного движения, М. И. Туган-Барановский постоянно подчеркивал принципиальное отличие кооперативных организаций от предприятий капиталистического типа, которые имеют своей целью получение наибольшего барыша. Под кооперативным предприятием, писал М. И. Туган-Барановский, «следует понимать такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, а доставление его сочленам, благодаря общему ведению хозяйства, каких-либо выгод иного рода»⁴². Именно при-

⁴² Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. С. 300.

ципиально новая цель и характер организации отличает кооперативные предприятия от капиталистических и от общественных хозяйственных организаций, имеющих принудительный характер. Кооперативное предприятие, писал М. И. Туган-Барановский, характеризуется тремя отличительными признаками: своею некапиталистической целью, добровольностью своего устройства и общностью ведения хозяйства.

Особенности кооперативных организаций делают их устойчивыми по сравнению с мелким производством и придают им принципиально новый тип общности, которая позволяет дать членам кооператива возможность полностью раскрыть свои силы и способности. Социальные основы кооперации особенно раскрываются в условиях социализма, поскольку не только они сами, но и окружающая среда способствует их планомерному и устойчивому росту. При социалистическом строе, по мнению М. И. Туган-Барановского, крупное сельское хозяйство с точки зрения интересов общества явится более желательным, чем мелкое производство, ибо общество тогда будет более обеспечено, в том числе и продуктами питания. Это вызывает потребность в соединении преимуществ крупного и мелкого производства в земледелии, тем более что после революции 1917 г. процесс разрушения крупных хозяйств и развитие мелких приобрел особенно стремительный характер⁴³. В ближайшем будущем, писал М. И. Туган-Барановский, в силу социальных условий, созданных революцией 1917 г., процесс развития мелкого производства будет продолжаться и сельское хозяйство будет находиться в руках трудового крестьянства. Он считал, что социалистическое общество не допустит какого-либо насилия над крестьянским классом, поскольку сельское хозяйство находится в руках крестьян, «оно и останется в их руках после осуществления социалистического строя».

Каким же образом крестьяне могут прийти к крупному сельскому хозяйству? По мнению М. И. Туган-Барановского, только через трудовую кооперацию. Эта кооперация может выполнять и некоторые промышленные работы и стать дополнением к фабричной индустрии. Однако главное призвание трудовых кооперативов в сельском хозяйстве — это производство самой разнообразной продукции в целях снабжения промышленности и удовлетворения нужд общественного целого, а также удовлетворения своих собственных потребителей. Социалистическая община должна иметь автономный характер хозяйственной организации, живущей в значительной мере собственными продуктами труда. Тем не менее государство как верховный собственник земли будет требовать поставления продукции в нужном количестве и нужного качества, поскольку государство будет предоставлять на известных условиях средства производства, которыми должна пользоваться община.

М. И. Туган-Барановский подчеркивал, что во всех случаях задачей социальной политики в социалистическом обществе дол-

⁴³ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. С. 496—498.

жно быть обеспечение сельскохозяйственных общин всеми необходимыми производственными ресурсами, причем без всякого принуждения со стороны государства. Будучи автономным образованием, социалистическая община должна возникать и создаваться не по принуждению, не как учреждения, навязываемые сельскому хозяйству, а в силу логики самой хозяйственной эволюции трудового крестьянства. В этом залог успешной работы независимо от степени обобществления труда и производства.

Трудовая кооперация должна дать выход свободным творческим силам трудового крестьянства. М. И. Туган-Барановский всегда выступал против всякой принудительной регламентации хозяйственной деятельности. Он решительно отвергал насилие даже во имя самого сельского населения, неустанно пропагандировал главную особенность трудовых кооперативов — их добровольный характер соединения абсолютно свободных личностей как своего рода «самоцели» всего исторического движения. Поэтому он закономерно ставил вопросы: «А что будет, когда капиталистическое производство сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм? Не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после светлого «завтра», которое бросает уже теперь свои лучи в сумрак сегодняшнего дня?». И М. И. Туган-Барановский смело отвечает: «Нет, всемирная история никогда не прекратит свое дальнейшее развитие, которое будет заключаться в том, чтобы все более вытеснять в общественном строе грубое и насильственное начало коллективизма более высоким и свободным началом кооперации». Общество окончательно превратится в добровольный союз свободных людей, станет «насквозь свободным кооперативом», и в этом идеале полностью раскроются созидательные силы социалистического мировоззрения, реализация которого через кооперацию будет бесконечным процессом, бесконечным прогрессом во времени и пространстве.

Следует отметить, что подобная трактовка перспектив общественного прогресса полностью совпадает с марксистским пониманием «самоцели» общественного развития, которое является подлинно глубоким основанием всемирной истории, чем все предшествующие социалистические учения. М. И. Туган-Барановский только приписывал подобную трактовку не марксизму («коллективизму», не исключающему насилие большинства над меньшинством), а идеалам анархизма как течения, проповедующего абсолютную социальную свободу личности.

Вместе с тем М. И. Туган-Барановский подчеркивал, что социализм осуществится именно потому, что этого требуют интересы огромного большинства народа — всей трудящейся части его. Он писал: «Вера в социализм есть вместе с тем вера в прогресс, в лучшее будущее человечества, в прекращение насилия и эксплуатации, в гармоническое примирение общественной действительности с нашим нравственным идеалом. Социалисты верят, что жизнь станет благоуханна и прекрасна, что личное счастье перестанет покупаться несчастьем других, что бедность перестанет пригибать

человека к земле, что правда победит. Им рисуется в голубой дали лучезарная, чудная страна, и они верят, что социализм откроет к ней двери. Конечно, радужная окраска исторического будущего создается нашим субъективным чувством и никакого научного обоснования не допускает. Теперь уже не редкость встретить людей, которые ожидают социализм и верят, но вместе с тем боятся и ненавидят его. То, что социалистам кажется царством светлой весны, кажется им царством пошлости и мещанства. В основе этих страхов и этой ненависти лежит отвращение к человеческой толпе, глубокое недоверие к народу, высокомерное презрение к нему. Но социалисты не боятся народа и радостно приветствуют восходящее солнце строя будущего»⁴⁴.

С современной точки зрения общественно-экономические идеалы М. И. Туган-Барановского представляются чрезвычайно актуальными. Глубокая вера М. И. Туган-Барановского в неизбежную победу социализма была основана на исключительно плодотворной идее «равноценности» человеческой личности как «верховой цели истории», как основания всего социально-экономического строя социализма. Поэтому нам представляются неуместными критические обвинения некоторых авторов М. И. Туган-Барановского только на том основании, что он высоко ставил «человеческий фактор», — носитель «святыни» человеческой личности. И уж совершенно неоправданно обвинение его книги «Социализм как положительное учение» (1918) в антиисторизме и идеализме за признание верховной ценности человеческой личности⁴⁵.

На самом деле вся концепция М. И. Туган-Барановского была глубоко гуманистической, близкой по духу к современным дискуссиям о роли «человеческого фактора» в социально-экономическом процессе. Эта концепция вооружает нас новыми аргументами в защиту свободы и демократии, экономического и политического плюрализма на общей платформе социалистического мировоззрения. Идея «равноценности» человеческой личности делает беспочвенной идею примата классового подхода над общеисторическим, возвышает идею примата высших человеческих ценностей над классовым эгоизмом. Никакого антиисторизма, а тем более идеализма не содержится в этой верховной идее человеческого бытия, ставящего человека в центр всех экономических и социальных связей, которые должны соответствовать человеческой природе как подлинной «самоцели» всего исторического движения. Поэтому идеи М. И. Туган-Барановского должны быть близки и понятны миллионам людей во всем мире.

---

⁴⁴ Туган-Барановский М. И. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906. С. 259.

⁴⁵ См.: Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. С. 13—14.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛИЗМА

В XIX в. наряду с буржуазным социализмом в странах, где крестьянство составляло большинство населения, сформировался мелкобуржуазный социализм, выражавший интересы мелкой буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей»¹.

Типичным представителем мелкобуржуазного социализма был французский экономист Сисмонди. Он завершил классическую школу буржуазной политэкономии и стал родоначальником нового направления — экономического романтизма, отличительной особенностью которого была критика буржуазного строя прежде всего с позиций защиты интересов каждой человеческой личности.

Мелкобуржуазный социализм прошел в своем развитии ряд ступеней, или этапов, — сисмондизм, лассальянство, анархизм и т. п. Социальной базой этого социализма является мелкая буржуазия как в городе, так и в деревне. В России мелкобуржуазный социализм вырос на почве народнического крестьянского социализма по мере развития капитализма в сельском хозяйстве. Основная идея крестьянского социализма — теория некапиталистической эволюции сельского хозяйства, идея о возможности в борьбе против крепостничества уничтожить и эксплуататоров новых, капиталистических. Будучи по своему содержанию утопическим социализмом, крестьянский социализм в то время сыграл большую историческую роль в борьбе против остатков крепостничества, за демократический путь развития народного хозяйства.

Многообразие форм мелкобуржуазного социализма, которое объяснялось разнородностью крестьянства, всей мелкой буржуазии, нашло отражение в существовании различных политических течений и политических партий — от меньшевизма до «трудови-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 450.

ков» и энесов, защищавших в общем разные демократические требования. Русский крестьянский социализм был решительным противником крепостничества, требовал «черного передела» и полной ликвидации помещичьего землевладения. На почве борьбы с крепостничеством сходились все течения мелкобуржуазного социализма, хотя радикализм их требований был весьма неоднородным.

Народнический социализм представлял наиболее радикальное течение в мелкобуржуазной демократии и требует особенно осторожного подхода: за критикой «утопизма» можно не увидеть здорового демократического начала, из которого и выросла настоящая демократия в России. Необходимо глубоко изучать народническое течение, в том числе и течение «аграрного социализма», ставшего знаменем наиболее радикальной партии в мелкобуржуазной демократии — партии эсеров. Эта партия наиболее полно отражала требования основной массы среднего крестьянства. Их «крестьянская утопия» была поддержана А. В. Чаяновым в его теории «семейного, трудового, потребительского хозяйства», имеющей актуальное значение и в наши дни.

По нашему мнению, неверно представлять неонароднический социализм, в том числе эсеров, как «реакционную утопию», противостоящую марксизму. Лидер эсеров В. М. Чернов, например, опирался в своей теории как на экономическую социологию П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, так и на отдельные положения социологического учения К. Маркса. Его социально-этическое обоснование социализма отнюдь не противоречило доктрине К. Маркса, а, наоборот, дополняло ее в целом ряде моментов (например, признание «человеческого достоинства» высшим этическим благом социализма). Тот факт, что В. М. Чернов разделял отдельные положения «эмпириокритицизма», не делает его философию реакционной. Он шел по тому же пути, что и А. А. Богданов, разрабатывая идею об общности механизмов регулирования в самых разнородных системах. Солидаризируясь с А. А. Богдановым, В. М. Чернов шел в правильном направлении, делая акцент на интеграции наук как основе создания принципиально новой науки, объединяющей естественные и гуманитарные науки в единую науку о человеке. Эта задача, как известно, была поставлена К. Марксом и исключительно важна в наше время.

Выдвигая свой «социологический идеал» в качестве основы социально-этической оценки социальной реальности и «общественной солидарности», В. М. Чернов писал, что К. Маркс своим научным анализом буржуазного общества «установил принципиальные основы того будущего, социалистического общества, которое одновременно является и общественно-этическим идеалом. . . и научным предвидением»².

² Чернов В. М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 280.

Для эсеров было характерно стремление соединить два момента — теоретический анализ общественного развития и социально-этическую оценку этого развития. Роль верховного критерия такой оценки реальной действительности и направления действительной практики должна играть человеческая личность — «наш социологический идеал»³. Последний обосновывался с позиций самых разнообразных теорий, в том числе и учения Н. К. Михайловского о «правде-истине» и «правде-справедливости», согласно которому научное понимание действительности должно включать и оценку ее с позиций социальной справедливости. Этот социологический идеал ныне прочно вошел в арсенал современного социалистического мировоззрения.

Разумеется народническое направление в XX в., особенно в 1917—1920 гг., не было однородным течением социалистической мысли. Оно раскололось на ряд групп: энесы (народные социалисты) во главе с А. В. Пешехоновым, В. А. Мякотиним; правые эсеры — Н. Авксентьев, Н. Бунаков, В. Минор и др.; центристское основное течение эсеров во главе с В. М. Черновым и левые эсеры, возглавляемые М. С. Спиридоновой. Объединяющим для этих направлений был принцип социализма, почему их можно рассматривать как течение внутри социалистического течения русской общественно-экономической мысли. Все представители этих направлений, подобно М. И. Туган-Барановскому, описывая социалистический идеал, признавали необходимость социализации всего народного хозяйства, особенно земледелия. В корне неверно представление, будто, например, эсеры ограничивались только идеей социализации земли и не распространяли требование «социализации» на все остальные сферы народного хозяйства.

Программа «социализации» предполагала обобществление как сферы производства, так и сферы распределения и потребления. В известном смысле эсеры исходили из примата потребления и распределения над производством, ибо последнее трудно поддается социализации. Говоря о содержании своего «социологического идеала», В. М. Чернов писал: «Экономическая . . . сторона нашего идеала характеризуется именно сознательным и целесообразным подчинением производства организованному общественному потреблению»⁴. Поэтому он и социалистический идеал рассматривал в первую очередь как процесс создания «колоссальной потребительской организации», которая основывается на кооперативных началах. В. М. Чернов указывал также и на то, что «в известном смысле можно говорить о примате распределения над производством в нашем миросозерцании»⁵. Такой подход, теоретически неверный, на самом деле отражал реальный факт — социализация потребления и распределения вполне достижима на самых первых этапах социалистического строительства. Не слу-

³ Чернов В. М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1918. С. 97.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чайно в первые годы после Октября кооперирование захватило в первую очередь снабжение и сбыт.

Все неонародники стояли на позициях кооперативного социализма, сочетая его с этическим социализмом. С современной точки зрения в таком сочетании нет ничего предосудительного, хотя именно за этот «мещански-утопический социализм» критиковали народников все марксисты. Они выделяли прогрессивные социально-демократические требования народников, но все же критиковали их за «утопизм», за отказ в 1917 г. от революционных методов борьбы за социализм.

Под влиянием идей научного социализма народники XX в. выдвигали следующие принципы экономической организации социалистического общества: общенародную форму собственности на основные средства производства, в том числе на землю; обобщественное производство на базе всенародного владения землей; планомерную организацию всего социально-экономического процесса под контролем всего общества или избранных им в демократическом порядке представителей; отсутствие анархии производства и конкуренции; коллективную форму организации труда; отсутствие эксплуатации человека человеком. Этот социалистический идеал они разрабатывали на основе широкого использования как идей научного социализма, так и других социалистических учений. Они рассматривали социалистическое общество как союз самоуправляющихся производственных ассоциаций в промышленности — «федерированных синдикатов», преобразованных сельскохозяйственных общин и широкой сети всевозможных видов коопераций. Выдвигая требование автономии экономических единиц, эсеры отдавали предпочтение федеративной системе организации хозяйственного и административного устройства в стране⁶.

Особую роль эсеры, например, отводили организации потребительских обществ. Это связано, по их мнению, с важной ролью потребления в процессе воспроизводства: социализм призван обеспечить «идеальный» примат потребления над производством. Для этой цели необходимо коренное преобразование статистики потребления и всего дела организации доведения до потребителей потребительских благ. Потребители должны стоять в центре всего социально-экономического процесса, им должно быть непосредственно подчинено общественное производство. В этом состоит специфическая цель социалистической организации народного хозяйства. Механизм планомерности должен быть осуществлен через всесторонний натуральный учет потребления, который должен быть положен в основу определения количественных пропорций между различными отраслями экономики. «Теория, динамика и статистика потребления, — писал В. М. Чернов, — для нас есть особая, хотя и почти неписанная глава политической экономии»⁷. Попытки теоретиков предельной полезности проникнуть

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 98.

в глубь ее являются, по его мнению, хотя и неудачными, но весьма поучительными. Именно «потребительская точка зрения» должна лежать в основе конструкции нового общества: «... Организация рабочих как производителей в известных отношениях будет подчинена организации рабочих как потребителей»⁸.

По мнению В. М. Чернова, рабочие как производители, будут разделяться на специальные группы по профессиям, а как потребители они будут составлять единое целое — ряд территориальных объединений, групп, различных по размерам. «На этих различных группах по принципу децентрализации будет лежать обязанность учета и организации удовлетворения различного рода потребностей»⁹. В этой конструкции социализма территориальные совокупности рабочих как потребителей «олицетворяют связующую воедино эти профессии потребительскую цель: их дело — поддерживать равновесие в производстве, предотвращать непропорциональность в развитии частей»¹⁰. Речь идет прежде всего о количественном регулировании пропорций в народном хозяйстве, которое должны осуществлять профессиональные группы на началах широкой автономии, а для удовлетворения некоторых «общенародных потребностей» необходимо сохранить на время и государство; в скором же времени оно должно отмереть. Государство должно быть заменено как кооперацией, так и «динамическими общинами» на началах полной автономии и всестороннего самоуправления.

Следует отметить, что народнический идеал социализма мог быть реализован лишь при всенародной социальной революции. Этого эсеры не понимали, акцентируя внимание на созидательных задачах революции и создавая свою концепцию «конструктивного» социализма, которую они противопоставили большевикам после Октябрьской социалистической революции. Основным содержанием «конструктивного» социализма была попытка синтеза отдельных идей научного социализма с мелкобуржуазной концепцией «аграрного социализма». Наиболее полно идеи «конструктивного» социализма проводил, особенно в период острой классовой борьбы эпохи гражданской войны, В. М. Чернов.

В статьях В. М. Чернова, написанных в эмиграции, делалась попытка подвести итоги социалистического движения в разных странах и разработать новую программу партии эсеров, стержнем которой и должен был стать «конструктивный» социализм¹¹. Как и М. И. Туган-Барановский, В. М. Чернов стремился доказать, что в области изучения экономических проблем социализма значительно больше сделал утопический социализм, чем научный. Он утверждал, что научному социализму присущ фатализм, упование на объективные механизмы достижения социализма. И поэтому

⁸ Там же. С. 100.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 102—103.

¹¹ Чернов В. Фазы социализма // Революционная Россия. Берлин, 1920. № 1. С. 9.

научный социализм совершенно не разработал вопросы о «функционировании важнейших учреждений будущего общества»¹².

Утопический и научный социализм, утверждал В. М. Чернов, суть два этапа «единого органического развития», в котором научный социализм является лишь «детисцем» утопического социализма. И утопический и научный социализм, это, по мнению В. М. Чернова, пройденные этапы¹³. А настоящее и будущее социализма принадлежит так называемому «конструктивному» социализму: «С тем же правом, с каким прошлое социализма характеризовалось как перерождение его из утопического в научный, его настоящее и будущее может быть характеризовано, как перерождение его из научного в конструктивный или организационный»¹⁴. «...Организационный социализм является лишним наглядным свидетельством того, что утопический и научный социализм с некоторой высшей точки зрения перестают быть противоположностями, не исключают более друг друга, но примиряются в высшем синтезе»¹⁵. Переход к конструктивному социализму, по утверждению В. М. Чернова, обусловлен тем, что научный социализм не может дать ответа на запросы хозяйственной практики, поскольку он якобы не разрабатывал учение о социализме как общественном строе.

«Конструктивный социализм» поставил в порядок дня вопросы о производстве и распределении в будущем обществе, о централизации и децентрализации в социалистическом управлении хозяйством, о соподчинении производства и потребления, наконец, вопрос о социализме, как своеобразном правовом порядке, о юридической структуре будущего общества. Правда, В. М. Чернов делал оговорку, что «высший синтез утопического и научного социализма, социализм конструктивный еще не вполне готов, чтобы претвориться в жизнь». Однако подчеркивал, что в центре интересов конструктивного социализма стоят вопросы социалистического строительства, и потому он должен представлять собой «высшую и более синтетическую форму»¹⁶. В. М. Чернов приписывал К. Марксу и Ф. Энгельсу мысль о том, что «конец капиталистического режима и замена его режимом социально-трудовым последует в результате гипертрофии творческих сил и народного богатства в рамках старого общества. Социалистический переворот представлялся детисцем экономического полнокровия»¹⁷. В. М. Чернов утверждал, будто, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, противоречия капиталистического строя, которые ведут его к гибели, соответствуют «моменту высшего напряжения его творческих потенций, апогея его хозяйственных достижений, гипертрофии общественной производительности...»¹⁸.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

На самом деле К. Маркс и Ф. Энгельс учили, что капитализм рухнет раньше, чем он разовьет все производительные силы, в силу органически присущих ему противоречий. Имея в виду программу пролетарской революции и диктатуры пролетариата большевиков, В. М. Чернов пытался доказать, что она была обречена на воплощение в жизнь «под видом социализма и даже коммунизма, поистине каторжного режима социальной аракчеевщины, с казарменной дисциплиной внизу и диктатурой военного типа наверху. Этим вырождением социализма мы обязаны его историческому предшественнику, вырождению капитализма. Самым ярким его образчиком является российский большевизм»¹⁹. В связи с этим В. М. Чернов вообще отрицал возможность построения социализма и коммунизма в России. Он отождествлял период «военного коммунизма» с эпохой развитого социализма и тем самым ставил под сомнение возможность осуществления на практике марксистского социализма. Он пытался представить дело таким образом, что марксизму чужда проблема построения социализма в мирных формах и изображал свой «конструктивный социализм» подлинно «гуманистическим социализмом». Он писал, что «высшая форма социализма», т. е. «конструктивный социализм», представляет собой подлинно «созидательный социализм». На самом деле, вся «созидательность» конструктивного социализма сводилась В. М. Черновым к учету аграрного вопроса, над которым, как известно, интенсивно работал В. И. Ленин. Обоснование В. И. Лениным союза рабочего класса и крестьянства как высшего принципа диктатуры пролетариата и было подлинно конструктивным в отличие от «конструктивного» социализма В. М. Чернова, отрицающего диктатуру пролетариата.

Не признавая организующей роли пролетарского государства, В. М. Чернов отводил государству пассивную роль как одного из агентов организации народного хозяйства наряду с синдикалистскими и кооперативными организациями. «Конструктивный» социализм, по замыслу В. М. Чернова, должен был примирить публично-правовое, государственное регулирование, которое он отождествлял с «этатизмом» и бюрократизацией, и частноправовое регулирование, воплощением которого должны были стать синдикалистские профессиональные союзы, названные им «эмбрионом» будущего общества, и различные кооперативные организации. Конечно, В. М. Чернов не мог не видеть важной роли государства как орудия построения нового общества; он даже называл его «первым среди равных», имея в виду организующую роль государства. Однако он эту организующую роль отождествлял только с «принудительностью» в общественной организации и отрицал созидательную роль государства. В. М. Чернов приписывал даже К. Марксу трактовку государства как надклассового органа в качестве выразителя «интересов целого». Он делал упор на тезисе об отмирании государства по мере эмансипации рабочих масс, утвер-

¹⁹ Там же. С. 12.

ждал, что «государственность» должна «выветриваться» из общества без всякого остатка, когда общество станет абсолютно добровольным соединением людей.

В. М. Чернов утверждал, что у К. Маркса и Ф. Энгельса точка зрения на отмирание государства носит вид абстрактной формулы. Конструктивный же социализм, по утверждению В. Чернова, наполняет эту абстрактную форму реальным содержанием, выдвигая тезис об ограничении компетенции государства в пользу синдикальной и кооперативной организации рабочих масс. Средоточение командных высот в руках пролетарского государства В. М. Чернов называл «коммунистической каторгой». Идеалом кооперативного социализма был анархистский идеал «безвластничества».

Рассматривая структуру «конструктивной» организации социализма, В. М. Чернов выдвигает два метода организации — дифференцирующий метод, свойственный синдикализму, и интегрирующий метод, свойственный кооперативизму. Дифференцирующий метод синдикалистской организации он считал основным для организации структуры управления отдельными отраслями в соответствии с профессиональной ориентацией рабочих. Интегрирующий метод кооперативной организации должен, наоборот, группировать все отрасли народного хозяйства вокруг единого центра — потребительской ассоциации, которая должна объединить в одно целое разнокачественные предприятия. Кооперативная организация, по мнению В. М. Чернова, имеет тенденцию развиваться в сторону единого сложного самодовлеющего, самопотребительского хозяйства. Синдикализм же, напротив, противопоставляет целому специализированные группы отраслей народного хозяйства. И только тогда, когда в руки соответствующих синдикатов перейдут главные отрасли производства, станет вопрос о взаимной увязке отраслей и о едином хозяйственном плане.

В противовес марксистской теории национализации эсеры выдвинули свою программу «социализации», поскольку форма национализации, как утверждали они, противоречит интересам отдельных коллективов и личностей. Национализация земли, промышленности рассматривалась ими как чрезмерное усиление принудительной власти государства. Форма же «социализации» объявлялась более предпочтительной, потому что она должна была быть комбинацией частнопроводных по своему происхождению и внутренней организации коллективов с публичноправовыми функциями, к определению которых они привлекаются практически. Это сводилось так же, как и в программах западноевропейских социалистических партий, к тому, что представители государства привлекались к управлению предприятиями наряду с представителями синдикатски организованных рабочих и технического персонала и представителями потребительских обществ, куда поступает продукция данного предприятия.

Государство рассматривалось как своего рода арбитр в отношениях между синдикатами и кооперативами (потребительскими

обществами), но не как собственник и распорядитель данного предприятия.

Таков «скелет» конструктивного социализма. Как видим, он представляет собой сочетание анархосиндикалистского и кооперативного социализма. Вся «конструктивность» сводилась В. М. Черновым к попытке примирить научный социализм с анархизмом и кооперативизмом, т. е. с теми формами социализма, которые решительно противостоят современному капитализму.

В соответствии с этим «конструктивный» социализм выступил за «социализацию снизу», прообразом которой было выдвинутое еще народником Н. Даниельсоном «обмирщение» деревни. «Социализация» распространялась не только на землю, но и на организацию землепользования, по традиции «общинного социализма». Этот путь В. М. Чернов называл обобществлением труда и собственности снизу, через «творческую инициативу, самодеятельность, автономию самих трудовых земледельцев». На этом пути, утверждал В. М. Чернов, перед социализмом «открывалась бы своеобразная, совершенно новая конструктивная проблема: отыскать такие формы кооперации крестьянского труда и социализации крестьянской собственности, которые могли бы прогрессировать и расти совершенно естественно, органически, в полном соответствии с естественным развитием социальной психики и правосознания трудовой деревенской массы»²⁰.

В программе социализации земли предполагалось «индивидуальное, общегражданское право на землю» с таким же «правом пользования, обусловленным приложением труда к земле и ограниченным равным правом каждого другого согражданина, прилагающего к земле свой труд»²¹. Подобное право должно стать новой «земельной конституцией», т. е. аграрным основным законом. При этом предполагалось, что «общественные коллективы разных ступеней выступали уже не как собственники земли, а как регуляторы действительного равенства пользователей, причем низшие коллективы уравнивали сообразно трудовому принципу условия использования междусемейного, а высшие по принадлежности — условия пользования междугруппового»²².

Подобная система, или «пирамида коллективностей», как называл ее В. М. Чернов, в совокупности своей должна была уравнивать условия «трудового пользования» в общенациональном масштабе и осуществить в земледелии «право на полный продукт труда». В. М. Чернов не отрицал совсем роли государства в регулировании земельного права, но утверждал, что «рядом с государством вместе и на равных правах с ним к регулированию трудового пользования земельными богатствами привлечены и свободные соединения самих трудящихся, их самобытные объединения в хозяйственных корпорациях, объединенные общностью производ-

²⁰ Чернов В. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 39—40.

²¹ Там же. С. 279.

²² Там же.

ственных или потребительских нужд»²³. Эта программа была рассчитана на длительный процесс «обмирщения» деревни по мере созревания объективных предпосылок кооперативного движения на путях мирной эволюции крестьянского хозяйства по пути «социалистической орбиты».

Следует отметить, что, несмотря на многие утопические элементы «конструктивного» социализма, он представлял собой реальную альтернативу принудительного производственного кооперирования в годы «сплошной коллективизации». Утопичность этой программы, доказанная историей, не может считаться доводом в пользу ее отвержения как одной из возможных альтернатив социалистического развития. Нетрудно видеть, что эта программа свидетельствовала о жизненности «некапиталистической» эволюции трудового крестьянского хозяйства в условиях, создаваемых в процессе социальной революции. Можно без преувеличения сказать, что если бы развитие советской деревни не было прервано «ускоренной коллективизацией», в нашем сельском хозяйстве не было бы тех потерь, за которые несут моральную ответственность и политические партии, проводившие ее в жизнь.

В нашей литературе уже показано, что многие лидеры эсеровского движения перешли на сторону большевизма²⁴. Но вряд ли от этого выиграла эсеровская программа, поскольку «социализация», проведенная в первые годы революции, была парализована действием контрреволюционных сил в последующий период «военно-феодальной» кооперации деревни и массовой экспроприации сельского населения в силу жестоких принципов и методов сталинизма.

Крупным течением мелкобуржуазного социализма был и меньшевизм. Будучи убежденными социалистами, представители этого течения в то же время считали невозможным построение социализма в отсталой крестьянской стране. Меньшевики предупреждали, что Россия не созрела для «социалистических экспериментов», для «немедленного введения социализма». Правое крыло меньшевизма — А. Потресов, И. Далин, Г. Аронсон и др. — выступило против всяких, даже частичных шагов к социализму, говорило о «крестьянской Вандее» и провале всего социалистического направления. Критикуя «новожизненцев», В. И. Ленин писал, что, запугивая массы социализмом, на деле они «мирятся» с господством капитала. «...Для социализма „мы“ еще не созрели, — вот что говорят крестьянам меньшевики, подменяя, между прочим, абстрактным вопросом о „социализме“ вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму»²⁵.

Немедленного введения социализма в 1917 г. не требовала ни одна политическая партия. Речь шла о неотложных мерах по

²³ Там же. С. 279—280.

²⁴ См.: Спирина М. В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М.: Наука, 1987. Гл. 4 и 5.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 112.

спасению страны от грозившей экономической катастрофы, о чем не раз предупреждали большевики. Программа переходных мер к социализму включала прежде всего общедемократические требования, которые отчасти разделялись народниками, несмотря на их соглашательскую политику по отношению к Временному правительству (эсер В. М. Чернов стал министром земледелия и пытался провести идею «социализации земли» в жизнь).

Соглашательская политика объединяла меньшевиков и эсеров, несмотря на принципиальные разногласия в теории социализма. Меньшевики критиковали народников за требование «уравнительности», они не видели общедемократического содержания положений народников, которые вели к радикальному пересмотру земельных отношений. Упреки народников в «утопизме», меньшевики отказывались от социализма, считая его преждевременным и вредным для России. В. И. Ленин указывал: «...Оппортунистическое крыло социал-демократии все время рассуждает по следующей премудрой формуле: так как социалисты-революционеры мелкие буржуа, поэтому „мы“ отбрасываем их менцански-утопический взгляд на социализм во имя буржуазного отрицания социализма. Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается до роли кадетского лакея, „примиряющего“ крестьян с господством буржуазии»²⁶.

Методологической основой меньшевистской концепции социализма служит отрицание возможности «опережающего» развития и активной роли производственных отношений по отношению к развитию производительных сил. В этом проявилось и непонимание меньшевиками диалектики производственных сил и производственных отношений, они не допускали мысли, что создание новых социально-экономических отношений есть непреходящая предпосылка перестройки всей экономической и технологической структуры общества, всего экономического базиса.

Методологическая ошибка меньшевиков состояла и в отрицании активной роли надстройки по отношению к экономическому базису, непонимании того, что новая политическая надстройка и новая система организационных отношений могут играть решающую роль по отношению к экономической структуре общества.

Из этих методологических основ вытекал тезис меньшевиков о невозможности построения социализма в странах со слаборазвитым капитализмом, где он еще не исчерпал всех своих возможностей относительно развития производительных сил. Ссылаясь на положение К. Маркса о том, что никакая общественно-экономическая формация не погибает раньше, чем разовьет все производительные силы в тех пределах, которые ей доступны, они игнорировали возможность «прорыва» капиталистической цепи в случае быстрого нарастания противоречий капитализма как в одной какой-либо высокоразвитой стране, так и в стране с относительно неразвитыми капиталистическими производственными отношениями.

²⁶ Там же.

ями. Поэтому меньшевики были решительными противниками всяких «социалистических экспериментов» в нашей стране.

Особенно резко против «социалистических экспериментов» выступал Б. Авиллов. Он писал: «Поверить в возможность социалистического переворота в промышленно отсталой, на три четверти крестьянской стране могли только узкие доктринеры, совершенно незнакомые со сложным механизмом современного народного хозяйства»²⁷. Б. Авиллов начисто отрицал программу переходных мер к социализму, разработанную В. И. Лениным, особенно введение рабочего контроля над деятельностью промышленных предприятий. Это мероприятие он истолковывал как стремление передать капиталистические предприятия в собственность отдельных коллективов, как будто большевики не понимали необходимости государственного регулирования всего народного хозяйства. Программу переходных мер Б. Авиллов называл «социализмом в розницу», или «розничным социализмом», который приписывался им В. И. Ленину. Он писал: «Постепенное обобществление производства мыслимо только в форме государственного регулирования или национализации целых отраслей хозяйственной деятельности. . . Социализм в розницу способен только затормозить этот процесс и вместе с тем усилить хозяйственное разложение страны»²⁸.

По его мнению, «доктрина Ленина» не учитывает всей специфики экономического развития России и не предусматривает, как сочетать социализм с мелкими крестьянскими хозяйствами и с «империалистическим капитализмом». Обвиняя В. И. Ленина в недостаточном учете специфики русской революции, Б. Авиллов предлагал не прибегать к «социалистическим экспериментам».

Б. Авиллов, В. Базаров, А. Ю. Финн-Епотаевский, П. Суханов и другие меньшевики отрицали социалистический характер Октябрьской революции, поскольку она была совершена путем насилия²⁹. Россия, утверждали они, еще не созрела для пролетарской революции в силу слабого развития производительных сил. И в противовес нашей «самой отсталой, неклассической стране», меньшевики ставили в пример передовые, наиболее развитые страны, чтобы показать массам, что русская революция ничего общего не имеет с закономерным процессом развития социализма.

Октябрьская революция по отсталым культурным, экономическим и политическим условиям страны, писали «новожизненцы», «могла быть в лучшем случае мелкобуржуазной, демократической. Она могла стать сигналом к пролетарской революции на Западе. Лишь при победе пролетарской революции на Западе Россия, по Марксу, могла перескочить через ряд переходных фаз экономического и политического развития, уже пройденных передовыми

²⁷ Авиллов Б. О социализме // Нов. жизнь. 1918. № 51. 15 марта.

²⁸ Авиллов Б. Социализм Ленина // Нов. жизнь. 1918. № 83. 4 мая.

²⁹ Финн-Епотаевский А. Ю. Карл Маркс и новейший социализм. Пг., 1922. С. 77.

капиталистическими странами». В течение года «мы на всех парах пролетели все фазы революции буржуазного века»³⁰.

Ленинский план мирного социалистического строительства в условиях мирной передышки, полученной в результате Брестских переговоров, исходил, по словам В. Базарова, главным образом из перспективы мировой социалистической революции. Он покоился на основном тезисе марксизма, что война породила всемирно-исторический кризис капитализма, несущий гибель всей капиталистической системе хозяйства.

Критикуя капитализм «старого частнохозяйственного» типа, подчеркивая его противоречия и несостоятельность в условиях возросших требований к развитию производительных сил, В. Базаров выдвинул теорию планомерного и организованного капитализма нового типа, возникшего в результате войны. Он писал, что война привела к возникновению «национально организованного и государственно-регулируемого капитализма», который устраняет основные противоречия капиталистической системы хозяйства и открывает «новые возможности для развития производительных сил»³¹.

Для обоснования своей теории планомерного и организованного капитализма В. Базаров ссылался на высказывания К. Маркса о том, что ни одна социально-экономическая формация не погибает раньше, чем разовьются до конца ее производительные силы. Поэтому капитализму «нового» типа, открывающему простор для развития производительных сил, предстоит довольно длительное существование. Более того, подчеркивал В. Базаров, возникновение организованного и государственно-регулируемого капитализма нового типа не только отсрочивает наступление мировой социалистической революции, но и изменяет метод, способ ликвидации капиталистической системы хозяйства³².

В. Базаров утверждал, что если при старом «частнохозяйственном» капитализме с его противоречиями «врастание» капитализма в социализм представляло оппортунистическую линию, то теперь оно вполне осуществимо в результате того, что капитализм приобретает иной характер. В условиях современного капитализма рабочие получают возможность постепенно «овладеть всем механизмом государственно-хозяйственной» организации и проходят практическую школу социализма, которая поможет им сознательно перевоспитаться и превратит их в свободных и ответственных организаторов социалистического производства.

Исходя из этой теории В. Базаров видит основной порок социалистической революции в России в том, что отсталая земледельческая страна не прошла еще эту стадию социально-экономического развития. Поэтому необходимо все усилия сосредоточить

³⁰ Редакционная статья «Где выход» // Нов. жизнь. 1918. № 43, 16 марта.

³¹ Базаров В. Перспективы мировой социалистической революции // Нов. жизнь. 1918. № 37, февр.

³² Там же.

на преодолении интеллигентской болезни «идеологически» переосмыслить «через фактически не пройденные еще нашей страной стадии капиталистического развития»³³.

Согласно концепции социализма меньшевиков, в нашей стране необходимы были только буржуазно-демократические преобразования, а «социалистические эксперименты» Советской власти ведут страну назад, к полному разорению. В. Базаров решительно выступил против «социализации» как земли, так и решающих средств производства, ибо в России, по его мнению, нет сил, способных управлять общенародным достоянием. Более того, такие меньшевики, как В. Базаров и Н. Суханов, выступили не только против «рабочего контроля», но и против введения «учета и контроля» за распределением продукции, поскольку «нечего учитывать» ввиду крайнего расстройтва народного хозяйства³⁴.

Н. Суханов, особенно много писавший о «неподготовленности» России к «социалистическому перевороту», открыто выступил против сосредоточения решающих средств производства в руках рабочих коллективов, считая рабочий класс неспособным к управлению производством. Мероприятия Советской власти по налаживанию государственного контроля на национализированных предприятиях он называл «вынужденными мерами», имеющими ограниченное значение для восстановления разрушенного хозяйства³⁵. Только государственный капитализм, а не социалистическую организацию народного хозяйства рассматривали меньшевики в качестве базы социализма.

Это положение меньшевики обосновывали тем, что движение в общественном развитии возможно лишь «в точную меру роста» производительных сил. Они не допускали мысли о возможности опережения системы производственных отношений системы производительных сил, возможности сознательного переустройства общества на началах коллективизма с последующей перестройкой самих производительных сил. Так, А. Ю. Финн-Енотаевский писал, что производственные отношения могут только тормозить, но не направлять развитие производительных сил.

А. Ю. Финн-Енотаевский не видел диалектической связи между производительными силами и производственными отношениями. Занимая механическую позицию, он по существу отождествлял форму и содержание, отрицая активность формы. В вопросе о развитии производительных сил, о формах их движения он выступал как вульгарный механист. Влияние материальных производительных сил на общественные отношения людей в производстве материальных благ он рассматривал как «процесс столь же технический, сколь и экономический»³⁶.

³³ Базаров В. К годовщине революции // Нов. жизнь. 1918. № 40, 10 марта.

³⁴ Базаров В. К годовщине революции. Параллели и перспективы // Нов. жизнь. 1918. № 40, 10 марта.

³⁵ Суханов Н. По нужде перемены бывают // Нов. жизнь. 1918. № 70, 5 апр.

³⁶ Финн-Енотаевский А. Ю. Спорные вопросы теоретической экономики // Соц. хоз-во. 1930. № 1—2. С. 50.

Своди на нет роль производственных отношений как формы развития производительных сил, он отрицал, что производительные силы движутся в формах производственных отношений через борьбу классов. Для А. Ю. Финн-Енотаевского классы сменяют друг друга по мере роста производительных сил, как чисто механический или технический процесс. Провозглашая, что «решающим фактором в движении истории человечества было развитие производительных сил», он отрицал противоположности в движении производительных сил и производственных отношений, как формы развития производительных сил.

Не понимая диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений, А. Ю. Финн-Енотаевский «доказывал», что производственные отношения всегда отстают в своем развитии, что в принципе недопустимо «опережающее» развитие производственных отношений. Исходя из этого он не только отрицал социалистический характер Октябрьской революции, но и возможность социалистического строительства в нашей стране в силу недостаточного развития производительных сил в экономически отсталой России.

А. Ю. Финн-Енотаевский обосновывал буржуазный путь развития для России и считал, что высшей формой для советской системы хозяйства может быть только государственный капитализм. «Мы не видели бы особого несчастья в том, если бы у нас был чистый государственный капитализм под контролем советской власти. В истории бывает, — писал А. Ю. Финн-Енотаевский, — что ставший преждевременно у руля класс вынужден выполнять те экономические задачи, которые не успел или не смог выполнить его предшественник»³⁷.

Отрицая специфичность социально-экономической структуры советского хозяйства, А. Ю. Финн-Енотаевский отождествляет закономерности советского хозяйства с закономерностями капиталистического общества. Он рассматривает закон стоимости как «естественный» регулятор пропорций народного хозяйства при социализме, естественный в том смысле, что он свойствен всем эпохам, действует во всех формациях. При этом он ссылается на высказывание К. Маркса в «Капитале» о том, что определение стоимости при социализме будет определяющим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства и бухгалтерия этого становятся более существенными, чем когда-либо. А. Ю. Финн-Енотаевский писал, что это положение К. Маркса означает оставление в силе «естественного закона стоимости», «естественного» в смысле свойственности его всем эпохам, «действующего во всех общественных формациях, но проявляющегося лишь различно в них». Он утверждал, что даже в коммунистиче-

---

³⁷ Финн-Енотаевский А. Ю. Финансовый капитал и производительный. М., 1926. С. 23.

ском строе сохранится «обмен ценностей» на основе обмена эквивалентов, т. е. на основе действия закона стоимости³⁸.

На таких же позициях стоял и В. Базаров. Как и большинство мелкобуржуазных теоретиков, он отрицал социалистический характер экономики страны, отождествляя социалистический сектор народного хозяйства с государственным капитализмом. Товарный рынок, получивший усиленное развитие в результате нэпа, В. Базаров считал ведущим регулятором всей хозяйственной жизни страны³⁹.

В статье «К вопросу о хозяйственном плане», отмечая чрезвычайную сложность диалектического движения к социализму, В. Базаров выступал за полную совместимость вольного свободно-го рынка с государственным сектором народного хозяйства. Последний он отождествлял с государственным капитализмом. «Вольный» рынок, по утверждению В. Базарова, сыграл решающую роль в создании условий для планомерного развития всего народного хозяйства. Отмечая первые успехи нэпа, В. Базаров писал, что товарный рынок явился необходимой предпосылкой этих успехов, поскольку он, во-первых, «облегчил» восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и «личной ответственности за добросовестность труда»; во-вторых, чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование⁴⁰.

Сознательное планирование всего народного хозяйства страны В. Базаров считал недостижимым на данной ступени развития производительных сил. Централизованный учет затрат и результатов хозяйствования, который начал вводиться в народнохозяйственную практику и представлял собой приступ к планированию в масштабах всего народного хозяйства, В. А. Базаров отождествлял со «стихийным коллективным счетчиком». Он считал, что такой учет «совершенно недостаточен для цели планирования и регулирования»⁴¹. Более предпочтительным В. Базаров считал товарный рынок, как своего рода «индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия»⁴².

Преимущества товарного рынка В. Базаров видел в том, что рынок «создаст» хозяйственный расчет, который он отождествляет со стихийными капиталистическими методами ведения хозяйства. Поэтому переход к нэпу В. Базаров рассматривал как предпосылку внедрения этого «индивидуального счетчика», автоматически регистрирующего результаты хозяйственной деятельности.

³⁸ Финн-Енотавский А. Ю. Спорные вопросы теоретической экономики / Соц. хоз-во. 1930. № 1-2. С. 61-63.

³⁹ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане // Экон. обозрение. 1924. № 6. С. 10, 14.

⁴⁰ Там же. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² Там же.

Государственная промышленность на данном уровне ее развития, утверждал В. Базаров, нуждается в нэпе, как основной предпосылке своего нормального существования и развития; поэтому необходим «вольный», свободный рынок для успешного осуществления самих хозяйственных планов. «Государственный капитализм, — писал В. Базаров, имея в виду социалистический сектор экономики народного хозяйства, — нуждается в товарном рынке для успешного осуществления своих хозяйственных планов... В этом отношении между государственным и частным капитализмом нет принципиальной разницы»⁴³. Социалистический сектор советской экономики, по мнению В. Базарова, использует те же методы ведения хозяйства, что и частнохозяйственный капитализм. Наше народное хозяйство, утверждал он, «стоит на почве государственного капитализма и нэпа»⁴⁴, и весь вопрос в том, нужно ли ограничить плановый принцип теми рамками, в каких он практикуется капиталистическими странами, или необходимо планирование в более широком масштабе по отношению ко всему хозяйственному целому.

В. Базарову представлялась бесспорной та точка зрения, что единый хозяйственный план при системе государственного капитализма является «утопией». Поэтому регулирование отдельных отраслей и сторон государственного производства должно опираться на точный учет «фактически сложившейся и намечающейся на ближайшее будущее конъюнктуры»⁴⁵. Недостаток этой точки зрения В. Базаров видит лишь в том, что она не учитывает необходимости перспективного планирования, своего продуманного «восстановительного плана». Однако сам «восстановительный план», по его мнению, должен учитывать фактические диспропорции современного народного хозяйства и наметить меры к их устранению. В. Базаров вместе с тем считал невозможным обойтись без товарного рынка, полагая, что «восстановительный план должен доказать не только свою техническую, но и свою экономическую рациональность», другими словами, должен доказать, что «предложенная им продукция различных отраслей при данных ее размерах и данной себестоимости будет соответствовать структуре рынка»⁴⁶.

Таким образом, конечным показателем эффективности «восстановительного плана» В. Базаров считал структуру рынка, под которым он имел в виду чисто капиталистические методы ведения хозяйства.

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 11.

⁴⁶ Там же. С. 14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрели основные идейно-политические и методологические направления экономической мысли 20-х годов по вопросам социализма. Анализ показывает, что эти направления формировались в ходе идейной борьбы, отражавшей процессы становления и развития социалистической экономики, сложности и трудности на путях этого развития. Основные течения не просто взаимодействовали между собой, но и эволюционировали по мере усложнения факторов экономического развития, тесного переплетения старого и нового, отходящего в прошлое и нарождавшегося вновь. Так было на протяжении всего рассматриваемого периода.

Главный вывод из проведенного анализа состоит в том, что уроки прошлого не проходят бесследно. Мы не можем не видеть историческую преемственность между дискуссиями 20-х годов и современным этапом непримиримой теоретической полемики, в которой явно обнаруживаются те же по существу проблемы, те же постановки этих проблем, как будто и не было 30—70-х годов, которые мы можем квалифицировать как годы контрреволюционных процессов и длительного застоя в области социально-экономического развития и самой общественно-экономической мысли. Возрождение самого «духа» и содержания дискуссий 20-х годов в современных условиях есть по существу новый Ренессанс — так же, как и в начальный период истории построения социализма.

Сравнение 20-х годов и современного периода с эпохой Ренессанса ничуть не преувеличено. Действительно, самый «дух», самый пафос идейной борьбы в те далекие годы и в наши дни достигают такой высоты, такого коренного перелома в жизни и в науке, во всем укладе общественного самосознания и культуры, во всех сферах идеологии и политики, что эти «эпохи» в истории мира представляются как подлинный Ренессанс. Мы можем гордиться тем, что дожили до подлинной идеологической революции. Революция «сверху» неминуемо должна перерасти в настоящую социальную революцию, необратимость которой все яснее осознают самые широкие круги нашего общества.

Социальная революция — не единовременный акт, а процесс глубоких социалистических преобразований, ломающих все сложившиеся стереотипы в организации и функционировании общественных институтов, форм и методов хозяйствования, направленности и ценностных ориентаций социально-экономического

развития. На пути социальной революции возможны взлеты и падения, периоды застоя и контрреволюционных процессов, пятных движений и т. д. Слишком еще сильны силы торможения, сложившиеся консервативные социальные институты, целые классы разноправленных интересов, особенно в среднем звене партийно-хозяйственного руководства, привыкшего к своим социальным и экономическим привилегиям и сознательно препятствующего всем коренным изменениям и преобразованиям, ведущего активную борьбу против революционного обновления социализма.

Своей главной задачей социальная революция как раз и ставит уничтожение всех форм социального неравенства в нашей стране и установления подлинной социальной справедливости как в экономической, так и в политической сфере общественной жизни. Предпосылкой подобной революционной перестройки является расширение общественного сознания, сосредоточение всех активных интеллектуальных и духовных сил общества на разработке подлинно научной и действенной социально-политической и экономической программы коренных преобразований в интересах всего народа, а не отдельных социальных и политических групп и объединений. По нашему глубокому убеждению, подобная программа должна строиться на общей платформе социалистического мировоззрения, являющегося самым революционным мировоззрением современности, для чего необходимо его очищение от всех и всяческих наслоений периода «режима личной власти» и последующего глубокого застоя нашего общества, возводившего культ насилия и личного обогащения в норму общественной жизни.

Социалистическое мировоззрение должно стать подлинно социалистическим, свободным от пропаганды всяких «культов» и «культиков», кроме одного действительно социалистического культа — культа живой человеческой личности как подлинной самооценности и как верховной «цели в себе», как исключительно богатой и единственно возможной самоцели исторического творчества. Обновленное социалистическое сознание должно вобрать в себя не только все новейшие достижения обществоведческой науки и культуры, но и реальные исторические ценности нашей философской традиции, общепризнанные всей мировой культурой и направляющие общественное сознание на возрождение русской социологической и философской школы, которая связана с трудами выдающихся мыслителей прошлых поколений (В. Соловьева, Н. Федорова, Н. К. Михайловского, П. Лаврова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Бердяева, С. Булгакова и многих других, о которых мы писали, — А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова, М. И. Туган-Барановского и др.). Великие философские и идейные традиции русской общественно-исторической школы, питающей ныне мировую общественную мысль, должны быть ассимилированы современным социалистическим мировоззрением, ибо оно, будучи самым гуманистическим по своему призванию, не может не принять тот осознанный гуманизм, которым пропитана русская философская и политико-экономическая школа. Возвыше-

ние идеи нравственного обновления нашего общества как нельзя лучше отвечает заветам русских мыслителей, а потому и социалистическое учение должно вобрать в себя нравственно-этические учения этих мыслителей.

Политическая экономия социализма, возродив нравственные основы социально-экономических исследований, должна стать активным борцом против бездуховности, буквально разъедающей современную социальную и экономическую науку и служащую главным тормозом на пути социалистического обновления нашего общества. Бездуховность — это не только моральное зло, но и главная опора всех сил торможения на пути перестройки, и она должна быть преодолена в процессе идейной борьбы в современном мире.

Нравственность и экономика — это не взаимоисключающие, а взаимно дополняющие понятия. Вся история идейной борьбы в 20-е годы свидетельствует о том, что советские экономисты разных направлений стремились именно отыскать нравственные основы социалистической ориентации, даже когда защищали необходимость всемерного использования товарно-денежных отношений и обеспечения свободы хозяйственной деятельности. Даже те учения, которые отстаивали некоторые буржуазные ученые (А. А. Мануйлов, М. И. Туган-Барановский, и др.), не могли не говорить о таких проблемах, как обеспечение свободы потребительского выбора, социальные основы товарищеских коопераций и т. п., что весьма созвучно современным исканиям рациональных форм ведения хозяйства, высшим принципом которого является социальная свобода личности.

Подлинный идеал социалистических учений — создание условий для свободного и полного развития человека, его производительных способностей. Для этого необходимо создать такие социально-экономические условия, которые свели бы к минимуму все социальные ограничения, налагаемые на целесообразное поведение человека. Социальная свобода есть подлинный признак социалистичности хозяйственного устройства, который отнюдь не противостоит, а, наоборот, способствует росту его эффективности. Социалистическая организация общества содержит потенциальные возможности роста социально-экономической эффективности, осуществимой лишь в условиях социальной свободы.

Создание основ теории оптимального функционирования экономики (теории СОФЭ) обогатило политическую экономию принципиально новым содержанием — она включила в орбиту своего анализа коренные принципы рационального ведения хозяйства, когда главным является не простое описание того, что есть, но и научное предвидение того, что должно быть; описательство и комментаторство текущих хозяйственных решений было заменено конструктивной постановкой проблем совершенствования планирования новых форм организации социалистического хозяйства, которые должны прийти на смену существующим формам в аспекте «объективно должного», т. е. закономерно вырастающего

нового социально-экономического строя. Резкое усиление нормативного характера политэкономических исследований было бы невозможным без разработки того научного инструментария, тех методов и подходов, которые сформировались в рамках СОФЭ. Эта теория поставила перед политической экономией социализма проблему коренной перестройки всех форм планирования и совершенствования хозяйственного руководства на основе новых методов анализа и прогнозирования, разработки научной теории сравнения плановых вариантов, разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию самих производственных отношений.

Именно теория СОФЭ обогатила политическую экономию социализма принципиально новым содержанием, не только перевела на научную почву решение конкретных хозяйственных проблем (таких, как разработка научных основ совершенствования ценообразования, расчеты эффективности капитальных вложений, оптимизации темпов и пропорций народного хозяйства и т. п.), но и прямо поставила во главу угла главную проблему политической экономии — включение в ее орбиту «человеческого фактора» во всем богатстве его социально-экономического содержания. Выдвигая проблему человеческой личности как главного содержания обществоведения и политической экономии, теория СОФЭ рекомендовала политэкономам всерьез заняться своим непосредственным объектом исследования, который был начисто изгнан из солидных и многотомных «курсов», заполненных грудой не относящихся к политической экономии проблем. Активизация человеческого фактора потребовала от политэкономов прямого ответа на вопросы: какие производственные отношения наиболее соответствуют человеческой природе как самоцели общественного развития; какие «действия» нужно произвести, чтобы реализовать коренные преимущества социализма, где человек должен стать центром всех экономических и социальных связей; и наконец, в чем именно состоит социально-регулятивная функция экономических категорий и законов, составляющих содержание политической экономии социализма?

Естественно, что современная политическая экономия оказалась не в состоянии дать научный ответ на эти жгучие проблемы современности. Даже в условиях ясной постановки проблем революционного обновления социалистического строя она по-прежнему рассматривает человека не в аспекте нормативно-обязательного подхода как единственно возможного способа выяснить вопрос о том, какие социально-экономические отношения в наибольшей мере отвечают необходимости совершенствования его природы, а ограничивается простым комментаторством принятых решений по перестройке отдельных форм хозяйственного управления, так сказать, «приукрашиванием» существующей экономической реальности.

Естественно, что проблемы человека и его природы, места человека в системе социальных отношений и в области культуры и этики должны изучаться в едином комплексе всеми обществен-

ными науками, а не только как проблемы «экономического человека» с его материальными интересами. Но все дело в том, что нынешняя политическая экономия оказалась не в состоянии не только проанализировать место человека в социально-классовой структуре современного общества, но и вообще понять социальный приоритет общечеловеческих ценностей, имеющих прямое отношение к политической экономии. Задача обеспечения духовных приоритетов при исследовании системы социально-экономических отношений до сих пор в политической экономии даже не ставится, несмотря на то что в теории СОФЭ эта проблема уже почти решена. Речь идет о том, что человеческая личность в теории СОФЭ рассматривается как общий стержень всей системы рационального экономического поведения — с точки зрения праксологических основ такого поведения, которые превращают человека из «винтика» хозяйственного механизма в действующий фактор экономической активности.

Естественно, что с такой точки зрения легче подойти и к вопросам совершенствования системы производственных отношений: они рассматриваются не просто как условие или предпосылка для организации рациональной хозяйственной деятельности, а как «внутренняя система мотивации», регулирующая экономическое поведение. Как ни странно, система ценностей и мотиваций экономических действий до сих пор изучается не в политической экономии социализма, а только теорией СОФЭ, которую некоторые горячие головы хотят «отделить» от конструктивной политической экономии, относя на задворки экономической науки сами проблемы рационального хозяйствования. Эти горячие головы считают СОФЭ одной из частных наук о планировании, забывая о том, что оптимальное функционирование экономики — не частная проблема, а главное содержание политической экономии социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	8
Часть первая	
СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА	21
Глава первая	
Марксизм-ленинизм — главное направление экономической мысли в переходный период от капитализма к социализму	21
Глава вторая	
Защита и развитие В. И. Лениным теории и программы социали- стической революции	39
1. В. И. Ленин о закономерности замены капитализма социализмом. Обоснование необходимости социалистической революции	39
2. Ленинская программа социалистической революции	44
Глава третья	
Защита и развитие В. И. Лениным марксистского учения о социали- зме. Ленинский план построения социализма в СССР	50
1. В. И. Ленин о цели и сущности социалистического хозяйства	50
2. Ленинский план построения социализма в СССР	58
3. В. И. Ленин об использовании товарно-денежных отношений. Ленинские принципы социалистического хозяйствования	67
Глава четвертая	
Вопросы организации и регулирования социалистического хозяй- ства в работах А. А. Богданова	80
1. Методологические основы экономической теории А. А. Богда- нова	80
2. Всеобщая организационная наука и экономическая теория	100
3. Вопросы организации социалистического хозяйства и его регу- лирования	114
Глава пятая	
Экономическая теория социализма Н. И. Бухарина	132
1. Методологические основы экономической теории Н. И. Буха- рина	132
2. Вопрос об альтернативных возможностях построения социали- зма	151
Глава шестая	
Пути и формы социалистических преобразований в работах А. В. Чаянова	171

1. Социалистический идеал и природа крестьянского хозяйства	171
2. Формы хозяйственного учета в социалистическом государстве	184
Глава седьмая	
Теория советского хозяйства и политическая экономия социализма	197
1. Вопрос о характере экономических законов и регуляторов советского хозяйства	197
2. Соотношение теории советского хозяйства и политической экономии социализма	212
Часть вторая	
НЕМАРКСИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗМА	233
Глава восьмая	
Основные направления буржуазного социализма	233
Глава девятая	
Экономическая модель социализма М. И. Туган-Барановского	261
1. Методологические основы экономической теории М. И. Туган-Барановского	261
2. Вопросы организации, цели и сущности социализма	271
3. Социальные проблемы кооперации	283
Глава десятая	
Основные направления мелкобуржуазного социализма	288
Заключение	305

Научное издание

НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧ ШУХОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА

в 20-е годы

Заведующая редакцией В. С. БАКОВЕЦКАЯ

Редактор издательства Т. Е. ФИЛИППОВА

Художник Б. М. РЯБЫШЕВ

Художественный редактор М. Д. БОГЛЧЕВ

Технические редакторы Н. П. КУЗНЕЦОВА, Н. Н. ПЛОХОВА

Корректоры Т. П. ВДОВ, Р. В. МОЛОКАНОВА

ИБ № 46569

Сдано в набор 10.09.90

Подписано к печати 29.11.90

Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр. отт. 19,63. Уч.-над. л. 23,0

Тираж 3.000 экз. Тип. зак. 694

Цена 8 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

8 руб.